ИСТОРИЧЕСКІЯ
МОНОГРАФІИ
и
ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА
ВЪ НАЧАЛѢ XVII СТОЛѢТІЯ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

МОСКОВСКОЕ РАЗОРЕНЬЕ.

Изданіе **Д. Е. Кожанчикова.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи К. Вульфа. Литейный пр., д. Зыбиной, № 60.
1868.

ИСТОРИЧЕСКІЯ
МОНОГРАФІИ
и
ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи К. Вульфа. Литейный пр., д. Зыбиной, № 60.
1868.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА

ВЪ НАЧАЛѢ XVII СТОЛѢТІЯ.

Сочиненіе **Н. И. КОСТОМАРОВА.**

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

МОСКОВСКОЕ РАЗОРЕНЬЕ.

Изданіе **Д. Е. Кожанчикова.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи К. Вульфа. Литейный пр., д. Зыбиной, № 60.
1868.

Экз. деф. Нет стр. 275-278

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКОВСКОЕ РАЗОРЕНЬЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Грамата временнаго правительства.—Партіи.—Прибытіе Жолкѣвскаго подъ Москву. — Совѣщанія.—Договоръ объ избраніи Владислава на царство.

Царя Василія Шуйскаго низвели съ престола.

Отъ временнаго правительства, во главѣ котораго былъ Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, издана окружная грамата, именемъ всѣхъ сословій Московскаго государства. Въ ней извѣщали о перемѣнѣ правленія; сказано было, что Шуйскаго не любятъ жители украинныхъ городовъ, не обращаются къ нему и не хотятъ служить ему; изъ-за него въ русской землѣ междоусобія, христіанская кровь льется, возсталъ отецъ на сына, сынъ на отца, братъ на брата; враги иноземные терзаютъ государство; король стоитъ подъ Смоленскомъ, воръ подъ Москвою въ Коломенскомъ. Русскіе люди приглашались цѣловать взаимно другъ съ другомъ крестъ на томъ, чтобы защищать свою землю; изъ городовъ слѣдовало прислать въ Москву выборныхъ людей, по человѣку отъ каждаго чина для совѣта. Что касается до будущаго постояннаго правительства, то

указывалось выбрать въ государи всей земли того, кого Богъ дастъ, безъ опредѣленія заранѣе лица *). Нельзя уже было основываться на правѣ наслѣдственномъ: оно было попрано въ лицѣ Шуйскаго. Оставалось право избранія. Имѣли въ виду Владислава; но не смѣли еще назвать его, пока не сойдутся съ поляками.

Между тѣмъ, съ Жолкѣвскимъ велись тайно сношенія. Тотчасъ послѣ взятія Царева-Займища, онъ отправилъ въ Москву смольнянина Өедора Сушелина съ товарищи, съ договоромъ, заключеннымъ въ Царевѣ-Займищѣ, и съ королевскимъ письмомъ. Это было еще до низверженія Шуйскаго. Въ письмѣ своемъ онъ старался очернить царя Василія Шуйскаго и указывалъ на его неспособность. Мстиславскій, посовѣтовавшись съ дворянами, послалъ къ Жолкѣвскому одиннадцать дворянъ Смоленской земли съ грамотой. Въ ней бояре замѣчали, что въ королевскомъ письмѣ не давалось обѣщанія, чтобы Владиславъ крестился въ православную вѣру. Изворотливый Жолкѣвскій тотчасъ же написалъ имъ такой отвѣтъ: «Вѣдь вы видѣли въ письмѣ господаря его милости короля, съ приложеніемъ его руки и печати, что господарь его милость король и господарь его милость королевичъ Владиславъ не нарушатъ вашей православной вѣры греческаго закона и желаютъ сохранять московскіе обычаи ненарушимо, а крещеніе королевича Владислава въ русскую вѣру—дѣло духовное, патріаршее.» Впрочемъ, не ставя избранія Владислава главнымъ дѣломъ, Жолкѣвскій писалъ, что идетъ защищать Москву отъ вора, что король, по своему христіанскому состраданію, хочетъ только укротить междоусобіе и остановить кровопролитіе въ сосѣдней странѣ.

На такое заявленіе ему написали, что въ Москвѣ не тре-

---

*) Собр. госуд. грам. II, 389.

буютъ помощи, и просили не приближаться къ столицѣ. Жолкѣвскій не обратилъ вниманія на это, шелъ далѣе воинственнымъ образомъ, и явно давалъ понялъ, что если Москва не принесетъ покорности, благовиднымъ образомъ прося защиты и помощи отъ польскаго войска, то онъ станетъ поступать съ нею по-непріятельски. Сопротивленіе Жолкѣвскому могло только дать временной перевѣсъ вору. Его партія, повидимому, убитая, легко могла возстать и усилиться, именно теперь, когда царя не было, когда правили бояре, и всѣ ожидали поляковъ. Бояре и знатные люди видѣли свою погибель, если бы воръ взялъ верхъ, хотя бы ненадолго. Съ этимъ царемъ черни, голытьбы,—боярамъ, окольничьимъ, дворянамъ, гостямъ, всему, что стояло выше другихъ и по породѣ, и по богатству, и по управленію, пришлось бы худо. Конечно, при такой бѣдѣ оставалось боярамъ лучше отдаться полякамъ; по крайней мѣрѣ быть подъ властью иноземнаго принца все же лучше, чѣмъ подъ властью обманщика, и, еще хуже, сдѣлаться жертвою черни. Притомъ же отъ поляковъ все-таки не было бы избавленія. Опираясь на то, что московскіе люди такъ или иначе, а уже изъявили, волею и неволею, желаніе посадить на царство Владислава, поляки не пропустили бы случая овладѣть московскимъ краемъ. Московское государство продолжало бы обливаться кровью. Калужскій воръ могъ имѣть временной успѣхъ, пагубный для знатныхъ людей, но онъ не могъ долго держаться; все-таки, въ концѣ концовъ, Польша покорила бы Московское государство. Нѣкоторые, по старой злобѣ на поляковъ, предлагали обратиться къ шведамъ и избрать на московскій престолъ шведскаго королевича; но эта партія не могла быть въ русской землѣ сильною: шведы были лютеране; въ глазахъ многихъ, они были еще ненавистнѣе для православія, чѣмъ католики; шведы недавно подъ Клушинымъ дурно оправ-

дали надежду на союзъ съ ними и на помощь отъ нихъ; наконецъ, что важнѣе, шведы были далеко, а поляки и Калужскій воръ стоять близко отъ Москвы, и шведы не могли бы спасти столицы. Другіе говорили объ избраніи царя изъ русскихъ родовъ; иные указывали на князя Голицына, иные на Романова. Мстиславскій, казалось, болѣе другихъ имѣлъ права, но онъ мало того, что отказывался отъ престола самъ, да еще порицалъ вообще избраніе царя изъ русскихъ; онъ былъ изъ такихъ, которые боялись, чтобы внезапное возвышеніе одного рода надъ другими не возбудило междоусобія и зависти между родами; лучше, казалось ему, выбрать государя изъ иностранныхъ царствующихъ родовъ. Невелико было число такихъ, что готовы были возвратить престолъ Шуйскому, но на это соглашался, однако, по отвращенію къ иноземщинѣ, самъ патріархъ Гермогенъ; это показываютъ писанныя имъ уже послѣ того граматы, гдѣ онъ увѣщевалъ признать снова царемъ сверженнаго Василія, а если уже нельзя было возвратить вѣнецъ Шуйскому, патріархъ все-таки былъ за то, чтобы его отдать не иноземцу, а своему православному, и склонялся болѣе всего къ избранію въ такомъ случаѣ Василія Голицына. Но противъ мысли объ избраніи царя изъ туземныхъ родовъ сильно говорили обстоятельства: прежде, чѣмъ успѣютъ въ Москвѣ собраться на дѣло избранія, Жолкѣвскій будетъ подъ столицею. Москвѣ, какъ говоритъ пословица, было—куда ни кинь, все клинъ. Неизбѣжно приходилось избирать польскаго королевича.

Въ такихъ обстоятельствахъ, Мстиславскій собралъ бояръ и дворянъ за городъ, и началъ представлять необходимость вручить корону Владиславу, но съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ греческую вѣру, а потому послать къ Жолкѣвскому и просить его скорѣе пособить противъ вора. Одни изъ угрожавшихъ Москвѣ враговъ дѣлались ей союзниками и могли из-

бавить ее отъ другихъ враговъ: это уже была выгода. Жолкѣвскій подходилъ.

За милю отъ Москвы, на Сѣтуни, 23 іюля утромъ, остановилось польское войско: передовой отрядъ приблизился къ окраинѣ города. Русскіе думали было, что это отрядъ изъ войска вора пробирается на другую сторону города, и начали стрѣлять, но скоро убѣдились, что это не тѣ поляки, что служатъ вору, а другіе, которыхъ звала сторона Мстиславскаго. Тогда изъ польскаго отряда вышли впередъ русскіе; ихъ сейчасъ узнали соотечественники по одеждамъ; то были: Иванъ Салтыковъ, Валуевъ, сдавшійся въ Царевѣ-Займищѣ, Мосальскій и другіе. Когда они подошли къ московскимъ людямъ и начали по русскому обычаю цѣловаться, то поляки замѣтили, что они плакали. Но ихъ нѣжныя изліянія прервала тревога въ Москвѣ: съ той стороны, гдѣ стоялъ воръ, поднялся пожарный дымъ: загорѣлся кирпичный заводъ; его зажгли сапѣжинцы; пожаръ распространился по предмѣстью, и подъ такую суматоху воровское войско шло на приступъ къ столицѣ. Мстиславскій обратилъ силы противъ этого нападенія, которое, казалось, было сдѣлано съ разсчетомъ на то, что Жолкѣвскій, хотя и не для однѣхъ цѣлей, а будетъ невольно оказывать помощь вору, и хотя и во имя Владислава, а все-таки нападетъ на Москву, на которую нападаетъ воръ. Самъ Мстиславскій пришелъ въ недоумѣніе и послалъ къ Жолкѣвскому сына боярскаго, Ѳедора Телушкина, вывѣдать: чѣмъ гетманъ пришелъ для Москвы — другомъ, или врагомъ?

«Князь — говорилъ Телушкинъ—готовъ согласиться съ тобою, панъ гетманъ, но вотъ воровы люди подступили подъ Москву; если ты пришелъ съ добрымъ дѣломъ, то помоги противъ вора, или пошли сказать пану Сапѣгѣ, чтобы онъ пересталъ наѣзжать на Москву и жечь ее; по крайно-

сти, когда мы станемъ отбиваться отъ воровъ, королевское войско пусть не дѣлаетъ намъ помѣхи».

Жолкѣвскій отвѣчалъ: «Я пошлю сейчасъ къ Сапѣгѣ приказъ, чтобы онъ не нападалъ на Москву, но помощи не дамъ, пока не окончится доброе дѣло въ пользу моего короля, а послѣ того я со всѣмъ моимъ войскомъ буду оберегать Москву и отъ вора, и отъ всякаго другого непріятеля».

Салтыковъ, находившійся при гетманѣ, съ его дозволенія отправился съ своими московскими людьми оборонять столицу противъ вора *).

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда Телушкина, прибыли къ гетману посланцы отъ вора, нѣкто Янишевскій съ товарищи; они привезли письмо къ гетману отъ Сапѣги. Просили не мѣшать имъ, Димитріевымъ людямъ, и запретить своему войску зачинать несогласія съ ними.

«Я—сказалъ гетманъ—прикажу своимъ стоять спокойно и не подавать повода къ ссорамъ».

Послы объявили, что Димитрій посылаетъ ихъ къ королю, и просили у гетмана пропуска. Они показали ему запись, которую давалъ Димитрій королю, гдѣ предлагалъ разныя выгоды Рѣчи Посполитой и уступалъ Сѣверскую землю, но выражался объ этомъ двусмысленно.

— Это ко мнѣ не относится, сказалъ гетманъ, но я думаю, что о Сѣверской землѣ написано не такъ, какъ слѣдовало бы.

— Димитрій, сказали послы, хочетъ прислать вашей милости поминки.

— Я, сказалъ гетманъ, не имѣю на то порученія отъ его величества, не могу ни принять его поминковъ, ни слушать его посольства, а съ Сапѣгою радъ снестись **).

*) Рук. И. П Б. Hist. Pol. 31.
**) Bibl. Kras. B. 1, 6.

Жолкѣвскій понялъ, что воръ не нуженъ Польшѣ, но ему хотѣлось, чтобы между королевскимъ войскомъ и полками, служившими у вора, не дошло до открытой вражды на глазахъ московскихъ людей. Поэтому онъ писалъ къ королю, и просилъ обойтись милостиво съ посланцами вора и польскаго войска.

На другой день явился опять отъ Мстиславскаго посланецъ съ письмомъ. Жолкѣвскій сообразилъ, что время дорого и надо дѣйствовать рѣшительно. Онъ отвѣчалъ:

«Сноситься письмами на время; пойдетъ письмо за письмомъ, на письма отвѣты, на отвѣты опять письма,—и конца этому не будетъ; пусть лучше съѣзжаются съ нами бояре на переговоры».

Послѣ этого снова пріѣхалъ посланецъ изъ Москвы, сынъ боярскій, Богданъ Глѣбовъ, съ извѣстіемъ, что бояре желаютъ сойтись съ гетманомъ и вступить въ переговоры, и просятъ назначить часъ. Жолкѣвскій назначилъ для взаимныхъ переговоровъ третій часъ послѣ солнечнаго восхода, 25-го іюля, на большой дорогѣ, противъ Дѣвичьяго-монастыря. Мстиславскій, получивъ это извѣстіе, прислалъ вечеромъ гетману на гостинецъ вишень и превосходныхъ арбузовъ *).

Въ назначенный часъ было первое совѣщаніе, въ разбитомъ для того нарочно, по московскому обычаю, шатрѣ. Съ Московской стороны избраны: князь Иванъ Троекуровъ съ тремя товарищами, а съ польской — двое пановъ, Балабанъ и Домарацкій, львовскій подстолій, и трое московскихъ людей, передавшихся прежде полякамъ: Иванъ Салтыковъ, князь Юрій Хворостининъ, уже пожалованный Сигизмундомъ въ воеводы рославскіе, и Валуевъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, Домарацкій сказалъ такъ:

---

*) Bibl. Kras. B. 1, 6.

«Московское государство просило его величество короля оказать ему въ бѣдахъ помощь; теперь настало время исполнить ваше желаніе; не трудно вамъ получить милость его величества, о которой вы умоляли».

Домарацкій ни слова не говорилъ о Владиславѣ.

Московскіе уполномоченные говорили: «Все московское государство только и желаетъ, чтобы имѣть государемъ королевича Владислава, и надѣется, что подъ его правленіемъ снова наступитъ золотое время для московскаго края... но съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ православную вѣру греческаго закона».

Поляки слишкомъ считали себя побѣдителями и завоевателями и недружелюбно принимали вообще предложенія условій. Домарацкій замѣтилъ, что это надобно предоставить самому королевичу—невозможно насиліемъ заставить его отрекаться отъ римско-католической вѣры!

Бояре рѣшительно повторили, что королевичъ не можетъ быть царемъ, если не приметъ греческой вѣры.

Домарацкій, чтобы не довести до ссоры на первый же разъ, сказалъ, что объ этомъ надобно поговорить главнымъ боярамъ съ самимъ гетманомъ. Балабанъ былъ самъ греческой вѣры, и увѣрялъ ихъ, что святая вѣра не будетъ нарушена. Его голосъ тогда успокоивалъ московскихъ людей и располагалъ къ согласію *).

Во время переговоровъ издали стояла большая толпа московскихъ дворянъ; когда совѣщатели стали расходиться, подошли они и объявили громогласно: «Мы всѣ желаемъ, чтобы царемъ нашимъ былъ Владиславъ, и надѣемся, что въ Московскомъ государствѣ водворится тишина и благоденственное житіе. Но только нашъ новый царь непремѣнно долженъ быть греческой восточной вѣры».

---

*) Bibl. Kr. B. 1, 6.

5-го августа былъ съѣздъ у Мстиславскаго и его товарищей съ Жолкѣвскимъ. Дьякъ Василій Телепневъ принесъ изготовленный договоръ, свитый въ трубку, и сталъ читать. Гетманъ и паны возражали на нѣкоторыя статьи, говорили, что не имѣютъ на то королевскаго приказа. Потомъ съѣзжались въ слѣдующіе дни, но на этихъ съѣздахъ не могли столковаться. Русскіе настаивали, что Владиславъ долженъ принять греческую вѣру. Поляки указывали на договоръ, заключенный Салтыковымъ еще прежде съ королемъ Сигизмундомъ: тамъ того не было; но этотъ договоръ не могъ имѣть теперь силы, когда его заключали люди, никѣмъ не уполномоченные и не имѣвшіе той верховной власти, съ какой выступали теперь бояре. Патріархъ Гермогенъ, съ которымъ бояре совѣтовались, говорилъ такъ: «Пусть будетъ королевичъ царемъ, если оставитъ латинскую ересь и приметъ христіанскую истинную вѣру греческаго закона, а если не такъ, то мы не только не благословляемъ васъ, а еще наложимъ на васъ клятву». Сообразно этому поученію архипастыря, бояре говорили Жолкѣвскому одно и то же, и три недѣли не могли съ нимъ сладить. Жолкѣвскій не соглашался поставить это обстоятельство непремѣннымъ условіемъ избранія Владислава. «Если королевичъ будетъ царемъ и по совѣсти будетъ имѣть желаніе, и польза государства того потребуетъ, то онъ можетъ тогда перемѣнить вѣру; иначе нельзя насиловать совѣсть!» Такъ говорилъ Жолкѣвскій. Бояре же, заботясь о цѣлости вѣры, хотѣли, сверхъ того, поставить условіемъ, чтобы, принявши греческую вѣру, Владиславъ женился на русской, не сносился съ папою о вѣрѣ и установилъ смертную казнь всякому, кто перейдетъ изъ православія въ латинство: послѣднее было предупрежденіемъ іезуитской пропаганды, которая неизбѣжно ворвалась бы въ Московскую землю. Съ этою цѣлью русскіе хотѣли еще,

чтобы Владиславъ, пріѣхавши въ Россію, не допускалъ къ себѣ поляковъ, и чтобы при немъ не было болѣе трехъ сотъ человѣкъ пріѣзжей свиты. Съ терпѣніемъ и хладнокровіемъ переносилъ все Жолкѣвскій, не сердился, не выходилъ изъ себя, когда москвичи являлись на совѣщанія съ какими-нибудь отмѣнами или добавками противъ того, на чемъ сходились съ поляками на предшествовавшемъ совѣщаніи. Жолкѣвскій только не уступалъ имъ, и въ письмахъ своихъ къ королю жаловался, какъ тяжело вести дѣла съ такимъ упрямымъ и хитрымъ народомъ. «Изъ всего видно— писалъ король Жолѣвскому—что этотъ народъ хочетъ насъ надуть; онъ ведетъ себя не такъ, какъ то прилично въ его положеніи, не такъ, какъ народъ утѣсненный несчастіями, а какъ будто совершенно свободный народъ предлагаетъ намъ такія условія, какія считаетъ для себя выгоднѣйшими. Это совсѣмъ не то, что было подъ Смоленскомъ условлено. Намъ важно дозволеніе строить костелы въ ихъ государствѣ, и это мы уже выговорили прежде. Будьте осторожны, не дайте провести себя, и если ничего не сдѣлаете убѣжденіемъ съ тѣми, которые себѣ самимъ, или другимъ, мимо насъ, желаютъ государствованія, то придется дѣйствовать силою и быстротою».

Кромѣ вопроса религіознаго, споръ долго шелъ по вопросу о власти въ пограничныхъ городахахъ. Жолкѣвскій настаивалъ, чтобы тамъ были польскіе начальники и гарнизоны. Это казалось нужнымъ, чтобы поляки могли владѣть московскимъ государствомъ. Но москвичи упорствовали. Причиною упорства въ этомъ случаѣ былъ также и страхъ за вотчины и помѣстья, которыя были въ уѣздахъ, подчиненныхъ тѣмъ городамъ, гдѣ должны быть поляки, и кромѣ того боязнь, что такимъ образомъ иноземцамъ будутъ доставаться выгодныя мѣста, въ ущербъ московскимъ служилымъ людямъ, которые бы могли съ этихъ мѣстъ кор-

мится. Нѣсколько разъ писали и переправляли статью объ этомъ предметѣ. То гетманъ составитъ—Москва не принимаетъ; то Москва предложитъ свое — гетманъ не хочетъ. Гетманъ писалъ объ этомъ королю и просилъ обсудить, можно ли сдѣлать москвичамъ въ этомъ уступку. Послѣ нѣсколькихъ дней споровъ объ этомъ вопросѣ, 10 августа явилось къ Жолкѣвскому человѣкъ пятьсотъ: впереди былъ князь Черкасскій, и онъ держалъ рѣчь къ гетману: «Подъ Смоленскомъ король обѣщалъ намъ, что вотчины и помѣстья наши будутъ за нами свободны. Какъ же они будутъ свободны, когда чужой въ городѣ будетъ?» Тутъ прибылъ къ гетману съ письмами отъ короля и подканцлера Андроновъ; изъ этихъ писемъ гетманъ увидалъ, что королевское правительство расположено къ уступкѣ, соображая, что иначе пришлось бы дѣйствовать оружіемъ, а войска недостаточно, и Смоленскъ еще не взятъ. Тогда гетманъ сказалъ москвичамъ:

«Хорошо; будетъ по вашему, только уже больше отнюдь ничего не измѣняйте и не прибавляйте!»

Такъ, въ этотъ день, повидимому, все было покончено но когда князь Черкасскій съ своими товарищам воротился въ Москву и сказалъ патріарху, Гермогенъ и за нимъ духовные стали упорно требовать крещенія Владислава. Тогда произошла такая сумятица, что, какъ расказывали потомъ Жолкѣвскому москвичи, — патріарха обругали, а его поповъ чуть не прибили: тѣмъ только они и спаслись, что ушли въ церковь». Настойчивость Гермогена, однако, продлила переговоры. 13 августа, явился къ Жолкѣвскому дьякъ Телепневъ и сталъ требовать крещенія Владислава и отступленія отъ Смоленска. Жолкѣвскій уперся и объявилъ, что болѣе не дозволитъ ни малѣйшей перемѣны, ни добавки, и не станетъ входить въ переговоры, потому что

все уже покончено *). Прошло еще дня три. Москвичи, побуждаемые Гермогеномъ, все еще домогались своего; гетманъ былъ нѣмъ и глухъ къ ихъ домогательствамъ, но далъ замѣтить, что если они не согласятся и станутъ протягивать время напрасно, то польскій военачальникъ долженъ будетъ прибѣгнуть къ силѣ, чтобы покончить дѣло. Упорствовать далѣе нельзя было; мѣряться силою съ Жолкѣвскимъ Москва не могла, особенно когда на другой сторонѣ стояло полчище вора, которое очень легко могло дѣйствовать вмѣстѣ съ войскомъ Жолкѣвскаго. Но и Жолкѣвскій нуждался въ скорѣйшемъ окончаніи дѣла. Уже оставалось только пять недѣль до истеченія четверти жалованья войску. Гетманъ созвалъ къ себѣ ротмистровъ и спросилъ ихъ, будутъ ли они служить, если бы послѣдовали на нѣкоторое время задержки въ уплатѣ слѣдующихъ денегъ. Ротмистры, посовѣтовавшись съ товарищами въ собранномъ колѣ, извѣстили гетмана, что не намѣрены служить безъ жалованья. Тогда Жолкѣвскій увидѣлъ, что хотя москвичи въ такомъ положеніи, что должны, такъ или иначе, уступить польскому военачальнику, но и польскій военачальникъ, съ своей стороны, долженъ немного быть уступчивымъ, чтобы скорѣе покончить дѣло **).

Между польскимъ лагеремъ и Москвою образовалось торжище. Московскіе посадскіе разставили лавки и стольцы, продавали полякамъ товары всякаго рода; иные поляки даже ходили въ городъ. Забіяки изъ пестрой шайки Калужскаго вора пытались прервать это сообщеніе и много разъ задирались съ поляками Жолкѣвскаго; доходило даже до убійства. Въ самой столицы чернь волновалась со дня на день все больше и больше; безпрестанно разно-

---

*) Bibl. Kr. 1 B. 6.

**) Pisma Żolk. 76.

сились по Москвѣ зловѣщія угрозы, что воръ нападетъ завтра, ударятъ въ колокола по всѣмъ церквамъ, отворятся ворота царику. Только съ помощью Жолкѣвскаго можно было избавиться отъ такихъ враговъ. Но Жолкѣвскій изъявлялъ готовность помочь Москвѣ только тогда, когда Владиславъ будетъ признанъ окончательно и утвердительно царемъ московскимъ.

При такихъ обстоятельствахъ, наконецъ, 17 августа съѣхались на Дѣвичьемъ Полѣ трое главнѣйшихъ бояръ: князь Θедоръ Ивановичъ Мстиславскій, кн. Вас. Вас. Голицынъ, кн. Данило Ивановичъ Мезецкій и двое думныхъ дьяковъ: Василій Телепневъ и Томило Луговской. Эти-то люди и приняли на себя обязанность рѣшить судьбу отечества. Они заявляли себя уполномоченными отъ всей земли, отъ патріарха и всего духовенства (митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и всего освя еннаго собора), бояръ и всѣхъ свѣтскихъ сословій, какъ служилыхъ, такъ и жилецкихъ (по приговору всѣхъ бояръ, и окольничьихъ, и стольниковъ, и дворянъ, и стряпчихъ и жильцовъ, и дворянъ изъ городовъ, и головъ стрѣлецкихъ и всякихъ приказныхъ людей и дѣтей боярскихъ, и гостей и торговыхъ людей и стрѣльцовъ и казаковъ и пушкарей и всѣхъ чиновъ служилыхъ и жилецкихъ людей). По правдѣ сказать, участіе всей земли, заявленное ими, было на словахъ, а не на дѣлѣ; выборные отъ всей земли не съѣзжались и не могли съѣхаться въ Москву.

Самозванно-уполномоченные заключили съ Жолкѣвскимъ договоръ на такихъ условіяхъ: русская земля (то есть патріархъ со всѣмъ духовенствомъ и всѣ свѣтскіе чины) должна послать къ Сигизмунду посольство, съ просьбою дать на московскій престолъ сына своего Владислава въ цари. Новый царь долженъ вѣнчаться на царство отъ мос-

ковскаго патріарха, и, царствуя надъ Московскимъ государствомъ, почитать, украшать и охранять церкви, не отнимать отъ церквей и монастырей имуществъ, и не прекращать даваемыя прежде въ монастыри и церкви царскія жалованья, руги и оброки; поклоняться иконамъ и мощамъ; оставлять въ прежнемъ видѣ духовенство греческой вѣры; не ставить въ Московскомъ государствѣ римскихъ костеловъ и другихъ вѣръ молельныхъ храмовъ; не дозволять насиліемъ и другими какими бы то ни было мѣрами отводить русскихъ православныхъ въ латинскую или въ другую вѣру, и не вмѣшиваться въ духовныя дѣла.

Поляки не могли выговорить даже одного костела для пріѣзжихъ въ Москвѣ; въ договорѣ сказано было по этому поводу, что о томъ у государя будетъ совѣтъ съ патріархомъ, съ духовенствомъ, съ боярами и думными людьми. Вмѣстѣ со страхомъ католичества былъ у русскихъ страхъ жидовства; въ договорѣ постановлено: жидовъ отнюдь не допускать въ Московское государство. Здѣсь, кромѣ набожной ненависти, отчасти сказывалась и боязнь торговцевъ, чтобы евреи не сдѣлались ихъ соперниками. Всѣмъ боярамъ, окольничьимъ, дворянамъ, думнымъ дьякамъ, придворнымъ чинамъ, чашникамъ, стольникамъ, стряпчимъ, также дьякамъ и приказнымъ людямъ по всему государству быть слѣдуетъ непремѣнно русскимъ; полякамъ и литовцамъ не давать вовсе никакихъ правительственныхъ должностей, ни старостъ, ни имѣній, по польскимъ обычаямъ; но дозволялось, однако, тѣхъ изъ поляковъ и литовцевъ, которые будутъ при особѣ Владислава жаловать денежнымъ жалованьемъ и помѣстьями въ Московскомъ государствѣ, потому что и прежде было въ обычаѣ принимать иноземцевъ въ царскую службу и давать имъ помѣстья на правѣ дѣтей боярскихъ. Не слѣдовало допускать перехода цѣлыхъ поселеній въ Московское государство

изъ Польши и изъ Литвы, а также не посылать туда на поселеніе русскихъ самовольно. Владиславъ не имѣлъ права измѣнять московскихъ обычаевъ, чиновъ и сословій, а долженъ оставить ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ засталъ; поэтому онъ не могъ отнимать вотчинъ, помѣстьевъ и жалованья, или убавлять; такъ же долженъ былъ оставить судъ по судебнику и по прежнимъ обычаямъ; не отнимать дворовъ и имуществъ, не разводить никого съ семьями, безъ суда никого не казнить, не посылать въ заточеніе, и не отнимать чести. Почти во всѣхъ дѣлахъ власть его была ограничена: по управленію—боярами и думными, по законодательству, кромѣ того, думою всей земли. Такъ, дѣла, касающіяся имѣній, раздачи жалованья, наказаній, отнятія помѣстій, вотчинъ и жалованья, а также прибавки налоговъ и положенія казаковъ на Дону, на Волгѣ, на Яикѣ и Терекѣ, всѣ такія дѣла вершить должно было съ приговоромъ бояръ и думныхъ людей, а если нужно окажется измѣнить что нибудь въ законахъ или судопроизводствѣ, то не иначе, какъ думою бояръ и всея земли. Бояре, заправлявшіе тогда всѣмъ дѣломъ, старались удержать свою власть надъ землевладѣльцами, жившими на ихъ земляхъ, и потому поставили въ договорѣ условіе, чтобы крестьяне не выходили въ Литву, ни промежъ себя въ Московскомъ государствѣ отъ одного владѣльца къ другому, и вообще бояре, дворяне и люди всякихъ чиновъ, державшіе крѣпостныхъ людей, сохраняли бы свое право по прежнему. По отношенію къ Польшѣ и Литвѣ постановлено, чтобы между этими государствами и Московскимъ государствомъ былъ съ обѣихъ сторонъ нерушимый миръ, и обѣ стороны обязаны стоять противъ взаимныхъ недруговъ, а противъ татаръ держать на границахъ войска обѣихъ союзныхъ державъ. Было постановлено полное прекращеніе всѣхъ споровъ и счетовъ по поводу убійствъ русскихъ поляками и поляковъ русскими

въ протекшія смуты, начиная съ Разстриги, и всѣ плѣнные съ обѣихъ сторонъ должны быть отпущены безъ выкупа. Поляки вмѣстѣ съ московскими людьми должны взаимно стараться уничтожить вора, который называлъ себя Димитріемъ, и Жолкѣвскій обязанъ былъ дѣйствовать противъ него вооруженными силами, а послѣ уничтоженія его на-екъ, выйти изъ Москвы, отойти съ войскомъ къ Можайску или въ другое мѣсто, по договору съ боярами, и тамъ ожидать возвращенія пословъ, отправленныхъ къ Сигизмунду съ просьбою о присылкѣ сына на царство; въ продолженіе того же времени, когда войско польское будетъ нужно для Москвы, не впускать никого въ городъ безъ боярскаго позволенія иначе, какъ для покупки, съ проѣзжими листами, и то человѣкъ по двадцати съ небольшимъ. Съ другой стороны, Жолкѣвскій долженъ былъ упросить Сигизмунда, чтобы онъ пересталъ дѣлать тѣсноту Смоленску и снялъ осаду. Съ принятіемъ Владиславомъ царства, Марина Мнишекъ должна потерять званіе царицы, а польское правительство должно было отвезти ее изъ Московскаго государства въ Польшу. И въ этотъ разъ было домогательство о крещеніи Владислава, и опять Жолкѣвскій не отрицалъ совершенно возможности такого крещенія, но отговаривался тѣмъ, что ему не дали о томъ указанія, а онъ съ своей стороны будетъ объ этомъ просить короля *). Но недосказанный вопросъ составлялъ все главное для народа. Бояре, возвратившись въ Москву, утѣшали себя тѣмъ, что все-таки упомянули о крещеніи Владислава въ греческую вѣру въ договорной записи, но худо было, что они только упомянули, надо было рѣшить: безъ этого договоръ не могъ имѣть важности.

Нельзя не видѣть, что этотъ договоръ составленъ въ

---

*) Собр. г. гр. II, 391.

духѣ боярскомъ и подъ польскимъ вліяніемъ. Ограниченіе верховной власти, выраженное въ формахъ, напоминающихъ строй Рѣчи Посполитой, обличаетъ это вліяніе. Поляки не требовали, чтобы Владиславъ былъ самодержавенъ; они отнюдь не спорили за полноту его власти, тогда какъ упорно охраняли его католичество. Если бы русскіе не показали охоты предписать своему избираемому царю условій, то сами поляки не допустили бы принцу изъ своего королевскаго дома получить неограниченную власть въ сосѣдней странѣ, при своей всегдашней боязни монархической власти, опасаясь, чтобы это не имѣло пагубныхъ послѣдствій для нихъ самихъ. Здѣсь вліяніе польскаго духа сходилось съ стремленіями и тѣхъ русскихъ, которые заключали договоръ. Какъ ни самодержавно было Московское государство, но въ немъ были, правда, слабые, признаки нерасположенія къ самодержавной власти, хотя уже давно сдавленные силою, опиравшеюся на большинство народа. Отчасти эти признаки поддерживались преданіями старины, отчасти выказывались возникавшей потребностію введенія иныхъ порядковъ въ Московское государство; нельзя сказать, чтобы существовала пропитанная такимъ духомъ партія въ точномъ смыслѣ этого слова; тогда не могло образоваться у людей стройныхъ политическихъ убѣжденій: люди измѣнялись сообразно обстоятельствамъ; понятія не слагались такъ послѣдовательно, чтобы одинъ, раздѣляя съ другимъ извѣстную мысль, раздѣлялъ съ нимъ и другую, съ нею сродную. Но жизнь русская, какъ ни крѣпко срослась съ самодержавіемъ въ формѣ Московскаго государства, не разсталась вполнѣ съ воспоминаніями древняго строя.

Потомки удѣльныхъ князей знали о своихъ предкахъ, что они были независимыми владѣтелями; невольная тяжесть должна была закрадываться имъ въ душу, когда они

размышляли, что сами они не болѣе какъ холопи московскихъ государей: если независимость удѣловъ была уже для нихъ невозвратима, то все-таки въ общемъ слитіи русскихъ земель имъ хотѣлось бы занимать свободное и властительное мѣсто; также и боярамъ должно было еще приходить на память, что ихъ предки и вообще тѣ, которые носили одинакое съ ними названіе, составляли свободное сословіе земледержателей и были вольными людьми, что князья не властны были произвольно распоряжаться ихъ вотчинами и держать ихъ противъ воли у себя на службѣ. Правда, единодержавіе, вѣковымъ обычаемъ заглушая живость этихъ воспоминаній, достигло, повидимому, самаго полнаго господства при Грозномъ, но именно въ эпоху этого же государя обстоятельства оживили признаки потухшей старой жизни. Во время младенчества этого государя неизбѣжно, по ходу обстоятельствъ, возникло временно боярское правленіе, и тѣ, которые уже изъ потомковъ вольныхъ отцевъ сдѣлались холопями, вдругъ почувствовали въ себѣ больше свободы и значенія. Когда царь взросъ, тотчасъ же показалъ самодержавныя наклонности, но потомъ скоро, по поводу народныхъ бѣдствій, оставившихъ на него впечатлѣніе, подчинился вліянію кружка лицъ, руководившихъ имъ и ограничивавшихъ его произволъ. То былъ періодъ славныхъ дѣлъ Ивана, время завоеванія Казани, Астрахани, побѣдъ надъ Крымомъ и Ливоніею, изданія Стоглава, Судебника, граматъ, установлявшихъ самосудъ и самоуправленіе. Самъ Иванъ въ письмѣ своемъ къ Курбскому жаловался, что въ это время онъ былъ подъ вліяніемъ другихъ и не чувствовалъ себя самодержавнымъ; а Курбскій, одно изъ лицъ, въ то время правившихъ поступками царя, оправдывалъ такое положеніе дѣлъ и высказывалъ понятіе, что царь и долженъ управлять не иначе, какъ по совѣту думныхъ. Скоро Иванъ свергъ себя эту опеку,

онъ захотѣлъ не только самъ быть самодержавнымъ, но и утвердить единодержавіе на будущія времена твердо и непоколебимо. Онъ началъ ломать все, что только казалось противнымъ единодержавію, все, въ чемъ даже только подозрѣвалъ независимость. Онъ жегъ, казнилъ и мучилъ, свирѣпо истреблялъ цѣлыя семьи, осудилъ на бойню Новгородъ за то, что съ его именемъ соединялось много непріятныхъ для единодержавія воспоминаній; онъ ставилъ свой произволъ выше всего, заставлялъ самую церковь позволять себѣ то, чего дозволять она никому другому не должна была, и создавалъ себѣ новыхъ слугъ единодержавія, обязанныхъ возвышеніемъ ему, а не породѣ, и въ дѣлѣ службы единственно по его волѣ дѣйствующихъ. Всѣ казни сходили ему съ рукъ, потому что меньшинство хотѣло ограниченія самодержавія, а за самодержавіе была вся громада народа, для которой противно было всякое раздѣленіе власти, чужда всякая сложность, взаимозависимость, громада, которая нуждалась, прежде всего, во внѣшней безопасности, и испытала вѣками, что только при власти единаго можно сколько-нибудь ее достигнуть, покорялась этому единому безропотно, безъ размышленія, повѣряла его волѣ вѣчнаго промысла, для этого единаго, избраннаго небомъ, хотѣла жить, ему принадлежать. Борисъ, правившій Московскимъ государствомъ при Ѳедорѣ въ качествѣ правителя, потомъ въ званіи царя, какъ воспитанникъ той эпохи, когда Иванъ укрѣпилъ единодержавіе, продолжалъ его дѣло. Естественно было за полвѣка образоваться поколѣнію, которое соображало свои поступки не по святости преданій, не по совѣсти или по чувству долга, а по страху или ближайшимъ видомъ собственной выгоды; то было поколѣніе холопей, показавшихъ свое нравственное состояніе больше всего добровольною службою вѣдомству обманщику. Но вотъ московская держава окончательно рас-

шаталась. Пришлось рѣшать участь земли своей. Естественно было склоняться въ ту сторону, гдѣ было болѣе пугающей силы и надеждъ на выгоды. Такою стороною была тогда сторона польская. Но Польша была нація съ такимъ строемъ, что первое сближеніе съ нею тотчасъ пробуждало уснувшія противосамодержавныя побужденія. У бояръ, которые теперь стояли на челѣ правительства, были опасныя для самодержавія, горькія семейныя воспоминанія. Почти у всѣхъ покойные цари замучили родителей или ближнихъ родственниковъ. Самъ Мстиславскій помнилъ отца своего, насильно постриженнаго и замученнаго Борисомъ, помнилъ сестру свою, насильно постриженную въ монастырѣ во цвѣтѣ лѣтъ, и зятя царя Симеона, какъ говорили, ослѣпленнаго Борисомъ. Князь Воротынскій, сидѣвшій по волѣ Бориса долго въ тюрьмѣ, и князь Ив. Ник. Одоевскій не забыли конечно ни своихъ собственныхъ несчастій, ни своихъ знаменитыхъ доблестями отцовъ, вмѣстѣ изжаренныхъ Иваномъ Грознымъ. Салтыковы считали въ своемъ родѣ Льва Андреевича съ сыновьями, Никиту (отца жившаго тогда Ив. Никитича) и Өедора; Борисъ Мих. Лыковъ былъ сынъ почтеннаго доблестями и умомъ боярина Михаила Матвѣевича, умерщвленнаго по приказанію Ивана Грознаго; Шереметьевы помнили дядей своихъ Ивана и Никиту; Куракины, Бутурлины, Головины считали въ числѣ замученныхъ Иваномъ своихъ ближнихъ родныхъ; Романовы и Нагіе помнили страданія своего рода отъ Бориса. Очень естественно было пожелать имъ охранить себя и свои роды отъ подобнаго произвола на будущія времена. Естественно было воскреснуть прежнимъ побужденіямъ отцовъ и дѣдовъ ихъ. Обстоятельства располагали къ этому; Московское государство входило въ союзъ съ Польшею, гдѣ ограниченіе монархической власти и свобода аристократическаго сословія были главнѣйшими признаками обще-

ственнаго строя. Польша была имъ достаточно знакома; нѣкоторые бывали въ этой странѣ и приглядѣлись къ свободѣ тамошнихъ пановъ, другіе знали ее по разсказамъ. Какъ ни удалялись по наружности московскіе люди отъ запада, но въ то же время усиливалась потребность сближенія съ нимъ и усвоенія пріемовъ западнаго просвѣщенія. Иностранцы, говоря вообще дурно о нравственныхъ качествахъ московскихъ людей, отдаютъ, однако, честь ихъ дарованіямъ и любознательности нѣкоторыхъ. Не смотря на отсутствіе средствъ къ образованію, не смотря на то, что благочестіе почитало образованность еретичествомъ, были люди, широко образованные по тогдашнему времени. Князь Курбскій, упоминая о жертвахъ Ивановыхъ мучительствъ, насчитываетъ между ними нѣсколькихъ знатныхъ лицъ, пріобрѣвшихъ европейскую образованность; любопытенъ разсказъ Маскевича поляка, бывшаго въ это время въ Москвѣ и познакомившагося съ окольничьимъ Ѳедоромъ Головинымъ, который разсказывалъ, что братъ его желалъ учиться иностраннымъ языкамъ и нашелъ себѣ двухъ иноземцевъ—одного нѣмца, для нѣмецкаго, другаго поляка — для латинскаго языка. Эти учители должны были ходить къ нему въ русскомъ платьѣ, и онъ оставилъ послѣ себя много книгъ и переводовъ. Такихъ примѣровъ конечно былъ не одинъ. О Филаретѣ Никитичѣ говоритъ англичанинъ Горсей, что онъ составилъ для него учебную книгу латинскаго языка. Тогда учиться иноземнымъ языкамъ и наукамъ, которыя считались также мудростію иноземною, было опасно: сейчасъ сочтутъ еретикомъ, чернокнижникомъ, отщепенцемъ отъ вѣры, а потому, если кто, сообразно природнымъ стремленіямъ къ умственному труду и знаніямъ, хотѣлъ учиться, то долженъ былъ дѣлать это тайно.

Когда царствовалъ именовавшій себя Димитріемъ, его окружили и поддерживали люди, расположенные къ запад

ному просвѣщенію: одинъ изъ нихъ, Иванъ Хворостининъ, уже при Михаилѣ пострадалъ за это предпочтеніе иноземщины и недовольство русскою стариною, — за то, за что служилъ расположеніе Димитрія. Когда благочестивые хранители старины вопіяли противъ всякой попытки измѣнить извѣстный порядокъ, всякое знаніе считали грѣхомъ, всякаго иноверца—хуже собаки, находились многіе, которые хотѣли вырваться изъ этихъ нравственныхъ узъ. Замѣчательно, что Буссовъ, описывая дурныя качества московскаго общества, укоряетъ его въ пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ. Московское государство, въ началѣ XVII вѣка, имѣло уже въ нѣдрѣ своемъ Россію XVIII вѣка—двѣ противоположности, двѣ крайности: неподвижность старинной буквальности раскола и легкое рабολѣпное увлеченіе западною иноземщиною высшихъ классовъ. Все, что чувствовало тягость старины, — искало освѣженія въ западной цивилизаціи; оно готово было броситься въ объятія полякамъ, и такихъ могло быть тогда не мало, пока поляки не заставили ихъ одуматься и повернуть назадъ.

II.

Недовольство патріарха.—Присяга Владиславу.—Посольство польскихъ приверженцевъ вора къ королю. — Свиданіе Жолкѣвскаго съ Яномъ Сапѣгою.—Бѣгство вора изъ-подъ Москвы.—Снаряженіе московскаго посольства къ королю.

Заключенный договоръ бояре отправили на благословеніе патріарха; съ нимъ вошли и тѣ, которые были въ тушинскомъ лагерѣ и первые подали Сигизмунду просьбу о Владиславѣ. То были: Михайло Салтыковъ и сынъ его Иванъ, князья Василій Мосальскій и Ѳедоръ Мещерскій, Михайло Молчановъ. Григорій Кологривовъ, Василій Юрь-

евъ; они подошли къ патріарху просить благословенія. Патріархъ, нахмурившись, сказалъ: «Если въ намѣреніи вашемъ нѣтъ лукавства, и вы не помышляете нарушить православную вѣру и привести въ раззореніе Московское государство, то пребудетъ на васъ благословеніе всего собора четырехъ патріарховъ и нашего смиренія, а иначе— пусть ляжетъ на васъ клятва отъ всѣхъ четырехъ православныхъ патріарховъ и отъ нашего смиренія, и вы будете лишены милости Бога и Пресвятыя Богородицы и пріимете месть отъ Бога наравнѣ съ еретиками и богоотступниками». Михайло Салтыковъ началъ плакать и увѣрять, что въ немъ нѣтъ лукавства, что онъ жизнь готовъ положить за православную вѣру. Патріархъ, наконецъ, благословилъ всѣхъ, кромѣ Михайла Молчанова, убійцу Борисова сына, игравшаго недолго роль втораго Димитрія. Патріархъ всенародно крикнулъ на него въ церкви: «Окаянный еретикъ! Ты не достоинъ войти въ церковь Божію! прочь отсюда!»

Послѣ договора началась присяга. Она происходила на Дѣвичьемъ-Полѣ. Тамъ были раскинуты шатры; обѣ стороны старались какъ можно роскошнѣе и праздничнѣе устроить это важное дѣло. Передъ убраннымъ налоемъ присягнули въ соблюденіи договора гетманъ, а потомъ польскіе военачальники за короля, королевича, за всю Рѣчь Посполитую и за ея войско. Потомъ двое архіереевъ приводили къ присягѣ русскихъ бояръ; за ними присягали служилые люди, гости, а потомъ уже множество всякаго народа. Присяга не окончилась однимъ днемъ; на другое утро большой кремлевскій колоколъ созывалъ народъ въ соборъ, потомъ нѣсколько дней повторялось то же; приводили къ ней московскихъ людей бояре и дворяне въ присутствіи отряженныхъ для того Жолкѣвскимъ поляковъ. Сверхъ того въ разные города разосланы были дворяне и дѣти боярскіе

для приведенія къ присягѣ городовъ съ ихъ землями. Въ окружной граматѣ, разосланной Мстиславскимъ по городамъ, объяснялось, что послѣ низведенія Шуйскаго, былъ вызовъ выборныхъ людей подъ Москву, но до сихъ поръ никто изъ нихъ не явился, а между тѣмъ гетманъ Жолкѣвскій стоитъ подъ Москвою, и при немъ русскіе люди съ Салтыковымъ. Поэтому всѣ духовные и мірскіе люди всего Московскаго государства присудили просить на царство Владислава, королевича польскаго, но съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ греческую вѣру. Вездѣ присягалъ обманутый такимъ образомъ народъ, и присягалъ въ увѣренности, что Владиславъ приметъ греческую вѣру. Присягать на вѣрность царю католическаго вѣроисповѣданія никто не былъ расположенъ на Руси, кромѣ такихъ, для которыхъ важнѣе и дороже всего на свѣтѣ были ихъ личныя выгоды. Но какъ ни много было тогда склонныхъ ко всякаго рода обманамъ, вынуждаемымъ страхомъ или выгодами, вѣра и для нихъ была такая святыня, за которую и они преображались въ доблестныхъ героевъ.

Впродолженіе переговоровъ, воръ и его шайка не дѣлали нападенія на Москву. Дожидались, чѣмъ окончится посольство къ королю. Гетманъ очень дорожитъ добрымъ согласіемъ съ Сапѣгою и своими соотечественниками воровскаго табора. Когда они жаловались, что тотчасъ по приходѣ гетмана царское войско сдѣлало нападеніе на Москву, а Салтыковъ былъ въ ней посланнымъ отъ гетмана, Жолкѣвскій не только запирался и увѣрялъ, что Салтыковъ ходилъ безъ его дозволенія, но еще соглашался, что Салтыковъ за это достоинъ наказанія и только по настоящимъ обстоятельствамъ слѣдуетъ ему простить. Гетманъ просилъ ждать, что привезутъ отъ короля посланцы; увѣрялъ, что не приступитъ ни въ какомъ случаѣ къ рѣшительному дѣлу съ Москвою безъ совѣта съ паномъ Сапѣгою, а о ворѣ от-

зывался въ отвѣтѣ своемъ съ уваженіемъ и титуловалъ его царскимъ величествомъ *).

Это посольство воровскаго табора держало подъ Смоленскомъ переговоры въ первыхъ числахъ августа. Воръ прислалъ королю письмо и просилъ не мѣшать ему покорить Москву, и за это дѣлалъ лестныя обѣщанія: «Мы—писалъ онъ — принимаемъ на себя и ручаемся нашимъ царскимъ словомъ, какъ только овладѣемъ столицею, тотчасъ заплатить въ казну Рѣчи Посполитой триста тысячъ, потомъ въ теченіе десяти лѣтъ будемъ платить каждый годъ по триста тысячъ зл., сверхъ того должны будемъ въ теченіи этого времени платить королевичу каждый годъ по сту тысячъ зл., обѣщаемъ на нашъ собственный счетъ возвратить коронѣ польской Ливонію, обѣщаемъ помогать казною нашею польскому королю въ пріобрѣтеніи шведской короны, и пока будетъ продолжаться эта экспедиція, доставлять ему способныхъ къ битвѣ изъ нашего народа до пятнадцати тысячъ, и кромѣ того помогать противъ каждаго непріятеля. А относительно недоразумѣнія, которое возникло между нами и королемъ польскимъ по поводу Сѣверской земли, мы не отрекаемся отъ того, чтобы, сѣвши съ Божіей помощію на престолѣ предковъ нашихъ, уговориться объ этомъ черезъ своихъ великихъ пословъ, дабы показалось, что̀ кому принадлежитъ по справедливости».

Паны въ королевскомъ совѣтѣ разсудили, что странно было бы оказать помощь вору въ овладѣніи Москвою, когда та же Москва готова отдаться Польшѣ; притомъ нашли, что безчестно будетъ для короля помогать человѣку неизвѣстнаго рода, не царской крови, да притомъ не видно, чтобъ въ Московскомъ государствѣ была у него большая сторона. Призвали пословъ, сообщили имъ это и

*) Рук. И. П. Б. 31.

замѣтили, что неприлично имъ являться отъ обманщика къ королю.

— Мы не запираемся, сказали послы, что человѣкъ, который себя называетъ Димитріемъ, неизвѣстно, кто таковъ, но вы знаете много примѣровъ, когда Богъ возвышалъ людей изъ низкаго званія, какъ напримѣръ, Саула и Давида. Что спрашивать: кто онъ и откуда онъ? Мы отвѣчаемъ: орудіе Божіе онъ! Счастливъ, кто не противится волѣ Божіей.

— Что вы сравниваете вашего вора съ Давидомъ! сказали паны. Это мерзко и гнусно. Воръ обѣщаетъ то, чего отдать не можетъ. Что намъ съ нимъ толковать, когда Москва присоединяется къ намъ посредствомъ избранія Владислава и присягаетъ ему добровольно! Вы оставьте ваше дѣло, служите королю своему, а не вору, а иначе вамъ придется вести войну и съ нашимъ, и съ московскимъ войскомъ.

— Бояре, сказали послы, хоть и сносятся съ гетманомъ объ избраніи Владислава, а попробуйте заикнуться имъ на счетъ уступки московскихъ провинцій Польшѣ. Увидите, что они скажутъ. Болѣе будетъ вамъ славы, если посадите на престолъ человѣка неизвѣстнаго, просящаго о спасеніи. Весь свѣтъ этому изумится. Князь московскій будетъ данникъ Польши, чего не было ни слыхано, не видано. Развѣ мало пользы — такое царство держать въ неволѣ? Надобно эту птичку подщипать. Онъ теперь не можетъ явно уступать земель, пока не сядетъ на престолѣ, а то Москва отъ него отойдетъ. Но вѣдь Рязанская и Сѣверская земля уже намъ отдана съ позволенія бояръ, находящихся при Димитріѣ; слѣдовательно, эти земли теперь уже въ рукахъ у поляковъ и не могутъ быть отняты. Москва крѣпче будетъ во власти Польши съ Димитріемъ, чѣмъ съ Владиславомъ. Московскій народъ привыкъ жить подъ рабствомъ. Ему

нужно именно такого царя, какъ нашъ, а не Владислава; онъ все сдѣлаетъ, что нашъ ему велитъ, онъ привыкъ повиноваться одному. Владислава принимаютъ на царство съ условіями и держать будутъ на царствѣ съ условіями, а Димитрія мы посадимъ на престолъ безъ всякихъ условій, и онъ все будетъ дѣлать для Польши.

— Правда, сказали паны, народъ московскій любитъ рабство и не терпитъ свободы, готовъ переносить всякое тиранство, но только отъ своихъ природныхъ государей, а не отъ воровъ. Примѣръ мы видали на первомъ ворѣ. Если возвести вашего новаго вора, то надобно вести войну; а не думайте, чтобы можно было легко усмирить и покорить такое пространное государство. А Владиславу оно добровольно отдается.

Послѣ такихъ разсужденій, послы объявили, что поляки, служащіе у вора, отойдутъ отъ него, только пусть имъ дадутъ ассекурацію на сумму, составляющую двадцать четвертей, съ удержаніемъ въ залогѣ Сѣверской и Рязанской земли: эта сумма должна имъ выплатиться по занятіи Москвы поляками, а если не случится Польшѣ удержать за собою Московское государство, то пусть имъ заплатятъ изъ коронныхъ доходовъ по 30 злотыхъ на коня, считая войско вышедшимъ въ числѣ девяти тысячъ, а на будущее время по состоящему въ наличности числу 6,200; сверхъ того единовременно по 10 зл. на коня; пусть король проститъ имъ всѣ инфаміи, къ которымъ многіе были присуждены прежде за разныя преступленія въ отечествѣ; пусть король приметъ въ милость также донскихъ казаковъ и надѣлитъ ихъ жалованьемъ изъ московскихъ доходовъ.

Имъ отвѣчали: «Невозможно платить вамъ изъ коронныхъ доходовъ за то, что вы, безъ воли Рѣчи Посполитой, нарушая народныя права, вторгнулись въ чужое государство и служили у обманщика. Условія могли бы предло-

жить вы, если бы за вами была какая нибудь сила, а у васъ ея нѣтъ, и вы ничего не сдѣлали, не завоевали Москвы, да и Рязанской и Сѣверской земли еще не заняли, хоть и хотите взять въ залогъ.»

Послы воротились неудовлетворенными. Но, 13 августа, Жолкѣвскій, вообще не желавшій раздражать соотечественниковъ, послалъ имъ ассекурацію, въ которой обѣщалъ служившимъ у Димитрія уплату за прежнюю службу наравнѣ съ тѣми изъ ихъ братіи, которые прежде перешли въ королевское войско и сражались подъ Клушинымъ, если и они, какъ тѣ, теперь же примкнутъ къ королевскому войску *).

Эта ассекурація не успокоила поляковъ воровскаго табора. Они снова затѣвали напасть на столицу. Ихъ располагало къ этому то, что они слышали, что черный московскій народъ склонялся лучше покориться тому, кто носилъ имя ихъ природнаго царя, чѣмъ полякамъ. Странно покажется, какимъ образомъ тушинскій царикъ могъ снова имѣть много сторонниковъ и внушать страхъ, послѣ того, какъ вся Русь такъ крѣпко возстала противъ него за поблажку полякамъ и дружно содѣйствовала Михайлу Скопину-Шуйскому. Между тѣмъ теперь не только московская чернь, но и города стали склоняться къ вору. 19 августа, пріѣзжали въ его обозъ съ повинною отъ Суздаля, Владимира, Галича, Ростова. Самъ воръ вовсе не былъ, какъ и прежде, предпріимчивъ и самоувѣренъ; онъ помнилъ Тушино. Теперь въ его станѣ московскіе люди противъ него волновались, видимо хотѣли предать его, и въ тотъ самый день, когда къ нему пришли съ поклономъ отъ нѣсколькихъ городовъ, онъ убѣжалъ изъ обоза въ Симоновъ монастырь, оттуда хотѣлъ бѣжать подальше, но Сапѣга послалъ къ не-

---

*) Bibl. Kras. A. II. 23.

му маршала и уговорилъ не терять мужества; онъ обѣщалъ ему свое содѣйствіе, увѣрялъ, что поляки ни за что не покинутъ его, и если онъ не вѣритъ своимъ москвитянамъ, то пусть окружитъ себя одними поляками.

Бояре узнали о замыслахъ въ воровскомъ таборѣ и упрашивали Жолкѣвскаго, чтобы онъ отвелъ поляковъ отъ вора и расправился съ нимъ окончательно оружіемъ за одно съ москвичами. Гетманъ написалъ объ этомъ къ Сапѣгѣ. Послѣдній собралъ въ кòло своихъ полковниковъ и ротмистровъ; прислалъ къ нимъ и воръ своихъ двухъ—Ивана Грекова и Нехорошаго. Рыцари дали Жолкѣвскому отвѣтъ, въ которомъ повторяли уже много разъ сказанное ими о томъ, что ихъ привела въ Московскую землю любовь къ славѣ, а объ избраніи королевича Владислава выразились такъ: «Мы радуемся, что королевичу его милости отдалась столица, только не знаемъ, будетъ ли какая нибудь польза отъ этого отечеству; а мы, вошедши въ эту землю защищать справедливыя права ихъ величествъ царя и царицы и сдѣлавши для нихъ много хорошаго, не посрамимъ славы своего народа, не отступимъ отъ царя, и ни на что насъ не согласите безъ его воли».

Послѣ такого отвѣта гетману ничего не оставалось, какъ идти съ оружіемъ противъ своихъ. Когда увѣщанія не брали, онъ двинулъ 25 августа войско свое, обогнувши Москву. Мстиславскій вывелъ къ нему пятнадцать тысячъ на помощь. И Сапѣга съ своей стороны вывелъ свое войско. Готово было, въ виду побѣжденныхъ москвичей, вспыхнуть междоусобіе у побѣдителей. Жолкѣвскій, чтобы не допустить до такого соблазна, хоть и принялъ воинственный видъ, но послалъ еще разъ къ Сапѣгѣ и приглашалъ его на свиданіе съ собою. «Я ничего такого не сдѣлалъ—говоритъ Жолкѣвскій—что̀ бы послужило во вредъ пріобрѣтеннымъ кровью правамъ пана Сапѣги и его рыцарства».

26 августа, Сапѣга выѣхалъ; и Жолкѣвскій къ нему выѣхалъ. Оба войска стояли другъ противъ друга, ожидая, чѣмъ кончатся переговоры вождей.

Сапѣга сказалъ Жолкѣвскому: «Я было хотѣлъ составить генеральное коло, чтобы соединить оба войска, польское и царское, и привести къ согласію, но помѣшали этому ваша милость, пане гетмане, ибо вы выступили съ своимъ войскомъ противъ своей братіи».

Гетманъ хотѣлъ убѣждать Сапѣгу и доказать ему несправедливость стороны, которой онъ держится, но Сапѣга перебилъ его и сказалъ: «Я не могу входить въ разговоры съ вами; прежде извольте приказать вашему войску отступить, а то, видите, уже начинаются герцы между нашими и вашими».

Жолкѣвскій далъ знакъ, — войско отодвинулось; то же сдѣлалъ и Сапѣга. Жолкѣвскій и Сапѣга разговаривали, сидя на коняхъ, въ полѣ, вдали отъ войска; около нихъ разъѣзжали полковники. Сперва было вожди не поладили, и уже стали разъѣзжаться, но потомъ съѣхались снова, поговорили и порѣшили: Сапѣга не станетъ мѣшать Жолкѣвскому, и слѣдовательно своему королю; Жолкѣвскій съ своей стороны постарается, чтобы царикъ былъ обезпеченъ и удовлетворенъ, но главное — Жолкѣвскій обѣщалъ удовлетворить рыцарство.

Вожди разъѣхались. Вечеромъ въ тотъ же день, Жолкѣвскій прислалъ Сапѣгѣ на письмѣ условіе о царикѣ. Именемъ короля своего, коронный гетманъ обѣщалъ называющему себя Димитріемъ Самборъ или Гродно съ дозволенія Рѣчи Посполитой, если Димитрій окажетъ желаніе быть довольнымъ этимъ. Рыцарство Сапѣги собралось 26 августа, и генеральное коло порѣшило, что оно согласится поладить съ короннымъ гетманомъ и оставить Димитрія, если только вознаградитъ король войско за ту службу, которую оно прослужило Димитрію.

Послали отъ генеральнаго кóла къ вору двухъ—Быховца и Побѣдинскаго, которые такъ ему говорили: «Король вашей милости даетъ Самборъ или Гродно, что̀ сами выберете; соглашайтесь, ваша милость, приступить на договоръ съ гетманомъ, а то, видите, уже столица отдалась королевичу; трудно завладѣть столицей».

Чрезвычайно оскорбительно должно было показаться вору это предложеніе, особенно послѣ того, какъ онъ самъ недавно хотѣлъ бѣжать, а его останавливали поляки и обѣщали стоять за его права. Говорятъ, въ порывѣ первой досады онъ сказалъ: «Да лучше я буду служить у мужика и кусокъ хлѣба добывать трудомъ, чѣмъ смотрѣть изъ рукъ его величества!» Жена его въ раздраженіи сказала тогда этимъ депутатамъ: «Пусть король Сигизмундъ отдастъ царю Краковъ, а царь ему изъ милости уступитъ Варшаву».

Боярское правительство тотчасъ вошло въ пріязненныя отношенія съ Сапѣгою, послало къ нему боярина Нагого и просило привести русскихъ людей, находившихся у него въ ополченіи, къ присягѣ Владиславу.

Воръ думалъ было еще держаться подлѣ Москвы, и заперся въ Угрѣшскомъ монастырѣ *). Тогда гетманъ выпросилъ позволеніе у бояръ пройти съ войскомъ черезъ Москву: онъ хотѣлъ захватить вора въ монастырѣ. Но воръ не попалъ въ просакъ: какой-то измѣнникъ москвичъ предупредилъ его, и онъ убѣжалъ вмѣстѣ съ женою, женскою прислугою и съ казацкимъ атаманомъ Заруцкимъ, въ сопровожденіи отряда донцовъ, въ Серпуховъ, а потомъ въ Калугу; не успѣли почти ничего увезти съ собою. Жолкѣвскій воротился назадъ на Дѣвичье-Поле. Этотъ проходъ черезъ Москву внушилъ тогда довѣріе къ полякамъ. Войско, вошедши въ столицу, не воспользовалось этимъ и не захва-

---

*) Życie Sap. II, 223.

тило ея. Бояре, бывшіе при ворѣ, прибыли въ Москву и присягали Владиславу. То были: Михайло Туренинъ, князь Өедоръ Долгорукій, князь Алексѣй Сицкій, князь Өедоръ Засѣкинъ, Александръ Нагой, Григорій Сумбуловъ, Өедоръ Плещеевъ, дьякъ Петръ Третьяковъ и другіе.

Пиры сопровождали изгнаніе вора. Жолкѣвскій, 29 августа, у себя въ лагерѣ угощалъ роскошнымъ обѣдомъ бояръ и дворянъ, а въ заключеніе, по обычаю вѣка, всѣхъ отъ мала до велика надѣлилъ подарками, —кому коня, кому саблю, кому чашу подарилъ; за недостаткомъ своего, онъ бралъ у ротмистровъ и дарилъ москвичей. Черезъ нѣсколько дней, 2 сентября, князь Мстиславскій угощалъ у себя въ столицѣ гетмана и многихъ польскихъ военачальниковъ. Обѣдъ этотъ, по свидѣтельству очевидца, происходилъ въ трехъ комнатахъ собственнаго дома Мстиславскаго, и тутъ-то русскіе передъ поляками щеголяли своими медами, которыхъ поставили множество сортовъ, и своими соболями, которыми, по обычаю, дарили гостей. Съ Сапѣгою послѣдовало повидимому согласіе; на колѣ генеральномъ, 31 августа, сапѣжинцы положили оставить вора, сойтись съ Жолкѣвскимъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ далъ имъ отъ имени короля ассекурацію въ уплатѣ жалованья и вмѣстѣ съ тѣмъ обязался защищать ихъ какъ равныхъ себѣ, если бы король не призналъ гетманской ассекураціи. Положили ждать уплаты до Михайлова дня въ сентябрѣ.

Наконецъ, по освобожденіи Москвы отъ вора, Жолкѣвскій потребовалъ отъ бояръ, чтобы русскіе отправили къ Сигизмунду посольство, какъ было постановлено въ началѣ. Это посольство должно было состоять изъ выборныхъ всей земли, отъ всѣхъ чиновъ народа. Но заправлялъ всѣмъ гетманъ. Къ нему тогда поддѣлался было Василій Голицынъ, человѣкъ хитрый, двоедушный, умѣвшій обмануть. Онъ прикинулся ревностнѣйшимъ сторонникомъ польскаго гос-

подства, разливался слезами и говорилъ: «Мы будемъ просить королевича, чтобы онъ принялъ греческую вѣру, но хоть онъ не приметъ, мы все-таки будемъ ему прямить. Мы ему крестъ цѣловали. Онъ нашъ государь». Это понравилось гетману и онъ писалъ королю, что Голицынъ добрый и надежный человѣкъ. Гетманъ поручилъ ему набрать товарищей, и Голицынъ подобралъ себѣ такихъ, что хотя они казались представителями земли русской, но въ сущности приняли свои обязанности по волѣ Голицына. Гетманъ настоялъ, чтобы ѣхалъ въ числѣ пословъ митрополитъ Филаретъ. Ему хотѣлось удалить изъ Москвы этого опаснаго человѣка и имѣть въ рукахъ своихъ. Гетманъ слышалъ, какъ поговаривали, не выбрать ли въ цари Филаретова молодаго сына, Михаила. Желаніе гетмана въ этомъ случаѣ было, однако, согласно и съ желаніемъ патріарха. Бояре собрались на совѣтъ въ Кремлѣ и, сообразуясь съ волею гетмана, назначили послами изъ духовенства митрополита Филарета, изъ бояръ князя Василія Васильевича Голицына, изъ окольничьихъ князя Данила Иван. Мезецкаго, изъ думныхъ дворянъ Василія Борисовича Сукина, изъ думныхъ дьяковъ двухъ: Томилу Луговскаго и Сыдавнаго-Васильева, бывшаго въ прошлый годъ въ Швеціи, десять человѣкъ стольниковъ и думныхъ дворянъ, 41 человѣка дворянъ изъ городовъ, по большой части по одному изъ города, и изъ немногихъ, именно изъ тѣхъ, которые были на театрѣ войны съ Польшей, по два (изъ Смоленска, Вязьмы, Дорогобужа, Брянска), да по два изъ двухъ новгородскихъ пятинъ; сверхъ того назначенъ былъ одинъ стрѣлецкій голова, девять подъячихъ, одинъ отъ гостей, пять торговыхъ людей и семь человѣкъ стрѣльцовъ; съ ними была свита провожатыхъ и людей посольскихъ 293 человѣка, какъ будто бы представлявшихъ другія сословія. Это посольство получило наказъ, въ которомъ возобновля-

лись требованія, отклоненныя временно Жолкѣвскимъ, чтобы Владиславъ непремѣнно крестился въ греческую вѣру, и при этомъ указывалось, у кого ему принимать крещеніе, именно у митрополита Филарета, прежде прихода въ Москву, чтобы его можно было встрѣтить патріарху и всему духовенству со крестами и чудотворными иконами, чтобы, царствуя въ Москвѣ, онъ женился на православной, чтобы не ссылался съ папою о вѣрѣ, и не принималъ отъ него благословеній, и чтобы въ свое царствованіе не допускалъ въ Московское государство учителей римской вѣры. За отступленіе отъ вѣры въ католичество русскихъ, какого бы званія они ни были, слѣдовало казнить смертію, а ихъ имѣнія и имущества брать на государя; требовалось также, чтобы новый царь не приводилъ съ собой много поляковъ. Относительно вѣры, посламъ не дозволялось входить въ состязаніе съ духовными по религіознымъ вопросамъ, а велѣно настаивать на томъ, что всѣ прежніе государи были греческой вѣры, и указывать на примѣръ самого Сигизмунда, который, бывъ прежде протестантомъ, восходя на престолъ польской католической страны, принялъ, однако, римскую вѣру; и не только не поддаваться ни на какія отговорки поляковъ, но не соглашаться даже на то, чтобы Владиславу креститься въ Москвѣ; требовать, чтобы онъ непремѣнно принялъ греческую вѣру въ Смоленскѣ, и вступилъ на царство уже православнымъ; а въ концѣ концовъ, въ случаѣ рѣшительнаго несогласія, предложить самому Сигизмунду и сыну его писать объ этомъ самому патріарху съ соборомъ, къ боярамъ и ко всей землѣ, а имъ отъ себя сказать, что они, какъ послы, не получили отъ собора и отъ всей земли на то приказа. Точно также надлежало поступать и въ остальныхъ статьяхъ, кромѣ статьи о женитьбѣ, которая была смягчена тѣмъ, что предоставляли Владиславу объ этомъ дѣлѣ вполнѣ

слѣдствіи совѣтоваться съ патріархомъ и съ боярами, но ни въ какомъ случаѣ не допускали его жениться самовольно безъ совѣта съ ними. Вообще же послы должны были стараться, чтобы Владиславъ скорѣе пріѣхалъ въ Москву; при этомъ бралось въ разсчетъ то, что какъ скоро королевичъ будетъ въ Москвѣ, то невольно станетъ для русскихъ залогомъ противъ польскихъ покушеній.

Послы отправились, а Жолкѣвскій между тѣмъ уже получилъ отъ Сигизмунда тайное приказаніе, привезенное измѣнникомъ русскимъ, Ѳедоромъ Андроновымъ, склонять Москву и Московское государство къ присягѣ на имя Сигизмунда, а не на имя Владислава.

III.

Совѣщанія въ королевскомъ станѣ подъ Смоленскомъ.—Консидераціи, привезенныя Андроновымъ.— Занятіе Москвы польскимъ войскомъ.— Отъѣздъ Жолкѣвскаго.

Въ то время, какъ Жолкѣвскій бился изъ всѣхъ силъ, чтобы склонить москвичей къ договору и пріобрѣсть себѣ славу, король подъ Смоленскомъ слушалъ рѣчи соперника гетмана, брацлавскаго воеводы, Яна Потоцкаго, и его брата, королевскаго покоеваго Стефана. Они особенно представляли королю, что договоръ, заключенный Жолкѣвскимъ, не долженъ имѣть силы. Много дѣйствовала здѣсь и зависть; брацлавскому воеводѣ было досадно, что самъ онъ не могъ взять Смоленска, тогда какъ Жолкѣвскій можетъ теперь хвалиться, что взялъ столицу и съ нею все царство Московское. Потоцкій желалъ повернуть дѣло такъ, чтобы не вышло по договору гетмана. Онъ представлялъ: «Опасно отдать Владислава варварскому народу, съ малымъ отрядомъ поляковъ и литовцевъ, какъ этого москвичи требуютъ,

да еще и войско вывести изъ Московіи. Они нарочно того хотятъ для того, чтобы юноша, оставшись безъ всякой защиты, былъ отданъ на волю ихъ варварству. Жизнь королевича будетъ всегда подъ страхомъ: словно мечь будетъ висѣть надъ нимъ на волоскѣ. Пусть лучше король до конца оружіемъ поработитъ москвитянъ, теперь уже разоренныхъ и потерявшихъ силу отъ междоусобій; пусть теперь побѣдитель самъ надѣнетъ корону и дастъ побѣжденнымъ законъ; больше чести королевичу получить эту корону отъ рукъ отца, чѣмъ отъ плутовъ москвитянъ».

Другіе паны прибавляли: «Король не можетъ безъ нарушенія присяги Рѣчи Посполитой дѣлать уступокъ москвитянамъ. Король явно, съ согласія сейма, сначала польскаго, въ Люблинѣ, а потомъ литовскаго, въ Вильнѣ, отправился въ московскій походъ, и теперь онъ долженъ служить общественному благу, а не дѣлу своего семейнаго возвышенія; поэтому, что̀ бы онъ ни пріобрѣлъ оружіемъ, — все это онъ долженъ отдать государству, а не однимъ своимъ дѣтямъ. Такъ король уже обѣщалъ, и его воля сообщена провинціальнымъ сеймикамъ, и письма отъ него посланы къ сенату и посламъ. Если теперь Владислава отправить на московскій престолъ, то это подастъ сейчасъ предлогъ къ безпокойствамъ въ Польшѣ и Литвѣ; вспыхнутъ еще не совсѣмъ потухшія искры междоусобной войны, возникнутъ подозрѣнія, станутъ толковать, что король хочетъ присвоить самодержавную власть, и для этого-то пріобрѣтаетъ для сына чужое сильное царство, чтобы, утвердившись такимъ могуществомъ, соединенными силами привести въ дѣйствіе свои намѣренія. Прежде надо было спросить сеймъ: дозволитъ ли онъ отправить Владислава, польскаго принца, на московскій престолъ? — Этими внушеніями паны принудили короля освоиться съ мыслію, что Жолкѣвскій поступилъ неправильно, заключивъ договоръ;

что на Московскую землю слѣдуетъ смотрѣть как на край, завоеванный польскимъ оружіемъ, а вовсе не такъ, какъ на свободное государство, выбирающее на свой престолъ польскаго королевича.

Противники Потоцкаго доказывали, напротивъ, что Владислава нужно послать въ Москву, потому что это успокоитъ землю, иначе она станетъ волноваться; но и они не соглашались съ тѣми требованіями русскихъ, которыя Жолкѣвскій самъ не могъ принять и отослалъ на рѣшеніе короля; они совѣтовали отправить московскихъ пословъ на сеймъ; такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, король сложитъ съ себя отвѣтственность въ такомъ важномъ дѣлѣ. Были такіе, что думали согласить противоположности, сдѣлать такъ, чтобы и Владиславъ былъ таки московскимъ государемъ, а Московское государство находилось подъ властію у поляковъ. «Пусть Владислава отправляютъ въ Москву— говорили они,—но пусть онъ будетъ тамъ такой государь, какъ господарь Валахскій, зависимый отъ Польши». Нѣкоторые разсуждали такъ: «Неужели это избраніе кто нибудь изъ москвитянъ можетъ назвать добровольнымъ, когда оно произнесено съ поднятою надъ ихъ горломъ саблею? Если бы имъ королевичъ въ самомъ дѣлѣ полюбился, такъ они выбрали бы его тогда, когда были сильны; а то — за Шуйскаго шли умирать противъ гетмана, а какъ онъ ихъ разбилъ, тогда они видятъ, что мы ихъ завоюемъ, и пустились на хитрости и выдумали выбирать королевича. Что же, они насъ провести хотятъ? Зачѣмъ же, избирая нашего королевича, вступая съ нами въ дружбу, требуютъ непремѣнно, чтобы королевичъ крестился въ греческую вѣру, и чтобы поляковъ не вводить, не принимать на службу и не помѣщать ихъ на границѣ? Креститься велятъ христіанину; слѣдовательно насъ не считаютъ христіанами: хорошо же расположеніе къ нехристямъ! и хорошо они думаютъ о бу-

дущемъ царѣ, если полагаютъ, что за кусокъ хлѣба онъ согласится быть ренегатомъ и потерпѣть поруганіе у всѣхъ народовъ и даже у нихъ самихъ! И зачѣмъ же бояться поляковъ, не пускать ихъ, когда съ ними входятъ въ любовь. Какъ же это? Польскаго королевича берутъ себѣ въ цари, а поляковъ боятся!» Друзья Жолкѣвскаго, какъ и онъ самъ, двоили: говорили, что договоръ, постановленный имъ, нужно соблюдать, но въ то же время опровергали его по частямъ и не располагали совершить избраніе Владислава такъ, какъ желали московскіе люди *).

Канцлеръ Левъ Сапѣга, сторонникъ Жолкѣвскаго, въ общихъ словахъ говорилъ, что нужно держать слово, данное москвитянамъ, но въ то же время старался угодить королю и соглашался съ его взглядами.

Доводы Потоцкихъ сходились съ собственными убѣжденіями Сигизмунда. Находясь подъ вліяніемъ іезуитовъ, этотъ король ясно понималъ недѣльность воцаренія сына на московскомъ престолѣ. Онъ предвидѣлъ, что Владиславъ, избираемый по неволѣ, не усидитъ на немъ, и его воцареніе ничего не произвело бы, кромѣ новыхъ кровопролитій. Гораздо благоразумнѣе казалось воспользоваться теперь же разстроеннымъ состояніемъ Московскаго государства, овладѣть имъ, присоединить ко всей Рѣчи Посполитой, порѣшить вѣковой споръ между двумя соперничествующими державами и отвратить отъ Рѣчи Посполитой опасность въ будущемъ, которую тогда уже многіе зрѣлые умы, подобно Сигизмунду, предвидѣли, понимая, что исторія такъ поставила отношенія между Польшею и Московскимъ государствомъ, что если первая не уничтожитъ послѣднее, такъ послѣднее уничтожитъ первую. Даже въ династическомъ отношеніи Сигизмундъ долженъ былъ предпочесть этотъ путь. Если ему, какъ отцу, хотѣлось, чтобы сынъ его цар-

*) Kobierz. 338.—Bibl. Kr. B. 16.

ствовалъ, то онъ могъ болѣе надѣяться, что поляки, въ благодарность за его безкорыстіе и великій подвигъ расширенія предѣловъ Рѣчи Посполитой, изберутъ на престолъ того же Владислава, и онъ будетъ владѣть не только Москвою, но и Польшею. И вотъ, послѣ совѣщанія, происходившаго 12 августа, король послалъ Андронова къ гетману съ письмомъ и *консидераціями*, гдѣ излагались тѣ основанія, какія представляли Потоцкіе, и между прочимъ было сказано: «Мы обѣщали уже, что въ этомъ дѣлѣ не ищемъ своихъ частныхъ выгодъ, а ведемъ дѣло для пользы Рѣчи Посполитой. Если теперь безъ согласія чиновъ сдѣлать рѣшительный шагъ къ воцаренію Владислава, это значитъ возбудить новое смятеніе; значитъ чужое государство успокоивать, а свое подвергать безпорядкамъ. Притомъ королевичъ слишкомъ молодъ, и для устроенія такого обширнаго государства нужно болѣе опытности и знанія. Отдать королевича этому народу, вѣроломному по причинѣ религіи, грубыхъ обычаевъ, упрямаго сердца, развратныхъ нравовъ, у котораго суровость замѣняетъ право, рабство стало природою,—значитъ испортить молодую натуру королевича, лишить его воспитанія и самую жизнь его подвергать опасности. Если они избираютъ королевича на престолъ, то почему же и королю не идти къ столицѣ, почему имъ не хотѣть бы управляться королемъ? Пусть панъ гетманъ обратитъ на это вниманіе и переговоритъ съ Салтыковыми и съ другими, вѣдающими это дѣло. Впрочемъ, если такова Божія воля, если королевичъ, по согласію всѣхъ, вступитъ въ совершенно успокоенное государство, король отъ этого не прочь, но не иначе, какъ сдержавши свое слово передъ Рѣчью Посполитою, то-есть по волѣ всѣхъ чиновъ государства, и притомъ тогда, когда королевичъ достигнетъ зрѣлаго возраста и Московское государство совершенно будетъ внѣ опасности *)».

*) Bibl. Kr. B. 16.

Андроновъ прибылъ съ этимъ наказомъ уже поздно, 20 августа, по заключеніи договора. Жолкѣвскому, какъ поляку, быть можетъ, и самому было бы пріятно, если бы Московское государство, вмѣсто избранія польскаго королевича въ цари, могло быть присоединено къ его отечеству; но съ его силами это совершить было трудно; дѣло было уже сдѣлано, и онъ понималъ, что тутъ, между прочимъ, дѣйствуетъ зависть его соперниковъ, которые нарочно допустили его заключить договоръ, чтобы потомъ сдѣлать его недѣйствительнымъ и умалить заслуги гетмана. Объявлять объ этомъ было невозможно. Еще прежде Салтыковъ говорилъ ему, что возвести на престолъ Владислава было не легко, а если народъ узнаетъ, что Сигизмундъ хочетъ быть самъ царемъ, то начнется большое кровопролитіе *). Ему ничего не оставалось, какъ скрыть посланіе Сигизмунда, показывать видъ, что на московскомъ престолѣ будетъ сидѣть избранный въ цари королевичъ, а между тѣмъ оставить и упрочить въ столицѣ военную силу. Обстоятельства могли оправдывать въ глазахъ московскаго народа такую мѣру. Бѣгство вора не покончило дѣла. Воръ все еще оставался знаменемъ для недовольныхъ, и ихъ было много. Московская чернь продолжала роптать, не довѣряла полякамъ и не показывала желанія признавать царемъ польскаго королевича. Лица, которыя перешли отъ вора, не увидѣли ласковаго и дружелюбнаго пріема со стороны своихъ собратій. Не хотѣли допустить ихъ въ совѣтъ, не хотѣли признавать званій, въ которыя ихъ пожаловалъ воръ. Жолкѣвскій, напротивъ, принималъ ихъ съ особенною ласкою, и упрашивалъ думныхъ людей помириться съ ними и забыть прошлое. «Это—представлялъ онъ—будетъ заохочи-

---

*) Pism. Żołk. 82.

вать и другихъ отставать отъ вора; напротивъ, если вы съ ними станете обходиться сурово, то и тѣ, что теперь отстали отъ вора, опять туда же убѣгутъ». Но думные люди на это говорили, что достаточно, если ихъ не наказываютъ, а они ихъ равными себѣ ни за что не считаютъ, и въ совѣтъ не примутъ *). Отъ этого изъ передавшихся отъ вора нѣкоторые нарушили данную присягу и обратились къ вору снова. Такъ поступилъ Θедоръ Плещеевъ, и за то сдѣланъ былъ отъ вора воеводою въ Серпуховѣ. Были и такіе, которые не отдавались вору, и не хотѣли, однако, повиноваться королевичу; но всего больше было такихъ, что хоть и покорились наружно обстоятельствамъ, но отнюдь не чаяли добра отъ выбора иноземца на престолъ, да еще изъ Польши. Θедоръ Андроновъ, въ сентябрѣ, въ письмѣ своемъ къ канцлеру Сапѣгѣ говоритъ, что рѣдкій тогда не былъ бунтовщикомъ. Дѣло избранія Владислава скроилось наскоро и по принужденію. Какъ только войско польское удалилось бы—противныя побужденія непремѣнно взяли бы верхъ. Тѣ, которые искренно желали Владислава, составляли меньшинство. Кромѣ вора, у низложеннаго и постриженнаго Шуйскаго была также сторона, и та могла возрастать по мѣрѣ того, какъ возрастало отвращеніе отъ поляковъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ, естественно возникла мысль—оставить въ Москвѣ польское войско. Бояре сами первые изъявили Жолкѣвскому эту мысль. «Какъ только польское войско отдалится—говорили они—чернь взволнуется; воръ изъ Калуги опять подойдетъ къ Москвѣ и его впустятъ въ столицу». Были перехвачены письма, изъ которыхъ увидали, что благопріятели вора толь-

*) Pism. Żołk. 82.

ко того и ожидали, чтобы войско польское удалилось, и тогда можно будетъ сдать Москву вору.

Поляки въ лагерѣ сперва съ радостію, единодушно приняли предложеніе бояръ занять городъ. 16 сентября, литовскій референдарій Александръ Гонсѣвскій былъ посланъ изъ польскаго стана въ Москву, чтобы вмѣстѣ съ уполномоченными отъ боярскаго правительства расписать полякамъ помѣщеніе. Вдругъ одинъ монахъ ударилъ въ колоколъ; народъ всполошился, начали кричать, что поляки по-непріятельски входятъ въ столицу. Тогда бояре испугались народнаго движенія и стали просить польскихъ военачальниковъ пообождать дня три. Оказалось, что народъ возбуждали люди партіи Шуйскаго. По этому поводу ожесточеніе бояръ противъ Шуйскаго до того дошло, что они уже поговаривали, — не перебить ли весь родъ ихъ; защитникомъ Шуйскихъ сталъ тогда гетманъ. Онъ объявилъ боярамъ, что король Сигизмундъ, какъ только узналъ о низложеніи Василія, то приказалъ Жолкѣвскому беречь его и не допускать надъ нимъ и его родомъ насилій. Патріархъ тайно благопріятствовалъ Шуйскому и предлагалъ сослать его въ Соловки; онъ надѣялся, что въ этой отдаленной сторонѣ Шуйскій будетъ безопасенъ до поры до времени, а потомъ съ помощію своихъ сторонниковъ опять станетъ царемъ. Но не такъ сдѣлали бояре, какъ хотѣлось патріарху. По просьбѣ Жолкѣвскаго они отдали ему въ распоряженіе ненавистную семью. Гетманъ тотчасъ приказалъ взять изъ Чудова монастыря братьевъ Ивана и Димитрія съ женою, и отослалъ ихъ съ полякомъ Невѣдомскимъ въ Бѣлую, чтобы препроводить потомъ въ Польшу; сверженнаго царя послалъ въ Іосифовъ монастырь, а его супругу въ Суздальскій Покровскій монастырь.

Гетманъ, сначала охотно согласившись на впускъ вой-

ска въ столицу, потомъ впалъ въ раздумье. Приходилось рѣшить такъ или иначе: или совсѣмъ отходить отъ Москвы, или занимать ее; въ полѣ долѣе оставаться нельзя было, становилось холодно. Жолкѣвскій находилъ, что неудобно ставить войско въ Москвѣ, большомъ городѣ, гдѣ въ тѣснотѣ, во время возмущенія, котораго всегда можно было ожидать, московскіе люди врасплохъ могутъ истребить поляковъ. Но уходить съ войскомъ вовсе отъ Москвы—значило оставить на произволъ судьбы такъ ловко поведенное дѣло и дать возможность собраться и усилиться противодѣйствію, которое неизбѣжно должно было вспыхнуть. Жолкѣвскій былъ увѣренъ, что какъ только сдѣлается извѣстнымъ, что Сигизмундъ для себя, а не для сына, упрочиваетъ Московскую землю, то весь московскій народъ вооружится. Жолкѣвскій выбралъ средину. Уже войску росписаны были помѣщенія въ Кремлѣ, Китай-городѣ и Бѣломъ-городѣ, какъ вдругъ гетманъ собралъ военный совѣтъ и сталъ говорить въ такомъ тонѣ: «Правда, я самъ прежде былъ такого мнѣнія, чтобъ поставить войско въ городѣ, но теперь, осмотрѣвшись, нахожу, что нужно другое; я не могу при такомъ стеченіи людей открыть причины, которыя меня къ этому побуждаютъ, а вы отрядите ко мнѣ депутацію изъ двухъ человѣкъ отъ каждаго полка, и я имъ все объясню».

Такъ и сдѣлалось. Въ гетманскомъ шатрѣ было по двое депутатовъ изъ каждаго полка, и Жолкѣвскій говорилъ имъ такъ: «Москва городъ огромный. Государство Московское всѣ свои суды отправляетъ въ замкѣ, и тамъ управляются провинціи своими приказами. Мнѣ назначаютъ помѣщеніе въ замкѣ, другимъ въ Китай-городѣ, инымъ въ Бѣломъ-городѣ. Пропасть народу сходится въ замкѣ по дѣламъ; иной разъ тысячъ тридцать или двадцать. Выбравши удобное время, они подъ такимъ предлогомъ войдутъ

въ замокъ, возьмутъ его и меня погубятъ, и вы также не уцѣлѣете; къ тому же у меня пѣхоты нѣтъ; все люди неспособные къ пѣшему бою, а у нихъ во власти и стѣны, и ворота. Вспомните, что было при Димитріѣ; сколько нашихъ тогда пропало! То же грозитъ намъ и теперь. А мнѣ кажется, лучше будетъ, если войско расположится по слободамъ, около столицы. Тогда столица будетъ у насъ какъ бы въ осадѣ; посмотрятъ вокругъ себя и не посмѣютъ подняться». Тѣ, которые недавно пришли изъ Польши, соглашались съ совѣтомъ гетмана, и находили съ своей стороны дѣйствительно опаснымъ расположиться въ столицѣ; но не понравилось это полку Александра Зборовскаго, который прежде находился при ворѣ и три года старался добыть столицу. Теперь занять столицу казалось ему исполненіемъ давнихъ стремленій. Депутатъ отъ этого полка, Мархоцкій, возражалъ: «Ваша милость, милостивый панъ, напрасно думаете, что Москва теперь такъ же сильна, какъ при Димитріѣ, а мы такъ слабы, какъ тѣ поляки, что пріѣзжали тогда на царскую свадьбу. Спросите москвичей: они скажутъ, что со времени прихода Рожинскаго до настоящаго времени у нихъ погибло однихъ дѣтей боярскихъ до трехъ сотъ тысячъ. Если ваша милось сомнѣваетесь и боитесь поставить цѣлое войско въ столицѣ, поставьте тамъ по крайней мѣрѣ нашъ полкъ: мы уже рѣшились на то, чтобы или смерть, или награду за службу нашу получить въ Москвѣ. А что ваша милость думаете разставить въ слободахъ войско, то это значитъ ввести его въ бо̀льшую опасность, чѣмъ если бы оно было въ самомъ городѣ. Мы только-что подружились съ Москвою и уже такъ ей довѣрились, что большая часть нашихъ ходитъ въ Москву и въ Кремль, когда захочетъ; и въ Краковѣ больше наблюдается осторожности! Теперь вообразите, что̀ будетъ, когда поставите войско въ сло-

бодахъ; наши станутъ ходить въ городъ, да еще безъ оружія; москвичи коварны, выберутъ такое время, когда большая часть нашего войска будетъ въ городѣ, запрутъ ворота, возьмутъ въ плѣнъ тѣхъ изъ нашихъ, которые заберутся въ городъ, а остальныхъ отобьютъ отъ своихъ стѣнъ и прогонятъ. Нѣтъ; ужь лучше и безопаснѣе ваша милость сдѣлаете, если, какъ можно далѣе, уведете войско отъ столицы».

Жолкѣвскому не понравился тонъ, съ какимъ говорилъ Мархоцкій. Онъ закричалъ на него: «Я не вижу того, что видите вы; не угодно ли вашей милости быть гетманомъ; я вамъ уступлю свое начальство».

«Я не хочу начальства, которое принадлежитъ вашей милости, панъ», сказалъ Мархоцкій; «не стану надоѣдать вамъ болѣе своими убѣжденіями, но увѣряю васъ, если только ваша милость не поставите войска въ столицѣ, то и трехъ недѣль не пройдетъ, какъ Москва измѣнится. Я же отъ всего полка моего могу вашу милость увѣрить, что мы не будемъ ждать еще трехъ лѣтъ подъ столицею и добывать ее».

Споръ тутъ рѣшенъ былъ боярами. Четыре человѣка заправляли у нихъ всѣмъ этимъ дѣломъ и настаивали ввести королевскія войска въ столицу. Патріархъ сильно противился, посылалъ къ боярамъ умолять ихъ не пускать латинянъ въ городъ, и приглашалъ бояръ къ себѣ на совѣтъ. Бояре знали, что патріархъ будетъ упорно стоять противъ ихъ намѣренія, а между тѣмъ, самъ имѣетъ власть и вліяніе, и потому хотѣли отдѣлаться отъ него и покончить свое дѣло безъ него; но патріархъ отправилъ къ нимъ сказать, что если они къ нему не придутъ, то онъ самъ къ нимъ придетъ со всѣмъ духовенствомъ. Еслибъ это такъ случилось и народъ узналъ бы объ этомъ, то всякій понялъ бы дѣло такъ, что церковь не

хочетъ того, что дѣлаютъ бояре; тогда народъ поднялся бы окончательно; бояре не допустили торжественнаго шествія къ себѣ духовенства, а сами отправились къ патріарху и застали у него лицъ изъ дворянъ и служилыхъ людей, не раздѣлявшихъ, какъ и онъ, намѣренія пустить поляковъ въ столицу. Сыпались разные упреки и подозрѣнія; одни говорили: «Гетманъ объявилъ, что пришелъ съ войскомъ защищать насъ отъ вора; зачѣмъ же не ведетъ противъ него свои войска? Зачѣмъ же хочетъ въ Москвѣ поселиться? Значитъ, насъ отсюда высылаютъ на войну, а жены и дѣти наши останутся на произволъ у поляковъ въ Москвѣ!» — Другіе же говорили: «Что же это за защитники? Царемъ у насъ хочетъ быть гетманъ, что ли?» На Жолкѣвскаго были явныя причины роптать. О примиреніи его съ Сапѣгою толковали такъ, что Жолкѣвскій не хотѣлъ идти на своихъ, и, будучи самъ полякомъ, примирился съ своимъ землякомъ на счетъ русской земли. Отъ Жолкѣвскаго требовали, чтобы онъ самъ лично шелъ на вора въ Калугу, а Жолкѣвскій, прогнавши вора отъ Москвы, не только не преслѣдовалъ его далѣе, не старался уничтожить, но еще послалъ къ нему одного изъ своихъ пановъ, Валевскаго, уговорить вора и обѣщать ему отъ Сигизмунда удѣлъ и содержаніе, приличное тому сану, который онъ носилъ, и, только въ крайнемъ случаѣ совершеннаго непокорства королевской волѣ, грозилъ усмирить его оружіемъ. Многимъ такое обращеніе съ воромъ казалось оскорбленіемъ для Московскаго государства, которое такъ довѣрчиво положилось на польскаго военачальника. Поднимались голоса вообще противъ присяги Владиславу; доказывали, что все это обманъ, что поляки не друзья, а враги, хотятъ въ конецъ разорить Московскую землю. Мстиславскій, какъ умѣлъ, опровергалъ ихъ и доказывалъ, что

именно для защиты отъ вора и нужно впустить войско въ Москву. Тутъ пріѣхалъ къ нему князь Василій Черкасскій и извѣстилъ, что отъ гетмана прибылъ Александръ Госѣвскій — проситъ, чтобъ Мстиславскій съ боярами вышелъ изъ собранія повидаться съ нимъ. Послѣдній сказалъ: «Гетманъ готовъ идти противъ вора, но остановка за русскими. Пусть только московское войско будетъ готово и выйдетъ въ поле; польское сейчасъ же присоединится!» Мстиславскій попросилъ съ собою Госѣвскаго идти въ собраніе, гдѣ онъ повторилъ то же, что сказалъ Мстиславскому. «Видите ли—говорилъ Мстиславскій—поляки, если и будутъ въ Москвѣ, то не въ большомъ числѣ; а всего будетъ ихъ столько, сколько потребно для защиты города отъ вора, остальные съ нашими пойдутъ на войну. А намъ нельзя нарушить крестнаго цѣлованія, и мы должны умереть за того, кого царемъ себѣ выбрали. Мы отправили пословъ къ королю, такъ надобно ждать, а не измѣнять». Не смотря на всѣ представленія, патріархъ все-таки говорилъ противъ введенія войска; тогда кто-то изъ бояръ замѣтилъ ему: «Дѣло твое, святѣйшій, смотрѣть за церковными дѣлами, а въ мірскія не слѣдуетъ тебѣ вмѣшиваться. Изстари такъ ведется, что не попы управляютъ государствомъ». Въ заключеніе, какихъ-то четырехъ лицъ, особенно кричавшихъ противъ впущенія польскихъ войскъ, Мстиславскій приказалъ схватить и посадить въ тюрьму.

На другой день, тѣ, что̀ вмѣстѣ съ патріархомъ вооружались противъ впущенія войскъ, сошлись съ боярами и отправились къ гетману. Жолкѣвскій жаловался, что на него взводятъ разныя клеветы, оправдывался, изъявлялъ готовность идти противъ вора и не показывалъ охоты вводить войско въ столицу. Сами бояре уговаривали его и представляли крайнюю необходимость ввода. «Какъ только войско отойдетъ, говорили они, то черные люди призо-

вутъ вора, столица попадетъ въ его руки; тогда прольется много крови и насъ всѣхъ перебьютъ; такому дѣлу былъ не одинъ примѣръ. Такъ и недавно сталось съ Шереметевымъ: его при Шуйскомъ убилъ народъ во Псковѣ, гдѣ онъ былъ воеводою». Противъ собственнаго желанія, Жолкѣвскій, уступая только желанію временнаго правительства, рѣшился ввести войско въ Москву. Салтыковъ, Шереметевъ, Голицынъ и дьякъ Грамотинъ ѣздили посреди народа и уговаривали не тревожиться. Взволнованная толпа немного укротилась. Гетманъ началъ вводить войско. Въ Бѣломъ-городѣ поставленъ былъ полкъ Зборовскаго, бывшій, какъ сказано, съ воромъ въ Тушинѣ и болѣе другихъ хотѣвшій засѣсть въ Москвѣ. Въ Китай-городѣ поставили полкъ Казановскаго. Дворы Шуйскихъ были отданы полякамъ подъ постой. Разставлены были въ Москвѣ нѣмцы, передавшіеся полякамъ подъ Клушинымъ, послѣ пораженія Димитрія Шуйскаго. Въ Кремлѣ помѣстился самъ гетманъ. Потомъ вошелъ въ столицу полкъ Александра Гонсѣвскаго, и часть этого полка изъ четырехъ ротъ поставлена была въ Дѣвичьемъ монастырѣ, не входившемъ тогда въ городъ. Поляки вступали въ первопрестольный городъ тихо, свернувши хоругви, для того, чтобы русскіе не замѣтили и не узнали, какъ велико вошедшее войско. Чтобы сохранить постоянное сообщеніе войскъ, поставленныхъ въ Москвѣ, съ Литвою — въ Можайскѣ, Борисовѣ и Версѣ помѣщены были полкъ Струся и Корыцкаго и полкъ самого гетмана. Для продовольствія войска бояре назначили каждой ротѣ, для кормленія, какіе нибудь города съ волостями. Такъ, ротмистръ Маскевичъ, оставившій важный и любопытный дневникъ этихъ происшествій, говоритъ, что на его роту достались Суздаль и Кострома. Это росписаніе удерживало во власти Москвы города и предавало въ руки поляковъ государ-

ство. Пути отъ Вологды и Ярославля и отъ Коломны были въ ихъ рукахъ; по первому пути доставляли имъ разные привозные припасы, а по коломенскому—хлѣбъ. Изъ войска отправлялись товарищи съ пахолками для собиранія запасовъ. Надобно было полякамъ избавиться отъ русской военной силы, чтобы дать себѣ возможность остаться въ городѣ полными господами. Съ этою цѣлью часть московскихъ силъ, находившаяся тогда въ столицѣ, отправлена была какъ будто на помощь къ Струсю; предлогъ былъ благовидный — беречь Москву отъ нападенія вора. Ключи отъ всѣхъ воротъ Бѣлаго-города были у поляковъ; по всей стѣнѣ Бѣлаго-города стояли поляки на стражѣ. Гетманъ распоряжался по произволу московскою казною и сокровищами царей московскихъ и государства Московскаго. Такимъ образомъ, онъ посредствомъ московской сокровищницы избавился отъ Сапѣги. Послѣ примиренія съ гетманомъ, этотъ вождь съ своими удальцами стоялъ подъ Москвою—уже повидимому вѣрнымъ слугою короля. 6 сентября, донскіе казаки, служившіе вору, передъ покоями, гдѣ жилъ Сапѣга, принесли крестное цѣлованіе на имя королевича Владислава *). Но, узнавши о вводѣ войскъ, Сапѣга началъ домогаться права вступить въ Москву. «Мы,—говорили отъ него посланцы гетману,—одинаково служили съ полкомъ пана Зборовскаго; если ему дали въ Москвѣ стать, то и намъ слѣдуетъ». Гетманъ говорилъ имъ, что онъ готовъ другимъ образомъ вознаградить ихъ. Тогда Сапѣга требовалъ, чтобы его пустили въ Рязанскую землю. Но этого Жолкѣвскій не позволилъ. Онъ зналъ, какъ сапѣжинцы стали бы тамъ обращаться; пребываніе въ Рязанской землѣ возбудило бы жителей противъ поляковъ вообще, а между тѣмъ Рязанская земля присягнула Владиславу безъ сопротивленія. Онъ

*) Diar. Sapiehy.

дозволялъ имъ идти въ Сѣверскую землю, потому что эта земля не признавала Владислава и держалась еще вора. «Эта служба будетъ лучше для Рѣчи Посполитой,—доказывалъ гетманъ,—вы приведете Сѣверскую землю въ повиновеніе.» Сапѣжинцы этимъ не удовлетворялись, потому что Сѣверская земля уже была разорена и не представляла надеждъ на поживу. Жолкѣвскій обѣщалъ имъ дать изъ московской казны 10,000 рублей: собранныя прежде сокровища царскія въ первый разъ должны были тратиться на вознагражденіе тѣмъ, которые столько лѣтъ разоряли московскую землю. Новое оскорбленіе націи со стороны Жолкѣвскаго! 12 сентября, Сапѣга пріѣхалъ въ Москву къ коронному гетману проститься съ нимъ. Здѣсь онъ увидалъ братьевъ Шуйскихъ, Ивана и Димитрія; бояре, прежніе ихъ товарищи, отдали ихъ гетману, говоря, что боятся крамолъ, которыя этотъ родъ постоянно устраивалъ. Получивъ обѣщанныя деньги, Сапѣга ушелъ въ Сѣверскую землю, и сдва выступилъ изъ-подъ Москвы за 12 верстъ, гонецъ отъ гетмана привезъ ему еще тысячу московскихъ рублей на вылѣчку раненыхъ и больныхъ.

На первыхъ порахъ Жолкѣвскій держалъ поляковъ въ дисциплинѣ. Чтобы привязать къ себѣ москвичей и увѣрить ихъ въ своей справедливости, онъ устроилъ судъ, смѣшанный изъ поляковъ и москвичей; судьи должны разбирать тяжбы и недоразумѣнія, возникавшія между жителями города и поставленными въ немъ польскими войсками. Тогда Жолкѣвскій изъявилъ опасеніе, что наемное нѣмецкое войско, вошедшее въ Москву, можетъ при случаѣ измѣнить польскому, какъ оно уже измѣнило московскому подъ Клушинымъ. Сами бояре боялись, что, въ случаѣ народнаго мятежа, нѣмцы могутъ пристать къ толпѣ, какъ только увидятъ, что перевѣсъ потянулъ на сторону черни, и тогда выдадутъ бояръ на убой. Они по-

давали Жолкѣвскому совѣтъ выслать ихъ. Въ этихъ видахъ, изъ двухъ тысячъ съ половиною нѣмцевъ, Жолкѣвскій оставилъ только восемь сотъ нѣмцевъ, а прочихъ выслалъ, заплативъ имъ за службу изъ той же царской казны, изъ которой заплатилъ уже Сапѣгѣ. Вотъ еще разъ эта казна расточалась на вознагражденіе предателямъ Московской земли, какъ передъ тѣмъ изъ нея вознаградили ея разорителей.

Оставалось въ городѣ тысячъ восемьнадцать стрѣльцовъ; сила эта была опасна въ случаѣ возстанія. Главнымъ надъ ними былъ уже назначенъ отъ короля—Иванъ Салтыковъ. но бояре и ихъ боялись, и Жолкѣвскій, по совѣту бояръ, отправилъ одну часть стрѣльцовъ съ Салтыковымъ въ Новгородъ, а другая часть поступила подъ начальство Гонсѣвскаго. Это былъ шагъ очень смѣлый. До того не было примѣра, чтобы надъ царскимъ войскомъ главноначальствовалъ иноземецъ по происхожденію; однако, Жолкѣвскій предотвратилъ ропотъ по этому случаю подарками и попойками: у него были въ распоряженіи готовыя московскія деньги, и съ ними онъ могъ успѣвать для польскихъ видовъ, разумѣется, на короткое время. Чтобы соблюсти наружную правду, Сигизмундъ прислалъ Гонсѣвскому грамату на боярство и назначилъ его бояриномъ въ стрѣлецкомъ приказѣ: дѣло повернулось, какъ будто Гонсѣвскій начальствовалъ не какъ иноземецъ, а въ качествѣ московскаго боярина; но это отнюдь не согласовалось съ договоромъ, гдѣ не было дано права жаловать въ боярство чужеземцевъ даже царю, тѣмъ болѣе отцу его, королю польскому, не облеченному никакимъ правомъ вмѣшиваться въ московское управленіе. Наконецъ, Жолкѣвскій поладилъ наружно съ самимъ патріархомъ. Когда введено было въ Москву войско, патріархъ былъ къ нему враждебенъ. Гетманъ не рѣшился тотчасъ навѣстить его, но по-

сылалъ къ нему письма очень вѣжливыя и почтительныя, обѣщалъ въ нихъ справедливость и, главное, уваженіе къ греческой вѣрѣ, а потомъ отправился къ нему лично, и затѣмъ еще нѣсколько разъ бывалъ у него. Патріархъ мало по малу сталъ глядѣть на него веселѣе и обращался съ нимъ дружелюбно, хотя не вполнѣ довѣрчиво. Не таковъ былъ Гермогенъ, чтобъ его могли совсѣмъ обольстить поляки, чтобъ онъ могъ по душѣ сойтись съ какимъ бы то ни было латинникомъ.

Увѣряя москвичей, что Владиславъ пріѣдетъ, гетманъ зналъ хорошо, что Владислава не будетъ, что Москвѣ со всей московской землей готовится не воцареніе польскаго королевича, а порабощеніе Польшѣ. Андроновъ писалъ въ сентябрѣ къ канцлеру Сапѣгѣ: «Пану гетману показалось лучше всего обойтись съ москвичами сообразно ихъ собственнымъ *штукамъ*, а какъ приберутъ ихъ къ рукамъ, такъ эти штуки мало помогутъ имъ, и мы надѣемся на Бога, что современемъ разрушимъ ихъ штуки и поворотимъ ихъ умыслъ на иную, правдивую сторону» *).

Жолкѣвскому хотѣлось только обмануть москвичей именемъ Владислава и успокоить Московскую землю на короткое время, а самому убраться отсюда, чтобы, когда откроется обманъ, никто уже не имѣлъ случая смотрѣть ему въ глаза. Принявши отъ московскихъ людей присягу на имя Владислава, увѣрявши такъ долго и такъ горячо, что Владиславъ пріѣдетъ царствовать въ Московскомъ государствѣ, Жолкѣвскій хотѣлъ избѣжать необходимости сказать московскимъ людямъ: «Нѣтъ, не Владиславу, вашему царю, а польскому королю служить вы будете». Жолкѣвскій предоставлялъ лучше другимъ додѣлать и передѣлать то, что онъ началъ и вполовину сдѣлалъ и что

---

*) А. И. II, 356.

ни въ какомъ случаѣ не могло оставаться въ первоначальномъ видѣ.

Между тѣмъ, польское войско въ Москвѣ требовало платы отъ правительства. Жолкѣвскій взялъ еще изъ царской казны десять тысячъ червонцевъ и роздалъ больнымъ, раненымъ и наиболѣе бѣднымъ; но этого было недовольно, нужно было еще истощить царскую казну, а черезъ то еще болѣе накоплялось недовѣріе и нерасположеніе московскихъ людей къ полякамъ. Жолкѣвскій, предвидя, что гроза близка, рѣшился наконецъ убраться изъ Москвы и объявилъ, что помѣщенный въ столицѣ польскій гарнизонъ остается подъ начальствомъ Гонсѣвскаго, а самъ онъ отправляется къ королю домогаться скорѣйшаго окончанія дѣла и присылки Владислава.

Тогда Мстиславскій явился къ нему въ сопровожденіи ста дворянъ и сталъ убѣждать оставаться. «Только ты, паче гетмане» — говорилъ онъ — «можешь успокоивать народъ; только при тебѣ не дойдетъ до ссоры между польскимъ войскомъ и московскимъ народомъ. Поляки задорны; ихъ некому будетъ держать въ рукахъ, а наши москвичи не любятъ иноземцевъ, и какъ разъ начнется смута».

«Не ради моего, а ради вашего дѣла долженъ я ѣхать», отвѣчалъ Жолкѣвскій. «Я затѣмъ и отлучаюсь, чтобы какъ можно скорѣе привести къ концу дѣло и успокоить Московскую землю. Я буду просить его величество, чтобы онъ поскорѣе присылалъ Владислава на царство, котораго всѣ желаютъ и ждутъ; поэтому, когда я ворочусь, то вы примете меня съ такою же радостію, какъ теперь хотѣли бы не пустить и удержать. Пусть только москвичи будутъ тверды въ крестномъ цѣлованіи своему государю, а бояться своевольства польскихъ воиновъ нечего; я все такъ устрою, чтобы надъ ними оставалась та же строгость безъ меня, какъ при мнѣ».

Мстиславскій долженъ былъ согласиться и говорилъ: «Для твердости дѣла нужно, чтобы король безъ отлагательства созвалъ сеймъ и привезъ туда нашихъ московскихъ пословъ; тамъ бы дѣло нашихъ государствъ было покончено и получило крѣпость и силу согласіемъ короля и всѣхъ чиновъ Рѣчи Посполитой. Мы знаемъ, что у васъ, поляковъ, ничего просто не дѣлается безъ сеймоваго приговора, и какъ сеймъ окончится, тогда пусть немедля жалуетъ къ намъ великій государь нашъ Владиславъ; мы просимъ, пане гетмане, передать наше желаніе его величеству».

Въ послѣдній разъ собралъ гетманъ свое войско, осмотрѣлъ его, назначилъ надъ нимъ, вмѣсто себя, Гонсѣвскаго, и говорилъ такое наставленіе: «Мужествомъ и доблестями вашими мы овладѣли Московскимъ государствомъ и довели до того, что Московское государство, приговоромъ всей земли, просило государемъ своимъ и всей Руси королевича Владислава. Вѣрьте мнѣ, что теперь дѣло наше сохранитъ уже не храбрость ваша, не оружіе, а военная дисциплина, скромность и безобидное обхожденіе съ москвичами. Вотъ вѣрная стража, вотъ непреодолимая ограда власти Владислава. Видите ли, какъ москвитяне, памятуя ваши прежнія своевольства и нахальства, да къ тому же еще грабежи, безпрестанные задоры и оскорбленія, съ трудомъ хотѣли отпустить меня отъ васъ! Я старался разсѣять подозрѣніе и поручился за васъ вѣрою моею Мстиславскому и другимъ боярамъ—пусть же не напрасна будетъ моя надежда на избранныхъ воиновъ; думаю, что вы не забываете своего достоинства, дорожите своею честію. Если моя честь для васъ не важна, то васъ связываетъ присяга, данная Владиславу, котораго скипетръ и корона вамъ поручены. Какъ только москвитяне почувствуютъ ваше господство надъ собой, тотчасъ станутъ къ вамъ дышать враждою, и

какъ нарушится съ вами согласіе, такъ нарушится ихъ покорность, которую такъ недавно они принесли съ охотою. Смотрите же, чтобъ не пропали даромъ наши военные труды, и, по причинѣ чьего нибудь своевольства, Владиславъ не упустилъ бы того, что̀ пріобрѣла ему доблесть подданныхъ. Не пройдетъ вамъ даромъ ни малѣйшее преступленіе, накажется оно такъ скоро, что прежде москвитяне услышатъ о наказаніи виновныхъ, чѣмъ ихъ жалобы дойдутъ до начальства. Наконецъ, помните вашего предводителя, пусть онъ остается въ душѣ у васъ. Я ѣду къ королю за тѣмъ, чтобы представить ему о вашей вѣрной службѣ, трудахъ, кровавыхъ страданіяхъ и просить щедраго и милостиваго вамъ награжденія».

Привезли снова въ Москву бывшаго царя Василія. Онъ долженъ былъ слѣдовать съ Жолкѣвскимъ въ изгнаніе. Въ день выѣзда, на улицахъ собралось множество народа провожать гетмана. Съ домовыхъ кровель и изъ оконъ посылали Жолкѣвскому желаніе счастливой дороги и скораго возвращенія. Бояре и дворяне ѣхали съ нимъ верхомъ и разстались верстъ за семь отъ столицы. Впереди везли въ коляскѣ сверженнаго Шуйскаго; никто не осмѣлился оказать ему знаковъ сочувствія.

IV.

Отношенія польскаго войска къ жителямъ столицы.— Состояніе областей.—Награды отъ Сигизмунда московскимъ людямъ.

Гонсѣвскій остался предводителемъ войска, котораго въ Москвѣ, кромѣ наемныхъ нѣмцевъ, было четыре тысячи четыреста человѣкъ. Гонсѣвскій, дѣятельный и строгій, казался человѣкомъ съ качествами, нужными для начальника въ такое время. Онъ зналъ Московскую землю, бывалъ въ ней прежде, говорилъ хорошо по-русски, освоился съ обы-

чаями и правами края. Нѣсколько недѣль, еще до отъѣзда Жолкѣвскаго, поляки съ русскими пребывали видимо ладно, по крайней мѣрѣ на сколько это было возможно между ними: «Жили мы съ дружбою на словахъ и съ камнемъ за пазухой», говоритъ современникъ; довѣрія, разумѣется, не было ни на волосъ съ обѣихъ сторонъ. Польская стража стояла день и ночь на стѣнахъ города; вооруженные отряды безпрестанно разъѣзжали по столицѣ; народъ глядѣлъ на поляковъ изподлобья; но не смотря на это, одинаковость происхожденія и сходство въ характерѣ иногда сводили поляковъ съ московскими людьми. Обыкновенно русскій дичился сначала поляка, но когда по какому-нибудь случаю сходился съ нимъ и послѣдній умѣлъ его обойти и показаться ему добрымъ человѣкомъ, то знакомство между ними легко завязывалось. Маскевичъ, въ своемъ любопытномъ дневникѣ, разсказываетъ, какъ онъ сошелся съ окольничьимъ Өедоромъ Головинымъ: «Сначала—говоритъ онъ—не хотѣли меня пускать во дворъ;» ворота вѣчно были заперты у московскаго домохозяина, но потомъ полякъ сыскалъ предлогъ втереться къ нему; онъ сказался давнимъ знакомымъ его брата и жены его, которые убѣжали въ Литву при царѣ Грозномъ. Такъ онъ говорилъ Головину, но въ самомъ дѣлѣ Маскевичъ никогда не зналъ и не видалъ этихъ лицъ. Головинъ не только подружился съ нимъ, но и называлъ его роднымъ, кумомъ. Маскевичъ ввелъ съ собой и другихъ поляковъ, своихъ товарищей, въ домъ Головина. Русскій хозяинъ радушно принималъ всякаго, кого къ нему приводилъ названный кумъ. Подобнымъ же образомъ и другіе поляки втирались въ дома. Стали даже поляковъ приглашать на свадьбы и на пиры, забавляя ихъ продѣлками шутовъ, которые, живя въ домѣ знатнаго человѣка, были всегда на готовѣ, по приказанію господина, плясать, вертѣться на канатѣ, кривляться и пѣть пѣсни;

выводили къ нимъ изъ женскихъ половинъ дворянокъ (челядницъ) и заставляли ихъ потѣшать поляковъ хороводными пѣснями и пляскою, которая гостямъ, привыкшимъ къ польскимъ танцамъ, казалась простымъ поготопаньемъ и рукомаханьемъ. Многое въ обычаяхъ Московской земли приводило въ изумленіе поляковъ: и цѣлованіе съ разрумяненными женщинами, выходившими за обѣдомъ къ гостямъ, и горькій правежъ неоплатныхъ должниковъ у дверей приказа, и трезвость почтенныхъ особъ московскаго общества, противоположная разгульной жизни поляковъ.

Но нигдѣ такъ не являлось противорѣчіе между московскимъ человѣкомъ и полякомъ той эпохи, какъ въ гражданскихъ и государственныхъ понятіяхъ обоихъ народовъ. Обласканные москвичами поляки стали было восхвалять свою золотую вольность: «Вотъ вы не знаете, чтó такое вольность, ея у васъ не было, — а какъ съ нами соединитесь, такъ и вы получите вольность!» Москвичи имъ на это давали такой отвѣтъ: «Вамъ дорога ваша вольность, а намъ дорога наша неволя. У васъ не вольность, а своевольство. Вы думаете, что мы не знаемъ, какъ у васъ сильный давитъ слабаго, можетъ у него отнять имѣніе, самого убить? А какъ по вашему праву начать на немъ искъ, такъ протянутся десятки лѣтъ, пока приговоръ выйдетъ, — а другой и никогда не дождется его! У насъ же самый богатый бояринъ ничего не можетъ сдѣлать самому послѣднему человѣку, потому что по первой жалобѣ защититъ отъ него царь. А если самъ царь со мною поступитъ несправедливо, то ему все вольно дѣлать, какъ Богу: онъ и караетъ, и милуетъ. Тяжело отъ своего брата терпѣть, а когда меня самъ царь накажетъ, то вѣдь онъ на то государь, надъ которымъ нѣтъ большаго на землѣ; онъ солнце праведное, свѣтило русское» *). Поляки изъ этихъ рѣчей увидали,

*) Pam. Mask. 43.

что московскіе люди, какъ ни мало знакомы съ науками, которыя уважала Польша, но знаютъ о недостаткахъ польской жизни, прикрытыхъ блестящимъ свободословіемъ.

Послѣ ухода Жолкѣвскаго, жолнѣрство стало своевольствовать. Трудно было какими нибудь убѣжденіями усмирить его, когда въ тѣ времена вообще было такое убѣжденіе, что кто только вступилъ въ военную службу, то ему дозволяется то, что недозволительно другому: и дѣлать насилія невоеннымъ людямъ, и похищать чужое, въ особенности когда воинъ находится въ чужой землѣ. «Мы нагрѣшимъ да исповѣдуемся, — говорили жолнѣры-католики,— а у отцовъ-францисканов такое есть изъ Рима отпущеніе, что хотя бы кто чорта съѣлъ, такъ и тому грѣхъ простится!» На первыхъ порахъ, Гонсѣвскій строго преслѣдовалъ удалыя выходки. Блонскій, аріанинъ, стоялъ на сторожѣ у Никольскихъ воротъ, и подгулявши, для забавы, выстрѣлилъ нѣсколько разъ въ изображеніе Богородицы, находившееся, по московскому обычаю, на воротахъ. Дѣло было не шуточное. Оно одно могло возмутить весь городъ. Какъ только бояре пожаловались предводителю, онъ приказалъ судить преступника, и ему всенародно отрубили обѣ руки и ноги, и прибили на воротахъ, гдѣ онъ стрѣлялъ, а туловище, еще живое, сожгли на кострѣ передъ этими самыми воротами. Но оскорбить чужую святыню было тогда молодечествомъ. По примѣру Блонскаго, кто-то потомъ выстрѣлилъ въ церковный куполъ: и съ нимъ было бы то же, что съ Блонскимъ, да не отыскали виновнаго. Затѣвали жолнѣры поживляться женскимъ поломъ, и это не удавалось. Шелъ московскій человѣкъ съ женою и дочерью изъ бани. Какой-то нахолокъ схватилъ дочь и увелъ; некого было позвать на помощь, и не зналъ отецъ, на кого приносить жалобу. Гонсѣвскій приказалъ непремѣнно отыскать виновнаго. Двѣ недѣли шелъ розыскъ; наконецъ,

нашли дѣвушку, привели въ родительскій домъ, а жолнѣра судили и приговорили-было къ смерти, но одинъ изъ судей, Бобовскій, предложилъ наказать его не по польскимъ, а по московскимъ обычаямъ: его высѣкли кнутомъ всенародно. Московскимъ людямъ это понравилось, да и преступникъ, по замѣчанію Маскевича, не остался недоволенъ. Хоть спину исписали, да голову оставили. Съ однимъ поступлено было черезъ мѣру строго. Войсковой товарищъ Тарновецкій пьянствовалъ вмѣстѣ съ попомъ, и, поссорившись съ нимъ, ударилъ его по лицу до крови. За это Гонсѣвскій велѣлъ ему отрубить руку противъ Фроловскихъ воротъ, въ Китай-городѣ. Не только бояре, самъ патріархъ говорилъ, что за такую вину не слѣдовало казнить такъ жестоко. Въ тогдашнихъ нравахъ драка было явленіе черезчуръ обыденное. Однако, Гонсѣвскій хотѣлъ показать своимъ подчиненнымъ примѣръ строгости на будущее время. Но трудно было присмотрѣть за всѣмъ, притомъ же не всѣ жолнѣры были вмѣстѣ въ Москвѣ. Изъ каждой роты товарищи съ пожитками отправлялись въ отпускаемые на ея прокормленіе города сбирать продовольствіе, и тамъ-то была имъ своя воля. «Наши—говоритъ тотъ же дневникъ— ни въ чемъ не знали мѣры; они не довольствовались тѣмъ, что съ ними обходились ласково, но что кому нравилось, то и брали, хоть бы у помѣщика жену или дочь». Начало повторяться въ Московской землѣ то, что было при Тушинскомъ ворѣ. Тогда бояре, чтобы не допустить до возстанія, сговорились съ Гонсѣвскимъ не посылать жолнѣровъ за продовольствіемъ, а жители въ городахъ должны были сами собирать деньги, по 50 злотыхъ на конпаго, и эти деньги привозить въ Москву, и тамъ уже ихъ надлежало раздавать гарнизону.

Примѣръ Москвы подѣйствовалъ сначала на города въ пользу Владислава. Въ присланныхъ граматахъ обнадежи-

вали народъ, что Владиславъ приметъ православную вѣру, что съ нимъ не будетъ поляковъ: поэтому не было повода къ сопротивленію. Владиміръ, Ярославль, Нижній, Ростовъ, Устюгъ, Вологда, Бѣлоозеро, присягнули Владиславу. Великій-Новгородъ нѣсколько упорствовалъ и не хотѣлъ было впустить Ивана Михайловича Салтыкова, но потомъ согласился и присягнулъ, съ условіемъ, чтобы Салтыковъ не вводилъ въ городъ поляковъ и литовцевъ. Присягнули Владиславу — Коломна, Серпуховъ, Тула. Прокопій Петровичъ Ляпуновъ, рязанскій воевода, державшій, какъ и прежде, всю Рязанскую землю подъ своимъ вліяніемъ, безъ противорѣчія одобрилъ избраніе Владислава и послалъ къ гетману въ Москву сына своего Владиміра. Гонсѣвскій обласкалъ его, одарилъ и отправилъ съ честью назадъ къ отцу. Прокопій Петровичъ старался доставлять водою съѣстные припасы въ Москву для поляковъ, и былъ тогда самымъ ревностнымъ доброжелателемъ ихъ. Псковъ держался Димитрія. Его земли наводнили бродячія шайки Лисовскаго и Просовецкаго; они требовали вѣрности Димитрію. Сначала друзья, эти два предводителя своевольныхъ шаекъ разсорились между собою и подрались до того, что съ обѣихъ сторонъ у нихъ на бою пало до тысячи человѣкъ. Города Великіе-Луки, Торопецъ, Иванъ-городъ, новгородскіе пригороды Яма, Копорье, Орѣшекъ, не слушались Новгорода и признавали Димитрія. Тверь, Торжокъ и прилежащіе города были во власти поляковъ, которые своевольничали тамъ самымъ непозволительнымъ образомъ и уже внушили омерзѣніе какъ къ полякамъ вообще, такъ и къ воцаренію ихъ королевича въ Московскомъ государствѣ. На Волокѣ и въ окрестностяхъ его, Руцкій съ шайкою, составленною изъ поляковъ и черкасъ, билъ, грабилъ людей, опустошалъ землю. Поляки, литовцы и южно-русскіе удальцы (черкасы), валентари, какъ ихъ называли тогда,

величая себя королевскимъ войскомъ, подъ предлогомъ сбора продовольствія и конскаго корма, сновали изъ уѣзда въ уѣздъ, нападали на помѣстья дворянъ и дѣтей боярскихъ, разоряли и убивали владѣльцевъ и крестьянъ, сожигали дворы и вообще отличались особеннымъ варварствомъ и жестокостью. Старая-Руса, съ ея уѣздомъ, была во власти атамана Лаврина Рудницкаго, начальника двухтысячнаго запорожскаго казацкаго отряда, который тамъ неистовствовалъ дикимъ образомъ. Казань, Вятка, Пермь, Астрахань не хотѣли присягать Владиславу и склонялись къ Димитрію, чего не хотѣли сдѣлать тогда, когда еще онъ былъ силенъ, и когда ему другіе давали присягу изъ страха. Теперь, когда они услышали, что Москва признаетъ польскаго королевича, и поняли дѣло такъ, какъ оно дѣйствительно было, то-есть, что поляки покоряютъ Московское государство и надобно будетъ повиноваться полякамъ, они готовы были ухватиться за какое нибудь царственное имя; оставаться безъ царя было непонятно: еще не было такого примѣра. Въ восточныхъ краяхъ стало полное нестроеніе; шайки русскихъ удальцовъ, казаковъ съ Дона, казаковъ съ Запорожья, грабили и разоряли края; взбунтовались черемисы и также ходили шайками и нападали на русскихъ.

Земля Сѣверская признавала вора. Сапѣга взялся приводить ее на вѣрность къ королю. Его необузданное войско славилось неистовствами. Сапѣжинцы расположились въ уѣздахъ Мещовскомъ, Воротынскомъ, Перемышльскомъ, разоряли и убивали жителей, брали въ плѣнъ мальчиковъ *). Иванъ Михайловичъ Салтыковъ въ донесеніи своемъ королю объявляетъ, что неистовства и безчинства, производимыя тогда по разнымъ мѣстамъ поляками, литовцами и чер-

*) А. И. II, 375.

касами, были причиною того, что тѣ города и земли, которые еще не присягнули королевичу, боялись на это рѣшаться и указывали съ укоромъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жители уже дали присягу, королевскія войска или бродяги, выдающіе себя за принадлежащихъ къ королевскому войску, свирѣпствовали и обирали жителей. Изъ этого замѣчали, что присяга Владиславу не спасаетъ ихъ отъ разоренія, и черезъ то многіе изъ присягнувшихъ стали отпадать и склоняли народъ къ отпаденію. Дворяне и дѣти боярскіе повсемѣстно не сознавали, куда имъ по справедливости пристать, потому что не чувствовали ни на какой сторонѣ правды; равно беззаконнымъ казалось имъ насильное навязываніе землѣ въ цари польскаго королевича, какъ и домогательства обманщика, и они искали только близкихъ своихъ выгодъ или безопасности, и получали себѣ помѣстья, кто бы ими ихъ ни жаловалъ: давалъ помѣстья воръ Калужскій, давалъ на Руси помѣстья король Сигизмундъ, гетманъ Жолкѣвскій, Госѣвскій, литовскій канцлеръ, давалъ въ Москвѣ помѣстья Мстиславскій, Салтыковъ—всякій, кто на тотъ часъ былъ силенъ, тотъ и давалъ помѣстья; никто права не имѣлъ давать ихъ. Были такіе, что присягнули Владиславу, и даже королю, и получали помѣстья, а потомъ разоряли ихъ поляки; тогда они составляли шайки и шли въ свою очередь разорять свою братію. Таково было положеніе русской земли въ послѣдніе мѣсяцы 1610 года.

Не прошло мѣсяца, какъ Госѣвскій, такъ строго наказывавшій жолнѣровъ за своеволіе, самъ помѣстившись въ Москвѣ, началъ обращаться своевольнѣе съ государствомъ, чѣмъ его подчиненные съ москвичами; онъ не обращалъ вниманія, чего хотятъ или не хотятъ бояре, самъ судилъ-рядилъ, тратилъ казенные сборы и возбудилъ недовольство въ самыхъ преданныхъ польскому дѣлу боярахъ. Ми-

хайло Салтыковъ жаловался *) канцлеру Сапѣгѣ, что польскій предводитель не слушаетъ ни его приговора, ни другихъ подобныхъ, взялъ всѣ дѣла на себя, вопреки московскимъ обычаямъ, отстранилъ отъ дѣлъ и Мстиславскаго, и другихъ бояръ; однимъ по его волѣ раздаются помѣстья и жалованье, у другихъ отнимаются дворы, помѣстья и вотчины; оставлены въ нищетѣ ихъ семьи, казнятъ безъ суда и безъ обвиненія, прямо вопреки договору съ Жолкѣвскимъ, гдѣ даже новоизбранному царю не дозволялось смѣщать властей и казнить безъ боярскаго приговора. Салтыкова и другихъ его единомышленниковъ сильно оскорбляло то, что Гонсѣвскій болѣе всѣхъ довѣрялъ Андронову, человѣку низкаго происхожденія, который вошелъ въ силу и въ значеніе, и отъ Сигизмунда получилъ въ управленіе казенный дворецъ, а потомъ находился у пріема челобитныхъ. Отецъ его—говорилъ Салтыковъ—торговалъ лаптями въ Погорѣломъ Городищѣ. Борисъ Годуновъ взялъ его въ Москву для вѣдовства и еретичества, и былъ онъ на Москвѣ торговый мужикъ. Теперь этотъ сынъ лапотника ворочалъ дѣлами государства и былъ важнѣе всѣхъ бояръ. Андроновъ съ своими совѣтчиками составлялъ списокъ людей, занимавшихъ мѣста думныхъ людей и дьяковъ, отмѣчалъ тѣхъ, которыхъ считалъ недоброжелателями короля, обвинялъ иныхъ въ шептаніи и еретичествѣ **).

Дворяне и дѣти боярскіе и всякаго званія люди, бѣжавъ изъ Москвы, разносили по городамъ вѣсти о насиліяхъ по-

---

*) А. И. II, 360.

**) А. И. II, 366.—Тогда заправляли дѣлами дьякъ Соловецкій, правившій новгородскою четью, Евдокимъ Витовтовъ, дьякъ въ Разрядѣ, Иванъ Грамотинъ въ Посольскомъ приказѣ, князь Мещерскій въ Большомъ приказѣ, князь Ю. Дим. Хворостининъ въ Пушкарскомъ; въ Панскомъ приказѣ посаженъ Михайло Молчановъ, а въ Казанскомъ дворцѣ—Иванъ Салтыковъ, думный дьякъ Чичеринъ. Съ такими думцами—писалъ Салтыковъ—не быть къ Москвѣ ни одному городу.

ляковъ и возбуждали къ отпаденію отъ короля на сторону вора. Многіе присягнули королевичу, обнадеженные тѣмъ, что королевичъ скоро прибудетъ; но прошли октябрь, ноябрь, декабрь, а королевичъ не ѣхалъ. Земля приходила въ большое нетерпѣніе.

Сигизмундъ, какъ истинный государь московскій, уже не отъ имени сына, а отъ собственнаго своего жаловалъ въ бояре, въ окольничьи, назначалъ воеводъ и дьяковъ, даже Мстиславскаго, которому недавно самому предлагали корону, пожаловалъ конюшимъ, взялъ на себя раздачу помѣстьевъ, а вслѣдствіе того московскіе служилые люди стали уже подписываться холопями не Владислава, а Сигизмунда. Многіе дворяне и дѣти боярскіе, воспитанные безурядицею, для которыхъ, какъ говорится, что ни попъ, то батька,—выпрашивали отъ Сигизмунда грамоты на помѣстья. Сигизмундъ былъ очень радъ случаю, и раздавалъ такія грамоты очень щедро отъ своего имени, а не отъ имени сына, слѣдовательно, тѣмъ самымъ заявлялъ, что онъ самаго себя считаетъ господиномъ Московской земли, и челобитныя русскихъ служилыхъ людей—о надѣленіи ихъ землями въ Московскомъ государствѣ подавали ему благовидный предлогъ указывать, что русскіе люди желаютъ его имѣть государемъ. Впослѣдствіи онъ могъ утверждать, что уже на самомъ дѣлѣ владѣлъ Московскимъ государствомъ, когда дѣлалъ то, чего не въ правѣ былъ дѣлать никто, кромѣ облеченнаго верховною властью. Важныхъ родовъ бояре били челомъ Сигизмунду о своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ. Такъ, Ѳедоръ Иван. Шереметевъ умиленно просилъ Льва Сапѣгу походатайствовать у короля за его вотчину и деревнишки *). Знатные бояре поручали вниманію канцлера своихъ благопріятелей **). Такъ,

*) А. И. II, 355.
**) А. И. II, 352.

Θедоръ Мстиславскій просилъ за Ивана Васильевича Головина; Андроновъ—за дьяка Соловецкаго, управлявшаго Новгородскою четью; дьякъ Грамотинъ—за Никифора Спиридоновича *).

Былъ щедро награжденъ отъ Сигизмунда Григорій Валуевъ съ своимъ родомъ, за то, что изъ первыхъ сдался Жолкѣвскому и призналъ Владислава. Этотъ человѣкъ, убійца перваго, называвшагося Димитріемъ, умѣлъ выиграть при Шуйскомъ, и теперь выигрывалъ отъ новой власти. При названомъ царѣ Димитріѣ былъ онъ простымъ сыномъ боярскимъ; теперь сталъ уже думнымъ дворяниномъ. Никто не осыпанъ былъ такими милостями, какъ Салтыковы: Михайло Глѣбовичъ, кромѣ прежнихъ своихъ имѣній, получилъ имѣніе въ Костромскомъ уѣздѣ и волости—Чаронду и Тотьму, взятыя у Шуйскихъ, отнявшихъ ихъ у Годуновыхъ. Сынъ его Иванъ, кромѣ многихъ помѣстьевъ въ разныхъ уѣздахъ, получилъ волость Вагу, знаменитую по своимъ доходамъ, которые нѣкогда обогатили и возвысили Бориса Годунова. Награждены были и другіе Салтыковы, и въ томъ числѣ Иванъ Никитичъ волостью Глинскихъ въ Ярославскомъ уѣздѣ. Друзья и сторонники Шуйскихъ подвергались разореніямъ и преслѣдованіямъ. Отъ имени польскаго короля дана была грамата московскимъ боярамъ, чтобы они сдѣлали розыскъ **), и всѣ села и деревни, дворцовыя, подклѣтныя и черныя волости, розданныя Василіемъ Шуйскимъ своимъ племянникамъ и заушникамъ, отобрали снова въ казну, и чтобы отыскали даже пожалованныя царемъ Василіемъ деньги, золотые кресты и всякаго рода драгоцѣнности. Можно вообразить, какую дорогу произволу открывало такое распо-

---

*) А. И. П. II, 257.
**) А. З. Р. IV, 366.

ряженіе! Бывшіе въ опалѣ отъ Шуйскаго приняты въ милость и надѣлены помѣстьями и жалованьемъ. Тогда являются въ милости и прежніе любимцы названнаго царя Димитрія. Князь Василій Мосальскій сѣлъ въ боярской думѣ; Юрія Хворостина посадили начальствовать Пушкарскимъ приказомъ; старику Василію Яковлевичу Щелкалову дали помѣстье и вотчину; Аѳанасію Власьеву не видно особыхъ милостей: онъ только получилъ обратно отнятый у него въ Москвѣ дворъ. Тогда въ числѣ челобитчиковъ на прежняго царя Василія явилась и царица инокиня Марѳа, мать Димитрія; она жаловалась, что Шуйскій ограбилъ ее, взялъ у нея все, чѣмъ когда-то пожаловалъ ее царь Иванъ Васильевичъ, да еще кормилъ ее скудно, а людямъ, которые ей служили, не давалъ жалованья денежнаго и хлѣбнаго. Ей не дали ни помѣстьевъ, ни денегъ. Вся милость короля Сигизмунда къ несчастной матери Димитрія ограничилась тѣмъ, что приказано было содержать ее получше, какъ обыкновено содержатъ въ Москвѣ «господарскихъ женъ, что въ черницы постригаются».

V.

Переговоры московскихъ пословъ съ панами подъ Смоленскомъ.

Послы московскіе прибыли подъ Смоленскъ сентября 27, и, по извѣстію поляковъ, были приняты съ большими почестями. Каменецкій староста Христофоръ Зборовскій встрѣчалъ ихъ съ значительнымъ числомъ дворянъ. Ихъ допустили къ королю, передъ которымъ они говорили рѣчь, излагали причину своего посольства, а канцлеръ Сапѣга отвѣчалъ имъ любезно и ласково, и объявилъ, что имъ назначены будутъ переговоры *). Но по русскимъ из-

* Kobierz. 333.

вѣстіямъ ихъ приняли дурно, надменно, даже содержаніемъ своимъ они были недовольны, а рѣчь Сапѣги показалась имъ высокомѣрною. Непріятно отозвалось въ ихъ ушахъ то, что Сапѣга восхвалялъ благодѣянія короля, который хочетъ прекратить кровопролитіе въ Московскомъ государствѣ и успокоить его, и ни слова не сказалъ о королевичѣ и его избраніи, какъ будто бы это былъ совсѣмъ посторонній предметъ *).

До прибытія Жолкѣвскаго изъ-подъ Москвы, московскіе послы имѣли три съѣзда съ панами; главнымъ изъ этихъ пановъ былъ Левъ Сапѣга, канцлеръ. Паны старательно уклонялись отъ вопроса о скорѣйшей присылкѣ въ Москву Владислава, котораго посылать на Московское царство королю не хотѣлось вовсе никогда. Они требовали, напротивъ,чтобы московскіе послы приказали Смоленску сдаться и присягнуть не королевичу, а королю. Напрасно послы ссылались на договоръ съ Жолкѣвскимъ; напрасно представляли, что какъ только Владиславъ будетъ царемъ, то и Смоленскъ его будетъ; напрасно и смольняне съ своей стороны изъявили готовность присягнуть Владиславу, а никакъ не Сигизмунду. Паны увѣряли, будто король хочетъ сдачи Смоленска и присяги на его имя со всею Смоленскою землею только для чести, а послѣ отдастъ Смоленщину своему сыну. Послы поняли, что это однѣ увертки, не соглашались и отговаривались тѣмъ, что у нихъ нѣтъ на то полномочія. Но паны рѣшительно объявили, что король не уйдетъ, не покончивши съ Смоленскомъ, и будетъ добывать этотъ упорный городъ приступомъ, да и взявши Смоленскъ, не намѣренъ сейчасъ же посылать сына въ Москву; прежде онъ самъ пойдетъ въ Московское государство съ войскомъ, уничтожитъ скопище Калуж-

*) Дополн. къ дѣяніямъ Петра Великаго. II, 37—52.

скаго вора, успокоитъ страну, волнуемую партіями, а потомъ вмѣстѣ съ послами отправится на сеймъ, и тамъ будетъ разсуждаться объ отсылкѣ Владислава въ Москву. Все это явно показывало посламъ, что король хочетъ присоединить къ Польшѣ Московское государство, какъ завоеванное оружіемъ, и ему предстоитъ судьба сдѣлаться провинціею Рѣчи Посполитой. Правда, паны не отреклись отъ того, что королевичъ будетъ царемъ, но говорили объ этомъ какъ-то вскользь. Сколько разъ послы ни касались важнѣйшаго вопроса—крещенія королевича въ православную вѣру — имъ отвѣчали гадательно, что въ этомъ дѣлѣ воленъ Богъ да самъ королевичъ; а когда митрополитъ, недовольный такими двусмысленностями, сталъ приставать къ Сапѣгѣ съ этимъ вопросомъ, то Сапѣга положительно отвѣчалъ, что королевичъ уже крещенъ, и другаго крещенія нигдѣ не написано. Откладывали присылку королевича на неопредѣленное время; не исполняли ни одного желанія московскаго народа, и въ то же время требовали, чтобы учинили съ панами постановленіе объ уплатѣ Московскимъ государствомъ издержекъ королю и жалованья польско-литовскому войску. Они ссылались въ этомъ случаѣ на договорную грамату съ Жолкѣвскимъ, и, однако, не хотѣли считать ее обязательною для самихъ себя, когда послы, ссылаясь на нее, требовали скорѣйшей присылки будущаго царя и вывода польскихъ войскъ изъ государства. Паны объяснили, что эта статья относится не къ нимъ, а къ тѣмъ *посламъ*, которые будутъ посланы за этимъ дѣломъ уже отъ Владислава, когда онъ будетъ на престолѣ.

Пріѣхалъ Жолкѣвскій. Съ торжествомъ онъ былъ принятъ, и въ присутствіи сената привелъ къ ногамъ Сигизмунда плѣннаго Василія Шуйскаго, вмѣстѣ съ его братьями. По извѣстіямъ русскимъ, несчастный царь показалъ

твердость духа, которую онъ и прежде показывалъ, и тогда, когда клалъ голову на плаху за оскорбленіе названнаго царя Димитрія, и тогда, когда, будучи уже царемъ, предсталъ передъ разъяренную противъ него толпу. Его принуждали стать на колѣни передъ Сигизмундомъ. Онъ отвѣчалъ: «Не достоитъ Московскому царю кланяться королю какъ рабу; такъ судьбами Божіими сотворилось, что я взятъ въ плѣнъ, но не вашими руками, а мои рабы-измѣнники отдали меня вамъ» *). Нельзя было побѣдителю, приводившему плѣннаго царя покоренной державы, не оказывать публично знаковъ вниманія, но король былъ недоволенъ Жолкѣвскимъ за договоръ, порицалъ его за то, что онъ согласился отдать Владислава въ цари Московскому государству, когда гораздо было бы полезнѣе для Рѣчи Посполитой домогаться прямо присоединенія Московскаго государства къ Польшѣ. Король замѣчалъ гетману, что у него не было инструкціи такъ поступать, какъ онъ поступилъ. Жолкѣвскій въ свое оправданіе указывалъ на договоръ, прежде заключенный самимъ королемъ съ Салтыковымъ и боярами его партіи, и убѣждалъ Сигизмунда къ исполненію договора, на такихъ же основаніяхъ, на какихъ соперникъ его Янъ Потоцкій совѣтовалъ его нарушить. Гетманъ указывалъ Сигизмунду; что власть его не крѣпка. Еще много осталось недовольныхъ отъ прошедшаго рокоша, и свѣжая злоба много можетъ сдѣлать въ людскихъ умахъ; нѣтъ ручательства, что сынъ его будетъ царствовать въ Польшѣ, а между тѣмъ это было бы желательно не только для королевскаго дома, но и для цѣлаго отечества, потому что въ предшествовавшія три междуцарствія въ Польшѣ били одинъ другаго; послѣднее было хуже всѣхъ: уже кровь лилась и пришли бы еще къ худшему,

---

*) Никон. лѣтоп. 148.

если бы не чудотворная Божія милость. Король, помня о смертномъ часѣ, долженъ заботиться о Рѣчи Посполитой, и можно было бы избѣжать междоусобія, если бы Владиславъ заранѣе всѣми согласно былъ признаваемъ наслѣдникомъ. А это можетъ быть тогда, если онъ будетъ уже Московскимъ государемъ. Тогда его непремѣнно выберутъ; выгоды, какія проистекутъ отъ соединенія Литвы съ Московскимъ государствомъ, устранятъ всякаго другаго кандидата. Жолкѣвскій имѣлъ ту же конечную цѣль, какъ и король, какъ и всѣ вообще поляки, т. е. присоединеніе Московскаго государства къ Польшѣ и уничтоженіе его самобытности, но считалъ избраніе Владислава самымъ удобнымъ средствомъ достигнуть этой цѣли. «Все имѣетъ—говорилъ онъ—свое начало и возрастаніе; изъ дитяти дѣлается человѣкъ, а изъ маленькаго прутика выростаетъ дерево. Сто шестьдесятъ лѣтъ прокатилось отъ Ягелла до той поры, какъ великое княжество Литовское слилось съ Польшею. Такъ будетъ со временемъ и съ Московскимъ государствомъ. Напротивъ, если король не захочетъ довольствоваться тѣмъ, что теперь есть, то, кромѣ другихъ неудобствъ, придется затянуться въ продолжительную войну, — кто знаетъ, какой конецъ этому будетъ. Нужно будетъ держать войска и платить имъ, а если дурно будутъ платить, солдаты начнутъ бунтовать и ворвутся въ области Рѣчи Посполитой добывать сами себѣ то жалованье, которое слѣдуетъ дать имъ изъ московской казны». Не смотря на все краснорѣчіе Жолкѣвскаго, уши короля, какъ онъ говорилъ самъ, были закрыты для гетманскихъ увѣщаній *).

Но Жолкѣвскій не защищалъ такъ прямодушно московское дѣло передъ послами въ присутствіи пановъ. Послы

*) Pisma Żołkiew. 103—105.

только его и дожидались. «Вотъ—говорили они — Станиславъ Станиславовичъ пріѣдетъ. При немъ пойдетъ успѣшнѣе государево дѣло; онъ за великаго короля и за все Польское и Московское государство крестъ цѣловалъ Московскому государству, и всѣ люди тогда повѣрили гетманскому слову. Теперь Станиславъ Станиславовичъ будетъ, по своему крестному цѣлованію, за насъ.»

И, 2 ноября, сошлись снова русскіе послы съ радными панами; былъ съ послѣдними и Станиславъ Станиславовичъ. Послы съ видомъ довѣрчивости обратились къ нему, какъ свидѣтелю, который могъ подтвердить правду словъ ихъ. Съ своей стороны, Левъ Сапѣга объяснялъ Жолкѣвскому дѣло по своему. «Мы—сказалъ канцлеръ посламъ въ присутствіи гетмана—много разъ съ вами съѣзжаемся, да ничего добраго не сдѣлаемъ; безпрестанно твердимъ вамъ, чтобъ вы королю учинили честь, велѣли смольнянамъ цѣловать крестъ королю и королевичу, а вы отговариваетесь не дѣльно, будто безъ московскихъ бояръ учинить этого и не можете.»

Послы прочитали предъ поляками статьи записки и сказали:

«Чтобъ Смоленскъ отдать королю и крестъ цѣловать ему, того не только въ статьяхъ нѣтъ, да и въ поминѣ ни отъ кого не бывало. Видѣлъ ты самъ въ Москвѣ—говорили они, обратясь къ гетману—какъ патріархъ, бояре и весь народъ совѣтовали о избирательныхъ статьяхъ государя королевича, не только о главныхъ, но и о малыхъ со всѣми людьми, не по-одному имъ всѣ статьи читали; а что имъ было противно, такъ приводили ихъ къ тому, уговаривая; а объ новыхъ статьяхъ къ тебѣ посылали, и ты по ихъ челобитью дѣлалъ; стало быть, патріархъ не съ одними боярами совѣтовалъ и приговаривалъ, а со всякаго сословія людьми. Какъ же можно намъ что нибудь изъ утвержден-

ныхъ статей перемѣнить безъ совѣта всего государства? Панъ гетманъ не одинъ разъ увѣрялъ насъ всѣхъ, что какъ только мы къ его величеству пріѣдемъ и побьемъ челомъ, тотчасъ же его величество отступитъ отъ Смоленска со всѣмъ войскомъ въ Польшу».

Жолкѣвскій переглянулся съ панами, сказалъ имъ кое-что по латыни, выслушалъ отъ нихъ также кое-что на этомъ непонятномъ для московскихъ людей языкѣ учености, потомъ, обратившись къ москвичамъ, сказалъ:

«Я самъ никогда не говорилъ, что король отойдетъ отъ Смоленска; я совѣтовалъ вамъ бить челомъ королю объ этомъ, а мнѣ своему государю какъ приказывать!» Тутъ Жолкѣвскій припомнилъ, что въ договорѣ съ боярами у него прежде постановлено было, чтобъ ему идти на вора съ войскомъ, а потомъ сами бояре измѣнили это и пригласили его войти въ столицу. «И потому—сказалъ онъ—у меня съ боярами многія статьи уже перемѣнены противъ договора; что это правда, спросите пріѣхавшихъ со мною къ его величеству бить челомъ о помѣстьяхъ московскихъ дворянъ, стольниковъ Ивана Измайлова съ товарищи. Вотъ и вы по ихъ примѣру съ ихъ милостями панами поступите. Ихъ милости отъ васъ, пословъ, справедливо требуютъ, чтобъ его величеству было не стыдно, чтобъ смольняне отца съ сыномъ не раздѣляли, и крестъ цѣловали бы отцу и сыну. Вамъ слѣдуетъ такъ поступить для чести королевской, а если вы этого не прикажете смольнянамъ, то вотъ паны сенаторы говорятъ, что король за честь свою станетъ мстить, да и мы за честь государя своего помереть готовы, а потому Смоленску будетъ худо! Вы, послы, не упрямьтесь, исполните волю королевскую, а потомъ, какъ Смоленскъ сдастся, тогда король отойдетъ, а мы договоръ учинимъ».

«Гетманъ Станиславъ Станиславовичъ—возопили послы,

пораженные такими нежданными рѣчами гетмана—помяни Бога и душу свою, вѣдь ты ею клялся передъ честнымъ крестомъ не однажды; въ записи, на которой ты присягалъ, именно написано, что какъ скоро смольняне крестъ королевичу поцѣлуютъ, то король отойдетъ отъ Смоленска со всѣми людьми, порухи и насильства городу не сдѣлаетъ, и всѣмъ порубежнымъ городамъ быть къ Московскому государству по прежнему. Какъ же ты теперь говоришь, чтобъ смольняне крестъ цѣловали королю и королевичу? Мы чаяли отъ тебя помощи, что ты станешь за свое крестное цѣлованье и учнешь бить челомъ его королевскому величеству и своей братьи сенаторамъ за Московское государство. Его королевское величество обѣщалъ, что онъ пришелъ въ Московское государство не для овладѣнія или взятія городовъ, а для успокоенія государства и для унятія крови христіанской, а это нѣшто унятіе крови, чтобъ Смоленскъ за крестнымъ цѣлованьемъ взять и, вопреки договору и утвержденью, на свое государство смольнянъ ко крестному цѣлованію приводить? Надобно всякому человѣку Бога бояться; всякую неправду Богъ зритъ».

Послы доказывали, что король пріобрѣлъ бы себѣ больше вѣчной славы, еслибъ поступилъ по договору и не медля прислалъ бы Владислава въ Московское государство. «А еслибъ—прибавили они—его королевскому величеству для своей королевской чести похотѣлось потомъ что нибудь у сына своего нашего государя взяти, то государь нашъ какъ будетъ на своемъ царскомъ престолѣ, поговоря съ патріархомъ и со всѣми людьми Московскаго государства, отцу своему королю Жикгимонту ни за что не постоитъ, что будетъ пригоже; и то его королевскому величеству будетъ прочнѣе, отъ Бога не грѣхъ, отъ всѣхъ великихъ государей похвала, а его государствамъ къ прибавленію и расширенію».

Такимъ образомъ, послы хотѣли польстить панамъ возможностью получить пріобрѣтенія на счетъ Московскаго государства впослѣдствіи, лишь бы теперь избавиться отъ уступокъ.

«А что ты говоришь — продолжали они — будто у насъ съ боярами договоръ во многомъ перемѣнился, такъ мы отъ бояръ о томъ не слыхали, а что ты на дворянъ на Ив. Измайлова съ товарищи ссылаешься, чтобъ мы ихъ спросили, такъ мы такихъ людей, что пріѣзжаютъ къ королю съ просьбами своими, и спрашивать не хотимъ. Надобно намъ отъ бояръ письмо, а словамъ такихъ людей, что пріѣзжаютъ затѣмъ, чтобъ отъ короля помѣстья получить, вѣрить нельзя. Они для своей пользы и затѣять могутъ».

Потомъ послы обратились къ канцлеру и сказали:

«Левъ Ивановичъ, въ утвержденіи написано: чтобы, при государѣ нашемъ королевичѣ, польскимъ и литовскимъ людямъ у всякихъ земскихъ дѣлъ въ приказахъ не быть и не владѣть, а вотъ и до государя нашего прихода помѣстья и вотчины роздаютъ».

«Что же такое — сказалъ Сапѣга — государь король милостивъ, не отгоняетъ московскихъ людей, что у него милости ищутъ. Кому жъ ихъ до прихода королевича жаловать, какъ не его королевской милости? Вотъ, князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго король пожаловалъ, и князя Юрія Трубецкаго боярствомъ пожаловалъ, и за то всѣ благодарятъ его величество».

Послы опять принялись доказывать, что по московской записи не слѣдуетъ, чтобъ Смоленскъ цѣловалъ крестъ королю; но Левъ Сапѣга крикнулъ на нихъ и сказалъ:

«Мы вамъ въ послѣдній разъ говоримъ о Смоленскѣ. Если не сдѣлаете такъ, чтобъ смольняне цѣловали крестъ королю вмѣстѣ съ королевичемъ, то утвержденіе съ гетмана сошло, и мы Смоленску не станемъ терпѣть; не останется

камень на камени, и будетъ съ нимъ то же, что было когда-то съ Іерусалимомъ.»

«Ты, ЛевъИвановичъ,—сказали послы—самъ бывалъ въ послахъ; могъ ли ты, сверхъ даннаго тебѣ наказу, что дѣлать? И ты былъ посломъ отъ государя и государства, и мы посланы отъ всей земли, какъ же мы смѣемъ безъ совѣта всей земли сдѣлать то, чего въ наказѣ у насъ нѣтъ?»

Потомъ послы объяснились съ гетманомъ на счетъ Шуйскаго.

Митрополитъ Филаретъ замѣтилъ: «Въ записи утверждено, чтобъ ни единаго человѣка изъ русскихъ людей не вывозить въ Польшу и Литву. Ты на томъ крестъ цѣловалъ, и то сдѣлалось отъ васъ мимо договору: надобно бояться Бога, а разстригать Василія и жены его не пригоже, чтобъ нашей православной вѣрѣ порухи не было».

«Я это сдѣлалъ не по своей волѣ — сказалъ Жолкѣвскій—а по просьбѣ бояръ, чтобы отстранить на будущее время смятеніе въ народѣ. А что я привезъ его въ мірскомъ платьѣ, такъ онъ самъ не хочетъ быть монахомъ; его постригли насильно, а насильное постриженіе противно и вашимъ, и нашимъ церковнымъ уставамъ. Это и патріархъ вашъ утверждаетъ; притомъ же, Василій въ Іосифовомъ монастырѣ чуть съ голоду не умиралъ».

«Бояре желали,—отвѣчали послы—чтобъ его послать въ дальній монастырь, а въ Іосифовъ отосланъ былъ онъ по твоему желанію; и коли его въ Іосифовомъ монастырѣ не кормили, то въ томъ неправы ваши приставы, что его не кормили, а бояре отдали его на ваши руки«.

На другой день, послы отправились къ Жолкѣвскому переговорить съ нимъ одинъ на одинъ. Гетманъ началъ рѣчь, сначала показывая желаніе уступить, чтобъ потомъ свести на свое:

«Это было бы хорошо, какъ вы желаете, чтобъ Смоленскъ

цѣловалъ крестъ одному только королевичу, чтобъ инымъ городамъ не было сомнѣнія. Государь нашъ король поѣхалъ бы себѣ въ Польшу и Литву, людей своихъ послалъ бы на вора подъ Калугу, а другихъ оставилъ бы въ Смоленскѣ; но это я говорю самъ только отъ себя, а королевская воля иная: онъ государь, въ томъ воленъ. А о Смоленскѣ я вамъ скажу: точно, нельзя не быть тамъ польскимъ и литовскимъ людямъ, да и въ договорѣ написано, чтобы въ пограничныхъ городахъ до достаточнаго успокоенія Россійскаго государства были люди польскіе и литовскіе».

Гетманъ давалъ превратное значеніе словамъ договора, гдѣ сказано, что, въ случаѣ необходимости, государь московскій учинитъ съ думными боярами въ свое время приговоръ, чтобы обоихъ государствъ думою были въ порубежныхъ городахъ и польскіе и литовскіе люди въ приказахъ, слѣдовательно это относилось къ тому времени, когда уже Владиславъ сдѣлается царемъ. Жолкѣвскій же толковалъ теперь эту статью такъ, какъ будто бы смыслъ ея относился къ настоящему времени, до пріѣзда Владислава на царство.

Напрасно послы твердили: въ договорѣ написано, чтобъ ни въ одинъ городъ не вводить польскихъ и литовскихъ людей.

«Вы упрямитесь, — говорилъ гетманъ, —въ договорѣ написано было, что въ Москву польскихъ и литовскихъ людей не впускать, а потомъ бояре московскіе, узнавши, что между московскими людьми есть измѣна, сами въ Москву пустили польскихъ и литовскихъ людей, и теперь они живутъ въ Москвѣ въ доброй згодѣ. Что же такое, что вамъ не наказано? можно сдѣлать это и мимо наказа, можно пустить въ Смоленскъ польскихъ и литовскихъ людей, какъ пустили ихъ въ Москву. Смоленскъ — мѣсто

порубежное; Михайлу Шеину и смоленскимъ сидѣльцамъ король не вѣритъ, затѣмъ, что многіе выходцы говорили намъ, что Михайло Шеинъ и смоленскіе сидѣльцы сносятся съ воромъ. Нынѣ предстоитъ великое дѣло: воръ стоитъ въ Калугѣ. Если нашъ государь пойдетъ въ Литву, а люди королевскіе будутъ въ Москвѣ и подъ Калугою, Смоленскъ будетъ у нихъ позади и дорога нашимъ людямъ черезъ Смоленскъ, и если нужно будетъ королю послать людей своихъ черезъ Смоленскъ къ Москвѣ или въ иные города, какъ же нашимъ людямъ ходить мимо Смоленска, когда въ Смоленскѣ не будетъ королевскихъ людей?

«Смоленскъ можетъ быть безъ польскихъ и литовскихъ людей, — отвѣчали послы: — Смоленскъ во всѣ смутные годы не отступалъ отъ Московскаго государства и не бывалъ въ смутахъ, не приставалъ къ ворамъ, и теперь какъ поцѣлуетъ крестъ королевичу Владиславу Жикгимонтовичу, такъ и будетъ ему служить и прямить».

«И для иныхъ многихъ дѣлъ — сказалъ гетманъ — нельзя оставаться Смоленску безъ польскихъ и литовскихъ людей. Если велите въ Смоленскъ пустить нашихъ людей, какъ пустили уже въ Москву, такъ у насъ и доброе дѣло сдѣлается; а не пустите, такъ добраго дѣла не будетъ, крестное цѣлованіе долой и станется кровопролитіе не отъ меня, а отъ васъ пословъ, оттого что договора вы не исполняете».

На другой день, послы опять прибыли къ гетману и просили, чтобъ имъ дозволилъ послать въ Москву гонца, снестись объ этомъ, а до того времени не приступать къ Смоленску.

Гетманъ сказалъ: «И безъ обсылокъ съ Москвою можете пустить въ Смоленскъ польскихъ и литовскихъ людей. На обсылку пойдетъ много времени, королю будетъ очень убыточно стоять здѣсь и платить разнымъ людямъ, а тутъ

еще случится —гонца вашего воры поймаютъ или убьютъ; вотъ дѣло пойдетъ въ протяжку и добраго ничего не будетъ».

Послы на это сказали: «Безъ совѣта со святѣйшимъ патріархомъ всея Руси и безъ совѣта съ боярами и со всѣми людьми, намъ нельзя пустить въ Смоленскъ польскихъ и литовскихъ людей ни одного человѣка. Передай наше челобитье его величеству королю, чтобъ намъ позволено было послать гонца въ Москву». Совѣщаніе это окончилось тѣмъ, что гетманъ обѣщалъ представить королю ихъ просьбу о позволеніи отправить гонца въ Москву.

На другой день, Жолкѣвскій прислалъ своего племянника, Адама Жолкѣвскаго, извѣстить пословъ, что король дозволяетъ имъ послать гонца въ Москву, и что король пошлетъ съ этимъ гонцомъ своего гонца Гридича, а посламъ поручилъ написать съ своей стороны, что слѣдуетъ въ Смоленскъ пустить королевскихъ людей. Когда въ Смоленскъ войдутъ польскіе и литовскіе люди, такъ король пойдетъ въ Польшу и Литву на сеймъ, а на вора пошлетъ свое войско; Смоленскъ будетъ приведенъ къ крестному цѣлованію на имя королевское.

Послы отправились къ Жолкѣвскому спросить, сколько людей оставитъ король въ Смоленскѣ? «Намъ нужно — говорили они — объ этомъ написать въ Москву именно». Гетманъ на это отвѣчалъ: «Когда къ вамъ отпишутъ патріархъ и бояре по совѣту всей земли, что въ Смоленскъ велѣно впустить королевскихъ людей, тогда мы и скажемъ вамъ про то, сколькимъ людямъ нужно быть въ Смоленскѣ, тогда и Смоленскъ приведемъ къ крестному цѣлованію на имя королевича». Ясно было, что гетманъ разсчитывалъ такъ: нужно только, чтобъ Смоленскъ отворилъ ворота, а тамъ онъ будетъ уже въ полномъ распоряженіи у поляковъ.

Посламъ дозволено отправить гонца, но когда его при-

ходилось послать, то нужно было для его проѣзда испросить у пановъ опасную грамату; и они ждали ее съ 7 ноября до самаго 18 ноября. Въ этотъ день ихъ пригласили снова къ Жолкѣвскому. Митрополита съ ними не было. У Жолкѣвскаго въ шатрѣ находился его соперникъ Янъ Потоцкій, Левъ Сапѣга, коронный подканцлеръ Сченсный Криcскій и писарь литовскій Янъ Скуминъ. Вмѣсто дозволенія отправить гонца, паны начали говорить такимъ образомъ: «Сѣкира лежитъ при корени дерева, если вы не сдѣлаете по волѣ королевской и не впустите людей королевскихъ въ Смоленскъ, то сами увидите, что̀ будетъ надъ Смоленскомъ». Они обвиняли смольнянъ, будто тѣ сносятся съ воромъ. «Подъѣзжалъ (говорили они) подъ Смоленскъ воръ гость Григорій Шоринъ съ людьми и разговаривалъ со смольнянами. Михайло Шеинъ спрашивалъ у нихъ: гдѣ воръ теперь и много ли съ нимъ людей. Изъ этого видно, что у него съ воромъ ссылка».

«Паны сенаторы, — сказалъ Голицынъ, — вамъ на смольнянъ сказывали ложно. Григорію Шорину и другимъ ворамъ нечего вѣрить. Пусть бы кто нибудь изъ насъ поѣхалъ къ смольнянамъ, и мы бы имъ сказали совѣтъ патріарха и бояръ и всей земли, и привели бы ихъ ко крестному цѣлованію на имя королевича, какъ и въ Москвѣ всѣ люди крестъ королевичу цѣловали».

Паны отвѣчали: «Смольняне и безъ васъ о томъ же просятъ, чтобъ имъ крестъ цѣловать королевичу, да рѣчь не о томъ: надобно, чтобъ они королевскихъ людей въ городъ пустили, а безъ того ихъ крестное цѣлованіе намъ не надобно. Завтра вы увидите, что станется со Смоленскомъ».

«Дайте намъ срокъ — сказалъ Голицынъ — посовѣтоваться съ митрополитомъ Филаретомъ, онъ у насъ начальный человѣкъ».

Голицынъ пересказалъ весь разговоръ Филарету. Митро-

политъ объявилъ: «Нельзя никакими мѣрами впустить королевскихъ людей въ Смоленскъ. Если мы впустимъ ихъ хоть не много, то уже намъ Смоленска не видать болѣе. Пусть, коли такъ, лучше король возьметъ Смоленскъ взятьемъ, мимо договора и своего крестнаго цѣлованья; на то судьба Божія, лишь бы намъ слабостью своею не отдать Смоленска».

Собрали посольскихъ дворянъ; составился совѣтъ. Бывшіе на немъ имѣли значеніе выборныхъ людей, хотя и не совсѣмъ правильно. Между призванными на совѣтъ не было ни малѣйшаго разногласія. Всѣ какъ бы въ одинъ голосъ говорили: «Не пускать въ Смоленскъ ни одного человѣка, для того, если пустить одного, то за однимъ войдутъ многіе. Намъ на томъ стоять, чтобы не потерять своею слабостію Смоленска. А если, по грѣхамъ, что нибудь надъ Смоленскомъ сдѣлается, то уже будетъ не отъ насъ». Приглашенные на совѣтъ дворяне и дѣти боярскія Смоленской земли сказали: «Хоть наши матери, жены и дѣти въ Смоленскѣ, пусть они погибнутъ, а въ Смоленскъ не пускать ни одного человѣка. Хоть бы и вы позволили, такъ смоленскіе сидѣльцы не послушаютъ васъ ни за что. Уже не разъ отъ короля пріѣзжали въ Смоленскъ королевскіе люди, и у гетмана и у разныхъ пановъ были недавно смоленскіе дворяне и посадскіе Иванъ Бестужевъ съ товарищи, и они отказали панамъ, что хоть бы имъ всѣмъ помереть, а въ Смоленскъ они не впустятъ королевскихъ людей».

На другой день, 19 ноября, гетманъ пригласилъ къ себѣ пословъ: былъ тутъ самъ митрополитъ Филаретъ и товарищи его; съ гетманомъ были паны, тѣ же самые, что̀ были съ нимъ и на прежнемъ совѣщаніи съ послами. Филаретъ объявилъ, на чемъ они постановили со всѣми сущими отъ земли русской въ посольствѣ, и сказалъ: «Пожалуйте, панове, донесите наше челобитье къ великому государю

королю Жикгимонту, чтобъ намъ позволилъ обослаться съ Москвою; къ намъ будетъ указъ изъ Москвы скоро, а до той поры пусть великій государь велитъ промышлять надъ воромъ, а городу не дѣлать никакой тѣсноты».

По этой просьбѣ паны ходили въ другую избу. Московскіе послы долго ихъ ждали; наконецъ, они возвратились и сказали:

«Государь король Жикгимонтъ позволяетъ вамъ писать въ Москву объ указѣ и послать съ вашимъ гонцомъ; только вы должны писать вотъ что: король даетъ сына своего королевича на Московское государство, но отпуститъ его съ сейма въ Московское государство тогда уже, когда оно успокоится, чтобъ ему пріѣхать на радость и потѣху, а не на кручину. Когда будетъ въ Смоленскѣ королевская рать, тогда мы съ вами поговоримъ о королевскомъ походѣ; посовѣтуемся, куда королю учинить походъ: въ Польшу ли, или на вора, и какъ промышлять надъ воромъ; а пока королевская рать не будетъ въ Смоленскѣ, то нашему государю не отходить отъ Смоленска, и будетъ онъ промышлять надъ Смоленскомъ скоро. Что нашему государю дожидаться вашего указа изъ Москвы? Не Москва нашему государю указываетъ, а нашъ государь Москвѣ, и если кровь прольется, такъ на васъ ее Богъ взыщетъ. Что вы говорите, будто вамъ нельзя мимо наказу впустить войскъ въ Смоленскъ? Можно. Еслибъ на васъ въ Москвѣ стали пенять за это, вы бы сказали: «Мы такъ, смотря на Москву, поступили; въ Москву впустили польскихъ и литовскихъ людей: и мы также въ Смоленскъ впустили». Больше нечего намъ съѣзжаться и толковать! Пишите себѣ объ указѣ въ Москву, а государь нашъ не медля будетъ промышлять подъ Смоленскомъ. Изъ Москвы не дождешься указа по вашему письму, да и ждать московскаго указа государь не хочетъ. И такъ уже по челобитью гетмана

король ждалъ долго, а на жалованье ратнымъ людямъ напрасно казна идетъ; въ день выходитъ до двадцати тысячъ. Не станетъ король спускать смольнянамъ больше».

«Помилуйте, панове рада — говорили послы — бейте челомъ великому государю королю, порадѣйте у него, чтобъ государь король помиловалъ, не велѣлъ промышлять надъ Смоленскомъ, пока къ намъ указъ пришлется».

Все было напрасно. Паны высокомѣрно объявили, что король будетъ немедленно промышлять надъ Смоленскомъ.

И дѣйствительно, черезъ сутки послѣ того, 21 ноября, начали приступъ. Польскій станъ въ то время окружили войскомъ. Послы были печальными свидѣтелями, какъ поляки, нѣмцы, черкасы подступали къ городскимъ стѣнамъ. Слухъ ихъ былъ потрясенъ взрывомъ грановитой башни, куда направился сдѣланный заранѣе подкопъ; распалась башня; вырвало при ней саженъ десять городовой стѣны; но осажденные неутомимо починяли и задѣлывали взорванное мѣсто, дружно отбивали приступъ и отбили; королевское войско должно было и на этотъ разъ отступить, какъ уже отступало не разъ прежде, ничего не сдѣлавши надъ упорнымъ городомъ.

Обо всемъ этомъ послы написали въ своей граматѣ и послали гонца, а король послалъ также въ Москву свою грамату, писанную въ то самое время, когда его войско шло на приступъ Смоленска. Въ ней онъ приставилъ, что, для спокойствія Московскаго государства, необходимо ему оставаться въ немъ, и онъ не можетъ уходить въ Польшу и Литву. «Нельзя оставить—писалъ онъ—вора въ государствѣ Московскомъ; за него еще многіе города стоятъ, и много людей убѣгаетъ къ нему изъ разныхъ городовъ. Какъ только мы выйдемъ, такъ воръ укрѣпится; изъ людей вашего народа много такихъ, которые благопріятствуютъ ему, кто ради его, а другіе ради своихъ лихихъ

замысловъ. Онъ посылаетъ за невѣрными татарами и съ другими иноземцами входитъ въ союзъ; да сверхъ того и польскіе и литовскіе люди, которые при немъ были, готовы разорять и опустошать Московское государство. Вотъ и князь Василій Ивановичъ Шуйскій, бывшій на государствѣ, навелъ шведовъ, и они теперь воюютъ около Иванъ-Города и Корелы. Если мы только отойдемъ—всѣ обратятся къ вору, сдѣлается большая смута въ Московскомъ государствѣ, и ваши нынѣшнія добрыя дѣла будутъ брошены. Прежде надобно истребить Калужскаго вора, разогнать и казнить людей, которые пристанутъ къ нему, очистить всѣ города и основательно успокоить Московское государство, а потомъ уже идти намъ въ Польшу и Литву, и тамъ на вольномъ сеймѣ съ вашими послами привести дѣло къ концу».—Въ письмѣ не видно было, чтобъ онъ хотѣлъ давать сына на престолъ; онъ отклонялъ даже рѣчь о немъ. Онъ твердилъ, что въ Смоленскъ надобно непремѣнно впустить королевское войско, потому что смольняне сносятся съ воромъ, держатъ его сторону и съ умысломъ напрасно задерживаютъ его, короля, подъ своими стѣнами. Наконецъ, король требовалъ, чтобъ московское правительство распорядилось о заплатѣ польскимъ и литовскомъ ратнымъ людямъ, чтобъ такимъ образомъ можно было отпустить изъ войска тѣхъ, которые окажутся ненужными. Москвичей обязывали еще разъ платить деньги своимъ врагамъ и разорителямъ и противъ воли притворяться, будто считаютъ ихъ своими союзниками и избавителями.

Послѣднее рѣшеніе объ отправкѣ гонца паны сообщили посламъ уже 4 декабря. Между тѣмъ они пытались произвести раздоръ въ посольскомъ соимѣ. Пригласили нѣсколькихъ дворянъ, въ которыхъ подмѣчали способность поколебаться, обласкали ихъ, вручили имъ граматы на пожа-

лованныя королемъ помѣстья и предложили отстать отъ посольства, ѣхать въ Москву и приводить тамъ народъ къ присягѣ королю. Набралось охотниковъ отстать такимъ образомъ отъ посольства двадцать семь человѣкъ, и въ числѣ ихъ значительныя лица: думный дьякъ Сыдавной-Васильевъ и дворянинъ Василій Сукинъ; съ ними сошлись также спасскій архимандритъ и троицкій келарь Авраамій Палицынъ. Поляки хотѣли еще, чтобъ нѣкоторые люди посольскіе взялись склонить смольнянъ ко внущенію польскаго гарнизона. Поляки разсчитывали: авось смольняне, услышавши, что люди изъ посольства совѣтуютъ имъ такъ поступить, не догадаются и подумаютъ, что такъ всѣ въ посольствѣ рѣшили. Съ этою цѣлью Левъ Сапѣга пригласилъ къ себѣ дьяка Томилу Луговскаго, и, оставшись съ нимъ наединѣ, говорилъ: «Я тебѣ желаю всякаго добра и останусь тебѣ всегда другомъ, только ты меня послушай и государю послужи прямымъ сердцемъ, а его величество наградитъ тебя всѣмъ, чего пожелаешь, а я на тебя надѣюсь; я уже увѣрилъ государя, что ты меня послушаешь».

«Всякъ себѣ добра желаетъ — сказалъ дьякъ Луговской—великою честію себѣ почитаю такую милость и готовъ учинить все, что возможно».

Сапѣга продолжалъ: «Вотъ изъ города кликали, чтобъ къ нимъ прислали отъ васъ пословъ кого-нибудь сказать, что имъ дѣлать, и они васъ послушаютъ и учинятъ королевскую волю. Василій Сукинъ уже готовъ, ожидаетъ тебя; вамъ бы ѣхать подъ Смоленскъ вмѣстѣ и говорить смольнянамъ, чтобъ они цѣловали крестъ королю и королевичу разомъ и впустили бы государскихъ людей въ Смоленскъ. Если такъ сдѣлаешь, то государь тебя всѣмъ пожалуетъ, чего захочешь, а хоть бы васъ смольняне не послушали, то это будетъ не отъ васъ, и вы все-таки свое прямое сердце покажете тѣмъ, что подъ городъ подве-

дете; а я тебѣ обѣщаюсь Богомъ, что нашъ государь король тебя пожалуетъ».

«Мнѣ этого нельзя учинить никакими мѣрами—сказалъ Луговской: — присланы отъ патріарха, отъ бояръ и отъ всѣхъ людей Московскаго государства митрополитъ Филаретъ и бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ съ товарищи; мнѣ безъ ихъ совѣта не токмо что дѣлать — и помыслить ничего нельзя. Какъ мнѣ, Левъ Ивановичъ, такое учить, чтобъ на себя во вѣки клятву навести? Не токмо Господь Богъ, и люди Московскаго государства мнѣ не потерпятъ и земля меня не понесетъ. Я присланъ отъ Московскаго государства въ челобитчикахъ, да мнѣ же первому соблазнъ въ люди положить? да лучше по Христову слову навязать на себя камень и кинуться въ море, чѣмъ такой соблазнъ учинить! Да и государеву дѣлу въ томъ прибыли не будетъ никакой, Левъ Ивановичъ. Вѣдомо подлинно: подъ Смоленскъ и лучше меня подъѣзжали и королевскую милость сказывали, смольняне и тѣхъ не послушали; а только мы поѣдемъ и объявимся ложью, то они впередъ крѣпчае будутъ и никого уже слушать не учнутъ. Надобно, чтобъ, по королевскому жалованью, мы съ ними повольно съѣзжались,а не подъ стѣною за приставомъ говорили. Это они уже всѣ знаютъ».

«Ты — сказалъ Сапѣга — только поѣзжай и объяви имъ себя; говорить съ ними будетъ Василій Сукинъ, онъ ждетъ тебя; не упрямься, поѣзжай, послужи государю нашему: королевское жалованье себѣ заслужишь».

«Я государскому жалованью радъ и служить государю готовъ—сказалъ Луговской—что можно, то сдѣлаю; чего нельзя, за то пусть на меня королевское величество не положитъ опалы; мнѣ никакими мѣрами нельзя безъ митрополита и безъ князя Василія Васильевича съ товарищи ѣхать подъ городъ. Да и Василію Сукину не пригоже такъ

дѣлать, и Богъ ему не проститъ; а буде захочетъ ѣхать, его въ томъ воля».

Луговской пересказалъ разговоръ свой посламъ. Они пригласили къ себѣ Сукина, Сыдавнаго и спасскаго архимандрита. Палицына также звали, но онъ сказался больнымъ и уѣхалъ поспѣшно изъ лагеря.

«Мы—говорилъ имъ Филаретъ—отпущенные люди изъ соборной церкви Богородицы отъ чудотворнаго ея образа; благословили насъ патріархъ и весь освященный соборъ и посылали насъ бояре и всѣ люди Московскаго государства. Попомните это: побойтесь Бога и его праведнаго суда, не метайте государскаго и земскаго дѣла; видите, каково дѣло настоитъ: такого въ Московскомъ государствѣ никогда не бывало; Московское государство разоряется, кровь христіанская льется безпрестанно, и невѣдомо, когда и какъ ей уняться; а вы, то видя, кидаете такое великое дѣло и ѣдете въ Москву; а у насъ не токмо дѣло не вершится, а еще не почалось».

Тѣ отвѣчали: «Насъ послалъ король со своими листами въ Москву для государскаго дѣла; какъ намъ не ѣхать!»

Ихъ не уговорили, и они уѣхали; за ними 27 человѣкъ дворянъ уѣхало; по примѣру спасскаго архимандрита и келаря Авраамія Палицына, оставили митрополита протопопъ Кириллъ и съ нимъ попы и дьяконы. Изъ отставшихъ такимъ образомъ отъ пословъ не поѣхалъ въ Москву, но остался въ польскомъ лагерѣ Захаръ Ляпуновъ. Говорятъ, что, пируя съ панами, онъ насмѣхался надъ послами московскими. Видно, что поступокъ всѣхъ отставшихъ сильно оскорбилъ чувство оставшихся. Но, разбирая дѣло безпристрастно, едва ли можно ставить въ вину это оставленіе посольства, и объ Авраамiѣ Палицынѣ положительно можно сказать, что онъ сдѣлалъ это не по дурному побужденію; онъ понялъ, что изъ этого посольства не бу-

детъ ничего добраго, и ожидалъ, что оно окончится плѣномъ; поэтому и казалось благоразумнымъ убраться заранѣе, чтобъ имѣть возможность служить родной землѣ. Авраамій сдѣлалъ ей гораздо больше пользы, поступивъ такъ, какъ поступилъ, чѣмъ сдѣлалъ бы тогда, когда бы остался при послахъ и пошелъ бы за ними въ многолѣтній плѣнъ.

VI.

Ропотъ въ Московскомъ государствѣ. — Заявленіе Ляпунова. — Мужество патріарха Гермогена. — Боярская грамата къ Сигизмунду.

Извѣстія о томъ, что̀ дѣлали поляки съ послами, достигли до Москвы, и изъ нея пошли вѣсти по городамъ, разумѣется, какъ всегда бываетъ, въ различныхъ видахъ, болѣе или менѣе возбуждая и ужасъ, и негодованіе. Всѣ прежде думали видѣть Владислава сыно̀мъ православной церкви. Теперь же увертки короля показывали черезчуръ явно всѣмъ и каждому, что онъ желаетъ только, воспользовавшись разстроеннымъ состояніемъ Московской земли, лишить ее независимости, а вслѣдъ за тѣмъ отеческой вѣры и ввести латинство. Преданные дѣлу Сигизмунда московскіе люди прежде говорили боязливо и двусмысленно, оставаясь какъ бы по срединѣ между отцомъ и сыномъ; но мало по малу они начали рѣшительнѣе проповѣдывать, что надо Московскому государству присягать не одному Владиславу, но и королю, его отцу. Прочіе московскіе люди стали роптать, что въ Москвѣ Гонсѣвскій владѣетъ, какъ правитель, начальствуетъ стрѣльцами, будучи самъ иноземецъ. Поляки самовольно сняли съ стѣнъ Бѣлаго-города и Деревяннаго-города весь нарядъ и перевезли въ Китай-городъ и Кремль. Это было сдѣлано для

того, чтобы обезоружить москвичей, если они, узнавши, что ихъ хотятъ принуждать къ присягѣ польскому королю, поднимутся на поляковъ: они бы не нашли подъ рукою орудій, чѣмъ выжить иноземцевъ изъ столицы, а поляки, напротивъ, тогда будутъ имѣть у себе средства угрожать москвичамъ и потушить ихъ возстаніе.

Ожидая тревоги, Гонсѣвскій далъ приказаніе, чтобъ русскіе рано по утру и по вечерамъ не ходили по городу, а на стѣнахъ разставлена была польская стража; по улицамъ ѣздили денно и нощно вооруженные верховые отряды и надсматривали за жителями. Остальныхъ стрѣльцовъ и ратныхъ людей выслали изъ Москвы подъ разными предлогами въ города̀. Говорили, что бывали убійства; на Неглинной нашли восемь убитыхъ стрѣльцовъ, и подозрѣніе падало на литовскихъ людей. Всѣ боялись иноземцевъ. Никто не смѣлъ роптать громко, чтобы не попасть въ списокъ, въ которомъ записывалъ Андроновъ нерасположенныхъ къ Сигизмунду людей. Но въ городахъ не молчали, какъ только услышали, что̀ дѣлается подъ Смоленскомъ. Первый поднявшій голосъ на всю Русь за оскорбленіе святыни народной былъ Прокопій Ляпуновъ, до сихъ поръ столь преданный дѣлу Владислава. Онъ, дѣйствительно, радъ былъ королевичу, надѣялся, что вотъ, наконецъ, Русь успокоится отъ своихъ смутъ, не будетъ ходить въ слѣдъ за царками. Дѣятельно и скоро онъ привелъ Рязанскую землю къ присягѣ королевичу. Когда ему сказали, что поляки заняли Москву, Ляпуновъ и этимъ не возмутился; онъ сказалъ, что польское войско вошло въ столицу на короткое время, пока пріѣдетъ новый царь, чтобы не дать подняться сторонѣ вора, а потому и приказывалъ доставлять изъ Рязанской земли припасы для поставленнаго въ Москвѣ войска. Но мѣсяцы проходили; желанный царь не являлся. Сигизмундъ раздавалъ должности и помѣстья.

Польскія ядра летали на русскій городъ Смоленскъ. Отъ русскихъ требовали присяги чужому королю. Эти обстоятельства взволновали Прокопія Ляпунова. Онъ понялъ, что со стороны поляковъ все обманъ, что эти друзья и благодѣтели готовятъ Московскому государству совершенное уничтоженіе. Онъ написалъ въ Москву письмо къ боярамъ съ легкимъ укоромъ и съ вопросомъ: будетъ, или не будетъ королевичъ, которому всѣ уже цѣловали крестъ, и почему не исполняется договоръ, постановленный съ Жолкѣвскимъ? Письмо это было, по извѣстію записокъ Жолкѣвскаго *), испещрено словами Св. Писанія. Бояре отослали его подъ Смоленскъ королю и сообщили его содержаніе Гонсѣвскому. Предводитель понималъ, что такой натурою, какъ у Ляпунова, шутить нельзя, объявилъ имъ, что запретить этому человѣку долженъ патріархъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ на необходимость отдаться безусловно на королевскую волю. Бояре поддавались его внушеніямъ; воспротивился только Андрей Голицынъ и говорилъ такъ: «Господа поляки! отъ васъ намъ дѣлается большая несправедливость. Мы присягнули государю королевичу; вы намъ его не даете; пишутъ къ вамъ граматы не его именемъ, и людей низкаго происхожденія равняютъ съ нами, большими людьми. Пусть этого не дѣлается; иначе освободите насъ отъ крестнаго цѣлованья нашего; а мы будемъ сами о себѣ промышлять **).»

Гонсѣвскій запомнилъ эти слова, и съ этого часа возненавидѣлъ Голицына; но еще болѣе злобился на него Андроновъ: Голицынъ намекалъ на него, когда говорилъ о людяхъ низкаго происхожденія.

Въ это время прибылъ гонецъ изъ подъ Смоленска, съ

*) Pisma Żołkiew. 112.

**) Мархоцк. 112.

посольскою отпискою, гдѣ послы испрашивали указа, что имъ дѣлать съ королевскими требованіями? Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ и Ѳедоръ Андроновъ явились къ Гермогену и стали говорить, что надобно послать къ королю грамату, въ ней просить снова у него сына, но вмѣстѣ объявить, что предаются вполнѣ на королевскую волю, да надобно тоже написать Филарету, чтобъ онъ съ своей стороны объявилъ королю, что послы во всемъ покладаются на королевскую волю и будутъ такъ поступать, какъ ему угодно. Гермогенъ увидѣлъ, что бояре ведутъ дѣло въ угоду Сигизмунда: не Владислава хотятъ посадить на престолъ, а Московское государство затѣяли отдать польскому королю, во власть чужеземную. И сталъ онъ противорѣчить имъ. Они ушли отъ него съ досадою.

На другой день (это было 5 декабря), пришли къ патріарху бояре снова, и въ числѣ ихъ Мстиславскій, и требовали того же, о чемъ говорили вчера Салтыковъ и Андроновъ. Грамата была боярами подписана: ее подавали подписать патріарху. Бояре вмѣстѣ съ тѣмъ указывали на сопротивленіе Ляпунова, хотѣли, чтобъ патріархъ усмирилъ его духовною властію своею. Патріархъ отвѣчалъ: «Пусть король дастъ своего сына на Московское государство и выведетъ всѣхъ своихъ людей изъ Москвы, пусть королевичъ приметъ греческую вѣру. Если вы напишете такое письмо, то я къ нему руку приложу и васъ благословлю на то же. А чтобы такъ писать, — что намъ всѣмъ положиться на королевскую волю, и чтобы посламъ велѣть отдаться на королевскую волю,—я и самъ того не сдѣлаю и другимъ повелѣваю не дѣлать, и если меня не послушаете, то наложу на васъ клятву. Явное дѣло, что послѣ такого письма придется намъ цѣловать крестъ королю. Скажу вамъ, я буду писать къ городамъ: если королевичъ приметъ греческую вѣру и воцарится надъ нами, я имъ подамъ

благословеніе, а если и воцарится, да вѣры единой съ нами не приметъ и людей королевскихъ не выведутъ изъ города, то я всѣхъ тѣхъ, которые уже крестъ ему цѣловали, благословлю идти на Москву и страдать до смерти». Бояре стали спорить съ патріархомъ; слово за слово,—разсказываютъ, будто Михайло Салтыковъ вышелъ изъ себя, сталъ бранить патріарха и замахнулся на него ножемъ.

«Я не боюсь твоего ножа—сказалъ патріархъ—я вооружусь противъ твоего ножа силою креста святаго: ты же будь проклятъ отъ нашего смиренія въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ». Потомъ онъ обратился къ Мстиславскому и сказалъ: «Это твое начало, господинъ, ты больше всѣхъ честію, тебѣ слѣдуетъ подвизаться за православную вѣру; а если и ты прельстишься, какъ и другіе, то Богъ скоро прекратитъ жизнь твою, и родъ твой возьметъ отъ земли живыхъ, и не останется никого изъ рода твоего».

Бояре вышли.

На другой день, патріархъ собиралъ народъ въ соборной церкви, но поляки не допустили сборища и окружили церковь; нѣкоторые, однако, успѣли войти туда и слышали смѣлую проповѣдь. Гермогенъ уговаривалъ стоять за православную вѣру, сообщать о томъ же въ города и обличалъ измѣнниковъ. Послѣ этого событія, поляки окружили патріарха стражею и не допустили къ нему даже дворовыхъ людей, чтобы онъ черезъ нихъ не посылалъ въ города воззваній и не сообщалъ, что̀ дѣлается въ Москвѣ, что̀ затѣваютъ бояре съ Гонсѣвскимъ. Но въ разныхъ краяхъ Московскаго государства узнали, какъ патріархъ твердо выступилъ противъ покушеній поработить вѣру и государство; «а еслибы, говоритъ одна изъ современныхъ грамать (изъ Ярославля въ Казань) — Гермогенъ патріархъ такого досточуднаго дѣла не учинилъ, то, изъ боязни польскихъ и литовскихъ людей, никто не смѣлъ бы молвить ни одного

слова, хотя бы шло не только о томъ, чтобъ вѣру попрать, но даже о томъ, чтобъ всѣхъ заставить носить хохлы.»

Бояре, написавъ грамату, употребили въ ней имя патріарха безъ его подписи и отправили къ посламъ. Въ ней приказывалось посламъ впустить поляковъ въ Смоленскъ, велѣть смольнянамъ присягнуть не только на имя королевича, но и короля; и самимъ посламъ во всемъ положиться на королевскую волю. Но пока по этой граматѣ возникъ новый споръ, какъ вѣсть объ оскорбленіи патріарха дошла до Ляпунова и онъ прислалъ въ Москву другую грамату *). Въ ней онъ жаловался на стѣсненія патріарху и на оскорбленія народу отъ поляковъ, чинимыя въ Москвѣ.« Вы, бояре—писалъ онъ—прельстились на славу вѣка сего, отступили отъ Бога и приложились къ западнымъ и жестокосердымъ, обратились на своихъ овецъ. Король ничего не совершилъ по крестному цѣлованью, какъ состоялся договоръ съ коронымъ гетманомъ Жолкѣвскимъ. Знайте же, что я сослался и съ калужанами и съ тулянами и съ михайловцами и съ сѣверскими и украинными городами: цѣлуемъ крестъ на томъ, чтобы намъ со всею землею стоять за Московское государство и биться на смерть съ поляками и литовцами **).» Бояре испугались этихъ угрозъ, и, чтобы не раздражить народа, уговорили Госѣвскаго не держать патріарха подъ стражею и отдали ему часть дворовыхъ людей.

Вѣсти о томъ, что съ поляками дѣло не ладится, дошли въ Калугу до вора, и онъ послалъ одного попа, по имени Харитона, къ одному изъ бояръ, засѣдавшихъ въ думѣ, Воротынскому. Этотъ попъ попался подъ пытку. Онъ наговорилъ на Воротынскаго и на Андрея Голицына, брата

*) Pisma Żołkiew. ibid.
**) Соб. г. гр. II, 498.—Pisma Żołk. 112—115.

Василія, бывшаго въ числѣ пословъ. Гонсѣвскій былъ уже недоволенъ этими боярами и, по наговору попа, посадилъ ихъ подъ стражу. Попа казнили. Заточеніе двухъ важныхъ въ государствѣ особъ еще болѣе должно было увеличивать раздраженіе. Но самому вору не довелось уже болѣе ловить въ мутной водѣ рыбу.

VII.

Гибель Калужскаго вора.

Въ числѣ сторонниковъ вора былъ Касимовскій царь. Онъ присталъ къ нему еще во время стоянки его подъ Тушиномъ. Когда воръ долженъ былъ бѣжать изъ-подъ Москвы, Касимовскій царь отъѣхалъ отъ него, пріѣхалъ къ Жолкѣвскому и вмѣстѣ съ гетманомъ отправился подъ Смоленскъ. Сынъ его съ матерью и съ бабкою оставался съ воромъ и уѣхалъ съ нимъ въ Калугу. Проживъ нѣсколько недѣль подъ Смоленскомъ, царь стосковался по семьѣ и отправился въ Калугу, съ намѣреніемъ отвлечь сына отъ вора. Ему самому понравился пріемъ у поляковъ. Пріѣхавши въ Калугу, отецъ притворялся передъ воромъ и показывалъ видъ, будто преданъ ему по прежнему; но сынъ подружился съ воромъ искренно и передалъ ему, что отецъ обманываетъ, его и въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ единственно за тѣмъ, чтобъ взять свою семью, а потомъ опять ѣхать къ полякамъ. Воръ пригласилъ старика ѣхать съ собою на псовую охоту. Назначили день. Воръ выѣхалъ впередъ за рѣку Оку и послалъ просить Касимовскаго царя выѣхать къ нему. Царь выѣхалъ съ двумя татарами. Воръ обошелся съ нимъ дружелюбно, потомъ оставилъ своихъ псарей вдали, взялъ съ собой двухъ пріятелей, Михайла Бутурлина и Игнатія Михнева, и поѣхалъ по берегу Оки. Касимовскій

царь ѣхалъ съ нимъ рядомъ; вдругъ всѣ трое нападаютъ на него, и воръ убиваетъ его собственноручно. Тѣло бросили въ Оку. Потомъ воръ въ тревогѣ скачетъ къ прочимъ своимъ людямъ и кричитъ: «Касимовскій царь Урмаметъ хотѣлъ убить меня; чуть-чуть ушелъ я отъ него. Онъ сейчасъ убѣжалъ къ Москвѣ. Догоните его и поймайте». Люди пустились въ погоню, и, разумѣется, никого догнать не могли. Съ тѣхъ поръ воръ подавалъ дѣлу такой видъ, будто Урмаметъ пропалъ куда-то и неизвѣстно гдѣ находится; но—проговорились ли тѣ, которые съ нимъ вмѣстѣ спровадили старика въ Оку, или же люди стали догадываться сами собою—только другъ Урмамета, крещеный татаринъ Петръ Урусовъ упрекнулъ вора въ глаза убійствомъ Касимовскаго царя. Воръ посадилъ его въ тюрьму и держалъ тамъ шесть недѣль. Въ началѣ декабря, случилось, что его татары имѣли стычку съ отрядомъ, бывшимъ подъ начальствомъ Чаплицкаго, одолѣли и привели въ Калугу плѣнныхъ. Это обрадовало вора. Татары очень любили Урусова. Надобно было сдѣлать имъ что-нибудь угодное въ благодарность. Марина и бояре упросили выпустить Урусова. Этотъ человѣкъ прежде былъ ему полезенъ. Воръ помирился съ нимъ и обласкалъ его.

10 декабря, поѣхалъ воръ за Оку-рѣку на прогулку съ небольшою дружиною русскихъ и татаръ. Урусовъ былъ съ нимъ. Такія прогулки воръ дѣлалъ часто; онѣ были шумны и веселы. Трезвый когда-то, онъ теперь измѣнилъ образъ жизни: любилъ пиры и гулянки, пилъ вино большими раструханами. Шумъ, пѣсни, крики пьяныхъ слышались часто. Воръ ѣхалъ на саняхъ, не разъ останавливался, кричалъ, чтобъ подавали вино, пилъ за здоровье татаръ. Его провожатые ѣхали верхомъ. Вдругъ Урусовъ, ѣхавшій также верхомъ за воромъ, напираетъ на его сани своимъ конемъ, а потомъ поражаетъ его саблею; съ другой

стороны саней, меньшой братъ Урусова въ то же мгновеніе отсѣкъ вору голову. Бояре подняли тревогу; татары обнажили на нихъ сабли. Бояръ было меньше; они испугались и кричали: помилуйте, помилуйте! По однимъ извѣстіямъ, татары побили нѣкоторыхъ изъ русскихъ, провожавшихъ своего царика; по другимъ, напротивъ, Урусовъ не велѣлъ ихъ трогать. Татары раздѣли тѣло вора и покинули его на снѣгу, а сами убѣжали съ Урусовымъ. Воротившись въ Калугу, бояре извѣстили горожанъ о происшествіи. Тогда уже вечерѣло.

Весь городъ возмутился. «Бить всѣхъ татаръ», —кричали калужане. Марина, ходившая послѣдніе дни беременности, выскочила изъ города, сѣла съ боярами на сани, подняла въ полѣ обезглавленное тѣло мужа, привезла въ городъ. Ночью, схвативъ факелъ, Марина бѣгала съ обнаженной грудью посреди толпы, вопила, рвала на себѣ одежду, волосы, и, замѣтивъ, что калужане не слишкомъ чувствительно принимаютъ ея горе, обратилась къ донскимъ казакамъ, умоляя ихъ о мщеніи. Начальствовалъ ими Заруцкій, неравнодушный къ Маринѣ. Онъ воодушевилъ своихъ казаковъ; они напали на татаръ, какихъ встрѣтили въ Калугѣ, и до двухъ сотъ человѣкъ убили *).

Черезъ нѣсколько дней, родила Марина сына, котораго назвали Иваномъ. Она требовала ему присяги, какъ законному наслѣднику. Тогда Янъ Сапѣга, узнавши, что носившій имя Димитрія убитъ, подошелъ къ Калугѣ въ первый день Рождества и требовалъ сдачи на имя короля. Три дня шли переговоры, и на четвертый день, когда Сапѣга еще разъ выслалъ своихъ на переговоры, калужане сдѣлали вылазку. Бой съ Сапѣгою длился до вечера. Сапѣга стоялъ

---

*) Никон. 149.—Buss. 115—117.—Petr. 239.—Kobierż. 317—321 — Niemc. 336.

подъ Калугою до 31 декабря. Калужане ни за что не хотѣли сдаться.

Маринѣ приходилось плохо. Только донцы съ Заруцкимъ были за нее. Калужане ее ненавидѣли, и она стала чувствовать себя въ неволѣ. Она написала къ Сапѣгѣ письмо такого содержанія:

«Ради Бога, избавьте меня; мнѣ двѣ недѣли не доведется жить на свѣтѣ. Вы сильны; избавьте меня, избавьте, избавьте: Богъ вамъ заплатитъ!»

Отвѣтъ калужанъ Сапѣгѣ былъ таковъ, что ему и безъ того ничего не осталось дѣлать подъ Калугою: калужане обѣщали цѣловать крестъ тому, кто на Москвѣ царемъ будетъ, а въ Москвѣ признавали Владислава. И Сапѣга удалился отъ Калуги къ Перемышлю. Перемышль ему сдался. За нимъ сдался Одоевъ, и присланные оттуда выборные цѣловали передъ Сапѣгою крестъ Владиславу.

Смерть вора сдѣлала переломъ въ смутной эпохѣ и была событіемъ, неблагопріятнымъ для Сигизмунда, вмѣсто того, чтобъ быть ему полезнымъ. Возраставшее недовольство противъ короля до того времени двоилось: одни держались готоваго его соперника, кѣмъ бы онъ ни былъ; другіе, не желая повиноваться обманщику, думали отыскать или создать иную точку опоры противъ польскихъ притязаній. Еслибъ тотъ, кого еще многіе звали Димитріемъ, былъ живъ, то противъ поляковъ стояли бы долго два лагеря, враждебные въ то же время одинъ другому. Теперь не стало этого соперника у Сигизмунда, и всѣ недовольные Сигизмундомъ могли согласно и дружно соединиться воедино, воодушевленные одною мыслію — освободить русскую землю отъ иноземцевъ.

Вѣсть о смерти вора не такъ-то скоро разошлась по отдаленнымъ странамъ Россіи: въ Казани, еще въ январѣ 1611 г., вооружались его именемъ противъ поляковъ. За

Казанью слѣдовала Вятка. И тамъ не хотѣли повиноваться полякамъ. И тамъ имя Димитрія все еще служило предлогомъ, тогда-какъ другіе города уже поднимались подъ инымъ знаменемъ. Но какъ только въ Казани и Вяткѣ узнали, что Димитрія нѣтъ на свѣтѣ, то и тамъ стали за одно съ другими городами. Въ Москвѣ извѣстіе о смерти вора произвело радость. Противники поляковъ перестали бояться Калуги, изъ которой ожидали помѣхи успѣхамъ усилій противъ поляковъ; сторонники Димитрія лишились надежды на Калугу и увидѣли необходимость искать ее въ Москвѣ. Народъ вдругъ сталъ выростать, почувствовалъ силу свою; казались не страшными ни поляки, разъѣзжавшіе побѣдителями по московскимъ улицамъ, ни бояре-измѣнники, которые подсматривали и подслушивали, гдѣ кроется вражда къ королю. Начали собираться въ домахъ, толковали, что король обманываетъ москвичей, — остается всей Московской землѣ стать за одно противъ польскихъ и литовскихъ людей и крѣпиться въ томъ, чтобъ изъ Московской земли польскіе и литовскіе люди вышли всѣ прочь.

Бояре, преданные Сигизмунду, зная нерасположеніе патріарха къ польскому дѣлу, хоть и освободили его отъ стражи, но совѣтовали Гонсѣвскому смотрѣть за нимъ и предупреждали, что въ Москвѣ не спокойно. Настали зимнія святки, шумное время въ Москвѣ. Тогда въ Москву, какъ нѣкогда въ Іерусалимъ изъ Палестины, изъ русскихъ земель стекался народъ на праздникъ. У многихъ жителей городовъ была въ столицѣ родня, и они ѣздили навѣстить ее въ праздничные дни; иные съѣзжались къ концу праздниковъ поглядѣть на обрядъ богоявленскаго водосвятія. Это былъ день, когда русскіе иногородцы имѣли случай посмотрѣть на царя, на патріарха, увидѣть весь дворъ въ его праздничномъ великолѣпіи. Такъ, вошло въ обычай съѣзжаться въ эти дни отвсюду въ столицу, но на этотъ

разъ не было ни царя, ни царскаго двора, а, по привычкѣ, народу все-таки стало стекаться много. Поляки стали бояться такого многолюдства: имъ мерещилось, что внезапно ударятъ въ набатъ, какъ было во время гибели Разстриги, и бросятся московскіе люди, и старые и юные, и большіе и малые, бить ихъ. По стѣнамъ и на башняхъ неисходно стояла стража; на зимнемъ холодѣ не весело было исполнять эти обязанности, особенно въ такіе дни, когда изъ дѣтства привыкли гулять и пировать. Но идетъ дѣло уже не о ремнѣ, говорили поляки, а о цѣлой шкурѣ. Чуть только соберется какое нибудь сходбище, или начнетъ приливать свѣжій народъ въ городѣ, поляки сейчасъ всполошатся, бьютъ тревогу, толпами бѣгутъ то въ ту, то въ другую сторону. Къ патріарху приходили изъ разныхъ краевъ русскіе люди. Патріархъ всѣхъ благословлялъ стать за вѣру и за русскую землю, всѣмъ говорилъ: «Вы королевичу присягнули только на томъ, чтобъ ему креститься въ русскую вѣру, а если онъ не крестится и литовскіе люди не выйдутъ изъ Московскаго государства, то королевичъ не государь намъ». Эти же рѣчи онъ писалъ въ своихъ граматахъ и разсылалъ ихъ *). Одну такую грамату, говоритъ современникъ, перехватилъ какой-то полякъ Ващинскій, отправленный съ семью стами всадниковъ для провѣдыванія, что̀ дѣлается на Руси. Послѣ того поляки дали приказаніе, чтобъ никто изъ московскихъ жителей не держалъ у себя оружія, и у кого оно было, тѣ должны были сносить его въ царскую казну. Поймали извощиковъ, которые везли зерновой хлѣбъ, но подъ зерномъ оказались длинныя ружья; вѣроятно, нѣкоторые изъ московскихъ жителей вмѣсто того, чтобъ доставить оружіе, какое у нихъ сохранилось, полякамъ, разсудили за лучшее выпро-

*) Mask. 36.

водить его въ иное мѣсто, гдѣ оно могло для русскихъ послужить противъ поляковъ. Гонсѣвскій приказалъ посадить подъ ледъ этихъ извощиковъ. Тогда патріарха стали снова стѣснять, увели у него дьяковъ и подъячихъ, отняли бумагу, чтобъ не дать ему писать граматъ, взяли и дворовыхъ людей, чтобъ не было кого посылать съ граматами, но не усмотрѣли за нимъ; писать онъ не могъ, а говорить еще могъ съ русскими людьми. Явились къ нему подъ благословеніе нижегородцы, сынъ боярскій Романъ Пахомовъ да посадской человѣкъ Радіонъ Мокѣевъ. Онъ имъ передалъ на словахъ: «Писать мнѣ нельзя: все побрали поляки, и дворъ у меня пограбили; а вы, памятуя Бога и Пречистую Богородицу и московскихъ чудотворцевъ, стойте всѣ за одно противъ нашихъ враговъ». Когда это извѣстіе принесли посланцы въ Нижній-Новгородъ, тамъ составился совѣтъ; пригласили балахонцевъ, а вмѣстѣ съ ними нижегородцы присягнули на крестѣ стоять за Москву и идти ополченіемъ противъ поляковъ и литовскихъ людей. Это рѣшеніе послано къ Ляпунову.

VIII.

Твердость московскихъ пословъ къ смольнянамъ.

Между тѣмъ, къ посламъ подъ Смоленскъ пришла боярская грамата изъ Москвы, гдѣ приказывалось поступить по волѣ короля.

Филаретъ, прочитавши эту грамату, сказалъ: «По совѣсти, нельзя слушать такихъ граматъ; онѣ писаны безъ воли патріарха и всего освященнаго собора и всей земли».

Голицынъ созвалъ совѣтъ изъ дворянъ, еще оставшихся, въ качествѣ выборныхъ земли. Они согласно всѣ дали такое рѣшеніе:

«Этихъ граматъ слушать нельзя: онѣ безъ подписи патріарха и собора, и безъ согласія всей земли. Никогда граматы о государственныхъ дѣлахъ не писались безъ патріаршаго совѣта. Избирать государя можетъ только вся земля, а не одни бояре; мы не хотимъ знать этихъ граматъ, и вамъ, посламъ, не слѣдуетъ наступать иначе, а то вы останетесь въ проклятіи отъ патріарха и въ омерзѣніи отъ всей земли русской».

27 декабря, призвали паны пословъ. Филарета въ этотъ день почему-то не было. Паны начали разговоръ съ объявленія, что вора нѣтъ болѣе. Послы поблагодарили за пріятную новость. Одинъ вопросъ, который долго хотѣли отклонить послы — походъ королевскій на вора въ глубину Московской земли, самъ собою былъ разрѣшенъ. Паны съ насмѣшкою сказали; «А что вы теперь скажете, получивши боярскую грамату?»

На это Голицынъ отвѣчалъ: «Мы посланы не отъ однихъ бояръ, но отъ патріарха и всего освященнаго собора и отъ всѣхъ чиновъ и всей земли, такъ и отвѣчать должны передъ патріархомъ и властями и боярами и всею землею. Нынѣшняя же грамата прислана отъ однихъ только бояръ, и то не отъ всѣхъ, а отъ патріарха и отъ властей и отъ всей земли никакой граматы къ намъ нѣтъ. О цѣлованіи креста его величество король уже рѣшилъ, чтобъ смольняне цѣловали крестъ одному королевичу. Все дѣло теперь о впускѣ королевскихъ войскъ: какъ опредѣлится отъ патріарха и отъ властей и отъ всѣхъ бояръ и отъ всей земли, такъ мы поступимъ».

Паны поговорили между собою въ особомъ покоѣ, потомъ вышли къ посламъ и сказали: «Вы все отговариваетесь, что нѣтъ у васъ изъ Москвы указа о Смоленскѣ; вотъ, теперь и указъ получили вамъ: приказывается повиноваться королевской волѣ, а вы еще противорѣчите. Что

вы говорите это: будто у насъ съ вами положено оставить крестное цѣлованіе на имя короля, когда у насъ этого и въ мысли не было; вы затѣяли это сами!»

Тогда Голицынъ обратился къ гетману и сказалъ: «Не ты ли, панъ гетманъ, не разъ увѣрялъ, что его величество насъ помиловалъ и позволилъ крестъ цѣловать одному королевичу? Не ты ли присылалъ съ этимъ къ намъ племянника своего, Адама Жолкѣвскаго? Не ты ли увѣрялъ въ томъ и дворянъ, которыхъ мы присылали благодарить тебя?»

«Этого не бывало—отвѣчалъ Жолкѣвскій—а вы должны исполнить такъ, какъ вамъ московская грамата указываетъ».

Тогда Левъ Сапѣга сказалъ: «Видите, это мы вамъ на съѣздахъ говорили; тѣ же слова Духъ Святый вложилъ всѣмъ вашимъ боярамъ: они тѣми же словами вамъ указываютъ, какими мы отъ васъ того же требовали; конечно, самъ Богъ открылъ имъ все это, и вамъ тѣмъ паче должно повиноваться волѣ его величества короля».

«Насъ отпускали—говорилъ Голицынъ—отъ патріарха, властей, бояръ и всей земли; отъ однихъ бояръ я бы и не поѣхалъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Голицынъ ропталъ, что бояре дали заприставы брата его Андрея, за то, будто онъ съ воромъ ссылался; онъ обѣщалъ бить челомъ на бояръ въ безчестьи будущему государю, и окончилъ свою рѣчь просьбой донести королю его челобитье.

«Патріархъ—говорили паны—духовная особа; ему не до земскаго дѣла».

«У насъ—сказалъ Голицынъ—издавна велось при прежнихъ государяхъ: которыя государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи наши призывали на совѣтъ патріарха и митрополитовъ и архіепископовъ, и безъ

ихъ совѣта ничего не приговаривали; наши государи почитали патріарха великою честью и встрѣчали и провожали, и мѣсто ему учинено съ великимъ государемъ на ряду; таковы у насъ патріархи, а прежде были митрополиты; нынѣ, по грѣхамъ нашимъ, мы стали безъ государя, а патріархъ у насъ человѣкъ начальный, и безъ патріарха нынѣ о такомъ дѣлѣ совѣтовать не пригоже; какъ патріарховы граматы безъ боярскихъ, такъ и боярскія безъ патріарховыхъ не годятся. Надобно дѣлать по общему совѣту всѣхъ людей, а не однихъ бояръ. Государь всѣмъ надобенъ; дѣло нынѣшнее общее всѣхъ людей, и такого дѣла у насъ на Москвѣ не бывало».

Затѣмъ послы спросили: «Что̀ отвѣчали смольняне на боярскую грамату?»

Паны отвѣтили: «Смольняне въ упорствѣ своемъ закоснѣли; не слушаютъ патріаршихъ граматъ; просятъ съ вами, послами, видѣться и говорятъ: что̀ наши послы прикажутъ, то мы и учинимъ».

«Сами вы, паны, люди мудрые—возразили послы—можете разсудить: какъ же насъ смольняне послушаютъ, когда боярскихъ граматъ не послушали? Можете разумѣть, что не дѣломъ писали въ Москвѣ; еслибъ писалъ патріархъ и бояре и всѣ люди Московскаго государства по общему совѣту, а не одни бояре, то смольнянамъ бы и отговариваться было нельзя. Мы просимъ у короля и у вашихъ милостей по прежнему слову своему: велите цѣловать крестъ одному королевичу, а намъ нельзя перемѣнить и велѣть смольнянамъ цѣловать крестъ королю».

Паны съ гнѣвомъ сказали: «Вы хотите, чтобъ пролилась христіанская кровь; на васъ ее Богъ взыщетъ».

«Волёнъ въ томъ Богъ да государь—сказали послы;—а что̀ было, того перемѣнить нельзя; мы сами не знаемъ, какъ дѣлать; осталась насъ здѣсь половина, а другая по-

ловина не дѣломъ къ Москвѣ отпущена. Начальный съ нами человѣкъ митрополитъ: онъ безъ патріаршей грамaты не токмо что дѣлати — и говорить не хочетъ, и намъ безъ него ничего нельзя дѣлать».

На другой день, къ гетману позвали пословъ; съ ними былъ и митрополитъ. Они дожидались Жолкѣвскаго цѣлыхъ три часа. Явился гетманъ и съ нимъ радные паны. Филаретъ съ разу сказалъ твердо и рѣшительно: «Вчерашнія ваши рѣчи я слышалъ отъ князя Василія Васильевича; онъ говорилъ вамъ, панове, то же, что̀ и я бы вамъ сказалъ».

Паны упрекали его въ упрямствѣ, требуя, чтобъ, сообразно съ боярскимъ указомъ, онъ побудилъ смольнянъ цѣловать крестъ не только королевичу, но и королю.

Митрополитъ сказалъ: «Крестное цѣлованье дѣло духовное; отъ патріарха къ намъ о томъ грамата не прислана; я, митрополитъ, не смѣю дерзнуть на такое дѣло безъ патріаршей граматы». Голицынъ прибавилъ, — «а намъ безъ митрополита однимъ нельзя дѣлать такого великаго дѣла».

Пословъ отпустили; паны были на нихъ чрезвычайно сердиты, и когда послы выходили, то кто-то изъ пановъ не утерпѣлъ, чтобъ не сказать вслѣдъ ихъ: «Это не послы, а воры».

Тогда паны задумали еще отрознить отъ нихъ дворянъ, и, на другой день послѣ этого свиданія съ послами, призвали посольскихъ дворянъ и стали имъ говорить: «Намъ извѣстно стало, что послы отъ вашей братьи дворянъ скрываютъ боярскія граматы и не совѣтуются съ вами».

Дворяне дали такой отвѣтъ: «Кто вамъ, панамъ, это сказалъ, тотъ — бездѣльникъ и воръ, хочетъ поссорить насъ съ послами клеветою; поставьте клеветника намъ, глазъ-на глазъ. Послы отъ насъ ничего не таятъ: послѣднюю боярскую грамату намъ читали и спрашивали у насъ совѣта; и мы,

дворяне, сказали нашу думу посламъ, что по этой граматѣ поступать не должно, потому что она писана безъ патріарха и безъ совѣта всей земли».

Клеветники, которыхъ требовали бояре поставить съ ними на очную ставку, оказались Захаръ Ляпуновъ и Кирило Сазоновъ.

Съ этихъ поръ пословъ не звали цѣлый мѣсяцъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Грамата изъ-подъ Смоленска. — Грамата московская. — Ляпуновъ.— Заруцкій.—Сапѣга.—Воззваніе Ляпунова. — Возстаніе разныхъ городовъ.

Между тѣмъ, какъ польскіе паны въ лагерѣ подъ Смоленскомъ употребляли напрасныя усилія къ тому, чтобы склонить московскихъ пословъ и дворянъ разныхъ городовъ въ свою пользу, эти послѣдніе написали, вѣроятно, съ вѣдома самихъ пословъ, и отправили въ Москву грамату, списки съ которой должны были разослаться по Московскому государству. Очень можетъ быть, что ушедшіе еще прежде отъ посольства въ Москву и сложили ее, но уже, конечно, она явилась въ Москвѣ за тѣмъ, чтобы списки ея были разосланы по Московскому государству. Грамата обращалась къ москвичамъ. «Мы пришли (говорилось въ ней) изъ своихъ разоренныхъ городовъ и уѣздовъ къ королю въ обозъ, подъ Смоленскъ, и живемъ тутъ болѣе года, чуть не другой годъ, чтобы выкупить намъ изъ плѣна, изъ латинства, отъ горькой, смертной работы, бѣдныхъ своихъ матерей, женъ и дѣтей. Никто не жалѣетъ объ насъ, никто не пощадитъ насъ. Иные изъ нашихъ въ Литву и въ Польшу ходили за своими матерями, женами и

дѣтьми, и потеряли тамъ головы. Собранъ былъ христовымъ именемъ окупъ—все разграбили; ни одна душа изъ литовскихъ людей не смилуется надъ бѣдными плѣнными, православными христіанами и беззлобивыми младенцами». Всѣ они, будучи пришельцами изъ различныхъ городовъ и волостей Московскаго государства, свидѣтельствовали о томъ, какъ поработители повсюду поругались надъ святынею, жизнью и достояніемъ русскаго народа. «Во всѣхъ городахъ и уѣздахъ—было сказано въ томъ же посланіи—гдѣ завладѣли литовскіе люди, не поругана ли тамъ православная вѣра, и не разорены ли божіи церкви? не сокрушены ли, не поруганы ли злымъ поруганіемъ божественные законы и божіе образы? Все это зрятъ очи наши. Гдѣ наши головы, гдѣ жены и дѣти, и братья, и сродники, и друзья? Не остались ли изъ тысячи десятый, изъ сотни одинъ, и то съ одной душой и тѣломъ... Имъ было извѣстно, что затѣваютъ поляки. Мы здѣсь не малое время живемъ, и подлинно знаемъ то, про что пишемъ». Они сообщали москвичамъ, какъ въ своихъ письмахъ къ польскимъ панамъ предатели Салтыковъ и Андроновъ совѣтовали королю скорѣе идти съ войскомъ въ Москву, вывести изъ нея лучшихъ людей и завладѣть столицею. «Не думайте и не помышляйте, — писали они,—чтобы королевичъ былъ государемъ въ Москвѣ. Всѣ люди въ Польшѣ и Литвѣ никакъ не допустятъ этого. У нихъ въ Литвѣ на сеймищѣ было много думы со всею землею, и у нихъ на томъ положено, чтобъ вывести лучшихъ людей и опустошить всю землю и владѣть всею Московскою землею. Ради Бога, положите крѣпкій совѣтъ между собою. Пошлите списки съ нашей граматы въ Новгородъ, и Вологду, и въ Нижній, и свой совѣтъ туда отпишите, чтобы всѣмъ про то было вѣдомо, чтобы всею землею, обще стать намъ за православную христіанскую вѣру, покамѣстъ еще

мы свободны, и не въ рабствѣ, и не разведены въ плѣнъ» *).

Въ Москвѣ эта грамата была переписана во многихъ спискахъ и разослана по городамъ, а къ ней приложили и послали вмѣстѣ еще свою, московскую, писанную съ благословенія Гермогена. Москва напоминала о своемъ первенствѣ, называла себя корнемъ древа и указывала на важность своей мѣстной святыни: «Здѣсь образъ Божіей матери, Богородицы заступницы крестьянской, еже евангелистъ Лука написалъ. Здѣсь великіе свѣтильники и хранители Петръ, Алексій и Іона чудотворцы; или это для васъ православныхъ крестьянъ ничего не значитъ? Такъ говорить и писать страшно. Не вѣрьте глупому и льстивому слову, чтобъ вамъ быть пощаженнымъ, если не будете съ нами обще страдать, сколько силы станетъ и сколько милосердый Богъ поможетъ. Повѣрьте этому нашему письму. Не многіе идутъ вслѣдъ за предателями христіанскими Михайломъ Салтыковымъ и за Ѳедоромъ Андроновымъ и ихъ совѣтниками. У насъ первопрестольной апостольской церкви святой патріархъ Гермогенъ прямъ яко самъ пастырь, душу свою за вѣру христіанскую полагаетъ несомнѣнно, и ему всѣ христіане православные послѣдствуютъ, только неявственно стоятъ» **). Москва призывала города освободить ее изъ бѣды, а города и земли нуждались въ средоточіи, куда должны были обращаться ихъ взаимныя дѣйстія.

Когда эти воззванія изъ-подъ Смоленска и изъ Москвы дошли до Рязани, тамъ Прокопій Ляпуновъ приказалъ переписать съ нихъ списки и разослалъ, съ нарочными, по ближнимъ городамъ, да приложилъ еще отъ себя воззваніе.

*) А. Э. II, 300.
**) А. Э. II, 299.

Рязанская земля давно уже привыкла повиноваться голосу Прокопія Ляпунова. Знали этотъ голосъ во всей московской украинѣ. Ляпуновъ назначилъ сборъ ратной силы подъ Шацкомъ. Туда, по зову его, пришло ополченіе михайловскихъ дѣтей боярскихъ. Потомъ пристали къ нимъ темниковцы и алатырцы, пришли отряды инородцевъ, мордвы, чувашей и черемисъ *), и пестрая шайка подъ начальствомъ Кернозицкаго. Въ Коломнѣ, воевода Василій Сукинъ держался поляковъ, но коломенскіе черные люди, дворяне и дѣти боярскіе снеслись съ Ляпуновымъ и объявляли, что готовы идти за одно съ рязанцами. Присталъ къ Ляпунову Заруцкій съ своими донцами. Этотъ, какъ мы видѣли, ранній пособникъ вора, послѣ бѣгства послѣдняго изъ Тушина, присталъ-было къ Жолкѣвскому. Вмѣстѣ съ поляками побивалъ онъ войска Шуйскаго подъ Клушинымъ; вмѣстѣ съ ними подошелъ къ Москвѣ. Самолюбивый и задорный, хотѣлъ онъ играть первую роль, но какъ увидалъ, что Салтыковъ и Андроновъ стоятъ выше его, не захотѣлъ служить дѣлу Владислава, ушелъ снова къ калужскому вору. Послѣ его убійства, Заруцкій вызвался быть защитникомъ Марины, съ которой, кажется, былъ въ связи. Не прошло послѣ того и двухъ мѣсяцевъ, Заруцкій сошелся съ Ляпуновымъ, пріѣхалъ въ Рязань, обязался служить противъ поляковъ за русскій народъ, которому до сихъ поръ дѣлалъ одно зло. Его послалъ Ляпуновъ въ Тулу. Тамъ съ нимъ была Марина. Туда стекались къ нему донцы. Стали подъ его начальство тульскіе дѣти боярскіе. Заруцкій долженъ былъ идти на Москву изъ Тулы, когда рязанцы пойдутъ на нее изъ-подъ Шацка. Московскіе бояре, узнавши, что Заруцкій собираетъ ополченіе въ Тулѣ, отправили къ тулякамъ грамату, увѣщевали не приставать къ Ляпунову и

*) А. Э. II. 312.

давали знать, что на Ляпунова посылается сильная польская рать подъ начальствомъ Сапѣги и Струся. Но туляки не приняли увѣщаній и отослали боярскую грамату къ Ляпунову. Вѣрный видамъ Марины, Заруцкій думалъ: авось удастся провозгласить царемъ ея новорожденнаго сына, но, покамѣстъ, скрывалъ это намѣреніе; надо было подвизаться противъ одного общаго врага — поляковъ *). Соединились съ Ляпуновымъ и калужане. Царика у нихъ не стало; имъ ничего не оставалось, какъ стать за одно съ прочими русскими противъ поляковъ. Знатнѣйшимъ лицомъ въ Калугѣ надъ калужанами былъ бояринъ Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, прежній слуга вора, человѣкъ высокаго рода, потомокъ Гедимина. Калужане дали обѣщаніе идти изъ-подъ Калуги къ Москвѣ разомъ съ другими, которые пойдутъ изъ Рязани и изъ Тулы, и вмѣстѣ съ ними сойтись подъ Москвою въ одинъ день. Къ Ляпунову пристала и Кашира. Тамошній воевода Михайло Александровичъ Нагой, также изъ прежнихъ сторонниковъ вора, 10 февраля написалъ Ляпунову, что каширяне, служилые и неслужилые люди, будутъ стоять за православную вѣру, за одно съ Ляпуновымъ, противъ богохульныхъ еретиковъ, польскихъ и литовскихъ людей **).

Тогда въ ополченіе русской земли готовился войти Янъ Сапѣга. Стоя подъ Мещевскомъ, онъ услыхалъ, что собираются московскіе люди идти на поляковъ. На ту пору, онъ, съ своими сапѣжинцами, былъ недоволенъ королемъ. Не хотѣли имъ заплатить жалованье за тѣ годы, которые они провели на службѣ вору. Разсерженный на короля и на пановъ, Сапѣга писалъ въ Калугу и предлагалъ свои

*) Коберж. 371.
**) А. Э. II. 312.

услуги русскому дѣлу. «Мы хотимъ — выражался онъ — за православную вѣру и за свою славу отважиться на смерть, и вамъ было бы съ нами совѣтоваться; сами знаете, что мы люди вольные, королю и королевичу не служимъ; стоимъ при своихъ заслугахъ; мы не мыслимъ на васъ никакого лиха, не просимъ отъ васъ никакой платы, а кто будетъ на Московскомъ государствѣ царемъ, тотъ намъ и заплатитъ». Калужскіе бояре не кинулись сразу довѣрчиво въ объятія бывшаго врага Московскаго государства; не разъ онъ принужденъ былъ писать къ нимъ о томъ же, предлагалъ закладъ, извѣщалъ, что бояре, сидѣвшіе въ Москвѣ, приглашаютъ его идти на Ляпунова за королевское дѣло, но онъ не хочетъ, и просилъ, по крайней мѣрѣ, сообщить о его желаніи Прокопію Ляпунову. Калужане, наконецъ, послали къ нему боярина Дмитрія Мамстрюковича Черкасскаго и дворянина Игнатія Ермолаевича Микулина. Переговоры ихъ съ Сапѣгою не повели къ согласію. Посланные не могли не припомнить, что сапѣжинцы оскорбляли православную вѣру, разоряли церкви, ставили въ нихъ лошадей. «Это неправда — возражалъ на это Сапѣга въ новомъ письмѣ своемъ къ калужанамъ — у насъ въ рыцарствѣ половина русскихъ людей; мы запрещаемъ имъ безчинство; мы смотримъ накрѣпко, чтобы не было никакого разоренія церквей божіихъ, но отъ воровъ вездѣ не убережешься: иное сдѣлаютъ въ отъѣздѣ» *) (то есть, когда выѣдутъ изъ воинскаго стана). Какъ ни старался Сапѣга прильнуть къ русскимъ, ему не повѣрили калужане, и онъ обратился къ Ляпунову прямо. Ляпуновъ велѣлъ передать ему, чтобы онъ шелъ, если хочетъ сразиться за православную вѣру, только не въ одномъ полку съ русскими, а особно, самъ по себѣ, на Можайскъ, и старался

*) А. Э. II. 311.

бы не допускать помощи отъ короля въ Москву полякамъ. Но Ляпуновъ не иначе приглашалъ этого союзника, какъ потребовавши лучшихъ людей въ заложники. «Надобно — писалъ Ляпуновъ — чтобы такая многочисленная рать во время похода въ Москвѣ не шла бы у насъ за хребтомъ, и не чинила бы ничего дурного надъ городами» *). Въ то же время къ Сапѣгѣ обращался Гонсѣвскій **) и приглашалъ его съ войскомъ на помощь къ Москвѣ противъ угрожающаго возстанія. Сапѣга отвѣчалъ, что рыцарство не имѣетъ ничего твердаго и ручательнаго отъ короля, и не хочетъ идти, а пойдетъ тогда, когда отъ короля увидитъ себѣ какую-нибудь вѣрную пользу.

Въ Нижнемъ, какъ мы видѣли, еще прежде сношенія съ Ляпуновымъ сдѣлалось возстаніе. Нижегородцы сообщили Ляпунову свою крестоцѣловальную запись, заключенную вмѣстѣ съ балахонцами. Ляпуновъ, въ отвѣтъ на это, 27 янв. 1611 г. отправилъ въ Нижній, со стряпчимъ Ив. Биркинымъ и дьякомъ Степаномъ Пустошкинымъ, списки съ граматъ смоленской и московской, и собственное посланіе въ «преименитый» Нижній-Новгородъ, извѣщалъ, что уже украинные города поднимаются, и приглашалъ нижегородцевъ идти вмѣстѣ съ собою да разомъ отправить въ поморскіе и понизовые города списки съ посланныхъ граматъ, чтобы вездѣ знали, что̀ дѣлаютъ поляки, чтобы вездѣ собирались отстаивать русскую землю, и отовсюду шли бы разомъ на Москву. Нижегородцы должны были идти къ Москвѣ на Владимиръ, когда рязанцы пойдутъ къ ней черезъ Коломну. Въ другой граматѣ, 8 февраля, Ляпуновъ прибавилъ, что нужно взять съ собою запасъ, потому что у него мало, а въ Москвѣ поляки отняли оружіе у жителей

*) А. Э. II. 312.
**) Życ. Sapieh. II. 283.

и трудно достать пороху. Нижній-Новгородъ отъ лица архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ, поповъ, воеводъ, дьяковъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, нѣмцевъ, литвы, стрѣлецкихъ, казачьихъ головъ, земскихъ старостъ, всѣхъ посадскихъ людей, пушкарей, стрѣльцовъ, казаковъ разныхъ городовъ, послалъ въ разные города списки граматъ, подклеивши ихъ подъ свою собственную. Такъ, въ грамагѣ, отправленной 1 февраля въ Вологду, сказано: «Вамъ бы, господа, пожаловать одиолично на Вологдѣ и во всемъ уѣздѣ собраться со всякими ратными людьми, на коняхъ и съ лыжами, идти со всею службою къ намъ на сходъ тотчасъ же къ Москвѣ, чтобъ дать помочь государству Московскому, пока Литва не овладѣла окрестными городами, пока не прельстились многіе люди, и не отступили еще отъ христіанской вѣры [1])». Въ тотъ же день съ подобными граматами поѣхали изъ Нижняго гонцы въ Кострому [2]), въ Ярославль [3]), Муромъ [4]), Владимиръ [5]). Нижегородцы приглашали всякихъ чиновъ людей главныхъ городовъ собрать народъ изъ окольныхъ меньшихъ городовъ на совѣтъ и постановить, какъ идти всею силою земли подъ Москву. Нижегородскія и рязанскія воззванія встрѣтили уже готовыя возстанія. Въ Ярославлѣ народъ уже вышелъ изъ терпѣнія; туда изъ Москвы пріѣзжали поляки за сборомъ и брали болѣе, сколько было нужно, да еще безчинствовали. Ярославцы сначала повиновались, сохраняли вѣрность крестному цѣлованію. Но чѣмъ русскіе были кротче, тѣмъ поляки наглѣе. Тогда ярославцы, собравшись, постановили, что бо-

---

[1]) С. Г. Гр. II. 500.
[2]) А. Э. II. 303.
[3]) Ibid. 305.
[4]) Ibid. 302.
[5]) Ibid. 306.

лѣе не станутъ давать кормовъ полякамъ, и цѣловали крестъ на томъ, чтобы ни въ Москвѣ, ни въ окрестныхъ городахъ полякамъ не быть, и готовились идти хотя бы на смерть по крестному цѣлованію. Въ такія-то минуты пришли къ нимъ граматы отъ нижегородцевъ [1]). Ярославцы составили съ этихъ граматъ списки, приложили отъ себя увѣщательную грамату, и разсылали въ Угличъ, Бѣжецкъ, Кашинъ, Романовъ; въ этихъ городахъ жители, какъ прочитали присланныя изъ Ярославля граматы, тотчасъ цѣловали крестъ— стоять за православную вѣру противъ польскихъ и литовскихъ людей [2]). Между тѣмъ, въ самомъ Ярославлѣ съ воеводою Иваномъ Волынскимъ собрались всѣ дѣти боярскіе ярославскаго уѣзда, да триста старыхъ казаковъ, да къ нимъ еще пристали астраханскіе стрѣльцы и стрѣльцы приказа Шарова, которые возвращались изъ Новгорода. Сверхъ того, пять сотъ человѣкъ стрѣльцовъ, выправленныхъ изъ Москвы въ Вологду въ предупрежденіе мятежа въ Москвѣ, не пошли далѣе и пристали къ ярославскому ополченію [3]), 16 февраля, для большей крѣпости дѣла, въ другой разъ ярославцы цѣловали крестъ на соединеніе съ рязанскими, украинскими и понизовыми городами Московскаго государства.

Пришли нижегородскія граматы во Владиміръ, и тамъ [4]) собрались всѣ люди и цѣловали крестъ на томъ, что стоять имъ, володимирцамъ, со всѣми городами за одно противъ польскихъ и литовскихъ людей за королевскую неправду. Сдѣлали списки съ нижегородскихъ граматъ, приложили свою и отправили гонцовъ въ Суздаль, въ Переяславль-Залѣсскій, въ Ростовъ; и эти города пристали къ общему

[1]) А. Э. II. 306.
[2]) А. Э. II. 313.
[3]) А. Э. II. 332.
[4]) А. Э. II. 306.

дѣлу *). Въ Суздалѣ, сверхъ граматъ нижегородскихъ, ярославскихъ и володимирскихъ, явился Андрей Просовецкій, прежде сподвижникъ тушинскаго вора, разорявшій сѣверныя русскія области; теперь, съ толпою своихъ необузданныхъ казаковъ, онъ вызывался служить общему дѣлу русской земли. Изъ Суздаля онъ писалъ въ Володимиръ, въ Ярославль, въ Кострому и въ другіе города, а тамошнимъ жителямъ поручалъ писать отъ себя къ сосѣдямъ. Въ Муромѣ тоже, подъ предводительствомъ воеводы князя Масальскаго, собирались и ополчались ратные люди, какъ только получена была нижегородская грамата. Кострома получила граматы изъ Нижняго-Новгорода 7 февраля, и тотчасъ же костромичи цѣловали крестъ стоять за домъ пречистой Богородицы и за чудотворныя мощи, за святыя Божіи церкви и за православную христіанскую вѣру, и послали отъ себя грамату, со списками присланныхъ къ нимъ граматъ, въ Галичъ и другіе города. Галичъ, получивши изъ Костромы списки граматъ, тотчасъ, со всею волостью и съ пригородами, постановилъ взять съ черносошныхъ людей по десяти человѣкъ съ каждой сохи. Изъ Галича посланы были граматы въ Соль-Галицкую, а изъ Соли-Галицкой—въ Тотьму, изъ Тотьмы—въ Устюгъ. Въ Устюгѣ, получивъ изъ Тотьмы списки съ граматъ смоленскихъ, московскихъ и нижегородскихъ, вмѣстѣ съ тотемскою граматою, отослали съ нихъ списки въ Пермь, въ Холмогоры, на Вычегду, въ Соль-Вычегодскую, на Вагу, на Вымь, а пермичей просили, списавъ эти списки, разослать ихъ въ Верхотурье и въ Сибирь, чтобы изъ отдаленныхъ земель и волостей собирались люди и шли на сходъ къ Москвѣ избавлять Московское государство **). Въ Вологду прислано

*) А. Э. II. 322.
**) А. Э. II. 295.

разомъ нѣсколько посланій изъ разныхъ городовъ. Нижегородцы поручили вологодцамъ собрать съ Вологды, вологодскихъ пригородовъ и изо всѣхъ уѣздовъ ратныхъ людей, приставить къ нимъ головъ, идти на сходъ во Владиміръ къ воеводѣ Рѣпнину *), а костромичи просили, чтобы они шли черезъ Кострому и пристали къ костромскому ополченію. Вологда, съ своей стороны, разсылала гонцовъ въ тѣ поморскіе города, въ которые граматы доходили также изъ Галича. Устюгъ, Тотьма и пригороды ихъ, получивъ разными путями граматы, всѣ порѣшили стоять за одно съ другими землями, собирать людей и посылать подъ Москву. Сѣверъ весь присталъ къ возстанію. Отъ 12 марта, соловецкій игуменъ писалъ къ шведскому королю Карлу IX, что въ соловецкомъ и сумскомъ острогѣ и во всей поморской области было извѣстно, что патріархъ благословилъ всѣ русскія земли идти противъ поляковъ; всѣ собираются на рать, всѣ единомысленно порѣшили: не хотимъ на Московское государство царей иновѣрныхъ, кромѣ своихъ прироженныхъ бояръ Московскагогосударства **)! Впрочемъ, Пермь, какъ и при Скопинѣ-Шуйскомъ, лѣнивѣе другихъ земель помогала общему дѣлу и на первый разъ не много людей послала; это видно изъ наказа пермскимъ цѣловальникамъ, которымъ поручили вести подъ Москву пятьдесятъ человѣкъ на помощь ***). Казань и все нижнее Поволжье не только слабѣе участвовали въ общемъ ополченіи противъ поляковъ, чѣмъ костромичи, нижегородцы и ярославцы, но не пристали къ нему тотчасъ вмѣстѣ съ другими. Когда въ Казань пришло извѣстіе о томъ, что Русь признала Владислава и поляки вошли въ Москву—воеводы Морозовъ и Богданъ Бѣльскій да дьякъ Никаноръ

*) А. Э. II. 303.
**) А. Э. II. 308.
***) А. Э. II. 309.

Шульгинъ и большая часть казанцевъ не хотѣли присягать и держались Димитрія, а въ январѣ Богданъ Бѣльскій сталъ уговаривать казанцевъ покориться общему приговору земли; но противъ него повелъ интригу дьякъ Шульгинъ и возмутилъ казанцевъ: во имя Димитрія схватили Бѣльскаго, взвели на башню и сбросили въ низъ. Такъ окончилъ свой вѣкъ этотъ замѣчательный человѣкъ, повидимому, одинъ изъ важнѣйшихъ зачинщиковъ смутъ *). Проѣзжали казанцы черезъ Ярославль, видѣли собраніе ратныхъ людей и молились вмѣстѣ съ ними мѣстной святынѣ ярославской; имъ вручили ярославцы граматы, чтобы они везли ихъ въ казанское государство и убѣждали казанцевъ помогать другимъ землямъ; и это не подѣйствовало. Казанцы и вятчане держались еще упорно Димитрія, не зная или не вѣря, что того, кто назывался этимъ именемъ, нѣтъ на свѣтѣ. Въ этихъ земляхъ была своемѣстная неурядица: взбунтовались черемисы; къ нимъ пристали и русскіе разбойники. Земли должны были отбиваться отъ внутреннихъ враговъ. Ненавидя поляковъ, въ этихъ земляхъ не довѣряли Ляпунову.

Охотнѣе откликнулся на присланныя изъ Ярославля граматы Великій Новгородъ. Какъ только тамъ узнали, что уже изъ разныхъ городовъ пошли ратные люди подъ Москву, то и сдѣлалось волненіе. Люди новгородскіе собрались и просили благословенія своего владыки Исидора на ратное дѣло. Исидоръ благословилъ ихъ. Всѣ цѣловали крестъ на томъ, чтобы стоять противъ польскихъ и литовскихъ людей и послать воеводъ съ ратнымъ ополченіемъ. Заключили въ тюрьму воеводу Ивана Салтыкова и Кирилла Чоглокова—предателей, сторонниковъ польскихъ **). Въ города новгородской и псковской земли и въ другіе окрест-

*) Голик. 160.
**) А. Э. II. 341.

ные, во Псковъ, въ Иванъ-городъ, въ Великіе Луки, въ Порховъ, Невель, въ Торопецъ, въ Яму, въ Заволочье, въ Копорье, въ Орѣшекъ, Ладогу, Устюжну, въ Тверь, въ Торжокъ, были посланы изъ Новгорода списки граматъ, вмѣстѣ съ увѣщательною граматою отъ самого Великаго Новгорода; посланы также отписки о готовности новгородцевъ въ Ярославль, Угличъ, Кострому *). Псковъ и прежде ни за что не хотѣлъ цѣловать крестъ Владиславу и не цѣловалъ вовсе. Но тамъ продолжались смятенія, не допускавшія народъ стать воедино и воодушевиться общею доблестью. Бывшее, съ 1609—1610 годъ, господство черни прекратилось, но, въ свою очередь, бояре, гости и лучшіе люди захватили власть и стали дѣлать насилія. Тогда опять поднялась чернь на Запсковьи и на Полонищѣ и выгнала лучшихъ людей, а весною 1611 года, когда другіе города шли къ Москвѣ, на псковскую землю напали литовцы; Ходкѣвичъ, литовскій гетманъ, стоялъ подъ Печорами, а Лисовскій, съ своею шайкою, опустошалъ предѣлы Псковской земли, и псковичи, приставши сначала къ дѣлу общаго ополченія, потомъ извѣщали, что не могутъ помогать ему **).

Повсюду бѣгали изъ города въ городъ гонцы, иногда по два и по три, иногда по нѣскольку человѣкъ. То были дѣти боярскіе и посадскіе; они возили граматы, черезъ нихъ городъ извѣщалъ другой городъ, что онъ съ своею землею стоитъ за православную вѣру и идетъ на польскихъ и литовскихъ людей за Московское государство. Изъ городовъ бѣгали посыльщики по селамъ, сзывали помѣщиковъ, собирали даточныхъ людей съ монастырскихъ и архіерейскихъ селъ; вездѣ, по приходѣ такихъ посыльщиковъ, звонили въ

*) А. Э. II, 314.
**) Псковск. 329.

колокола, собирались люди на сходки, дѣлали приговоръ, вооружались чѣмъ ни попало, и спѣшили въ свой городъ кто верхомъ, кто пѣшкомъ, а въ городъ везли порохъ, свинецъ, сухари, толокно, разныя снасти. Передъ соборнымъ духовенствомъ происходило крестное цѣлованіе всего уѣзда *). Тутъ русскій человѣкъ присягалъ и обѣщался передъ Богомъ стоять за православную вѣру и Московское государство, не отставать отъ Московскаго государства, не цѣловать креста польскому королю, не служить ему и не прямить ни въ чемъ, не ссылаться письмомъ и словомъ ни съ нимъ, ни съ поляками и Литвою, ни съ московскими людьми, которые королю прямятъ, а биться противъ нихъ за Московское государство и за всѣ россійскія царствія и очищать Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей; во все время войны быть въ согласіи, не произносить смутныхъ словъ между собою, не дѣлать сноповъ и заговоровъ другъ на друга, не грабить и не убивать, и, вообще, не дѣлать ничего дурнаго русскимъ, а стоять единомышленно за тѣхъ русскихъ, которыхъ пошлютъ куда нибудь въ заточеніе или предадутъ какому нибудь наказанію московскіе бояре. Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщались заранѣе—служить и прямить тому, кого Богъ дастъ царемъ на Московское государство и на всѣ государства русскаго царствія. Ополчаясь противъ короля, не желая и королевича съ поляками, русскіе въ своей крестоцѣловальной записи, однако, не исключали возможности признать царемъ и королевича, согласно данному прежде крестному цѣлованію, но сомнѣвались, чтобъ это случилось, ибо не приняли бы его русскіе иначе, какъ свободно, съ такими условіями, какихъ сами захотятъ, на которыя поляки не согласились бы ни за что. Въ этой записи говорится: « А буде король не дастъ намъ сына своего на Мо-

*) А. Э. II, 308.

сковское государство, и польскихъ и литовскихъ людей съ Москвы и изъ всѣхъ московскихъ и изъ украинскихъ городовъ не выведетъ, и изъ-подъ Смоленска не отступитъ, и воинскихъ людей не отведетъ, и намъ битися до смерти».

II.

Противодѣйствіе поляковъ.—Движеніе русскихъ ополченій.—Тревога въ столицѣ.—Стѣсненіе патріарха.

Поляки не ждали такого единодушія. Поляки видѣли, какъ бояре и дворяне раболѣпно выпрашивали у Сигизмунда имѣній и почестей, какъ русскіе люди продавали свое отечество чужеземцамъ за личныя выгоды. Поляки думали, что, какъ только бояре склонятся на ихъ сторону, какъ только они однихъ купятъ, другихъ обманутъ, то можно совладать съ громадою простаго народа, не знающею политическихъ правъ, — съ этимъ стадомъ рабовъ, привыкшихъ повиноваться тяготѣющимъ надъ ними верхнимъ силамъ. Они ошиблись. Они не разсчитали, что, мимо политическихъ правъ, которыми Польша такъ гордилась и которыхъ Русь не знала, была на Руси животворная сила, способная привести въ движеніе неповоротливую громаду — это была православная вѣра! Она-то соединила русскій народъ, она для него творила и государственную связь, и замѣнила политическія права. Знаменемъ возстанія была тогда единственно вѣра: во всѣхъ граматахъ выставлялось на первомъ планѣ побужденіе религіозное, необходимость защищать церкви, образа и мощи, которымъ творили поруганіе польскіе и литовскіе люди. Эти-то драгоцѣнные для сердца и воображенія предметы подняли тогда русскихъ всѣхъ земель. Они же, между прочимъ, привязывали области и къ Москвѣ, гдѣ было много и церквей, и образовъ, и мощей.

Ни тогдашнее московское правительство, ни поляки, не употребляли энергическихъ мѣръ, чтобы подавить это возстаніе въ началѣ. Въ январѣ, узнавъ о волненіи рязанской земли, московскіе бояре извѣстили Сигизмунда, что Ляпуновъ, въ рязанской землѣ, не хочетъ видѣть въ Московскомъ государствѣ успокоенія, не велитъ слушать повелѣній королевскихъ, посылаетъ воеводъ и головъ по городамъ, прельщаетъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, устращиваетъ простыхъ людей и сбираетъ себѣ денежные и хлѣбные запасы, слѣдуемые въ царскую казну *). Указывали на брата его Захара, бывшаго тогда въ королевскомъ обозѣ подъ Смоленскомъ, какъ на тайнаго пособника Прокопію. Въ то же время, московскіе бояре послали черкасъ воевать рязанскія мѣста, послушныя Ляпунову. Неизвѣстно, откуда пришли эти черкасы: были ли это бродячіе казацкіе отряды, или, всего вѣроятнѣе, то были малоруссы, поселенные въ рязанской землѣ, ибо, впослѣдствіи, тамъ оказываются на жительствѣ малоруссы. Но какъ бы то ни было, только къ этимъ черкасамъ пристали русскіе измѣнники, Исай Сумбуловъ съ товарищи. Ляпуновъ пошелъ на нихъ съ дѣтьми боярскими, рязанскими и коломенскими, выгналъ ихъ изъ Пронска и занялъ этотъ городъ. Тутъ подоспѣли къ черкасамъ на помощь еще новыя ихъ силы и осадили въ Пронскѣ Ляпунова. На счастье ему, вышелъ изъ Зарайска тамошній воевода, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, и пошелъ на выручку Ляпунова. Черкасы отошли отъ Пронска къ Михайлову (гдѣ, вѣроятно, пребывали постоянно). Воеводы разошлись: Ляпуновъ отправился въ Переяславль-Рязанскій продолжать свое дѣло, а Пожарскій — въ свой Зарайскъ. Тогда черкасы ударили на Зарайскъ, взяли острогъ, осадили въ городѣ воеводу. Но

*) С. Г. Гр. II. 489.

Пожарскій сдѣлалъ вылазку, выгналъ ихъ изъ острога и прогналъ далеко. Сумбуловъ оставилъ черкасъ и убѣжалъ въ Москву *). Современники приписали эту удачу чудотворной силѣ Николы Зарайскаго.

Въ февралѣ, князь Иванъ Куракинъ, сторонникъ поляковъ, воевода въ Юрьевѣ-Польскомъ, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ услышали, что во Владимирѣ происходитъ сборъ возстанія, пошли туда съ войскомъ, но вѣсть объ ихъ походѣ въ пору дошла въ Суздаль до Просовецкаго, и онъ послалъ на помощь владимирцамъ своихъ ратныхъ людей—казаковъ. 11 февраля, подъ Владимиромъ произошла битва: Куракинъ былъ разбитъ, Черкасскаго взяли въ плѣнъ, остальные разбѣжались **). Неудачно пошло дѣло королевской стороны и въ Новгородѣ: въ первыхъ числахъ марта, польскій отрядъ, который пришелъ изъ Великихъ-Лукъ въ Старорусскій уѣздъ, узнавъ, что въ Новгородѣ волненіе, спѣшилъ на выручку Салтыкова, но новгородцы вышли противъ него и разбили ***). Такимъ образомъ, первыя столкновенія русскаго возстанія съ врагами могли только ободрить русскихъ.

Восточныя ополченія выходили изъ своихъ земель къ назначеннымъ мѣстамъ скоро. Еще 8 февраля, нижегородцы отправили передовой отрядъ во Владимиръ. Онъ состоялъ изъ нижегородскихъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, поселенныхъ въ Нижегородской землѣ литвы и нѣмцевъ, и стрѣльцовъ. Затѣмъ, 11 февраля, двинулось и все большое нижегородское ополченіе вмѣстѣ съ ополченіями окольныхъ городовъ, тянувшихъ къ Нижнему. Съ ними сошлось воедино муромское ополченіе подъ начальствомъ кня-

*) Ник. Л. 130.
**) А. Э. II, 307.
***) А. Э. II, 317.

зя Василія Өедоровича Мосальскаго; въ немъ, кромѣ муромцевъ, были дворяне, дѣти боярскіе, стрѣльцы и казаки другихъ сосѣднихъ городовъ *). Они пришли во Владиміръ 1 марта, а изъ Владиміра, вмѣстѣ съ владимірскимъ ополченіемъ, двинулись къ Москвѣ 10 марта **). Къ нимъ пристали суздальцы, подъ начальствомъ Артемія Измайлова, и пестрая толпа казаковъ и черкасъ Просовецкаго.

Костромичи вышли, 24 февраля, подъ начальствомъ князя Өедора Волконскаго. Они прибыли къ Ярославлю; тамъ пристало къ нимъ ополченіе ярославское и вышло съ ними къ Москвѣ въ началѣ марта, подъ начальствомъ Ивана Ивановича Волынскаго, оставивъ въ городѣ другаго Волынскаго, со старыми дворянами. Въ Романовѣ къ нимъ пристало и романовское ополченіе, подъ начальствомъ князя Василія Проускаго. Они всѣ вмѣстѣ прибыли въ Ростовъ, и тутъ соединилось съ ними ростовское ополченіе, подъ начальствомъ Өедора Волконскаго. Изъ Ростова пошли на Переяславль. Переяславцы приняли ихъ съ образами и примкнули къ нимъ. Отсюда съ новоприбывшими они шли на Александровскую слободу, на соединеніе съ владимірцами и нижегородцами. Тутъ напалъ на нихъ отрядъ, посланный изъ Киржача, гдѣ стоялъ князь Куракинъ. Они разбили его и наловили плѣнниковъ ***).

Къ Ляпунову въ рязанскую землю, весь февраль, стягивались ополченія украинскихъ городовъ; войско его было очень велико. Но главная сила украинскаго возстанія заключалась въ казачествѣ. Заруцкій въ наборѣ войска дѣйствовалъ съ тою же казацкою широтою, съ тѣмъ же взломомъ общественнаго строя, какъ нѣкогда Болотниковъ. Въ грамотѣ, написанной отъ имени князя Трубецкаго, кото-

*) А. Э. II, 302.
**) А. Э. II, 325.
***) А. Э. II, 324.

рымъ руководилъ Заруцкій, призывались люди боярскіе крѣпостные и старинные, всѣмъ обѣщалась воля и жалованье, какъ и другимъ вольнымъ казакамъ *). Такихъ-то пособниковъ не страшился набирать Ляпуновъ **). Въ началѣ марта, Ляпуновъ двинулся въ Коломну.

---

*) Солов. VIII. 395.

**) Въ рукописяхъ Имп. Публ. Библ. (Польск. Ист. кварт. № 80) есть посланіе или грамата Ляпунова въ Нижній, передѣланная на польскорусскую рѣчь, вѣроятно, для распространенія между казаками, нахлынувшими громадами въ Московское государство. Вотъ она:

В высоко зъоценный в замокъ Нижній воеводомъ и дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ и головомъ, и всихъ чиновъ приказнымъ людемъ и стрѣльцомъ и козакомъ и пушкаромъ и затинщикомъ и всемъ служилымъ и купцомъ рознымъ людемъ и во всякихъ кондыцыяхъ, — ажъ да остатнего стопня, всемъ в Хрыстусе православному народови здорово будучы в имну весельтесе. Прокоѳей Ляпуновъ и дворяне и дети боярскіе и всихъ становъ всякие люди резанскаго повета чоломъ биютъ. Для греховъ нашыхъ отнесетсе на насъ правдивый гневъ божій, и довгій часъ не престаетъ ажъ до нынѣшнего, часу водле Христова слова: повстанет много ѳальшывыхъ хрыстовъ, в которых зраде змешалася вся земля, и есть опустошеніе ей велми брыдкое и пустое, злымъ хитрымъ караненъ завсегды злого дьявола непріятеля и противника народу человеческого вечную згубу прыносит, жебы могъ зъ своими угодниками богоотступцами, геретыки гадними новками, усе Христа названное стадо узогнат, укрыт и погубит. Сами ведаете: в теперешние войны полскій король Жикгимонтъ прислал гетмана своего пана Жолковскаго до королюючаго места Москвы, хотечы дать на Московское государство сына своего королевича Владислава Жикгимонтовича, окрестывшы его водлугъ правилъ светыхъ апостоловъ и богоносныхъ святыхъ Отцовъ семи соборовъ, по греческому закону, и на томъ (съ) предними людми се земли гетманъ Жолкевскій крестъ целовалъ Господній, же быть королевичу Владиславу Жигмонтовичу на московском государстве государемъ царемъ и великимъ княземъ всея Руси (въ) правдивой православной вере греческого закона в высоко поставленую светыхъ божіихъ церквей светечы (?) веру Іисуса Христа яко при прежнихъ высокозацныхъ государехъ московскихъ царехъ, никакимъ способомъ обычаемъ земли нашое неотменяючы и польскимъ людемъ в московскомъ государстве не быть, а теперь по своей обѣтницы указалсе ложъ; дечь отмовили слова покорнего в зраде, яко нам барзо лагодно мовили, а гневъ зрады потаемно мыслили, змовившысе зъ собою умыслили всихъ высокозацныхъ московское монархие христианъ безъ

Впродолженіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, когда происходилъ сборъ всего русскаго народа и походъ подъ Москву, въ са-

---

вести отторгнувши згасит насенне веры у верных, и зъ собою у згубу уканут, а намъ кручинитсе и болет душою и теломъ приходитъ. Сами головнѣтые люди московское земли славою света сего уведени и темностю солодкихъ роскошей затмившысе одное правдивое веры светое всходнее церкви и проосвященнего патріархи зовсимъ светымъ соборомъ, пастырей нашыхъ и научителей повшехныхъ отступили, къ заходнимъ приложывшысе, такъ еще ложжу лицемѣрности свое, яко овечою скуркою, закрываючы у собе нутреного вовка, яко хрыстопродавца Юдашъ зъ жиды указуютца, упокаряючысе царству света сего, переменяючысе в постат овчую, на свои овца обернулысе, хотечы ихъ погубит. Штожъ речемъ и што больш мовит будемъ? Неэдолеет часъ слепоты и зрады ихъ объяснит; о такихъ то пророкъ Давидъ мовит: мовили прожности и зрады и весь день сей учыли, и вси замыслы на лихо засадили, слова ихъ яко олей, а то суть стрелы, яко змеинъ ядъ и аспидовъ подъ устами ихъ. Про то просимъ васъ, именемъ господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, всихъ высокозацных (въ) вере жывущых одное правдивое веры зъ сторожомъ светое всходнее церкви и правдивое матки сынов в вашей власти сполжывущыхъ и по всихъ странахъ господства московского, же бы намъ быт всим в правой вере стоячым моцно узмагатсе о Господу в силе и крепкости его одевшысе и оборону правды прынавшы, всноружыя господне пришовшы, станемъ противъ таковыхъ, противныхъ спасеня нашого, недруговъ божых, геретыков, стоячых но то всею моцю, абы насъ отлучыли отъ светое соборное всходнее церкви, для которое отцы наши от почятя сына Божего Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, ажъ до нынешнего дня, каждый в свой часъ чыстымъ жытемъ и верою Исуса Христа осветившы насъ, вечне съ Хрыстомъ царствуют, намъ зоставившы светые свои моцы ненарушные, велми пахнучые великою вонею, правдивые чуды и православные чынячы у добромъ здорове, слепымъ видъ, хромымъ ходъ, чортов одогнане и всякую всякимъ прыходючымъ к нымъ з верою корыст водле чоломбите ихъ деюг, а тепер, о правдивые и верные в Хрысте, закрычыте овцы до Крыста, научывшысе не слухат чужого голоса. Якъ слухат почнемъ вовчого всетеряющого голосу, и якъ отпадемъ от таковое ласки и от таковых даров, якихъ чуд отнесемъ, если намъ вынищон будет крест Хрыстов и высокая краса дому Божого и место вселенное славы его, будеть обрыдливость и вынищенне, и ласка обернетсе в неласку. Чи не лепѣшъ померет кажному правоверному нижли, чуть таковую згубу, а убрый же Боже видет? Але узнаймысе вси однако, вся Русь церковная, узнаймысе быт сынми царства и наследовцами жывота вечного, поднесем сердца нашы, очы ку скруше и розумы нашы обернимо ку Вышнему,

мой Москвѣ одушевленіе, оживлявшее всю русскую землю, стало выражаться смѣлыми поступками. Къ Гонсѣв-

сполне заволаймо одногласно со слезами, такъ глаголючы: соблюди насъ, Господи, со небес и смотры, наведи винницу тую, которую насадилъ еси десницою твоею, не выдавай насъ, рабъ своихъ, звярятомъ, хотечым пожырать насъ кожного дня! Такъ молечысе в горкости душы, станемъ крепко за землю нашу, пойдемъ против тыхъ, которые пустошат правдивую веру, возмемъ вси оружя Божыи и щыт веры, а въ лаще госдне порушымсе добрымъ порушенемъ за светые церкви, за правдивую веру, за светые монастыры, за веру душы нашы кладучы, подвинемсе всею землею до царствуючого града Москвы, з своеми странами всеми православными христіаны всею землею московскаго государства, раду зделаемъ, кому быт на московскомъ государстве государемъ; а есъли здержыт слово польской король, што дас сына своего королевича Владыслава Жыкгимонтовича на московское государство, окрыстывше его по греческому закону, а не по богоотступному рымского папы, литовскихъ людей зъ земли выведет, водле своее обѣтницы начомъ его душою Жолковскый крест целовал, и вси городы московские очыстыт, и самъ от Смоленска отступит, и мы ему, государу, всею землею рады, и крест ему, государу, целуемъ правыми душами, и будемъ ему, государу, холопы, яко и прежнимъ своимъ государемъ московского государства. А всхочет ли насъ моцю поконат без правды, зменяючы свое хрестное целоване и веру загубывшы, и намъ всимъ православнымъ хрыстианомъ стать за веру за светые церкви божыи и за вси православности и за вси страны россійские земли, помнечы што глаголалъ и Спасъ нашъ, проповедаючы намъ навалности великыхъ клопотов и бедъ, коли се будет прыближат антыхрыстово царство; а насъ ужо часъ минает, яко намъ есть часъ повстат и ку целемудрости прыклонитисе, ничого не смотречы на теперешние мимотекучые и псуючысе дела, помнечы толко на тое каженъ з насъ, же безсмертную душу маем, над которую ничого дорогшого не маш, и хоти бы хто посел вес свет, ничого псуючыхсе богацств з собою не берет; наги родимсе и наги ворочаемсе зъ сего света, и для того печалмысе смертью вечного живота набыват, смотречы на нескончоное боство, а и подавцу веры Исуса Христа, за которымъ бы намъ набыт вечныхъ добръ, а цару славы одному премудрому Богу честь и слава навеки вековъ, амин. И вам бы, панове, писать о том не от себе, во вси городы околичные, якая будет во всихъ городех околичных дума: усхочут ли стоят за свою православную веру хрестьянскую, або ли подадутсе богоотступным геретыком. А наша всихъ дума такая: альбо веру православную очыстыт, альбо за веру по одному померет, и вам бы о том до нас вскоре отписат, же бы нам было видимо и надежно».

Заглавіе этого акта означено въ рукописи по польски: Uniwersał

скому явились дворяне и обыватели московскіе *). «Мы терпѣли притѣсненія отъ твоихъ людей—говорили они—они ругаются надъ святынею, не уважаютъ службы божіей, въ образа стрѣляютъ, нашихъ людей бьютъ, въ дома наши насильно врываются; казна царская тратится, земля наша истощается, каждый мѣсяцъ большія деньги платятся, чтобъ содержать шесть тысячъ вашихъ людей, а выбранный нами царь не пріѣзжаетъ; народъ скорбитъ, думаетъ, что король хочетъ разорить, а не устроить нашу землю, говоритъ, что король, по своему крестному цѣлованію, намъ сына своего не пришлетъ».

Гонсѣвскій отвѣчалъ имъ: «Вы сами смотрите, чтобъ не подать повода къ несчастію, а объ насъ ничего дурнаго не думайте; у короля есть свои дѣла въ государствѣ, а какъ онъ ихъ окончитъ, то и пришлетъ сына своего, такъ, чтобы сохранить честь и славу какъ польскаго, такъ и русскаго государства. Надобно прежде, чтобы Смоленскъ сдался, чтобы потомъ ему, королю, не имѣть спора съ сыномъ своимъ. А я, съ своей стороны, буду просить, чтобы молодой царь прибылъ какъ можно скорѣе; а кто изъ нашихъ людей станетъ вамъ дѣлать обиды, то я такихъ накажу безпощадно».

«Пусть скорѣе ѣдетъ царь—подтверждали москвичи—а то народъ станетъ искать другаго государя; для такой невѣсты, какъ наша Русь, женихъ найдется».

Польскіе лазутчики рыскали всюду и приносили злыя вѣсти; съ каждымъ днемъ слухъ о возстаніи по русскимъ краямъ становился для поляковъ грознѣе и грознѣе. Поляки

Łepunowa Rezańskiey prowincyi pobudzaiący do woyny przeciwko Króla J. Mości. 11 Lut. 1611 r. (Универсалъ Ляпунова Рязанской провинціи, возбудающій къ войнѣ противъ его величества короля, 11 Февраля 1611 г.)

*) Буссовъ показываетъ, что это происходило 25 января, но числа въ этой хроникѣ не вѣрны.

смотрѣли осторожнѣе и подозрительнѣе, а москвичамъ, по мѣрѣ большихъ надеждъ, труднѣе было сдерживать свою злобу. Еще было свѣжо у поляковъ воспоминаніе о страшной ночи, погубившей перваго Димитрія. «Москвичи—народъ вѣроломный, говорили они, могутъ внезапно напасть на насъ». Строже стали караулы; всѣ возы, въѣзжавшіе въ городъ, подвергались старательному осмотру, чтобы русскіе не ввезли въ городъ оружія. Жолнѣры присматривались ко всякимъ сборищамъ, входили безъ запинки въ дома, гдѣ являлось подозрѣніе. «Что же это такое?—говорили имъ русскіе—развѣ мы враги ваши?»—«Не мѣшаетъ быть осторожными съ вами — отвѣчали имъ поляки — насъ немного, а васъ тысячи. Мы знаемъ, что вы, москвичи, насъ не любите. Мы дурнаго не затѣваемъ и не будемъ ссориться съ вами: государь намъ того не приказываетъ; вы только сидите спокойно и не учиняйте буйствъ, а насъ бояться вамъ нечего». Прислушиваясь къ толкамъ, поляки услыхали, что москвичи такъ поговаривали между собою: «Теперь еще пока ихъ немного, а что, какъ прибавится у насъ этихъ лысыхъ головъ? развѣ не видно, что у нихъ на умѣ? Они хотятъ насъ подъ собою держать и овладѣть нами современемъ. Мы выбрали польскаго королевича не на тотъ конецъ, чтобы всякій безмозглый полякъ помыкалъ нами.... а намъ, московскимъ людямъ, пропадать пришлось! Король—старая собака, цѣлый годъ не будетъ пускать къ намъ своего щенка. Если онъ къ намъ теперь не хочетъ приходить, пусть навѣки себѣ въ своей землѣ остается. Не хотимъ, чтобы онъ былъ у насъ государемъ; если эти шесть тысячъ глаголей добромъ отсюда не уберутся, то перебьютъ ихъ какъ собакъ — даромъ, что они такъ здѣсь усѣлись. На 7,000 у насъ найдется.... стоитъ только взяться дружно за дѣло.... много можно сдѣлать!» Когда услышали, наконецъ, москвичи, что возстаніе охва-

тило почти всѣ города и земли, нѣкоторые до того стали отважны, что собирались толпами, подсмѣивались надъ поляками и задѣвали жолнѣровъ, когда они проходили отрядами на караулъ, или когда являлись для покупокъ на рынкѣ. «Эй вы, хари—кричали имъ москвичи — не долго вамъ тутъ сидѣть! скоро собаки потащутъ васъ за хохлы, если добромъ не выйдете изъ нашего города».—Смѣйтесь себѣ—отвѣчали имъ поляки — сколько хотите ругайтесь; мы будемъ терпѣть и безъ большой нужды не начнемъ кровопролитія; а вотъ вы попробуйте что нибудь затѣять, тогда посмотрите, какъ мы васъ заставимъ каяться!» Когда поляки что нибудь покупали, съ нихъ брали вдвое. Однажды, по сказанію Буссова *), 13 февраля, польскіе шляхтичи послали своихъ пахолковъ покупать овса на хлѣбномъ базарѣ, который былъ тогда за Москвою рѣкою на берегу; пахолки присмотрѣлись, что москвичи покупаютъ овесъ и платятъ за бочку талеръ, и сами тоже хотѣли заплатить. Москвичъ-торгашъ потребовалъ съ поляка вдвойнѣ. Полякъ вышелъ изъ терпѣнія, началъ ругаться: «Какъ смѣешь грабить насъ? Развѣ мы не одному царю служимъ?» — «Коли не хочешь столько дать, такъ убирайся; полякамъ не покупать его дешевле». Полякъ выхватилъ саблю. Москвичъ пустился съ жалобнымъ крикомъ бѣжать; вдругъ бросилось на поляка москвичей человѣкъ сорокъ или пятьдесятъ, съ дубьемъ. Полякъ, въ свою очередь, закричалъ и пустился бѣжать; на его крикъ поспѣшили пахолки; за ними также погнались москвичи. Поляки кричали, будто москвичи убили изъ нихъ троихъ за то, что тѣ хотѣли платить, сколько другіе платятъ. Тогда двѣнадцать жолнѣровъ, что сидѣли на рынкѣ, бросились къ своимъ на помощь; произошла свалка; убито было до тринадцати че-

*) Стр. 121.

ловѣкъ. Въ Москвѣ съ обѣихъ сторонъ поднялась тревога; бѣжали москвичи, кричали, что поляки бьютъ ихъ; поляки кричали, что москвичи бунтуютъ, и готова была разыграться полная битва, но тутъ прибѣжалъ самъ Гонсѣвскій съ офицерами; разогнали драку, и Гонсѣвскій, въ качествѣ правителя столицы и намѣстника королевскаго, говорилъ такую рѣчь:

«Вы, москвитяне, считаете себя самыми истинными христіанами. Зачѣмъ же вы не боитесь Бога, хотите кровь проливать, быть вѣроломными? Вы думаете, Богъ васъ за это не накажетъ? Вы уже убили столько своихъ государей, нашего короля сына выбрали себѣ государемъ, дали ему крестное цѣлованіе, и за то, что онъ не можетъ такъ скоро пріѣхать, какъ бы вамъ хотѣлось, вы поносите его и отца его: его самого щенкомъ, а короля, отца его, старой собакой называете! Богъ своими намѣстниками поставилъ ихъ, а вы ихъ своими свиными настухами считаете! Вы не хотите быть тверды на вашемъ крестномъ цѣлованіи: вѣдь вы сами же государемъ выбрали его и короля просили, чтобъ онъ изволилъ вамъ дать сына на царство, и насъ, поэтому, приняли въ Кремль! А теперь вы его людей бьете! Не помните, что мы васъ избавили отъ вашего врага, Димитрія! Что вы дѣлаете нашему государю Владиславу, то вы не человѣку дѣлаете, а самому Богу; онъ не дозволитъ ругаться надъ собою; не полагайтесь, милые друзья, на ваше множество; насъ только шесть тысячъ, а васъ будетъ тысячъ семьсотъ, но побѣда не отъ множества, а Богъ даетъ помощь и малому числу: вы сами на себѣ это не разъ испытали. Многія тысячи вашихъ бѣгали отъ малыхъ отрядовъ нашихъ съ поля. Зачѣмъ вы бунтуете? Мы служимъ тому же, чьи и вы слуги и подданные; вашъ государь и нашъ государь. Если вы начнете убійства и кровопролитія,

то не вамъ Богъ дастъ счастье, а намъ; наше дѣло право; мы за своего государя сражаемся».

Тутъ нѣкоторые смѣльчаки изъ чернаго народа сказали: «Вы всѣмъ намъ — плёвое дѣло; мы, безъ оружія и безъ дубинъ, васъ шапками забросаемъ!»

Гонсѣвскій отвѣчалъ: «Э, любезные, вашими войлочными шапками вы не управитесь съ шестью тысячами дѣвокъ: и тѣ васъ утомятъ; а куда вамъ съ такими военными людьми, вооруженными богатырями, какъ мы! Я прошу васъ и умоляю—не начинайте кровопролитія!».

На это сказали ему: «Такъ уходите отсюда и очистите нашъ Кремль и городъ!»

Гонсѣвскій на это возразилъ: «Этого не дозволяетъ присяга наша. Нашъ государь не на то насъ здѣсь поставилъ, чтобы мы бѣжали отсюда, когда вамъ захочется, или когда вы потребуете. Намъ должно сдѣсь оставаться, пока царь самъ сюда пріѣдетъ».

— Ну, такъ не долго вамъ быть! крикнулъ кто-то изъ толпы.

— Это—сказалъ Гонсѣвскій — въ божіей волѣ, а не въ вашей. Если вы что нибудь начнете, то пусть Богъ сжалится надъ вами и надъ братьями вашими. Я васъ довольно уговаривалъ. Сами подумайте: Богъ—съ нами, и вы ничего не выиграете!

Онъ удалился въ Кремль, и горожане разошлись.

Еще прошло время. Уже былъ мѣсяцъ мартъ. Наступила распутица. Польскіе лазутчики принесли извѣстіе, что сила возставшаго русскаго народа приближается къ Москвѣ тремя дорогами. Поляки узнали, что патріархъ писалъ возбудительныя граматы; подозрѣвали и дворянъ, и даже бояръ. Гонсѣвскій созвалъ ихъ и говорилъ:

«Мнѣ извѣстно вѣроломство, измѣна крестному цѣлованію. Покажите, что вы—противъ намѣреній измѣнниковъ;

подавите дерзость заговорщиковъ, и ничего не бойтесь отъ войска, которое поставлено на защиту, а не на погибель городу. А если измѣнники будутъ упрямиться, знайте, что мнѣ приказано охранять дѣло государя своего и выбраннаго царя вашего, какъ надлежитъ храбрымъ воинамъ, и не давать себя въ обиду, хоть бы пришлось проливать народную кровь и наказать городъ огнемъ и мечомъ» *)!

По его приказанію, бояре приступили къ патріарху. Михаилъ Салтыковъ на челѣ ихъ говорилъ Гермогену: «Ты писалъ по городамъ, велѣлъ имъ собираться да идти подъ Москву; теперь отпиши имъ, чтобъ не ходили!» Онъ прикрѣпилъ свое требованіе бранью.

Патріархъ отвѣчалъ: «Коли ты и всѣ измѣнники, что съ тобою, а съ вами и королевскіе люди, коли всѣ вы выйдете изъ Москвы вонъ,—я отпишу къ нимъ, чтобы воротились назадъ. Ты клевещешь на меня, будто я писалъ къ нимъ; я не писалъ, а буду писать, когда вы не выйдете. Я, смиренный, благословляю ихъ, чтобъ они совершили начатое непремѣнно, не уставали бы, пока увидятъ желаемое: уже я вижу, что истинная вѣра попирается отъ еретиковъ и отъ васъ, измѣнниковъ, и приходитъ Москвѣ конечное разореніе и запустѣніе св. божіихъ церквей; не могу слышать латинскаго пѣнія, а латины костелъ устроили на дворѣ Бориса». . . . .

Послѣ крупныхъ разговоровъ, бояре постановили—около патріарха поставить стражу. Гонсѣвскій, по свидѣтельству Кобѣржицкаго **), самъ обращался къ патріарху и говорилъ ему: «Ты, Гермогенъ, первый зачинщикъ измѣны, ты заводчикъ всего возмущенія: не пройдетъ тебѣ это даромъ; дождешься ты достойной кары; не думай, что

*) Кобѣрж. 372.
**) Hist. Vlad. 372.

охранитъ тебя твое достоинство; не благочестіемъ ты отличаешься, а оскверняешь свой санъ гнусною измѣной». Патріархъ отвѣчалъ Гонсѣвскому, что онъ не писалъ граматъ; но Гонсѣвскому было ясно, что все отъ него идетъ; казалось ему при этомъ, что все дѣлается не безъ согласія кое-какихъ бояръ, которые ему въ глаза казались вѣрными видамъ польскаго короля *).

Разнеслась по Москвѣ вѣсть, что патріарху учинили оскорбленія. Народъ заволновался. Тутъ еще раздражило народъ и то, что поляки потребовали отъ москвичей съѣстныхъ припасовъ для себя. «Ничего имъ нѣтъ, кромѣ пороху и свинца—говорили москвичи—пусть идутъ къ своему государю за жалованьемъ!» Неистово ненавидѣлъ народъ бояръ, особенно Салтыкова, Андронова и дьяка Грамотина. До трехъ тысячъ молодцовъ бросились къ Кремлю, кричали, ругали бояръ, требовали ихъ выдачи. Но полковникъ нѣмецкаго отряда, Борчковскій, ударилъ въ барабаны; мушкетеры взялись за оружіе. Толпа разбѣжалась.

Бояре сильно стали трусить послѣ этихъ попытокъ. Они знали, что, какъ только народъ подниметcя—ихъ ожидаетъ бѣда. Приближалось Вербное воскресенье. Тогда, по обычаю, стеклось въ Москву множество всякаго народа смотрѣть на торжество, какъ патріархъ ѣздитъ на осляти. День этотъ казался страшенъ боярамъ. Было подозрѣніе, что тогда, подъ предлогомъ стеченія народа къ празднику, нахлынетъ въ Москву толпа мятежниковъ, и весь народъ подниметcя. Бояре и Гонсѣвскій рѣшило-было не дѣлать праздника и не пускать въ городъ никого; но какъ только въ народѣ разошлась вѣсть, что праздника не будетъ, поднялся крикъ и ропотъ. Это казалось явнымъ поруганіемъ святыни, и Гонсѣвскій разсудилъ, что такъ будетъ хуже: москвичи еще скорѣе разъярятся и поднимутся. Онъ

*) Кобѣрж. 373.

приказалъ освободить патріарха изъ-подъ стражи и велѣлъ ему совершить обрядъ. Въ обычное время, когда патріархъ ѣхалъ на осляти, самъ царь велъ его осла за узду. Въ этотъ разъ, такую должность царя исполнялъ бояринъ Гундуровъ. По извѣстію бывшаго въ Москвѣ поляка, народу было много *); а русскій лѣтописецъ говоритъ, что москвичи не пошли на праздникъ; они подозрѣвали, что, по наущенію бояръ, поляки въ этотъ день хотятъ стрѣлять въ толпу, чтобы выгнать жителей изъ города **).

Тутъ, гдѣ-то въ отдаленныхъ мѣстахъ города, произошла свалка между поляками и русскими; нѣсколько поляковъ было убито, другихъ поколотили. Послѣ окончанія обряда, пришла объ этомъ вѣсть въ Кремль, но польскіе начальники не рѣшились приступить къ чему-нибудь рѣшительному противъ всего народа. Тогда Салтыковъ сказалъ Гонсѣвскому: «Вотъ вамъ! Москва сама дала поводъ,—вы ихъ не били: смотрите же: они васъ станутъ бить во вторникъ! А я не буду ждать, возьму жену и убѣгу къ королю ***).»

III.

Приближеніе русскихъ ополченій.—Рѣзня надъ москвичами.—Сожженіе столицы.

Въ понедѣльникъ, лазутчики дали Гонсѣвскому знать, что русскія ополченія уже недалеко отъ Москвы. Надобно было думать, что Москва вся поднимется, какъ только завидитъ ратную русскую силу. Велѣно было всѣмъ жолнѣрамъ уходить въ Китай-городъ и Кремль. Тогда стол-

*) Маск. 204.
**) Новг. Лѣт. 132.
***) Марх. 103.

пилось по улицамъ множество извозчиковъ, которые всегда стояли въ Москвѣ, зимою съ санями, лѣтомъ съ возами, и нанимались возить, кому куда нужно *); подозрѣвали, что это дѣлается для того, чтобы въ то время, какъ явится ополченіе, загородить улицы и не допустить полякамъ развернуться.

Наступилъ вторникъ. Какъ будто ничего не ожидая, московскіе торговцы отворили свои лавки; народъ спокойно сходился на рынокъ для дѣлъ своихъ. На улицахъ и площадяхъ опять, какъ вчера, стали съѣзжаться извозчики. Одинъ изъ польскихъ начальниковъ, Николай Коссаковскій, началъ принуждать этихъ извозчиковъ встаскивать на стѣны Кремля и Китай-города пушки. Поляки хотѣли громить ими Москву, когда горожане поднимутся, увидавши русскую рать. Коссаковскій предлагалъ извозчикамъ деньги; извозчики не брали денегъ и ни за что не хотѣли встаскивать пушекъ. Понятно стало, что эти извозчики толпились не съ добрыми, для поляковъ, замыслами. Поляки стали ихъ бить, а тѣ стали давать сдачи; за нихъ заступились свои. Поляки, уже раздосадованные прежними поступками москвичей, ожидая притомъ въ тотъ самый день, что вся Москва на нихъ поднимется, начали русскихъ рубить саблями. Въ это время, другіе извозчики, вмѣсто того, чтобъ, какъ хотѣли поляки, поднимать пушки на стѣны, стаскивали со стѣнъ Китай-города тѣ пушки, которыя тамъ прежде стояли. Къ Срѣтенскимъ воротамъ Бѣлаго-города подходилъ уже отрядъ князя Димитрія Пожарскаго. Гонсѣвскій, когда дали ему знать, что въ Китай-городѣ — драка, поспѣшилъ туда, думалъ разнять ее, но, узнавши, что къ городу приступаетъ ополченіе, понялъ дѣло такъ, что вѣрно москвичи, по условію со свои-

*) Марх. 114.

ми, напали, въ назначенное время, на поляковъ и хотятъ занять Китай-городъ, прежде чѣмъ ихъ братья успѣютъ ворваться въ Бѣлый-городъ. Онъ не только не мѣшалъ полякамъ раздѣлываться съ русскими, а еще приказалъ самъ бить ихъ, чтобы вытѣснить изъ Китай-города. Тогда поляки и нѣмцы бросились въ ряды москвичей и начали рубить, рѣзать и убивать безъ разбора — и старыхъ и малыхъ, и женщинъ и дѣтей. Тутъ былъ убитъ бояринъ Андрей Васильевичъ Голицынъ. По извѣстіямъ очевидцевъ, въ короткое время погибло отъ шести до семи тысячъ народа. Остальные покинули свои домы, лавки, занятія, и пустились въ Бѣлый-городъ. Поляки высыпали въ погоню за ними. Тутъ въ Бѣломъ-городѣ москвичи загородили улицы извозчичьими возами, столами, скамьями, кострами дровъ; поляки бросились на нихъ; русскіе за своими загородками отбивались. Поляки отступили, чтобы броситься на другія улицы; тогда русскіе кидались за ними сами, били ихъ столами и скамьями, метали на нихъ полѣнья и каменья; иные стрѣляли изъ ружей, у кого ружья были. Въ другихъ улицахъ тоже все было загорожено; какъ только поляки верхомъ бросятся впередъ съ копьями, русскіе отстрѣливаются и отбиваются отъ нихъ, заслонившись; а какъ только поляки отступятъ, чтобы идти на другую улицу, русскіе поражаютъ ихъ въ тылъ; съ кровель, съ заборовъ, изъ оконъ стрѣляли въ поляковъ, били ихъ каменьями и дубьемъ. Москвичамъ помогало то, что улицы въ Москвѣ были со множествомъ переулковъ и тупиковъ; тутъ-то и донскали поляковъ перекрестными ударами. Въ это время, по всѣмъ московскимъ церквамъ раздавался отрывистый набатный звонъ, призывавшій русскихъ къ возстанію.

Самая важная схватка была на Никитской улицѣ. Тутъ поляки и нѣмцы нѣсколько разъ силились пробиться сквозь

поставленныя на улицѣ загороды, но каждый разъ пятились назадъ. Вдругъ даютъ знать, что русскія ополченія вступаютъ въ Бѣлый-городъ, заняли Тверскія ворота, а князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій уже на Срѣтенкѣ. Поляки бросились на Тверскую, но оттуда отбили ихъ стрѣльцы; поляки ударились на Срѣтенку—Пожарскій выпалилъ по нимъ изъ пушекъ. Поляки отступили, а Пожарскій, захвативши часть Срѣтенки, приказалъ наскоро сдѣлать острогъ, около церкви Введенія Пресвятыя Богородицы (на Лубянкѣ), и сталъ въ немъ со своимъ отрядомъ и пушкарями. Тамъ поляки оставили его: они услышали, что къ Яузѣ приближается еще одинъ русскій отрядъ, бросились туда черезъ Кулишки; но и тамъ москвичи загородили тѣсныя улицы и бились отчаянно, напирая со всѣхъ сторонъ. Поляки увидѣли, что имъ приходится плохо; русскія ополченія уже ворвались въ Бѣлый-городъ. Вся Москва поднялась, какъ одинъ человѣкъ; съ такимъ числомъ воиновъ, какое было у польскаго военачальника, нельзя было прорваться и дать бой внѣ города; оставалось вести оборонительную войну и запереться въ Кремлѣ и Китай-городѣ. Но если оставить въ цѣлости Бѣлый-городъ, то это значило дать пришедшимъ безопасное убѣжище и средства къ пропитанію, допустить безпрепятственно москвичей, со всѣми выгодами жилья и имущества, дѣйствовать противъ поляковъ. Кто-то закричалъ въ толпѣ: «Огня, огня—жечь домы!» Военачальники тотчасъ поняли, что это мысль удачная. Огонь и дымъ заставятъ русскихъ отступить изъ своихъ засадъ; сами поляки займутъ тогда пепелище; имъ будетъ свободно развернуться. Гонсѣвскій далъ приказаніе жечь Москву. Русская лѣтопись говоритъ, что этотъ совѣтъ подалъ ему Салтыковъ въ ревности къ королю, и еще больше—для собственнаго спасенія. Онъ самъ первый подложилъ огонь въ своемъ домѣ. Пожаръ принимался пе-

скоро, вѣроятно, по причинѣ сырой погоды. Подъ иной домъ раза четыре подложатъ огонь: не горитъ. Домъ заколдованъ! говорятъ поляки, и съ большимъ трудомъ успѣваютъ зажечь его. Въ разныя стороны бѣгали толпами жолнѣры съ насмоленою лучиною, прядевомъ, хлопьями, и усердно работали; наконецъ, пожаръ принялся разомъ во многихъ мѣстахъ. На счастье полякамъ, вѣтеръ подулъ на москвичей; пламя разливалось имъ въ лицо; они отступили, а поляки за вѣтромъ стрѣляли по москвичамъ.

Пожаръ усиливался. У поляковъ были квартиры въ Бѣломъ-городѣ; тамъ у нихъ пропадало все имущество; у иныхъ были тамъ лошади, которыхъ они должны были побросать, когда москвичи прижали ихъ въ тѣсныхъ улицахъ. Все пропадало. Надобно было запереться въ Китай-городѣ. Вечеромъ, случайно, огонь занесся-было и туда; но сколько полякамъ хотѣлось зажечь Бѣлый-городъ, столько же хотѣли они сохранить отъ пожара Китай-городъ, гдѣ у нихъ было пристанище. Тѣ, что занимали Бѣлый-городъ, бѣгутъ поспѣшно въ Китай-городъ. «Самъ Богъ намъ помогъ, что Москва тогда не бросилась за нашими по слѣдамъ въ ворота»—говоритъ полякъ-очевидецъ *). Принялись тушить. Ксендзы обошли занявшіеся дворы съ св. дарами. Этой процессіи поляки приписывали скорое погашеніе пожара въ Китай-городѣ.

Наступила ночь. Отъ пожара въ Бѣломъ-городѣ было свѣтло такъ, что можно было разсмотрѣть иголку. Москвичи усердно тушили огонь; раздавались въ Бѣломъ-городѣ ихъ громкіе крики и набатный звонъ колоколовъ.

Гонсѣвскій съ предводителями держалъ совѣтъ; всѣ въ одинъ голосъ рѣшили, что надобно добиться—сжечь всю Москву. Бояре налегали особенно, чтобы сжечь Замоскво-

---

*) Мархоцкій, 116.

рѣчье. «Хоть весь Бѣлый-городъ выжгите—говорили они—не пустятъ васъ стѣны, а надобно зажечь зарѣчный городъ: тамъ деревянныя укрѣпленія; тогда будете имѣть свободный выходъ, и помощь можетъ придти отъ короля *).

Поляки рѣшили разомъ жечь и Бѣлый-городъ, и Замоскворѣчье. Въ среду, еще до разсвѣта, вышли изъ города двѣ тысячи нѣмцевъ, подъ начальствомъ Якова Маржерета **), да отрядъ польскихъ пѣшихъ гусаръ, да двѣ конныя хоругви, съ зажигательными снарядами, на ледъ Москвы-рѣки. Они увидали, что русскі[illegible] [illegible] двухъ сторонъ силятся охранить свою столицу. Къ Чертольскимъ воротамъ подошелъ съ коломенскимъ ополченіемъ Плещеевъ, занялъ эти ворота, захватилъ уголъ Бѣлой стѣны, доходившей до рѣки, на стѣнѣ поставилъ стрѣльцовъ и затинщиковъ; москвичи стали загораживать улицы, чтобы не давать жечь города. На другой сторонѣ, на Замоскворѣчьи, явилось ополченіе Ивана Колтовскаго, и уже на берегу поставлены были пушки. Вышедшій на ледъ польскій отрядъ отправился по льду къ Чертольскимъ воротамъ, а за нимъ вслѣдъ вышли изъ Кремля другіе жолнѣры и стали въ боевой порядокъ на льду. Московскіе ратные люди оплошали: оставили отворенными Водяныя ворота, подъ Пятиглавою башнею, на мосту, построенномъ для сообщенія съ другимъ берегомъ; этимъ воспользовались высланные поляки, ворвались черезъ эти ворота въ Бѣлый-городъ. Плещеевъ бѣжалъ. Его воины побросали даже свои щиты. Поляки и нѣмцы зажгли церковь св. Иліи, Зачатейскій монастырь и близкіе къ нимъ дворы. Въ это время, поставленная на Ивановской колокольнѣ польская стража закри-

*) Марх. 116.

**) Послѣ смерти перваго названаго Димитрія, Маржеретъ удалялся изъ Руси и теперь вернулся въ знакомую ему Москву ея врагомъ.

чала: «Изъ Можайска Струсь идетъ! Москвичи не пускаютъ его подъ деревянною стѣною на Замоскворѣчьи». — Гонцы поскакали по льду и приказали тѣмъ, которые прогнали Плещеева, идти на другой берегъ, жечь Замоскворѣчье и помогать Струсю. Къ нимъ послали еще другихъ нѣмцевъ. Пожаръ на Замоскворѣчьи принялся очень скоро. Жолнѣры добрались до деревянной стѣны и зажгли ее. Стѣна распадалась. Струсь съ своими удальцами бросился въ прогалину, крича: «За мной!» и его жолнѣры перескочили за нимъ вслѣдъ черезъ развалины горящей стѣны. «Не мы ему помогали, а онъ, герой сердцемъ и душой, помогъ намъ» — говоритъ польскій дневникъ. Ополченіе Ивана Колтовскаго, защищавшее Замоскворѣчье, разбѣжалось. Струсь благополучно вошелъ въ Кремль. Замоскворѣчье запылало на всѣхъ концахъ. Послѣ того, поляки стали жечь Бѣлый-городъ, по направленію къ Лубянкѣ. Пожарскій, съ своимъ отрядомъ, вышелъ изъ острожка своего и не давалъ столицы на сожженіе. Битва въ улицахъ была упорная: но огонь заставилъ русскихъ отступить. Самъ Пожарскій былъ раненъ, и, упавши на землю, горько плакалъ о разрушеніи царствующаго града, о крайнемъ бѣдствіи русской земли. Окровавленный, вопилъ онъ: «О, хоть бы мнѣ умереть, только бы не видать того, что довелось увидѣть!» Ратные люди подняли предводителя, положили въ повозку и повезли изъ пылающей столицы по троицкой дорогѣ. Весь его отрядъ отправился туда же. Это былъ послѣдній отпоръ. Послѣ того русскіе не отстаивали столицы. Жители ея, какъ увидали, что пришедшіе къ нимъ на помощь не въ силахъ спасти города, впали въ отчаяніе и бѣжали, безъ оглядки, толкая другъ друга и падая на снѣгъ. Много ихъ пошло вслѣдъ за Пожарскимъ къ Троицѣ; иные толпились въ Симоновомъ монастырѣ, иные прятались въ слободахъ, которыя еще не были сож-

жены. Но много было такихъ, что не успѣвали убѣгать и погибали въ пламени; а иныхъ поляки догоняли и убивали. Послѣ того, зажигатели доканчивали истребленіе Москвы безпрепятственно и, поздно вечеромъ, вернулись въ Кремль и Китай-городъ съ полнымъ успѣхомъ.

Слѣдующая ночь была свѣтлѣе прошлой: горѣлъ Бѣлый-городъ на всѣхъ концахъ, горѣло все Замоскворѣчье; нестерпимый дымъ душилъ поляковъ въ Китай-городѣ, вмѣстѣ съ зловоніемъ отъ труповъ, которые лежали, еще непогребенные, грудами выше человѣческаго роста, около опустѣлыхъ рядовъ.

Въ четвергъ, поляки дожигали то, что еще не успѣло сгорѣть въ среду. Бояре, державшіе сторону поляковъ, и теперь сильно настаивали, чтобы не оставить въ столицѣ бревна на бревнѣ, чтобы не дать никакимъ образомъ оправиться непріятелю короля польскаго. Оставшіеся москвичи кланялись въ ноги полякамъ и просили пощады. Гонсѣвскій приказалъ протрубить приказъ не убивать никого изъ тѣхъ, которые поддаются. Онъ велѣлъ раздавать москвичамъ бѣлыя полотенца и подпоясываться ими: это былъ знакъ покорности; по нимъ поляки могли отличать покорныхъ отъ непокорныхъ; заставили москвичей снова произнести присяги Владиславу. Трупы изъ Китай-города свалили въ Москву-рѣку.

Впродолженіе трехъ дней Москва сгорѣла. Стѣны Бѣлаго-города съ башнями и множество почернѣвшихъ отъ дыма лишенныхъ стеколъ церквей, печи уничтоженныхъ домовъ, каменныя подклѣти и погреба торчали посреди развалинъ и угольевъ. Много набрали поляки богатыхъ одеждъ и утвари въ погребахъ и подклѣтяхъ. Иной вошелъ въ Бѣлый-городъ въ дырявомъ запачканномъ кунтушѣ, а ворочался въ шитомъ золотомъ и саженомъ жемчугами кафтанѣ. Оставленныя церкви надѣлили ихъ золотомъ и

серебромъ. Жемчугу поляки набрали столько, что, ради потѣхи, заряжали имъ ружья и стрѣляли въ москвичей. Добрались жолнѣры и до боярскихъ бочекъ съ виномъ и медами, и перепивались на радости. Шелъ пиръ на славу послѣ трудовъ: растлѣвали дѣвицъ, насиловали красивыхъ женщинъ, проигрывали въ карты московскихъ дѣтей для забавы! Но семь сотъ человѣкъ отвлечены были отъ общаго пира и отправились, со Струсемъ и Зборовскимъ, противъ Просовецкаго, который съ своими казаками подходилъ къ Москвѣ. Въ Великую пятницу *) они встрѣтились съ нимъ верстахъ въ 25 отъ столицы. Просовецкій шелъ подъ защитою «гуляй-города», то-есть, за круговымъ рядомъ саней съ воротами на колесахъ, а въ воротахъ сдѣланы были отверстія для стрѣльбы. За такой подвижной оградой шло казацкое войско. Каждыя сани двигало десять стрѣльцовъ, и, въ то же время, стрѣляли изъ отверстій въ воротахъ, которыя укрывали ихъ отъ непріятеля **). Струсь приказалъ спѣшиться, ударилъ на нихъ, прорвалъ ихъ «гуляй-городъ». «Никого не берите въ плѣнъ, всѣхъ бейте и колите!» приказывалъ самъ Струсь. Просовецкій повернулъ назадъ; полякамъ это и нужно было. Струсь не сталъ его преслѣдовать; довольно было, что отбилъ его отъ столицы.

IV.

Осада поляковъ въ Москвѣ русскими.—Битвы.—Усиленіе возстанія.

Во вторникъ на Святой недѣлѣ, приблизился Ляпуновъ къ Симонову монастырю, занялъ монастырь, заложилъ свой обозъ и окружилъ его плотнымъ «гуляй-городомъ». Въ среду, на другой день, пришелъ Заруцкій съ тулякамп и

---

*) Diar. Sapiehy.

**) Pamiętn. Mask. 52.

казаками, и сталъ о-бокъ Ляпунова по берегу Москвы-рѣки. Стягивались къ столицѣ и другія ополченія. Ляпуновъ изъ Симонова монастыря подвинулся къ Яузѣ и Коломенской башнѣ (Деревяннаго или Земляпаго города *). Пришли калужане, подъ предводительствомъ Димитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, и стали противъ Воронцова-поля; пришли ополченія владимирское, костромское, ярославское, романовское, и стали у Петровскихъ воротъ. У Срѣтенскихъ воротъ сталъ Артемій Васильевичъ Измайловъ, а у Тверскихъ—князь Василій Ѳедоровичъ Мосальскій: съ нимъ стали двѣсти стрѣльцовъ и троицкіе слуги, присланные изъ Троицко-Сергіевскаго монастыря подъ начальствомъ Андрея Ѳедоровича Палицына. Послѣдній привезъ извѣстительныя граматы отъ архимандрита Діонисія и келаря Авраамія къ боярамъ и воеводамъ и всѣмъ служилымъ людямъ: именемъ вѣры и сострадапія къ разоренной землѣ русской возбуждали ихъ трудиться па изгнаніе чужеземныхъ враговъ и русскихъ измѣнниковъ. По извѣстіямъ поляковъ **), у русскихъ воеводъ и казаковъ Просовецкаго было тогда тридцать тысячъ. Земляной городъ весь былъ у нихъ въ рукахъ.

Городскія стѣны были распредѣлены у поляковъ такимъ образомъ: въ Кремлѣ стояли полки Казановскаго, Гонсѣвскаго, какъ и прежде были тамъ конныя сотенныя роты Фирлея, Казановскаго, Голятиновскаго, Роговскаго, Гречанина, Абраима, и двухъ-сотенная рота Гонсѣвскаго, да еще иныя роты и сверхъ того—1,500 нѣмцевъ. Въ Китай-городѣ стоялъ Зборовскій съ своимъ полкомъ; въ четырехъ его ротахъ было 1,200 человѣкъ конныхъ. У Неглинной держали стражу ротмистры Соколовскій и Струсь; Мар-

*) Kraszewsk. Chronol.
**) Krajewski.

хоцкій стоялъ на Глухой башнѣ, а Млоцкій на слѣдующей за нею башнѣ: у рѣки Яузы, гдѣ стѣна Китай-города сходилась съ Бѣлогородскою, на башнѣ, стоялъ Бобовскій; подъ низомъ тѣхъ двухъ башенъ, гдѣ стояли Бобовскій и Млоцкій, были блокгаузы, съ орудіями на нихъ. По стѣнѣ Китай-города, на одной сторонѣ вплоть до Кремля, а на другой до Водяныхъ воротъ на мосту, находилась польская пѣхота. Чертольскіе ворота и двѣ сосѣдніе съ ними башни держали нѣмцы пополамъ съ польскою пѣхотою.

У русскихъ воеводъ было намѣреніе захватить скорѣе всѣ бѣлогородскія ворота и войти въ Бѣлый-городъ. Большое пространство, при малочисленности наличныхъ силъ, не давало полякамъ возможности укрѣпить всѣ ворота въ Бѣломъ-городѣ, чтобы не пропустить туда русскихъ.

6-го апрѣля, поляки вывели войска свои, съ тѣмъ, чтобы дать сраженіе и выбить русскихъ изъ занятыхъ подгородныхъ слободъ. Почти все войско вышло изъ города; оставили только сторожи по стѣнамъ и башнямъ. Русскіе ударили на нихъ съ двухъ боковъ: поляки побѣжали къ городу; русскіе погнались за ними. Поляки остановились. Тогда русскіе побѣжали сами, чтобы заманить за собою поляковъ и отрѣзать отъ города. Поляки не пошли на уловку и сейчасъ, какъ русскіе побѣжали, пошли назадъ къ городу. Тогда русскіе пустились опять за ними въ погоню. Поляки остановились. Русскіе тотчасъ же, какъ это увидѣли, пустились снова бѣжать, думая хоть на этотъ разъ заманить поляковъ, но поляки опять не пошли за ними и поворотили къ городу *). Тѣмъ битва и кончилась.

Русскіе успѣли захватить въ Бѣломъ-городѣ ворота Яузскія (къ нимъ придвинулся Ляпуновъ), Покровскія. Срѣтенскіе, Петровскія, Тверскія. У поляковъ оставались Ни-

*) Марх. 119.

китскія, Арбатскія, Чертольскія, да сверхъ того Водяныя къ Москвѣ-рѣкѣ и Пятиглавая башня у моста. Они поставили въ этихъ башняхъ пѣшую сторожу, но не въ большомъ количествѣ.

Нѣсколько времени враги ограничивались небольшими драками. Безъ войны не проходило дня. Поляки дѣлали вылазки, чтобы достать корму для лошадей, дровъ для топлива и соли для себя. Въ Бѣломъ-городѣ былъ соляной буянъ; кругомъ его все выгорѣло, а соль уцѣлѣла; поляки ходили туда, и русскіе тоже; тамъ и въ другихъ мѣстахъ враги сталкивались между собою. Случалось, что жолнѣръ залѣзетъ въ каменный погребъ и встрѣтитъ тамъ русскаго: оба бросаются одинъ на другаго и дерутся до смерти. Толпа русскихъ или поляковъ засѣдала гдѣ-нибудь въ церкви и выжидала толпу противниковъ, чтобы стрѣлять въ нее изъ оконъ; иногда за печь сгорѣвшаго дома присядетъ русскій въ надеждѣ выстрѣлить въ поляка, который пройдетъ мимо; за другую печь садился полякъ и ожидаетъ также прохожаго русскаго: увидѣвши другъ друга, враги перестрѣливались изъ-за печей, бросали одни въ другихъ кирпичами. Труповъ не хоронили, и по развалинамъ Москвы была нестерпимая вонь, особенно когда стало тепло. Стаи собакъ прибѣгали отовсюду, привлекаемыя падалью; слышался по ночамъ страшный вой ихъ, прерываемый крикомъ караульныхъ съ обѣихъ сторонъ.

Уже въ апрѣлѣ поляки стали нуждаться, писали къ Потоцкому и жаловались, что имъ недостатокъ въ ѣдѣ и питьѣ. Послѣ сожженія Москвы, въ ихъ руки попадалось столько припасовъ, что стало бы имъ на продолжительное время; но поляки бросались только на шелковыя ткани да на золотыя и серебряныя вещи, пили дорогія вина и тѣшились, что достаютъ даромъ то, за что обыкновенно платили большія деньги; сберечь мяса, муки, рыбы, солоду—

никто не думалъ; даже пиво и горѣлку проливали съ пренебреженіемъ, когда всякій могъ пить дорогія вина. Въ необгорѣвшихъ погребахъ было много съѣстнаго, и поляки не думали перевезти это въ Кремль и Китай-городъ; а когда русскіе завладѣли Бѣлымъ-городомъ, все это попалось на продовольствіе русскому ополченію. Кромѣ этого, русскіе получали припасы изъ разныхъ мѣстъ своего отечества, а полякамъ неоткуда было достать ихъ. Итакъ, въ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ первыхъ дней роскоши, они начали уже платить за кружку пива ползлотый, за окорокъ свинаго сала — 12 злотыхъ, за корову по 50 злотыхъ *), а злотый въ то время былъ въ шесть или семь разъ дороже нынѣшняго. Очевидно, что съ этой стороны перевѣсъ клонился явно на сторону русскихъ; въ добавокъ, русскія войска безпрестанно прибывали, а поляки оставались въ одномъ и томъ же количествѣ.

Бояре и Гонсѣвскій опять принялись за патріарха. Салтыковъ говорилъ ему: «Если ты не напишешь къ Ляпунову и товарищамъ его, чтобы они отошли прочь, самъ умрешь злою смертью». Патріархъ отвѣчалъ: «Вы мнѣ обѣщаете злую смерть, а я надѣюсь черезъ нее получить вѣнецъ, и давно желаю пострадать за правду. Не буду писать къ полкамъ, стоящимъ подъ Москвою, — ужъ я говорилъ вамъ, и ничего другаго отъ меня не услышите **)!» Тогда его посадили въ заточеніе въ Чудовомъ монастырѣ, приставили стражу и отдали подъ надзоръ Мархоцкому. Никто, безъ вѣдома послѣдняго, не смѣлъ говорить съ патріархомъ, а самому архипастырю не позволяли переступить черезъ порогъ своей комнаты. Содержали его дурно, обходились съ нимъ неуважительно и не считали болѣе патріархомъ.

---

*) Виев. 129

**) Ник. лѣт. 135.

Вмѣсто него вывели изъ Чудова монастыря заточеннаго Василіемъ Шуйскимъ Игнатія и признали снова въ патріаршемъ званіи.

4-го іюня, прибылъ къ Москвѣ Сапѣга. Вызывавшись много разъ служить православной вѣрѣ и русской землѣ, онъ въ то же время посылалъ къ королю просить уплаты жалованья за тѣ годы, которые провелъ съ своимъ войскомъ на службѣ у вора, а потомъ, по приговору генеральнаго коло, самъ лично отправился къ королю, оставилъ свое войско подъ Козельскомъ 17 марта, но, вмѣсто того, чтобъ ѣхать подъ Смоленскъ, гдѣ былъ король, поѣхалъ въ свое староство Усвятъ и тамъ засѣлъ. Король приглашалъ его, Сапѣга медлилъ: раздумье его брало; наконецъ, 8-го мая, онъ поѣхалъ къ королю. Сигизмундъ принялъ его ласково, надавалъ ему обѣщаній и послалъ московскимъ боярамъ указъ выдать Сапѣгѣ три тысячи рублей изъ московской казны. Съ этимъ поѣхалъ Сапѣга къ своему войску, но все еще въ раздумьи и, съ намѣреніемъ пристать туда, гдѣ выгоднѣе, готовый воевать и противъ короля, если русскіе посулятъ ему больше. Между тѣмъ, его войско получило безъ него отъ короля ассекурацію или письменное обѣщаніе заплатить жалованье *), когда король овладѣетъ Москвою окончательно, съ правомъ — самимъ добыть его въ Сѣверской землѣ, если бы обѣщаніе не было исполнено. Король приглашалъ его идти скорѣе къ Москвѣ. Сапѣжинцы, хоть не очень были довольны, но пошли къ Москвѣ, стали у Можайска и тамъ дождались своего предводителя. Онъ двинулся съ ними къ столицѣ и, не доходя семи верстъ, остановился и послалъ Гонсѣвскому сказать, что его войско не идетъ иначе, какъ только тогда, когда ему будетъ уплачено за двѣ четверти, сообразно

*) По 30 зл. гусару, 20 зл. пятигорцу и 20 казаку.

съ королевскимъ словомъ. На это Гонсѣвскій и бояре отвѣчали, что въ казнѣ денегъ нѣтъ, но обѣщали дать вещами на 4,000 злотыхъ. Тогда у Сапѣги зародилась мысль: не выберутъ ли царемъ его; онъ придвинулся къ Москвѣ и рѣшался открыто идти противъ своихъ, если русскіе выскажутся яснѣе, сообразно съ его задушевными мыслями. Онъ стоялъ на Поклонной горѣ, въ виду Дѣвичьяго монастыря, который тогда находился еще во власти поляковъ. Въ это время, 16 іюля, пришли къ Сапѣгѣ послы отъ Ляпунова: Плещеевъ съ товарищи (Лопухинъ, Сильверстъ Толстой, Нехорошій) обѣщали заплатить ему, сколько онъ требовалъ, лишь бы онъ сталъ съ ними за одно. Ляпуновъ писалъ, что Московское государство не хочетъ болѣе королевича и желаетъ избрать другаго государя. Въ сношеніяхъ съ Плещеевымъ и его товарищами, Сапѣга до того показывалъ себя расположеннымъ къ русскому дѣлу, что въ русскомъ ополченіи распространилась увѣренность, что онъ съ своимъ отрядомъ пришелъ какъ ихній человѣкъ. «Вотъ, ляхи, идетъ къ намъ Сапѣга!» — кричали русскіе изъ Бѣлаго-города, перебраниваясь съ поляками, ходившими по стѣнамъ, и поляки стали побаиваться. Нѣсколько дней стояло войско сапѣжинцевъ; никто изъ нихъ не приходилъ къ Гонсѣвскому. Сапѣга не давалъ ему знать о своемъ прибытіи, а, между тѣмъ, изъ войска Ляпунова ѣздили къ нему посланцы, и поляки, сидѣвшіе въ Москвѣ, это знали. Поляки рѣшились испытать, чѣмъ, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ будетъ для нихъ теперь смѣлый богатырь. Они начали битву съ русскими, а Сапѣгѣ послали извѣстіе объ этомъ. Сапѣга отправилъ къ нимъ гонца сказать, чтобы они сошли съ поля. Поляки продолжали биться. Прискакалъ другой гонецъ отъ Сапѣги и говорилъ имъ: «Сапѣга приказалъ сказать, что если вы не пойдете съ поля, то онъ на васъ ударитъ сзади». Польскіе предводители сочли

благоразумнымъ поворотить назадъ и уйти, иначе этотъ день рѣшилъ бы положеніе Сапѣги: онъ сдѣлался бы врагомъ своихъ.

Сапѣга увидѣлъ скоро, что русскіе не цѣнятъ его на столько, чтобы могли ему черезчуръ много обѣщать, и не вѣрятъ на столько, чтобы могли на него слишкомъ положиться. О царскомъ вѣнцѣ, котораго желалъ Сапѣга, русскіе не заикнулись. Поэтому Сапѣга разсчиталъ, что съ русскими нечего ему возиться и надобно сойтись съ своими. Но сначала, не дѣлаясь прямо изъ союзника открытымъ врагомъ русскихъ, Сапѣга попробовалъ-было играть роль посредника и послалъ къ Ляпунову предложеніе заплатить ему за четверть, дать продовольствіе на войско, признать королевича и разойтись. Ему, разумѣется, отказали, потому что не за что было платить Сапѣгѣ за такого рода пособіе. «Грубый москвитинъ ни на что не поддавался»—говоритъ современникъ. Тогда Сапѣга послалъ къ Гонсѣвскому и объявилъ, что будетъ служить королю, однако, все еще не присоединялся къ своимъ, продолжалъ стоять особымъ станомъ на Поклонной горѣ и не нападалъ на русскихъ. Но вотъ, 23-го іюня, Струсь, съ конницею, сдѣлалъ вылазку на Замоскворѣчье, гдѣ, у Лужниковъ, русскіе поставили острогъ, чтобы прерывать сообщеніе Москвы съ смоленскою стороною. Русскіе сбили его и погнали; тутъ Сапѣга въ первый разъ ударилъ на нихъ изъ своего стана и далъ возможность Струсю благополучно вернуться въ Кремль. Этимъ Сапѣга, наконецъ, показалъ своимъ соотечественникамъ, что готовъ дѣйствовать съ ними за одно. Гонсѣвскій послалъ Сапѣгѣ такое предложеніе: въ войскѣ большой недостатокъ запасовъ; невозможно посылать малыхъ отрядовъ, а сапѣжинцы стоятъ не въ осадѣ; было бы хорошо, еслибъ Сапѣга отправился съ своимъ войскомъ разорять окрестности и собирать запасы. Первое, — войско получило бы отъ этого

прокормленіе, а второе,—русскіе должны были бы раздѣлить свои силы и отрядить часть ополченія противъ Сапѣги. Сапѣга согласился: ему и скучно было стоять на одномъ мѣстѣ. Съ своей стороны, Сапѣга далъ совѣтъ Гонсѣвскому: «Сойдитесь съ Заруцкимъ, склоните его на нашу сторону; это возможно; тѣмъ раздвоите непріятельскія силы».

Послѣ этихъ переговоровъ, Сапѣга (по дневнику, 2-го іюля ст. ст., а по Краевскому—29-го іюня) снялся съ Поклонной горы, перешелъ Москву рѣку, потомъ двинулся къ Тверскимъ воротамъ, побился тамъ немного съ русскими, а 4-го іюля отправился съ войскомъ изъ пяти тысячъ къ Переяславлю. Гонсѣвскій отправилъ съ нимъ своихъ 1,500, подъ начальствомъ Руцкаго-Шиша, а отъ бояръ отправился съ нимъ бояринъ Григорій Петровичъ Ромодановскій. Пошла и челядь. Это, дѣйствительно, заставило ополченіе развлечь свои силы. Сапѣгу пустились преслѣдовать Просовецкій да кн. Петръ Владимировичъ Бахтеяровъ.

Дожидаясь, пока Сапѣга достанетъ имъ продовольствіе, поляки каждый день то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ вступали въ драку съ русскими, но не могли похвалиться успѣхами. Такъ, по приказанію Гонсѣвскаго, капитанъ Борковскій отправился строить городокъ у Тверскихъ воротъ, но русскіе напали на него, разбили и перебили весь отрядъ изъ двухъ-сотъ человѣкъ, а самъ капитанъ едва-едва спасся съ немногими. Черезъ три дня послѣ ухода Сапѣги, русскіе сдѣлали покушеніе на Китай-городъ, но имъ не удалось ночью, незамѣтно для поляковъ, взойти по лѣстницамъ на стѣны: поляки открыли ихъ замыселъ и отбили ихъ. Но въ то время, когда на этой сторонѣ поляки взяли верхъ, русскіе ударили на Никитскія ворота, которыя находились еще во власти поляковъ съ прочими воро-

тами налѣво отъ Никитскихъ. Въ башнѣ Никитской было до трехсотъ нѣмцевъ. Эти нѣмцы скоро изстрѣляли свой порохъ; дошло до рукопашки: не въ силахъ обороняться отъ напиравшей на нихъ большой силы, нѣмцы сдались на вѣру. Русскіе дали слово выпустить ихъ живыми, а когда взяли, то перебили. Только двадцать изъ нихъ убѣжали въ Дѣвичій монастырь (*). Другое русское полчище ударило на Арбатскія и на Чертольскія ворота; обои были взяты. Въ нихъ было сторожей очень мало, человѣкъ по сорока, не болѣе. Все досталось въ руки русскимъ. Упорнѣе защищалась послѣдняя башня, стоявшая надъ Москвой рѣкою. Въ ней было человѣкъ до трехсотъ пѣхоты. Она была высока; съ верхнихъ поясовъ трудно было достать поляковъ; но какой-то добышъ, передавшись русскимъ, объявилъ, что въ нижнемъ поясѣ лежатъ гранаты и разные зажигательные снаряды. Туда было отверстіе; въ это отверстіе, по совѣту перебѣжчика, русскіе пустили зажженную стрѣлу. Занялось въ серединѣ; вслѣдъ затѣмъ загорѣлись деревянныя стѣны башни; поляки изъ четвертаго пояса стали спускаться черезъ окна къ Москвѣ рѣкѣ, но русскіе окружили башню, хватали спустившихся и убивали (**). Другіе, побоявшись спуститься внизъ на явную смерть, сгорѣли, когда дошелъ до нихъ пожаръ. Остались въ живыхъ поручикъ Пеньонжекъ и его хорунжій. Они такъ неустрашимо оборонялись, что, когда ихъ, наконецъ, взяли московскіе люди, то, изъ уваженія къ ихъ мужеству, отпустили, даже не вымѣнявши на своихъ плѣнниковъ, да еще и ставили ихъ своимъ въ примѣръ (***). Послѣ этой башни, вся бѣлогородская стѣна была у русскихъ во владѣніи, а поляки очутились запертыми въ Кремлѣ и Китай-городѣ. На За-

*) Krajewski.
**) Ibid.
***) Ibid.

москво рѣчьи русскіе устроили два острожка, оба прямо противъ Кремля, и прокопали отъ одного къ другому глубокій ровъ. Изъ острожковъ безпрестанно палили (*).

Гонсѣвскій, однако, успѣлъ дать знать о своемъ положеніи. Нѣсколько удальцовъ прорвались и убѣжали, чтобы сообщить королю о томъ, что сдѣлалось въ Москвѣ.

Стѣны Бѣлаго-города были чрезмѣрно толсты (три или три съ половиною сажени), сдѣланы изъ крѣпкаго кирпича и извнутри подбиты широкимъ землянымъ валомъ. Полякамъ, которые пришли бы на помощь своимъ, слѣдовало взять эти стѣны прежде, чѣмъ высвободить запертыхъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ земляковъ. Полякамъ было трудно: но, чтобы скрыть свое положеніе, они распустили слухъ, что ожидаютъ литовскаго гетмана, начали звонить въ колокола, стрѣлять изъ пушекъ. Но русскихъ не провели этимъ: тѣ лучше ихъ знали, что литовскій гетманъ— далеко. Русскіе подсмѣивались надъ поляками, когда тѣ выходили на стѣны: «Къ вамъ литовскій гетманъ идетъ, великую силу, пять сотъ человѣкъ, съ собою ведетъ», кричали они. Въ другой разъ, русскіе кричали: «Конецъ польскій идетъ (т. е. конецъ полякамъ приходитъ), живность вамъ везетъ, только одну кишку». Они дѣлали намекъ на ротмистра, по фамиліи Кишка.

Тогда, какъ поляки слабѣли, русское возстаніе возрастало. Воззванія изъ подмосковскаго войска возбуждали народъ въ отдаленныхъ земляхъ. Казань, получивъ въ началѣ мая, увѣщаніе изъ-подъ Москвы, цѣловала крестъ— быть со всею землею своею въ соединеніи и любви противъ враговъ, разорителей христіанской вѣры, польскихъ и литовскихъ людей, и идти подъ Москву на сходъ очищать Московское государство. По отпискамъ изъ Казани подня-

*) Мархоцкій, 130.

лись поволжскіе города, Свіяжскъ и Чебоксары, съ своими уѣздами. Денежныя средства казанской земли были скудны. Казанцы жаловались, что, въ продолженіе трехъ годовъ, не собрано ни одной деньги съ чувашей и черемисовъ, а сверху и снизу не ходятъ по Волгѣ суда съ солью и съ другими товарами, и не съ чего сбирать пошлинъ: и, потому Казань обращалась съ просьбой о денежномъ пособіи къ Перми. По казанской отпискѣ, Пермь цѣловала крестъ на той же граматѣ и отправила списки съ нея въ Солькамскую, Кай-городокъ, Верхотурье, Вычегду. Вездѣ на сходкахъ читались граматы, вездѣ посадскіе и уѣздные люди цѣловали крестъ быть въ любви и соединеніи и идти на сходъ къ Москвѣ *). Воеводы изъ-подъ Москвы писали отъ себя въ сѣверовосточные города и въ отдаленную Сибирь, сообщая тамошнему русскому населенію о бѣдѣ, постигшей Московское государство, и просили цѣловать крестъ на общее дѣло и приводить къ шерти татаръ, остяковъ и вообще тамошнихъ инородцевъ **). Если на особенную помощь отъ этихъ далекихъ земель мало было надежды, то все-таки важно было то, что онѣ удерживались въ единствѣ съ остальными русскими землями.

Въ это время раздался голосъ троицкаго архимандрита Діонисія—на всю Русь. То была крѣпкая, высокая душа, способная уговорить и ободрить народъ, падающій подъ невыносимымъ бременемъ бѣдъ. Родомъ онъ былъ изъ Ржева, въ мірскомъ званіи назывался Давидъ, былъ священникомъ, овдовѣлъ, поступилъ въ Старицкій Богородицкій монастырь и, въ началѣ смутнаго времени, сдѣлался архимандритомъ. При царѣ Василіѣ, онъ полюбился патріарху Гермогену. Когда народъ требовалъ низложенія Шуи-

*) А. Э. II, 325, 329, 330.
**) С. Г. Гр. 548.

скаго, Діонисій, случившійся тогда въ Москвѣ, останавливалъ мятежную толпу. Гермогенъ ставилъ его въ примѣръ добродѣтелей духовенству. Послѣ освобожденія Троицко-сергіевскаго монастыря отъ полчищъ Сапѣги и Лисовскаго, его выбрали архимандритомъ этой обители. Этотъ доблестный архимандритъ началъ свое новое поприще дѣлами любви. Лѣтомъ 1611 года, когда Москва была опустошена, сапѣжинцы разошлись по окрестностямъ. Діонисій устроилъ у себя въ монастырѣ пріютъ для несчастныхъ, избѣжавшихъ жолнѣрскаго и казацкаго звѣрства. Діонисій предложилъ кормить ихъ, надѣлять одеждою; устроилъ странноприіимницы и больницы, особыя для мужчинъ и женщинъ. Келарь и братія сначала представляли ему, что на это не станетъ средствъ. Діонисій говорилъ имъ: «Вотъ, государи мои, былъ намъ великій искусъ. Отъ большой бѣды избавилъ насъ Господь молитвами Богородицы и св. угодниковъ Сергія и Никона; а теперь, за лѣность и скупость, можетъ безъ осады насъ смирить и оскорбить. У насъ есть монастырская казна, да еще и послѣ умершихъ осадныхъ людей-вкладчиковъ, которые по душамъ своимъ въ святую обитель покладали свои имѣнья, осталось: будемъ изъ этого давать бѣднымъ кормъ, одежду, обувь и на лечбу, и платить работникамъ, которые возьмутся стряпать, служить и лечить больныхъ, собирать мертвыхъ; за головы свои и за жизнь не постоимъ». Слова его убѣдили братію. Не только въ монастырѣ, но и въ монастырскихъ слободахъ, Служней, Клементьевой, а также въ женскомъ Пятницкомъ монастырѣ, монахи и служки день и ночь трудились: одни ухаживали за больными, другіе готовили имъ ѣсть, третьи обшивали ихъ, четвертые разъѣзжали по окрестностямъ, отыскивали безпріютныхъ, раненыхъ, мученыхъ, и привозили въ монастырь; возили также трупы убитыхъ для христіанскаго погребенія. Ужасно было смо-

трѣть на страдальцевъ, наполнявшихъ дворъ Троицкаго монастыря: одни были испечены, у другихъ содраны со спины ремни кожи, у тѣхъ вырваны волосы, у другихъ выпечены глаза. Тѣ, которые не могли оправиться, сподоблялись, по крайней мѣрѣ, напутственнаго причащенія св. тайнъ. Архимандритъ этими дѣлами милосердіи не ограничился. Вмѣстѣ съ келаремъ, Авраамiемъ Палицынымъ, онъ составлялъ воззванія, давалъ ихъ переписывать борзописцамъ, изъ которыхъ одинъ, по имени Алексѣй Тихоновъ, пріобрѣлъ извѣстность. Гонцы развозили ихъ повсюду. Воззванія его проникнуты столько же благочестивымъ чувствомъ христіанина, сколько и практическимъ смысломъ гражданина. «Помогайте, смилуйтесь надъ явною общею погибелью—писалъ онъ казанцамъ—пока васъ самихъ не постигла лютая смерть: пусть служилые люди, безъ мѣшканья, поспѣшаютъ къ Москвѣ на сходъ, ко всѣмъ боярамъ и воеводамъ, и ко всему множеству всего православнаго христіанства. Сами знаете, что всякому дѣлу свое время, и несвоевременное начинаніе всякаго дѣла бываетъ суетно. Если между вами есть какіе недоволы,—все отложите на время для Бога, чтобъ всѣмъ намъ съ вами положить единый подвигъ—страдать для избавленія православной христіанской вѣры, покамѣсть къ намъ долгимъ временемъ какая помощь не пришла *).»

Такой голосъ возвышался на Руси вмѣсто Гермогена, которому болѣе было невозможно говорить во всеуслышаніе православнаго народа.

*) Житіе препод. Діонисія. — А. А Э. II, 328.

V.

Раздоры подъ Москвою въ русскомъ станѣ.—Гибель Ляпунова.

Но подъ Москвою, куда должна была собираться земля русская, возникали раздоры, которые дали возможность полякамъ спасти себя и пріостановить дѣло русское. Русскіе военачальники составляли тріумвиратъ, правившій не только войскомъ, но и всею русскою землею, а дворяне и дѣти боярскіе составляли около нихъ земскую думу. Такимъ образомъ, подмосковное войско изображало собою всю русскую націю, все ея управленіе. Былъ приговоръ, не дошедшій до насъ, по которому трое предводителей признаны правителями. Это были: князь Трубецкой, Ляпуновъ и Заруцкій. Къ нимъ и обращались съ челобитными, и граматы во всѣ русскія земли писались отъ имени трехъ; они предписывали городамъ высылать ополченія, собирать, доставлять и употреблять на мѣстѣ, указаннымъ способомъ, денежные сборы, раздавали и отбирали помѣстья. Ими было постановлено, что тѣ дворяне и дѣти боярскіе, которые не явятся къ 29 мая на службу, потеряютъ свои помѣстья. Московской земли служилые люди такъ же легко обращались къ нимъ за справою помѣстій, какъ и къ Сигизмунду, по пословицѣ: что ни попъ, то батька, кто бы ни далъ, лишь бы далъ. Прежде, въ одно и то же время, давали помѣстья и вотчины и царь Шуйскій, и тушинскій самозванецъ, и Сигизмундъ, и мѣстные воеводы —въ разныхъ земляхъ; теперь стали давать предводители войска, будто бы по совѣту всей земли, и такъ какъ между ними не было согласія, то эта раздача усиливала безпорядки. Бояринъ Димитрій Михайловичъ Трубецкой, человѣкъ небольшаго ума, безъ душевной силы, по имени занималъ

первое мѣсто, потому что, по рожденію, былъ выше двухъ другихъ, но первенство его тѣмъ только и сказывалось, что въ челобитныхъ и граматахъ имя его ставилось прежде другихъ. Ляпуновъ считался у дворянъ и дѣтей боярскихъ заправщикомъ. Онъ всѣмъ распоряжался: первый въ битвѣ, первый въ совѣтѣ. Во всей русской землѣ его знали за перваго человѣка. Это былъ человѣкъ земскаго начала; дума у него была—выгнать иноземцевъ, прекратить на Руси своевольство, выбрать царя всею землею и возстановить прежній порядокъ въ потрясенномъ Московскомъ государствѣ. Нравомъ онъ былъ очень крутъ и настойчивъ; его не останавливала боязнь оскорбить чужое самолюбіе; онъ не разбиралъ лицъ родовитыхъ и неродовитыхъ, богатыхъ и небогатыхъ, со всѣми хотѣлъ обращаться съ властью и рѣшительно. Это стало многимъ не по нраву; иные обращались къ нему за своими дѣлами: ихъ принуждали дожидаться очереди, стоя у избы военачальника, а онъ занимался другими дѣлами и, пока не кончалъ ихъ, не выходилъ, хоть бы къ самому знатному лицу. Строго преслѣдовалъ онъ неповиновеніе и своевольство; онъ зналъ, что пока русскіе не отвыкнутъ отъ разнузданности, къ которой пріучились за нѣсколько смутныхъ лѣтъ, то великое дѣло—спасеніе земли, не пойдетъ успѣшно. Многіе знатные терпѣли отъ него брань и укоризны, и соблазнялись тѣмъ, что онъ ниже ихъ происхожденіемъ, но выше властью; а онъ не сдерживалъ себя, чтобы иной разъ не помянуть о Тушинѣ и о Калугѣ тѣмъ, которые служили вѣдомому вору и признавали его царемъ. За это-то его особенно не любили, роптали и говорили объ немъ: «Не по своей мѣрѣ онъ поднялся и загордился!» Всего непріязненнѣе онъ сталкивался съ казаками, съ полчищемъ Заруцкаго, которое явилось къ Москвѣ не для того, чтобы спасать отечество, котораго для него собственно и не было, а для грабежей и

своевольства. Казацкія шайки скитались по окрестностямъ и дѣлали безчинства не хуже сапѣжинскихъ шаекъ. Ляпуновъ хотѣлъ ихъ взять, какъ говорится, въ ежовыя рукавицы, обращался съ ними сурово, наказывалъ жестоко. Заруцкій увидалъ, что не только невозможно склонить Ляпунова къ содѣйствію его замысламъ доставить престолъ сыну Марины, но даже и заикнуться объ этомъ было опасно. Заруцкій былъ душа казачества, какъ Ляпуновъ—душа земщины. Заруцкій съ казаками, Ляпуновъ съ земскими, одинъ противъ другаго,—и тотъ и другой, наперекоръ другъ другу, давали распоряженія. Тѣ приходили просить помѣстій къ Ляпунову, тѣ къ Заруцкому. Заруцкій раздавалъ ихъ казакамъ и людямъ своей партіи, самовольно принималъ деньги, присылаемыя изъ разныхъ сторонъ русской земли, и надѣлялъ ими однихъ казаковъ, а Ляпуновъ ласкалъ и жаловалъ однихъ земскихъ ратныхъ людей. Случалось, одни и тѣ же помѣстья и вотчины давалъ Ляпуновъ своимъ, а Заруцкій своимъ. Ляпуновъ отнималъ у тѣхъ, которымъ давалъ Заруцкій, и отдавалъ тѣмъ, которые не были прежде въ станѣ вора и оставались вѣрны Шуйскому. Раздоръ, естественно, распространился между подчиненными въ лагерѣ: получавшіе отъ Ляпунова были врагами получавшихъ отъ Заруцкаго, и наоборотъ; по этому поводу происходили безпрестанно драки, убійства и буйства всякаго рода. И тогда, когда искатели помѣстій и вотчинъ вырывали другъ у друга такого рода добычу, бѣдняки умирали съ голоду, потому-что, отъ неустроенія и неурядицы, раздавалось жалованье самымъ несправедливѣйшимъ образомъ: одни получали все, другимъ не давали ничего. Тогда дворяне и дѣти боярскіе, пришедшіе съ ополченіями, собрались на совѣтъ и написали челобитную къ тремъ предводителямъ, чтобы они собрали думу и установили между собою жить въ любви и совѣтѣ, дѣло всякое

дѣлали бы съобща; тѣ, которые не служили въ Тушинѣ, не попрекали бы служившихъ тамъ; жаловали бы ратныхъ людей по числу и достоинству, а не такъ, что одни получили бы черезъ мѣру, а другимъ недосталось бы ничего; предлагали взять имѣнья тѣхъ бояръ, которые сидѣли въ Москвѣ вмѣстѣ съ поляками, чтобы каждый изъ предводителей взялъ себѣ имѣніе одного изъ такихъ бояръ, а имѣнія прочихъ бояръ и дворянъ, которые тамъ находились, взять въ казну; устроить управленіе надъ дворцовыми и черными волостями, и изъ ихъ доходовъ содержать ратныхъ людей; а, равнымъ образомъ, сдѣлать приговоръ о служащихъ въ казакахъ боярскихъ людяхъ тѣхъ бояръ, которые находятся въ Москвѣ. Заруцкому не люба была эта челобитная, но онъ долженъ былъ согласиться на созваніе думы. Казаки надѣялись, что ихъ голосъ на думѣ можетъ повернуть дѣло въ ихъ пользу, а потому, вмѣстѣ съ дворянами и дѣтьми боярскими, подписали челобитную и казацкіе старшины.

Дума собралась 30 іюня. Она хоть и казалась собраніемъ чиновъ всей земли, но не была тѣмъ на самомъ дѣлѣ, потому что въ ней не видно было духовныхъ. На этой думѣ постановили правила для возстановленія порядка. Видно было, что челобитная о конфискаціи имѣній была написана подъ вліяніемъ страсти. Этого не приняли и не внесли въ приговоръ. Возстановлены были приказы—большой или разрядный, помѣстный, разбойный и земскій. Въ большомъ—должны были вѣдаться ратныя дѣла; этотъ приказъ долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы заслуги убитыхъ и изувѣченныхъ не были забыты. Помѣстный приказъ долженъ былъ возстановить порядокъ въ запутанномъ дѣлѣ раздачи помѣстій и вотчинъ по правиламъ, которыя тогда были начертаны. Положено было не отбирать имѣній ни у тѣхъ, которые были въ Москвѣ съ поляками,

ни у тѣхъ, что служили царику въ Тушинѣ, а отобрать у нихъ всѣ дворцовыя и черныя волости, которыя они получили въ послѣднее время не по своей мѣрѣ, и оставить за ними только то, что прежде было получено законнымъ порядкомъ. Такимъ образомъ, земскій приговоръ уничтожалъ дѣйствительность граматъ короля Сигизмунда, который раздавалъ множество помѣстій и вотчинъ безъ всякаго порядка, по челобитнымъ, лишь бы увеличить запасъ своихъ приверженцевъ. Уничтожались также всякія присвоенія помѣстій, учиненныя какимъ бы то ни было образомъ, если это было безъ земскаго приговора. Но тѣ, у которыхъ больше не было никакихъ помѣстій, кромѣ данныхъ королемъ, удерживали ихъ въ своей собственности. Равнымъ образомъ, положено—не отнимать, никакимъ способомъ, помѣстій у тѣхъ, которые были отправлены при посольствѣ подъ Смоленскъ, и у тѣхъ, которые сидѣли въ Смоленскѣ, а также у женъ и дѣтей ихъ, если они убиты. Какимъ бы способомъ ни были пріобрѣтены ихъ имѣнія, они оставались неприкосновенными—за явныя заслуги землѣ русской. Это правило простиралось и на сподвижниковъ Михайла Васильевича Скопина. Учрежденный помѣстный приказъ долженъ былъ испомѣстить всѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, раззоренныхъ и обѣднѣвшихъ, въ томъ числѣ тѣхъ, которые владѣли помѣстьями въ порубежныхъ мѣстахъ и пострадали отъ литвы и крымцевъ; имъ слѣдовало давать помѣстья во внутреннихъ замосковныхъ краяхъ. Всѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые находились въ городахъ на воеводствахъ или отправлены были на посылки, если они молоды и здоровы, слѣдовало возвратить къ военной службѣ, а на ихъ мѣсто отправлять старыхъ, или нездоровыхъ, негодныхъ къ службѣ. Прежде былъ изданъ приговоръ, что тѣ, которые не явятся къ 29 мая, лишаются помѣстій, но такъ какъ возникли жалобы, что многіе не

могли сдѣлать этого по бѣдности, то дума постановила, чтобы такая строгость не простиралась на тѣхъ, которые докажутъ по обыску, что они замедлили по бѣдности; равнымъ образомъ, слѣдовало возвращать отобранныя помѣстья и тѣмъ, которые въ это время хоть и находились въ Москвѣ, но по неволѣ, или же которыхъ помѣстья были отняты и розданы по ложному челобитью. Послѣдняя статья подрывала произвольную раздачу, сдѣланную Заруцкимъ въ пользу своихъ приверженцевъ, которымъ онъ раздавалъ имѣнія, отнимая у другихъ, безъ обыска, единственно по одной поданной ему челобитной. Постановлено было: крестьянъ и людей, бѣглыхъ и выведенныхъ насильно помѣщиками и вотчинниками въ смутное время, возвращать прежнимъ владѣльцамъ. Это было также противно казацкому духу, въ какомъ дѣйствовалъ Заруцкій, объявляя всѣмъ свободу. Разбойный и земскій приказы должны были ловить и судить разбойниковъ и своевольниковъ, а чтобы предупредить на будущее время своевольства, совершаемыя преимущественно казаками, постановлено: не посылать казацкихъ атамановъ однихъ съ казаками по волостямъ и по городамъ за кормами, а посылать дворянъ и дѣтей боярскихъ со стрѣльцами и съ казаками. Это послѣднее постановленіе явно было направлено противъ Заруцкаго, въ угодность партіи Ляпунова. Никто не могъ никого казнить смертью, безъ земскаго приговора, и всякое буйство строго должно было наказываться. Главными правителями оставались три военачальника: Трубецкой, Ляпуновъ и Заруцкій. Имъ поручалась печать, ихъ подпись значила утвержденіе верховной властью; но эти три боярина не могли править самовольно, безъ земской думы, не могли никого казнить смертью, не поговоря съ землею, ни ссылать въ ссылку. Если о нихъ о всѣхъ или о комъ-нибудь изъ нихъ окажется, что они не радятъ о земскихъ

дѣлахъ и не чинятъ правды, или не станутъ ихъ слушать, и черезъ нихъ вообще земскія дѣла пріостановятся, то вольно всею землею ихъ сложить, и вмѣсто нихъ выбрать другихъ, признанныхъ болѣе годными и способными. Этотъ приговоръ былъ подписанъ дворянами и дѣтьми боярскими отъ двадцати пяти городовъ, которыхъ они являлись какъ бы представителями въ этой походной думѣ (Кашина, Лихвина, Дмитрова, Смоленска, Ростова, Ярославля, Можайска, Калуги, Мурома, Владимира, Юрьева, Нижняго-Новгорода, Пошехонья, Брянска, Романова, Вологды, Галича, Мещерска, Архангельска, Переяславля, Костромы, Воротынска, Юрьева-Польскаго, Болхова, Звенигорода).

Приговоръ этой думы постановилъ, чтобы полководцы прекратили свои ссоры; но, послѣ того, взаимная ненависть разгорѣлась еще сильнѣе. Казаки злились на Ляпунова и на людей его партіи; люди порядка думали, что теперь смирили казачество и можно преслѣдовать казацкія своевольства всякими способами; но были и изъ важныхъ особъ такія, что изъ зависти не хотѣли добра Ляпунову: такимъ былъ Иванъ Шереметевъ, возбуждавшій противъ него умы.

Дворянинъ Матвѣй Плещеевъ поймалъ у Николы на Угрѣшѣ двадцать восемь своевольныхъ казаковъ и посадилъ ихъ въ воду: неизвѣстно, самовольно ли это онъ сдѣлалъ, или по приказанію Ляпунова. Казаки вытащили тѣла товарищей изъ воды и принесли въ кругъ. Поднялся шумъ. Казнь казаковъ была противна смыслу только-что составленнаго приговора; тамъ было сказано, что нельзя казнить смертью безъ земской думы. Все полчище поднялось на Ляпунова, давно ненавидимаго казаками; кричали: «Тащить его сюда и убить». Волненіе такъ неожиданно и внезапно охватило все казачество, бывшее подъ Москвою, что Ляпуновъ пустился бѣжать къ Рязани; за нимъ бросились въ

погоню, вѣроятно уже свои, и уговаривали его вернуться. Догнали его подъ Симоновымъ монастыремъ, вечеромъ. Онъ воротился, ночевалъ въ Никитскомъ острожкѣ. На другой день, рать его приверженцевъ узнала про казацкій замыселъ и пришла къ Ляпунову большимъ сборомъ. Онъ подумалъ, что теперь можетъ быть безопасенъ, и, по просьбѣ подчиненныхъ, воротился на прежнее мѣсто. Но тутъ было только начало зла. Заруцкій распалялъ противъ него казаковъ; Иванъ Шереметевъ тоже. Узнали поляки, что̀ дѣлается въ русскомъ лагерѣ. Они понимали, что всему душа—Ляпуновъ, что все возстаніе держится на немъ. Избавиться отъ него значило — свалить съ себя половину бѣды; избавиться отъ него казалось легко, послѣ того, какъ казаки были противъ него. И вотъ, представился случай погубить Ляпунова.

Поляки нашли возможность поддѣлаться подъ почеркъ его руки. Это было тѣмъ легче, что воззваній, имъ писанныхъ или подписанныхъ, расходилось вездѣ множество. Написали, какъ будто отъ Ляпунова, письма или посланія въ города. Попался полякамъ въ плѣнъ какой-то казакъ; товарищъ его, атаманъ Исидоръ Заварзинъ, просилъ объ обмѣнѣ этого плѣнника. Гонсѣвскій назначилъ ему разговоръ, велѣлъ отпустить казака и, вмѣстѣ съ нимъ, послалъ письмо, подписанное подъ руку Ляпунова. Въ немъ говорилось, что казаки—враги и разорители Московскаго государства, что ихъ слѣдуетъ брать и топить, куда только они придутъ. «Когда, Богъ-дастъ, Московское государство успокоится, тогда мы истребимъ этотъ злой народъ», было тамъ сказано. Самъ казакъ, освобожденный изъ плѣна, говорилъ Заварзину: «Вотъ, братъ, видишь, какую гибель готовитъ намъ, казакамъ, Ляпуновъ; вотъ письмо, которо̀е перехватила литва. Онъ разсылалъ такія письма по разнымъ городамъ.»—«Теперь мы его, б...... сына,

убьемъ!» сказалъ Исидоръ, по извѣстію одного изъ поляковъ, которымъ, вѣроятно, сообщали о ходѣ устроенной козни (*). Исидоръ принесъ это письмо въ кругъ; оно казалось какъ нельзя правдоподобнѣе не только по рукѣ Ляпунова, но и по содержанію, послѣ того, какъ сторонникъ Ляпунова, Плещеевъ, утопилъ самовольно двадцать восемь человѣкъ. 25 іюля, казацкій кругъ потребовалъ Ляпунова къ отвѣту: За нимъ пошли. «Я не пойду—сказалъ Ляпуновъ—пускай присылаютъ разрядныхъ людей». За нимъ въ другой разъ пошли. Онъ опять не пошелъ. Въ третій разъ пришли за нимъ люди болѣе степенные: Сильверстъ Толстой и Юрій Потемкинъ. Они говорили: «Мы соблюдемъ тебя; не будетъ тебѣ никакого зла». Ляпуновъ пришелъ въ кругъ.—«Ты писалъ?» спрашивалъ атаманъ Карамышевъ. «Нѣтъ, не я—отвѣчалъ Ляпуновъ: рука похожа на мою, но это враги сдѣлали; я не писывалъ». Казаки слишкомъ разъярены были прежде противъ него, не слушали его оправданій и бросились на него съ саблями. Тогда Иванъ Ржевскій, прежде бывшій ему врагомъ, увидѣлъ, что казаки поступаютъ лицепріятно, и понялъ, что тутъ обманъ, сталъ заступаться за Ляпунова и кричалъ: «Прокопій не виноватъ!» Казаки изрубили Ляпунова, потомъ и Ржевскаго. Въ эти минуты ни Заруцкаго, ни Трубецкаго не было въ собраніи. Заруцкій нарочно устранилъ себя отъ этого дѣла, чтобы не принять на себя отвѣтственности за смерть человѣка, любимаго всею русскою землею, и не лишиться черезъ то власти. Трубецкой поступалъ по наущенію Заруцкаго (**).

И вотъ, такимъ образомъ, полякамъ удалось избавить-

*) Мархоцк. 124.

**) Лѣт. о мят. 236—Никон. VIII. 167.—Врем. XVI. 120.—Пов. о Рос. Ар. III. 291. 296.—Рукоп. Хроногр. Имп. Публ. Библ.—Videk. 289.

ся отъ опаснаго врага и разъединить силы русскаго народнаго ополченія подъ стѣнами разоренной Москвы.

VI.

Послѣднее совѣщаніе съ послами.—Отправленіе ихъ въ Польшу.—Приступъ и взятіе Смоленска.

Въ январѣ, какъ было сказано, пословъ долго не звали къ переговорамъ; между тѣмъ, Смоленскъ съ часу на часъ приходилъ въ стѣсненное положеніе; поляки постоянно похвалялись, что пойдутъ на приступъ. Тогда Василій Голицынъ, для спасенія Смоленска, далъ мысль—сдѣлать уступку, предложить полякамъ впустить въ Смоленскъ, для королевской чести, немного королевскихъ людей, напримѣръ, человѣкъ сто, съ тѣмъ, чтобы король не принуждалъ Смоленска цѣловать себѣ крестъ и отошелъ отъ города. Митрополитъ и дворянство не соглашались; съ трудомъ ихъ уговорилъ Голицынъ. Но когда, по этому поводу, начались переговоры, то поляки давали согласіе не принуждать смольнянъ присягать королевичу и вмѣстѣ королю, и требовали впустить въ Смоленскъ восемь сотъ человѣкъ. Послы же представили, что такое большое число будетъ тягостью для жителей, и соглашались сначала на пятьдесятъ, потомъ на шестьдесятъ человѣкъ, а наконецъ, на сто. Не сторговались и разошлись. Вслѣдъ затѣмъ запрещено было посламъ сноситься съ смольнянами. Поляки подозрѣвали Голицына, что онъ тайно подущаетъ смольнянъ не сдаваться и не слушаться боярскаго указа. Въ концѣ января, Иванъ Салтыковъ и Иванъ Безобразовъ привезли новую боярскую грамату изъ Москвы, гдѣ, какъ и въ прежней, приказывалось сдать Смоленскъ и присягать на имя короля вмѣстѣ съ сыномъ. 30 января, призвали пословъ, прочитали грамату. Послы сказали: «И эта грамата

писана безъ патріаршаго согласія; притомъ, его величество король уже объявилъ намъ черезъ васъ, пановъ, что не велитъ присягать смольнянамъ на королевское имя».

«Вы врете — закричали паны—мы никогда не оставляли крестнаго цѣлованія на королевское имя».

«Намъ — возразили смольняне — на послѣднемъ съѣздѣ объявлено отъ маршала и канцлера, что его величество крестное цѣлованіе свое оставилъ и насъ не неволитъ, а велѣлъ только говорить о людяхъ, сколько мы впустимъ въ Смоленскъ».

«Вы врете!» — закричали на нихъ снова паны.

Тогда Филаретъ сказалъ: «Если у насъ объявилась неправда, то, пожалуйте, побейте челомъ объ насъ его величеству, чтобы насъ отпустилъ къ Москвѣ, а въ наше мѣсто велѣлъ выбрать и прислать иныхъ пословъ. Мы никогда ни въ чемъ не лгали, а что говоримъ, что отъ васъ слышали, то все помнимъ; и таково посольское дѣло изъ начала ведется: что говорятъ, того послѣ не переговариваютъ, и бываютъ слова ихъ крѣпки; а если отъ своихъ словъ отпираться, то чему же впередъ вѣрить? Итакъ, ничего нельзя болѣе дѣлать, коли въ насъ неправда показалась».

Сидѣвшій тутъ же Иванъ Салтыковъ, подслуживаясь полякамъ, возвысилъ голосъ и началъ говорить съ жаромъ: «Вы, послы, должны вѣрить ихъ милостямъ панамъ раднымъ: они не солгутъ; а вы ихъ огорчаете и великаго государя короля приводите на гнѣвъ. Вы, послы, должны безпрекословно исполнять королевскую волю по боярскому указу, а вмѣшиваться въ государственныя дѣла — не патріаршая должность; знать патріарху только свои поповскія дѣла. Его величеству, простоявъ два года подъ такимъ лукошкомъ, отойдти стыдно, а вы, послы, должны вступиться за честь королевскую и велѣть смольнянамъ цѣловать крестъ королю».

Послы на это сказали: «Ты опомнись, съ кѣмъ говоришь! не твое дѣло вмѣшиваться въ разсужденія пословъ, избранныхъ всѣмъ государствомъ, а еще непристойнѣе оскорблять ихъ непристойными словами». — «Паны радные! сказалъ митрополитъ, обратясь къ польскимъ панамъ—если у васъ есть къ намъ дѣло, то и говорите съ нами вы, а не другіе, которымъ до насъ нѣтъ дѣла; мы съ ними не хотимъ словъ терять, а если и вамъ нѣтъ дѣла до насъ, то просимъ: отпустите насъ; я вамъ обѣщаюсь Богомъ: хотя бы мнѣ смерть принять, я безъ патріаршей граматы о крестномъ цѣлованіи на королевское имя никакими мѣрами ничего не буду дѣлать! Святѣйшій патріархъ — духовному чину отецъ, и мы подъ его благословеніемъ; ему, по благодати св. Духа, дано вязать и прощать, и кого онъ свяжетъ словомъ, того не токмо царь, но и Богъ не разрѣшитъ».

Тогда паны сказали: «Когда вы по боярской граматѣ не дѣлаете, то ѣхать вамъ въ Вильну къ королевичу».

Черезъ нѣсколько дней, въ февралѣ мѣсяцѣ, снова позвали пословъ, убѣждали ихъ побудить смольнянъ присягнуть на королевское имя, и, получивши отъ нихъ такой же отвѣтъ, сказали: «Когда такъ, то вамъ до насъ болѣе нѣтъ дѣла: собирайтесь ѣхать въ Вильну».

Тогда митрополитъ сказалъ: «Буде королевское величество велитъ насъ везти въ Литву и Польшу неволею, въ томъ его государская воля, а намъ и подняться нечѣмъ и не въ чемъ: что̀ было, то все проѣли. Болѣе полугода живемъ подъ Смоленскомъ безъ королевскаго жалованья и безъ подмоги; платье свое и рухлядь распродали, и лошади отъ безкормицы вымерли; товарищи наши и духовный чинъ отпущены къ Москвѣ и намъ дѣлать нечего».

«Вамъ велятъ ѣхать—гнѣвно закричали на нихъ паны — собирайтесь въ Вильну!»

Паны написали къ московскимъ боярамъ грамату отъ

имени Сигизмунда. Король увѣрялъ бояръ, что слухи, распространенные его врагами, будто онъ не хочетъ прислать сына на Московское государство и думаетъ разорить греческую вѣру въ Московскомъ государствѣ, неосновательны; жаловался на упорство смоленскихъ сидѣльцевъ и на пословъ, въ особенности на Голицына. Паны еще нѣсколько разъ, въ февралѣ, пытались склонить пословъ повиноваться королевской волѣ. Паны снова отрекались отъ крестнаго цѣлованія на королевское имя, но требовали, чтобы впущено было восемьсотъ человѣкъ въ Смоленскъ. Послы соглашались только на двѣсти. Имъ позволили еще разъ снестись съ смольнянами, и послы потомъ говорили, что они насилу убѣдили смольнянъ принять двѣсти человѣкъ. Напротивъ, поляки приписывали упорство смольнянъ и теперь, какъ прежде, наущенію Голицына. Поляки требовали, чтобы, впустивши королевскихъ людей, оставить одни ключи у городскаго начальника, другіе—у польскаго; чтобы смольняне, какъ виновные въ упрямствѣ, заплатили всѣ убытки, понесенные королевскими войсками, и чтобы тѣ, которые прежде изъ нихъ покорились королю, находились подъ судомъ и вѣдѣніемъ польскаго, а не русскаго начальства. Король обѣщалъ снять осаду только тогда, когда смольняне исполнятъ его требованія. Но какъ исполнить ихъ было нельзя, особенно заплатить издержки въ то время, то ясно видно было, что король, послѣ этого договора, останется съ войскомъ и только воспользуется введеніемъ своихъ людей для удобнаго взятія города. И послы, и смольняне—отказали; переговоры снова перервались.

Сильно были раздражены паны противъ пословъ. Они упорствовали, а, между тѣмъ, русская земля ополчалась; вѣсти приходили все грознѣе. Возникло подозрѣніе, что послы сносятся съ Ляпуновымъ, что они тайно помогаютъ русскимъ въ возстаніи. Голицына обвиняли также въ преж-

нихъ сношеніяхъ съ Тушинскимъ воромъ, когда онъ еще былъ живъ, и съ Делагарди. Перехвачено было письмо къ нему отъ шведскаго генерала, гдѣ послѣдній уговаривалъ отстать отъ поляковъ и признать царемъ шведскаго королевича, который крестится въ греческую вѣру. Наконецъ, пришла вѣсть, что ополченія возставшаго народа подходятъ съ разныхъ сторонъ къ Москвѣ. Уже рѣшили арестовать пословъ, пресѣчь ихъ сообщенія съ московскою землею. 26-го марта, ихъ позвали, и Левъ Сапѣга сказалъ имъ:

«Мы знаемъ ваши коварства и хитрости, неприличныя посламъ; вы нарушили народное право, преступили границы вашихъ посольскихъ обязанностей, пренебрегали указами бояръ московскихъ, отъ которыхъ посланы; народъ тайно поджигали къ неповиновенію и мятежу, возбуждали ненависть къ королю и королевичу Владиславу, давали совѣты мятежникамъ, отклоняли Шеина отъ сдачи Смоленска, обнадеживая его скорою помощью отъ Ляпунова, дожидались, пока измѣна и мятежъ созрѣютъ. Вы должны отправляться въ Польшу» *).

«Позвольте — сказали послы—взять наше имущество».

«Этого вамъ не будетъ позволено», былъ отвѣтъ. Тотчасъ явились триста жолнѣровъ, окружили ихъ и повели во дворъ. Филарета посадили въ одной избѣ; Голицына, Луговскаго и Мезецкаго—въ другой. Арестовано нѣсколько дворянъ, и вокругъ посольскаго стана, гдѣ оставались другіе дворяне, поставили стражу **). Наступила святая недѣля. Послы написали челобитную королю. Сигизмундъ прислалъ имъ разговѣться (станъ говядины, старую баранью тушу, два молодыхъ барашка, одного козленка, четырехъ зайцевъ, четырехъ поросятъ, одного тетерева, че-

*) Kobierzycki.

**) Голиковъ, 203.

тырехъ гусей и семь курицъ; все это было битое). Послы удержали себѣ одну половину, а другую, съ позволенія пристава, отправили дворянамъ разговѣться.

Изъ Москвы прибыли съ новою граматою Иванъ Никитичъ Салтыковъ и Безобразовъ. Паны послали Салтыкова уговаривать пословъ — уступить королевской волѣ, и, въ то же время, приказали черезъ приставовъ сказать посламъ, что если они и теперь станутъ противиться, то ихъ повезутъ въ Польшу.

На увѣщанія Салтыкова, послы отвѣчали такъ: «Тебѣ, Иванъ Никитичъ, надобно помнить Бога и нашу православную вѣру, и свое отечество, и за Московское государство стоять, а на разореніе государства не посягать. Сами видите, что надъ нами дѣется». Они показывали ему статейный списокъ и доказали, что исполнить требованія, противныя первоначальному наказу, невозможно. Ихъ слова, а еще болѣе ихъ примѣръ проникли въ сердце Ивану Салтыкову: онъ раскаялся, что служилъ врагамъ, и рѣшился служить отечеству.

Вѣсть о томъ, что ополченіе уже находится въ Москвѣ, устрашила пановъ. Они побаивались, какъ бы съ ихъ войскомъ въ Москвѣ не сдѣлалось чего нибудь худого. При огромности возстанія, разсчитывали, что если теперь уладится дѣло о Смоленскѣ, то это произведетъ впечатлѣніе, которое обезсилитъ возстаніе московской земли. Они предложили посламъ уступку, отрекались отъ того, чтобы Смоленску съ его землею, какъ прежде требовалось, платить военныя издержки, и соглашались только на двѣсти пятьдесятъ человѣкъ гарнизона. Уже составили условія *), какъ вдругъ пришло извѣстіе, что посольскій гарнизонъ въ Москвѣ предалъ огню столицу и произвелъ

*) С. Г. Гр. II. 530—534.

повальное кровопролитіе. Призвали пословъ. Паны говорили имъ, что виною всей бѣдѣ—московскіе люди. Послы говорили, что виною всему король: зачѣмъ не утвердилъ договора, не отошелъ отъ Смоленска.

«Нашимъ людямъ нельзя было не жечь Москвы—сказалъ Левъ Сапѣга — иначе ихъ всѣхъ самихъ побили бы; что сталось, тому такъ и быть. Король и мы хотимъ знать, а вы намъ скажите, какъ злу помочь и кровопролитіе унять?»

«Мы сами не знаемъ, что теперь дѣлать—отвѣчали послы—насъ отправила вся земля, а во первыхъ—патріархъ. Теперь же патріархъ, нашъ начальный человѣкъ — подъ стражею. Московскаго государства бояре и всякіе люди пришли подъ Москву и бьются съ королевскими людьми. Мы не знаемъ, за кого себя признавать, и о Смоленскѣ не знаемъ, что дѣлать: какъ смольняне узнаютъ, что королевскіе люди, которыхъ москвичи впустили къ себѣ, сожгли Москву, то побоятся, чтобы и съ ними того же не сдѣлали, если впустятъ къ себѣ королевскихъ людей». Впрочемъ, послы предлагали одно послѣднее средство поправить сколько-нибудь дѣло: отойти отъ Смоленска и утвердить всѣ статьи договора, съ которымъ они пріѣхали. Въ такомъ случаѣ сами послы вызывались писать къ подмосковному войску и требовать, чтобы оно разошлось.

Сталъ король совѣтоваться съ панами. Хотѣли, во что бы то ни стало, оставить гарнизонъ въ Смоленскѣ, въ знакъ побѣды: иначе казалось постыднымъ возвращаться, ничего не сдѣлавши и такъ долго добивавшись Смоленска. Въ Польшѣ сочли бы это безчестіемъ для націи; поднялся бы ропотъ на безполезную трату силы и казны; проснулись бы вновь едва уснувшія враждебныя побужденія противъ короля; русскія же не примирились бы отъ этого съ поляками; московскій пожаръ и кровопролитіе не такія

были событія, чтобы могли взгладиться отступленіемъ короля отъ Смоленска. Самое это отступленіе объяснили бы невольною уступкою и еще сильнѣе вошли бы въ задоръ противъ поляковъ.

Думный дьякъ Луговской принесъ Сапѣгѣ черновые отпуски граматъ, которыя обѣщали послы отправить къ патріарху и къ начальникамъ подмосковнаго ополченія, если король согласится отойти отъ Смоленска. Сапѣга прочелъ отпуски и спросилъ:

«Хотите ли вы впустить въ Смоленскъ королевскихъ людей?»

Луговской отказалъ, а Сапѣга прибавилъ: «Ну, такъ васъ пошлютъ всѣхъ въ Вильну!»

«Надобно прежде кровь христіанскую унять, а Польшей насъ стращать нечего, Польшу мы знаемъ!» — отвѣчалъ дьякъ.

Тутъ случилось событіе, раздражившее еще болѣе пановъ противъ русскихъ. Проявилось въ Дорогобужѣ ополченіе, которое готовилось идти на помощь Ляпунову. Поляки послали противъ него Ивана Никитича Салтыкова. Тронутый убѣжденіями и примѣромъ пословъ, раздраженный поступками поляковъ въ Москвѣ, этотъ, преданный до сихъ поръ Сигизмунду, человѣкъ, прибывши къ Дорогобужу, объявилъ себя сторонникомъ возстанія и написалъ въ Смоленскъ грамату, гдѣ уговаривалъ смольнянъ — не сдаваться. Поляки приписали эту перемѣну вліянію пословъ. Поляки говорили, что тогда открылось ясно, что послы сносились съ Ляпуновымъ. Вѣроятно, тогда узнали они о томъ воззваніи, которое написано было отъ смоленскихъ дворянъ и первое возбудило людей Московскаго государства къ возстанію; обвиняли пословъ еще въ томъ, будто они прямо сносились съ смольнянами и убѣждали ихъ не сдаваться.

Послѣдній разъ Сапѣга потребовалъ, угрожающимъ тономъ, отъ митрополита Филарета, чтобы онъ написалъ къ подмосковнымъ начальникамъ объ отходѣ отъ столицы, а къ Шеину въ Смоленскъ, чтобы тотъ сдалъ городъ. Филаретъ отвѣчалъ: «Я все согласенъ перетерпѣть, а этого не сдѣлаю, пока не утвердите всего, отъ насъ поданнаго въ договорѣ.»

Послѣ этого отвѣта, 12-го апрѣля, посламъ объявили:

— Вы завтра поѣдете въ Польшу.

— У насъ нѣтъ указа изъ Москвы, отвѣчали послы, чтобы ѣхать въ Польшу, и нечѣмъ намъ подняться.

— Вы поѣдете безотговорочно на одномъ суднѣ, сказали имъ. Такъ велитъ его величество король.

На другой день, 13-го апрѣля, ко двору, гдѣ содержались послы, подвезли судно и приказали имъ садиться. Когда слуги посольскіе стали собираться, приставы Самуилъ Тышкевичъ и Кохановскій велѣли выбросить изъ судна ихъ пожитки, лучшее взяли себѣ, а слугъ перебили: холопская кровь не стоила большаго вниманія! Плѣнниковъ окружили жолнѣры, съ заряженными ружьями, и судно поплыло внизъ по Днѣпру. За ними, въ двухъ негодныхъ суденышкахъ, повезли посольскихъ дворянъ.

Поступокъ съ московскими послами показывалъ, что король польскій смотритъ на Московское государство какъ на страну не только покоренную, но порабощенную; поляки уже не считали себя обязанными признавать посольской чести за тѣми, которые были представителями этой страны передъ польскимъ правительствомъ. Только Жолкѣвскій, когда пословъ везли мимо его имѣнія, выслалъ къ нимъ спросить о здоровьѣ.

Сенаторы много разъ совѣтовали королю оставить осаду Смоленска и идти прямо въ Москву; по ихъ мнѣнію, онъ тамъ появленіемъ своимъ могъ бы измѣнить дѣла и усми-

рить возстаніе. Этого домогались и поляки, осажденные въ Москвѣ, и русскіе бояре, королевскіе приверженцы. Но Сигизмундъ говорилъ, что не взять Смоленска — оскорбительно для его чести. Находились у него приближенные, которые поддерживали это мнѣніе, желая польстить ему.

Время проходило. Все ждали, что смольняне доведутся до крайности, не станутъ болѣе терпѣть и сдадутся. Но смольняне не сдавались. Уже и послы отвезены были въ Польшу—смольняне все упорствовали. Между тѣмъ, соперникъ Жолкѣвскаго, Янъ Потоцкій, умеръ. Тогда посланъ былъ гонецъ къ Жолкѣвскому, уѣхавшему въ Оршу, съ приказомъ остановиться; потомъ другой гонецъ побѣжалъ къ гетману и привезъ ему королевское приглашеніе воротиться къ войску и принять надъ нимъ начальство. Король даже прислалъ за особою гетмана три цуга лошадей. Жолкѣвскій прежде былъ оскорбленъ: во первыхъ, король отдавалъ предпочтеніе его сопернику, во вторыхъ— не слушалъ его совѣтовъ. Жолкѣвскій видѣлъ и не разъ представлялъ королю, что дѣло, счастливо имъ устроенное, пропадетъ, оттого, что король не присылаетъ сына въ Москву, а самъ стоитъ подъ Смоленскомъ, раздражаетъ московскій народъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ ему время собраться для возстанія. Жолкѣвскій и теперь не надѣялся, чтобы король сталъ поступать такъ, какъ гетману казалось лучшимъ. Онъ уклонился и отвѣчалъ, что уже услалъ лошадей впередъ въ Могилевъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, король перемѣнилъ свое намѣреніе. Онъ ясно увидѣлъ, что Жолкѣвскій не хочетъ болѣе вести московскаго дѣла, сообразилъ, что съ Жолкѣвскимъ нельзя ему сойтись въ планахъ, и назначилъ предводителемъ войска подъ Смоленскомъ Якова Потоцкаго, брата умершаго Яна, а къ Жолкѣвскому послалъ еще разъ гон-

ца съ приказаніемъ не ворочаться и продолжать свой путь въ Русь [1]).

Рѣшено было: не двигаться съ войскомъ къ Москвѣ, а оставаться подъ Смоленскомъ, пока не возьмутъ этого города.

Еще нѣсколько недѣль прошло. Король все ждалъ, что смольняне сдадутся. Поляки примѣчали, что ряды годныхъ къ оружію на смоленскихъ стѣнахъ все рѣдѣли и рѣдѣли, но смольняне не думали сдаваться. Шеинъ не даромъ удерживалъ ихъ и ободрялъ. «Шеинъ — говорили поляки — помнить геройскую смерть отца своего, павшаго при взятіи Сокола, во время войны съ Баторіемъ [2])».

Проходилъ май. Смоленскъ не сдавался. Между тѣмъ, въ послѣдніе дни сентября назначенъ былъ въ Польшѣ сеймъ. Королю къ этому времени слѣдовало воротиться въ отечество. Король хотѣлъ и долженъ былъ явиться передъ лицомъ своего народа побѣдителемъ; надобно было, во что бы то ни стало, взять Смоленскъ, иначе пришлось бы ему терпѣть насмѣшки. И вотъ, въ первыхъ числахъ іюня назначенъ былъ генеральный приступъ. Приготовлены были для забросанія рва мѣшки съ землею и со всякою тяжестью, вѣсомъ по 20 центнеровъ [3]). Войско польское поставлено было на всѣхъ четырехъ сторонахъ осажденнаго города. На восточной сторонѣ, гдѣ стояли казаки, занявши Духовъ монастырь, почти противъ Авраміевскихъ воротъ, находился самъ главный предводитель польскаго войска, староста каменецкій Яковъ Потоцкій; на сѣверной сторонѣ, гдѣ протекалъ Днѣпръ, противъ Крылосовскихъ воротъ, стояли литовскій маршалъ Христофоръ Дорогостайскій и Бартоломей Новодворскій; на западѣ — братъ

1) Pism. Żolk. 118.
2) Ibid. 122.
3) Relazione, 4 стр.

Якова Потоцкаго, Стефанъ Потоцкій староста феллинскій; здѣсь же стояла баттарея и былъ проломъ, сдѣланный польскими орудіями; но за проломанной стѣной былъ насыпанъ высокій валъ, защищавшій городъ и окопанный пространнымъ глубокимъ рвомъ. Между южной и западной стороной стояли нѣмцы, пѣхота, подъ начальствомъ Яна Вейгера. Недалеко отъ Крылосовскихъ воротъ, противъ которыхъ стоялъ литовскій маршалъ, была яма для стока нечистотъ. Какой-то москвичъ - перебѣжчикъ явился къ Новодворскому и извѣстилъ его, что туда можно подложить порохъ и, такимъ образомъ, взорвать стѣну. Новодворскій осмотрѣлъ яму, и затѣмъ поляки всыпали туда пороху.

Въ полночь съ 2 на 3 іюня, когда уже занималась лѣтняя сѣверная заря, поляки пошли на приступъ. Первый полѣзъ на стѣну Стефанъ Потоцкій; по его приказанію, жолнѣры быстро бросились приставлять къ стѣнамъ лѣстницы; самъ предводитель показывалъ имъ примѣръ и несъ собственноручно лѣстницу. Этотъ приступъ былъ сдѣланъ внезапно и стремительно: осажденные никакъ его не ожидали. Въ то же время, нѣмцы пѣхоты Вейгера съ другой стороны приставили такъ же быстро лѣстницы къ стѣнамъ и полѣзли по нимъ вверхъ. Русскіе подняли тревогу, скликали другъ друга къ оружію, звонили въ колокола и бросились на стѣны. Въ Смоленскѣ стѣны были тридцать локтей въ ширину; на нихъ было гдѣ разойтись и помѣряться. Завязался кровавый рукопашный бой на стѣнахъ. Русскіе работали усердно и кричали для собственнаго ободренія. Поляки подались, принуждены были сходить со стѣнъ. Ихъ дѣло казалось тутъ проиграннымъ, и поправилось неожиданно. Когда русскіе, стоявшіе на стѣнахъ, дружно и удачно сгоняли враговъ со своихъ стѣнъ, вдругъ вспыхнулъ порохъ, подложенный поляками въ подстѣнную канаву. По

однимъ извѣстіямъ, его зажегъ своеручно Новодворскій, бросивъ въ яму, недалеко отъ входа канавы въ Днѣпръ, петарду; другіе говорили, что осталось неизвѣстнымъ, кто зажегъ его—поляки или московскіе люди *). Взорвало стѣны на тридцать локтей въ длину и на двѣнадцать въ ширину **). Пораженные неожиданнымъ взрывомъ стѣны, русскіе пришли въ паническій страхъ, оставили стѣны и валы и метались въ безпорядкѣ. Они никакъ не думали, что съ этой стороны можно было подложить мины и сдѣлать взрывъ. Вслѣдъ затѣмъ, Дорогостайскій и Новодворскій бросились во вновь сдѣланный проломъ, но увидѣли, что черезъ него нельзя пробраться за грудами разметанной стѣны и вала, и повернули на Княжескія ворота. Жолнѣры разбили разметанныя кучи земли и бревна, которыя перегораживали дорогу къ воротамъ, пробили ворота и вломились въ городъ. Въ это время, самъ главный предводитель, Потоцкій, стоявшій на западной сторонѣ противъ того мѣста, гдѣ прежде была проломана стѣна, бросился въ глубокій ровъ; жолнѣры его быстро перелѣзли этотъ ровъ, съ великимъ трудомъ взлѣзли на высокій валъ и, не встрѣчая отпора, очутились въ городѣ. Вдругъ загорѣлась башня, стоявшая близъ Княжескихъ воротъ; въ башнѣ былъ порохъ; огонь скоро дошелъ до пороха: башню взорвало, и тотчасъ же загорѣлись близъ стоявшіе дома. Пожаръ распространился по городу съ чрезвычайною быстротою. Загорѣлись другія три башни изъ семи, стоявшихъ по стѣнѣ, примыкавшей къ рѣкѣ, на сѣверной сторонѣ крѣпости; съ грохотомъ падали стропила и кровли. Дорогостайскій приказывалъ тушить пожаръ, обѣщалъ награду, но это было невозможно. Русскіе сами зажигали дома, чтобъ не достава-

*) Кобѣрж. 407.—Жолк. 216.—Relaz. 5.

**) Кобѣрж. 407.—Въ длину на 10 саж., а въ ширину на 4 саж. (Relaz.).

лось имущество побѣдителямъ. Къ тому же, поднялся сильный вѣтеръ — пламя достигло до архіерейскихъ палатъ; тамъ были сложены и деньги и имущество жителей, и служилыхъ и уѣздныхъ людей; тамъ было много узорочья, и золота, и одеждъ .. и въ погребѣ лежало 150 пудъ пороха. Толпы народа бѣжали въ соборную церковь. Владыка смоленскій, Сергій, во всемъ облаченіи, стоялъ передъ престоломъ и гласно молился за души погибшихъ и готовыхъ погибать. Тогда русскіе, видя, что все уже пропадаетъ, зажгли пороховой складъ подъ домомъ владыки. Владычнія палаты съ громомъ полетѣли на воздухъ; треснула и отвалилась одна стѣна въ соборѣ; кое-какіе поляки, гнавшіеся за русскими, были ранены, иные погибли; жолнѣры ворвались въ полуразрушенныя стѣны собора; тамъ, среди развалинъ и дыма, лежала, склонивъ головы, толпа народа, женщинъ и дѣтей; надъ ними стоялъ въ царскихъ дверяхъ въ блестящемъ облаченіи владыка. Враги были поражены его видомъ; онъ былъ прекрасенъ, съ бѣлокурыми волосами, съ окладистою бородой. Первая ярость прошла; поляки не стали болѣе умерщвлять никого; но сами русскіе, предводимые священниками и монахами, бросались въ огонь, рѣшаясь лучше погибать, чѣмъ терпѣть поруганіе и униженіе отъ побѣдителей. «Гдѣ Шеинъ?» — кричали поляки. Имъ указали на одну башню. Тамъ заперся Шеинъ съ женою, съ сыномъ-дитятею, съ товарищемъ своимъ, княземъ Горчаковымъ, и съ нѣсколькими дворянами. Толпа нѣмцевъ бросилась на эту башню; русскіе побили ихъ. Тогда самъ Стефанъ Потоцкій приблизился къ башнѣ и звалъ Шеина на объясненіе. Шеинъ показался наружу съ сыномъ. Потоцкій уговаривалъ, чтобъ онъ пощадилъ свою жизнь. Не столько самъ Шеинъ, какъ другіе, съ нимъ бывшіе, рѣшились сдаться. Шеинъ сошелъ и отдалъ свое оружіе; за нимъ то же сдѣлали и другіе.

14 іюня, были представлены плѣнные торжествующему королю *). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Дорогостайскій представлялъ королю отличившихся при взятіи крѣпости. Кромѣ такихъ, которые безпрестанно досаждали королю требованіемъ жалованья, были также служившіе безъ жалованья, которые, въ надеждѣ староства и каштелянства, прибыли служить безплатно для славы Рѣчи Посполитой и распространенія католической вѣры; между ними обратилъ тогда на себя вниманіе одинъ мальтійскій кавалеръ; когда его представили Сигизмунду, онъ сказалъ, что не хочетъ никакихъ наградъ, кромѣ королевской милости къ ордену, къ которому онъ принадлежитъ. Шеина приняли сурово и ему, какъ преступнику, дали вопросные пункты. Преимущественно хотѣли узнать — съ кѣмъ онъ былъ въ умышленіи, въ сношеніяхъ, въ совѣтѣ. Шеинъ ничего не говорилъ. Архіепископъ Сергій и товарищъ Шеина, Горчаковъ, какъ видно, выгораживали себя передъ побѣдителями и говорили, что они совѣтовали ему сдаться; Шеинъ показалъ, что онъ отъ Горчакова ничего не слыхалъ, а Сергій хоть и сказалъ какъ-то разъ, что ужъ не сдаться ли имъ, но на это не было обращено вниманія, и послѣ того архіепископъ ничего не говорилъ подобнаго. На вопросъ: что́ бы онъ дѣлалъ, еслибъ отсидѣлся въ Смоленскѣ, Шеинъ отвѣчалъ: «Я всѣмъ сердцемъ былъ преданъ королевичу, а если бы король сына на царство не далъ, то, такъ какъ земля безъ государя быть не можетъ, поддался бы тому, кто былъ бы царемъ на Москвѣ». Между тѣмъ, Сигизмундъ не оцѣнилъ прямоты его: допросъ сопровождался пыткою. Поляки думали, что въ Смоленскѣ остались сокровища, и хотѣли отъ него дознаться, но ничего не добились. Послѣ пытки, его отправили въ Литву въ оковахъ, разлучили съ семьею;

*) Relaz. 6.

сына взялъ себѣ король, а жену и дочь — Сапѣга *). Впрочемъ, впослѣдствіи, его судьба улучшилась. Онъ сошелся съ Новодворскимъ, главнымъ виновникомъ взятія Смоленска: оба оцѣнили другъ друга и сдѣлались друзьями.

Не смотря на то, что городъ былъ весь поврежденъ взрывомъ, поляки, однако, нашли въ немъ значительные запасы съѣстнаго: овса, ржи, гусей, куръ, павлиновъ, поросятъ и, къ удивленію побѣдителей, только одну корову для молока къ столу архіепископа. Взято до 200 орудій, кромѣ потерпѣвшихъ отъ взрыва. Это сохранилось въ тѣхъ башняхъ, которыя уцѣлѣли отъ взрыва; найдено нѣсколько пороху, а ядеръ было такъ много, что ихъ, какъ говорятъ современники-поляки, достаточно было бы на нѣсколько крѣпостей. Во время взрыва, засыпало развалинами парня съ дѣвушкой, такъ-что надъ ними образовалось просторное мѣсто, и они могли дышать. На шестнадцатый день послѣ того, гайдуки, перебирая щебень съ цѣлью отыскать что-нибудь, услышали стоны и откопали ихъ. Дѣвушка испустила дыханіе, какъ только ея коснулся свѣжій воздухъ и свѣтъ, а парень имѣлъ еще силы попросить водки и бани. Поляки привезли его въ свой обозъ, и онъ, какъ только отвѣдалъ водки, тотчасъ умеръ **).

Такъ палъ Смоленскъ, долгое время не поддававшійся волѣ короля; давнее желаніе короля исполнилось! До сихъ поръ онъ давалъ себѣ предлогъ — что честь его страдаетъ оттого, что Смоленскъ не сдается; теперь честь его удовлетворилась. Оставалось кончить начатое. Нѣкоторые сенаторы и военачальники совѣтовали теперь не медлить и идти съ войскомъ прямо подъ Москву, освободить осажденныхъ въ стѣнахъ Кремля поляковъ, упрочить власть

---

*) Такъ сообщаютъ русскія извѣстія. Арцыбыш. Пов. о Росс. III, 290.

**) Кобѣрж. 416.—Жолк. 126.

надъ Московскимъ государствомъ, приласкать бояръ; можно, думали они, кротостью и раздачею жалованья склонить на свою сторону многихъ изъ тѣхъ, которые были противъ короля. Жалованье войску могло быть заплачено изъ царской казны, и войско было бы спокойно. Сенатъ и сеймъ не только не поставили бы ему въ вину этого похода, а еще были бы довольны, что уплата войску производится не изъ народныхъ суммъ, а на счетъ чужаго государства. Противъ этого возражали, что сеймъ соберется въ сентябрѣ, и король долженъ находиться на сеймѣ; если же онъ пойдетъ къ московской столицѣ, то принужденъ будетъ войти въ продолжительную войну съ московскимъ полчищемъ, осадившимъ столицу; а платежъ войску должно будетъ производить польское государство, потому-что не станетъ московской казны; произойдетъ задержка жалованья: войско начнетъ роптать. Между тѣмъ, сеймъ, собравшись безъ короля, не будетъ слишкомъ довольствоваться тѣмъ, что Сигизмундъ хочетъ завоевать чужую землю для своей фамиліи. Представляли, что прежде, чѣмъ король рѣшится на окончательное дѣло съ Москвою, надобно испросить мнѣнія Рѣчи Посполитой. Договоръ, который заключилъ съ Московскимъ государствомъ Жолкѣвскій, еще не былъ подвергнутъ обсужденію и одобренію сейма; а это было необходимо въ странѣ, гдѣ верховная власть истекала отъ воли народа. Король присталъ къ послѣднему мнѣнію. Ему, между прочимъ, хотѣлось вступить побѣдителемъ въ свою столицу; его плѣняло ожиданіе торжества и народнаго ликованія. Тогда — надѣялся онъ — сеймъ будетъ болѣе расположенъ къ его видамъ. Поправить дѣло въ Москвѣ, подвезти осажденнымъ живность и отбить москвитянъ отъ города—можно, казалось, и безъ присутствія короля. Сигизмундъ поручалъ это дѣло литовскому гетману Ходкѣвичу, стоявшему тогда въ Ливоніи. Въ Смоленскѣ былъ

оставленъ воевода брацлавскій, Якубъ Потоцкій; ему поручалъ король устроить все, что нужно, для охраненія и укрѣпленія Смоленска и для приведенія въ покорность новозавоеванной Смоленской земли.

VII.

Торжество Польши и Рима. — Приведеніе плѣннаго царя Василія въ Варшаву.—Юрій Мнишекъ.

Вся Польша торжествовала. Повсюду совершались празднества, молебствія, процессіи, пирушки, всевозможнѣйшія увеселенія. Въ Краковѣ, три дня и три ночи, съ 30 іюня, не умолкала музыка... выстрѣлы, потѣшные огни, представленія, изображавшія взятіе Смоленска, апотеозы языческихъ божествъ, поражающихъ Московское государство. Радость была чрезвычайная въ Римѣ, когда дошла туда вѣсть о побіеніи схизматиковъ, о событіи столь утѣшительномъ для католичества. 7-го августа, св отецъ провозгласилъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, которые посѣтятъ церковь св. Станислава, патрона Польши, находившуюся въ Кампидоліо, подлѣ самаго іезуитскаго дома. Тамъ цѣлый день отправлялось богослуженіе и воспѣвались хвалебныя пѣсни. Въ особенности красовались при этомъ іезуиты, и, въ присутствіи ихъ генерала Аквавивы, полякъ-іезуитъ Рахоцкій произнесъ высокопарную рѣчь. Посреди множества потѣшныхъ огней, народъ съ любопытствомъ смотрѣлъ, какъ выпущено было два изображенія орла: одинъ, бѣлый, изображалъ вѣрную Польшу; другой, черный, означалъ невѣрную Московію: бѣлый пустилъ огонь на чернаго; черный треснулъ и разсыпался искрами. И народъ восклицалъ на голоса іезуитовъ: «О, даруй, Бо-

же, яснѣйшему королю польскому, для блага христіанской церкви, уничтожить коварныхъ враговъ москвитянъ *).»

Со всѣмъ дворомъ король пріѣхалъ въ Вильну. Здѣсь ему воздвигли тріумфальныя ворота; городъ, недавно, впрочемъ, пострадавшій отъ пожара, былъ освѣщенъ потѣшными огнями. Тамъ встрѣтила его супруга, королева Констанція, и сынъ Владиславъ, нареченный московскій царь; веселая музыка провожала его отъ тріумфальной арки до дворца, и толпа народа громкими криками восхваляла его геройскіе подвиги.

Изъ Вильны Сигизмундъ отправилъ въ Москву Адама Жолкѣвскаго—извѣстить бояръ, что онъ долженъ быть на сеймѣ, и потому-то не можетъ самъ идти къ Москвѣ, а послалъ литовскаго гетмана Ходкѣвича; обвинилъ пословъ Голицына и митрополита ростовскаго въ измѣнѣ подъ Смоленскомъ, и требовалъ, чтобы бояре отъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства прислали другихъ пословъ па сеймъ, для совѣщанія о добрыхъ дѣлахъ **).

Въ Варшавѣ короля ожидало еще бо̀льшее торжество. Сенатъ и сеймъ поздравляли его. Явился Жолкѣвскій со всѣми своими полковниками, ротмистрами. Королю устроили торжественный въѣздъ. Воображенію поляковъ рисовались древнія торжества римскихъ полководцевъ. Подобно Павлу Эмилію, Жолкъвскій везъ съ собою плѣннаго царя. Сослуживцы Жолкѣвскаго выказали весь блескъ своихъ одеждъ и вооруженія, все достоинство и убранство своихъ боевыхъ коней. Самъ коронный гетманъ ѣхалъ въ открытой, богато убранной коляскѣ, которую везли шесть бѣлыхъ турецкихъ лошадей. Непосредственно за нимъ везли Шуйскаго въ королевской каретѣ: она была открыта, чтобы всѣ могли видѣть знатныхъ плѣнниковъ. Бывшій царь

*) Narratio brevis Chlebowsky.

**) Собр. Госуд. Гр. II, 571.

сидѣлъ посреди двоихъ братьевъ: на немъ былъ длинный бѣлый, вышитый золотомъ кафтанъ, а на головѣ горлатная шапка изъ черной лисицы. Поляки съ любопытствомъ присматривались къ его сухощавому лицу, окаймленному маленькою кругловатою бородою, и ловили мрачные суровые взгляды въ его красноватыхъ, больныхъ глазахъ. За нимъ везли плѣннаго Шеина со смольнянами, а потомъ Голицына и Филарета со свитою. За плѣнниками, пѣхота и гетманскіе казаки оканчивали поѣздъ. Это было 29 октября. Плѣнныхъ повезли чрезъ Краковское предмѣстье въ замокъ. Тамъ, въ сенаторской избѣ, гдѣ собранъ былъ весь дворъ, весь сенатъ, паны Рѣчи Посполитой, — сидѣлъ на тронѣ король Сигизмундъ съ королевой, а близъ нихъ была вся королевская семья его. Ввели туда плѣнныхъ. Впереди поставили московскаго царя съ братьями. Василій съ безпокойствомъ оглядывался на всѣ стороны и повсюду встрѣчалъ взоры состраданія и участія. Поляки, съ чувствомъ величія торжествующей націи, смотрѣли на него дружелюбно. Но въ ряду сенаторовъ Рѣчи Посполитой глаза Василія сошлись съ страшными глазами Юрія Мнишка. Жолкѣвскій выступилъ передъ тронъ и во всеуслышаніе съ жаромъ говорилъ рѣчь. Сначала онъ восхвалялъ добродѣтели, доблести и всякія достоинства Сигизмунда; прославлялъ его подвигъ завоеванія Смоленска; потомъ, перешедши къ завоеванію Москвы, немного повернулся, указалъ на плѣннаго царя и сказалъ: «Вотъ онъ, великій царь московскій, наслѣдникъ московскихъ царей, которые столько времени своимъ могуществомъ были страшными и грозными коронѣ польской и королямъ ея, турецкому императору и всѣмъ сосѣднимъ государствамъ. Вотъ братъ его, Димитрій, предводительствовавшій шестидесяти-тысячнымъ войскомъ, мужественнымъ, крѣпкимъ и сильнымъ. Недавно еще они повелѣвали царствами, княжества-

ми, областями, множествомъ подданныхъ, городами, зàмками, неисчислимыми сокровищами и доходами, и по волѣ и благословенію Господа Бога, дарованному вашему величеству, мужествомъ и доблестью нашего войска, нынѣ они стоятъ здѣсь жалкими плѣнниками, всего лишенные, обнищалые, поверженные къ стопамъ вашего величества, и, падая на землю, молятъ пощады и милосердія». При этихъ словахъ гетмана, низложенный царь, держа въ одной рукѣ шапку, поклонился, прикоснулся пальцами другой руки до земли и потомъ поднесъ ихъ къ губамъ; Димитрій поклонился до земли головою одинъ разъ; Иванъ Шуйскій, по обычаю московскихъ холопей, отвѣсилъ три земныхъ поклона; Иванъ при этомъ плакалъ. Гетманъ продолжалъ свою рѣчь и сказалъ: «Ваше величество! примите ихъ не какъ плѣнныхъ; я умоляю за нихъ ваше величество; окажите имъ свое милосердіе и милость: помните, что счастіе непостоянно, и никто изъ монарховъ не можетъ быть названъ счастливымъ, прежде чѣмъ не окончитъ своего земнаго поприща». Рѣчь его была украшена всѣмъ блескомъ риторики; при этомъ гетманъ не упустилъ случая вспомнить о разныхъ римскихъ герояхъ. По окончаніи рѣчи, плѣнники, одинъ за другимъ, начиная съ царя Василія, были допущены къ рукѣ королевской. Потомъ канцлеръ, отъ лица короля, говорилъ, во всеуслышаніе, благодарственную рѣчь. «Чего (говорилъ онъ въ этой рѣчи) прежніе наши короли не могли надѣяться, о чемъ не смѣли совѣтовать мужественные полководцы, чего не думали рачительные сенаторы дождаться, то совершила смѣлость вашего величества и мужество его милости пана гетмана, польскою рукою».

За канцлеромъ всталъ маршалъ посольской избы и изъявилъ отъ имени всей Рѣчи Посполитой признательность гетману и всему войску, которое участвовало въ москов-

ской войнѣ и доставило своими побѣдами великую славу и честь всей польской націи. Когда окончилась эта рѣчь, всталъ съ своего мѣста Мнишекъ и громогласно потребовалъ правосудія. Онъ вспоминалъ о тайномъ убійствѣ Димитрія, царя коронованнаго и всѣми признаннаго; объ оскорбленіи своей дочери, царицы Марины; припоминалъ, какъ онъ самъ терпѣлъ отъ Шуйскаго поруганія, неволю, заточеніе, какъ онъ его ограбилъ, морилъ голодомъ и нищетою; доказывалъ притомъ, что Шуйскій, будучи царемъ, наносилъ тяжелыя оскорбленія королю и всей Рѣчи Посполитой, измѣннически перебилъ гостей, пріѣхавшихъ на свадьбу, задержалъ пословъ, въ противность всѣмъ правамъ. Но не тѣ были уже времена, чтобы Мнишекъ могъ возбудить всеобщее сочувствіе. Поведеніе Марины, которая въ то время стояла во враждебномъ положеніи къ королю и Рѣчи Посполитой, не могло располагать никого къ участію въ томъ, что̀ соединялось съ дѣломъ самозванцевъ. На Мнишка смотрѣли какъ на честолюбца, который не разбиралъ средствъ къ возвышенію семьи своей. Никто не вѣрилъ въ его *Димитріевъ*, никто не вѣрилъ въ невинность Мнишка въ этихъ дѣлахъ. Мало было такихъ, которые находили бы справедливымъ мстить плѣнному царю за Мнишковъ; напротивъ, большинство наклонялось къ несчастному узнику. Мнишекъ проговорилъ свои обвиненія. Василій стоялъ молча. Но и все собраніе пановъ Рѣчи Посполитой молчало, и этимъ безмолвіемъ всѣ показали, что не хотятъ въ угоду Мнишку огорчать и безъ того горькую судьбу низложеннаго царя. Король отпустилъ его милостиво. Царя съ братьями отправили въ Гостынскій замокъ, недалеко отъ Варшавы, и тамъ назначили имъ пребываніе подъ стражею. Впрочемъ, ихъ содержали не скудно, какъ видно изъ описи вещей и одеждъ, послѣ Василія оставшихся, большею частію подаренныхъ

Сигизмундомъ *). Неволя и тоска свели царя черезъ годъ въ могилу. Въ томъ же замкѣ скончался, послѣ него, Димитрій—братъ его, и жена Димитрія, подозрѣваемая въ отравленіи Скопина. Много лѣтъ спустя, костямъ невольниковъ суждено было перейти въ родную землю.

Мнишекъ, еще до представленія плѣннаго царя, выдержалъ нападеніе. Кто-то изъ важныхъ пановъ подалъ жалобу на сендомирскаго воеводу и требовалъ предать его суду сената за поступки, которыми онъ наложилъ пятно на Рѣчь Посполитую. Ему поставлено было нѣсколько обвинительныхъ пунктовъ: изъ нихъ, кромѣ утайки королевскихъ доходовъ съ самборской экономіи, всѣ относились до поведенія воеводы въ московскомъ дѣлѣ. «Зачѣмъ—гласили эти пункты—панъ-воевода призналъ царемъ обманщика Отрепьева, проводилъ его на царство; обманщикъ, впослѣдствіи, какъ было доказано, злоумышлялъ на короля, сносился съ его врагами, хотѣлъ овладѣть короною польскою, пользуясь начавшимися въ Польшѣ смутами, а Мнишекъ повезъ ему дочь, конечно, въ надеждѣ, что онъ достигнетъ польской короны. Мнишекъ былъ въ соумышленіи съ своимъ зятемъ: это видно изъ того, что Мнишекъ дружился съ врагами короля и принималъ къ себѣ въ домъ Стадницкаго. Сверхъ того, Мнишекъ, возвращаясь изъ плѣна, присталъ ко второму обманщику, призналъ его истиннымъ Димитріемъ, оставилъ у него дочь, а самъ пріѣхалъ въ отечество и тутъ дѣйствовалъ на сеймикахъ во вредъ королю». Мнишекъ говорилъ предъ сенатомъ оправдательный отвѣтъ: прежде всего, онъ оскорбился, что его бывшаго зятя безъ церемоніи называли Отрепьевымъ, съ голоса москвитянъ; увѣрялъ, что зять его былъ не Отрепьевъ, а истинный Димитрій. «Ваше величество (сказалъ Мнишекъ)

---

*) А. И. II. Прилож.

и многіе паны сенаторы и жители короны польской признавали его, какъ и я—Димитріемъ. И акты пословъ вашихъ, и письма вашего величества о томъ свидѣтельствуютъ. Чѣмъ же я виноватъ? Я проводилъ на царство не обманщика, а истиннаго Димитрія; и Москва его признала, и города ему сдавались, и его посадили на тронъ и короновали. Впрочемъ, я объ этомъ въ началѣ объявлялъ покойному гетману; ему хотя это и не понравилось, но онъ мнѣ не запретилъ рѣшительно». Легко было Мнишку ссылаться на умершаго Замойскаго. Обвиненіе въ соумышленіяхъ съ Димитріемъ онъ отрицалъ, ссылался на неимѣніе доказательствъ на то: «Ни о чемъ подобномъ я не говорилъ съ своимъ зятемъ, да и некогда было, и всѣ сношенія мои съ нимъ клонились къ пользѣ Рѣчи Посполитой: на это указываютъ его письма и привилегіи. Да; я принималъ Стадницкаго, но что̀ же? Это былъ долгъ гостепріимства и родства; а пусть покажутъ письма, которыя я писалъ къ нему. Я приводилъ его къ покорности». Что касалось до втораго самозванца, Мнишекъ увѣрялъ, что его насильно затащили въ тушинскій таборъ поляки: «Мы кричали: для чего насъ останавливаете, зачѣмъ заворачиваете? А они не слушали, и панъ Сапѣга не могъ насъ оборонить, хоть и хотѣлъ. Потомъ я думалъ уѣхать въ Дубровну, но москвитяне-приставы такъ говорили пану радомскому (Олесницкому): «жаль васъ намъ; человѣкъ, который называется теперь Димитріемъ не прежній; но вы сдѣлайте такъ, какъ они хотятъ. Мы приведемъ это дѣло къ тому, чтобы король или королевичъ сдѣлался нашимъ государемъ». И они ушли въ Москву, предпринимая уничтожить тамошняго; не знаю, толковали ли они объ этомъ въ Москвѣ; только панъ радомскій довѣрилъ это нѣкоторымъ надежнымъ особамъ, но потомъ, видя непостоянство, уѣхалъ: его, догнавши, убили бы, еслибъ знали, что онъ вашему величеству эти дѣла порицалъ. По-

томъ меня пригласили на разговоръ. Я выѣхалъ съ позволенія князя Рожинскаго. Они спрашивали: тотъ ли это Димитрій, что прежде былъ? Я отвѣчалъ по правдѣ—не тотъ. Они на это сказали: смотрите, чтобъ вамъ самимъ не пропасть». Мнишекъ и въ этомъ обстоятельствѣ сослался на мертваго,—на убитаго въ Москвѣ князя Андрея Голицына; но прибавилъ, что, вѣроятно, это извѣстно и тому Голицыну, который находится теперь въ плѣну. «Я—продолжалъ Мнишекъ—уѣзжая изъ табора, хотѣлъ взять съ собою и дочь свою, но фальшивый Димитрій соображалъ вѣрный успѣхъ, и себѣ, а не мнѣ хотѣлъ угодить, ибо уже города ему начали сдаваться; а супружество было не невольное. Я говорилъ своей дочери: этотъ человѣкъ не удержится; да хоть бы какія сокровища ты имѣла и царицею московскою стала — лучше тебѣ выпросить у короля и у Рѣчи-Посполитой какой-нибудь уголокъ; что же дѣлать, когда не угодно было ея милости стараться объ этомъ! А что писалъ къ дочери, такъ развѣ отецъ не могъ писать къ дочери и къ тому, который звалъ меня отцомъ, а я его—сыномъ? Пусть покажутъ мои письма: въ нихъ видна моя вѣрность и непорочность.» Такъ отдѣлывался, такъ изворачивался тогда Мнишекъ и не только остался безъ преслѣдованія, но еще самъ возвысилъ голосъ противъ короля. Онъ еще разыгрывалъ роль охранителя шляхетской свободы противъ тѣхъ сенаторовъ, которые слишкомъ превозносили подвиги короля, и заявилъ, что еслибъ король пріобрѣталъ новыя провинціи для польскаго королевства, и тогда нельзя одобрить его, коль скоро онъ дѣйствовалъ безъ согласія сейма, потому-что такіе поступки ведутъ къ абсолютному господству. Подобныя фразы въ устахъ человѣка, котораго поступки возбуждали уже презрѣніе честныхъ людей, побудили подканцлера Крискаго воскликнуть: «Матерь Божія! на какихъ низкихъ условіяхъ хотятъ держать короля! Ка-

кое тутъ абсолютное господство? Въ карманѣ оно у кого нибудь было! Узнать слѣдовало бы получше объ Отрепьевѣ, что объ его титулѣ былъ споръ! Вишь ты: польскому шляхтичу можно назвать обманщика царемъ, приголубить его въ своемъ домѣ и своими средствами проводить на царство, а королю нельзя оборонять своими средствами границъ Рѣчи-Посполитой!»

Вообще, на послѣдовавшемъ за тѣмъ сеймѣ, не оправдывали принципа, чтобы король могъ вести войну безъ согласія государственныхъ чиновъ, но извиняли короля Сигизмунда за его успѣхи. Сторонники его оправдывали его тѣмъ, что онъ, вступая на престолъ, далъ присягу—распространять предѣлы королевства. Въ пропозиціи, посланной передъ сеймомъ на повѣтовые сеймики, а также и въ рѣчи, которою, по обычаю, открывалъ сеймъ, отъ имени короля, канцлеръ, король объявилъ польской націи, что отнюдь не хочетъ пріобрѣтать Московскаго государства ни для себя, ни для своего потомства, а желаетъ его присоединить къ польской коронѣ. Это очень понравилось полякамъ. Со стороны короля представлялась необходимость окончить войну, воспользоваться случаемъ и покорить «грубый» московскій народъ, который, иначе, можетъ быть очень опасенъ для Рѣчи-Посполитой, если усилится. «Давно-ли—было замѣчено—обманщикъ Гришка Отрепьевъ замышлялъ овладѣть короною польскою? Живы тѣ, которые знаютъ о его продѣлкахъ: вотъ и Димитрій Шуйскій говоритъ, какъ онъ хотѣлъ воспользоваться несчастнымъ смятеніемъ у насъ, и собирался двинуть сорокъ тысячъ съ Смоленску. Пусть спросятъ его тѣ, которые тогда приглашали Отрепьева на польскій престолъ. Даже и второй обманщикъ, — и тотъ мечталъ о польской коронѣ, надѣясь овладѣть прежде московскими сокровищами.» Поставленъ былъ вопросъ, что́ дѣлать съ посла-

ми, и продолжать ли начатые переговоры о воцареніи Владислава? Тогда подканцлеръ Крискій, всегда говорившій согласно съ королемъ, сказалъ: «Съ кѣмъ вести переговоры? Отъ кого эти послы? Какіе тутъ переговоры, когда и столица и государство Московское у насъ въ рукахъ? Должны они принять такое правленіе, какое дастъ имъ побѣдитель. Рабскій духъ только страхомъ можетъ обуздываться. Куда хочешь поведи москвитина,—онъ перемѣнитъ страну, а души своей не измѣнитъ! Въ рабствѣ онъ родился, къ рабству привыкъ. Оружіемъ слѣдуетъ кончать съ нимъ дѣла, какъ начали. Нельзя отдавать королевича на растерзаніе. Этотъ народъ, со временъ царя Ивана, своихъ государей отравлялъ и убивалъ. Если мы станемъ съ нимъ толковать, то онъ подумаетъ, что мы его боимся.» И всѣ согласились, что слѣдуетъ кончить войну; но когда дошло дѣло до поборовъ, которыми должны покрыться издержки войны, то сеймъ назначилъ очень мало. Положили: заплатить сто тысячъ злотыхъ тѣмъ, которые воротились изъ похода, а войску, которое оставалось въ Московской землѣ, предоставляли уплату изъ тамошнихъ доходовъ. Тогда думали и говорили, что Московская земля уже покорена, москвитяне безсильны, и не нужно большихъ издержекъ со стороны Рѣчи-Посполитой, чтобы привести въ повиновеніе какіе-нибудь ничтожные остатки непокорныхъ. На все это достанетъ тамошнихъ средствъ. О посылкѣ Владислава не могло быть болѣе рѣчей. Поляки считали Московское государство уже принадлежащимъ Польшѣ, и вѣковой споръ съ Русью поконченнымъ.

VIII.

Взятіе Новгорода шведами.

Тѣмъ временемъ, сѣверъ русскаго міра подпалъ подъ иное чужое владычество. Послѣ свержевія Василія и призванія Владислава, Швеція неминуемо должна была изъ союзницы сдѣлаться враждебною Московскому государству. Кровная вражда шведскаго короля Карла къ Сигизмунду, который оспаривалъ у него право на престолъ, вражда, соединенная съ религіозною рознью, не могла терпѣть усиленія соперника. Политика Швеціи, въ видахъ самосохраненія, должна была противодѣйствовать возрастанію сосѣдней Польши. Притомъ же, для шведовъ, естественно, была заманчива возможность воспользоваться печальнымъ состояніемъ сосѣдняго государства, чтобы отхватить отъ него что-нибудь для себя, когда многое уже достается въ добычу другимъ. Какъ только услышалъ Делагарди о выборѣ Владислава, тотчасъ изъ Торжка, гдѣ остановился послѣ клушинскаго дѣла, написалъ боярской думѣ такое дружеское замѣчаніе: «Вы берете государя слишкомъ молодаго, въ такое смутное время, когда нужна сильная власть, чтобы водворить порядокъ. Поляки во всемъ разнятся отъ русскихъ и не любятъ васъ; извѣстна ихъ наглость, высокомѣріе. Они воспользуются положеніемъ Московіи, измученной мятежами, обезсиленной пораженіями, утомленной войнами, раздираемой самозванцами; подъ предлогомъ установленія спокойствія, подчинятъ васъ своему королю и себѣ, а Владиславъ, данный вамъ, по милости поляковъ, будетъ ихъ подручникомъ, какъ воевода валахскій». Мало проку надѣясь отъ этого замѣчанія, Делагарди двинулся изъ Торжка къ границамъ, что-

бы поскорѣе захватить Корелу, уступленную по выборгскому трактату. Король Карлъ, съ согласія сейма, хотѣлъ, чтобы Делагарди шелъ съ войскомъ въ средину Московской земли, и, во что бы то ни стало, препятствовалъ воцаренію польскаго королевича. Но Делагарди отсовѣтовалъ и разсчиталъ, что лучше захватить поскорѣе сѣверныя области, чтобы, когда Владиславъ сдѣлается царемъ, Швеція уже овладѣла частью русской земли и получила въ ней опору для себя. Такимъ образомъ, Делагарди оставался въ Выборгѣ, и послалъ отряды для взятія Ивань-города, Ладоги, Орѣшка и Корелы. Осада Иванъ-города пошла неудачно. Наемное войско, состоявшее изъ иноземцевъ—французовъ и шотландцевъ, взбунтовалось, ограбило кассу, находившуюся въ рукахъ шведовъ, и разошлось, такъ что шведы должны были обращаться съ нимъ какъ съ непріятелемъ. Не удалось шведамъ овладѣть и Ладогою. Пьеръ де-ла-Валле захватилъ было крѣпкій городъ, обведенный водою, но остался въ немъ съ небольшимъ гарнизономъ. Пошелъ на отбой Ладоги съ новгородцами Иванъ Салтыковъ, не допустилъ подвоза къ ней припасовъ, а потомъ голодомъ принудилъ сдаться. 8 января 1611 года, де-ла-Валле оставилъ Ладогу, выговоривъ себѣ условіе свободнаго выхода съ своимъ гарнизономъ и со всѣмъ имуществомъ. Орѣшекъ отбивался отъ шведовъ упорно. Они надъ нимъ употребляли огромныя усилія, думали разбить его стѣны машинами и ядрами, и, наконецъ, должны были отступить. Корела, осаждаемая Лаврентіемъ Андрю, держалась всю зиму до марта, наконецъ, предложила переговорить съ выборгскимъ комендантомъ Арвидомъ Вильдманомъ о сдачѣ. Шведы думали, что корельцы сдаются оттого, что дошли до крайности, и предложили тяжелыя условія: оставляли жителямъ только жизнь и соглашались выпустить ихъ съ тѣмъ, чтобы они покинули все свое имущество.

Корельцы отвѣчали, что они еще не дошли до послѣдней бѣды, какъ себѣ воображаютъ шведы; у нихъ еще есть тысяча бочекъ хлѣбнаго зерна, изобильно сала; они готовы защищаться до послѣдняго, и прибавили: если терять послѣдніе животы, то лучше ужъ потерять и жизнь; они взорвутъ свой городъ и погибнутъ всѣ. «Вотъ видите—говорили корельцы — ивангородцы отдавались вашимъ также, какъ мы теперь; ваши не согласились и не взяли Ивань-города». Шведы разсудили, что въ Корелѣ есть нѣсколько шведовъ-плѣнниковъ, въ томъ числѣ двое братьевъ Бойе, знатнаго рода, взятые подъ Иванъ-городомъ; для спасенія своихъ, они согласились на болѣе мягкія условія, оставляли корельцамъ имущества и требовали, въ свою пользу, имущества умершихъ. Нельзя было болѣе упрямиться корельцамъ: изъ трехъ тысячъ человѣкъ, бывшихъ въ городѣ, у нихъ осталась только какая нибудь сотня; прочіе погибли отъ войны и отъ скорбута, свирѣпствовавшаго въ городѣ. Корела сдалась.

По взятіи Корелы, Делагарди написалъ къ королю, что теперь идетъ на Новгородъ, и собиралъ войско. Наступала весенняя распутица; за нею долженъ былъ послѣдовать разливъ Волхова, который въ это время мѣшаетъ подступить къ городу. Поэтому Делагарди долженъ былъ двигаться съ войскомъ медленно, и впередъ послалъ въ Новгородъ съ мирными предложеніями капитана Коброна *).

Новгородъ тогда былъ сильно вооруженъ противъ польской власти, и новгородцы пристали къ ляпуновскому ополченію. Освободитель Ладоги, Салтыковъ, видя, что въ Новгородѣ—заговоръ противъ польской партіи, хотѣлъ было уйдти въ Москву; новгородцы его поймали и посадили въ тюрьму. Черезъ нѣсколько времени, когда ненавистъ

*) Videk. 191—193; 205—209; 216—221.

къ полякамъ, возбужденная вѣстями о сожженіи Москвы, о насильствахъ санѣжницевъ, о несправедливостяхъ Сигизмунда, дошла до высшихъ предѣловъ, его вывели изъ тюрьмы, пытали и приговорили къ смерти. Молодой Салтыковъ хотѣлъ спасти жизнь увѣреніями, что будетъ служить дѣлу русской земли. «Пусть — говорилъ онъ — мой отецъ придетъ съ литовскими людьми, — такъ и противъ отца я пойду биться съ вами!» Ему не повѣрили; его посадили на колъ *). Вмѣсто него прибыли воеводы Бутурлинъ и Одоевскій. Первый былъ заклятый ненавистникъ поляковъ и ихъ власти. Къ нимъ обратился капитанъ Кобронъ; онъ, отъ имени Делагарди, предложилъ только дружбу и размѣнъ плѣнныхъ. Новгородъ отпустилъ шведскаго посланца въ сопровожденіи двухъ знатныхъ русскихъ, которые обѣщали выпустить всѣхъ шведскихъ плѣнниковъ, сидѣвшихъ въ Новгородѣ и въ Орѣшкѣ, согласились прекратить всякія непріятельскія дѣйствія и заключить окончательный миръ до избранія новаго государя всею землею. Делагарди подалъ имъ письмо, присланное къ нему королемъ его. Въ немъ король дружелюбнымъ тономъ уговаривалъ новгородцевъ не отдаваться полякамъ, которые думаютъ ввести іезуитовъ въ Россію и дѣйствуютъ заодно съ испанцами, а послѣдніе хотятъ послать нѣсколько тысячъ своего войска въ гавань св. Николая. Делагарди собственно отъ себя просилъ только скорѣйшаго выпуска плѣнныхъ и, кромѣ того, уплаты жалованья войску по выборгскому договору со Скопинымъ. Между тѣмъ, онъ послалъ къ Орѣшку, приказывалъ вести скорѣе къ Ладогѣ шведскія суда, державшія въ блокадѣ Орѣшекъ. Было соображеніе—оставить этотъ городъ, потому что есть возможность захватить главный городъ края.

---

*) Никон. Лѣт. 262.

Проходилъ апрѣль. Волховъ разлился. Делагарди все ближе и ближе подвигался къ Новгороду и сталъ верстъ за сто-двадцать отъ Новгорода, на берегу Волхова, станомъ, продолжалъ дружескія сношенія и увѣрялъ въ своемъ расположеніи къ русскимъ, скрывая отъ нихъ свои намѣренія покорить Новгородъ съ его землею; уже у него была составлена и карта береговъ и окрестностей Ладожскаго озера: онъ отослалъ ее къ королю, съ замѣчаніями о важности разныхъ пунктовъ.

Въ концѣ апрѣля, прибыли изъ Новгорода къ шведскому королю посланцы, принесли письмо отъ воеводъ Бутурлина и Одоевскаго и, вмѣстѣ, запись въ постоянной выплатѣ денегъ. Они просили, чтобъ Делагарди отошелъ отъ новгородскихъ предѣловъ, обратился бы противъ поляковъ и помогалъ бы русскимъ очищать ихъ землю, по прежнему, отъ этихъ враговъ.

«Я—отвѣчалъ Делагарди — больше всего желаю идти противъ нашихъ общихъ враговъ, но долженъ обождать, пока придетъ ко мнѣ королевское повелѣніе».

Обмѣнъ плѣнныхъ былъ сдѣланъ. Новгородцы выпустили содержавшихся въ своемъ городѣ и послали приказаніе то же сдѣлать и въ Орѣшкѣ; а Делагарди выпустилъ на свободу русскихъ, содержавшихся въ Выборгѣ.

Наступилъ май. Волховъ сталъ входить въ берега. Делагарди двинулся далѣе, но медленно, потому что къ нему подходили свѣжія силы. 2 іюня онъ прибылъ къ Хутыню; тамъ сталъ онъ лагеремъ. Къ нему выѣхалъ воевода Бутурлинъ и просилъ назначить переговоры. Они состоялись 4 іюня. Со стороны русскихъ былъ самъ Бутурлинъ, выѣхавшій въ сопровожденіи нѣсколькихъ князей, воеводъ и старостъ отъ концовъ новгородскихъ.

«Мы уполномочены — сказалъ Бутурлинъ — отъ всего Московскаго государства заключить дружественный союзъ

съ главнымъ начальникомъ шведскаго войска, Яковомъ Понтусовичемъ Делагарди. Мы просимъ и молимъ прекратить всякія ссоры и нелюбовь, какая была до сихъ поръ между шведами и русскими, отложить конечное разсужденіе до того времени, когда выберется всею землею новый государь, а Яковъ Понтусовичъ Делагарди пусть поможетъ намъ освободить Москву отъ поляковъ, которые ее заняли. Надѣемся, что и король Карлъ того желаетъ, особенно когда польскій король, взявши Смоленскъ, пойдетъ всѣми силами па городъ Москву».

«Желаніе это исполнится—отвѣчалъ Делагарди — если новгородцы примутъ на себя часть уплаты жалованья войску и заложатъ Швеціи пограничные города. Съ какимъ кровопролитіемъ, съ какою тратою казны освобождена ваша столица отъ обманщика, а еще до сихъ поръ не выплачено жалованье за такіе утомительные труды! Корелу должны были бы отдать по выборгскому договору, а мы ее взяли осадою и войною, потратили казну, кровь, труды—надобно же вознагражденіе за взятый городъ, который слѣдовало получить безъ войны».

Русскіе сказали: «Мы все это запечатлѣемъ въ памяти, и все будетъ вознаграждено, когда воцарится новый государь. Мы за прежнія ваши услуги благодаримъ отъ всей Московской земли». — «Мы просимъ — прибавилъ Бутурлинъ — указать намъ, какіе именно города вы желаете получить?»

Делагарди далъ ему два письма отъ короля: одно къ новгородцамъ, другое къ московскимъ боярамъ и жителямъ. Не читая письма, Бутурлинъ съ таинственнымъ видомъ сказалъ Делагарди:

«Есть у меня передать тебѣ тайну, Яковъ, отъ Великаго-Новгорода.»

Делагарди увелъ въ сторону Бутурлина, и Бутурлинъ сказалъ ему:

«Великій-Новгородъ желаетъ имѣть государемъ котораго нибудь сына его шведскаго величества. Мы не сомнѣваемся, что Москва на то согласится, если намъ только будетъ предоставлена свобода нашей православной греческой вѣры. Мы уже научились изъ примѣра царя Василія, что̀ значитъ выбирать царей изъ своихъ; только завистъ боярская отъ этого!»

«Я напишу объ этомъ королю и надѣюсь, что онъ согласится»—сказалъ Делагарди.

Тѣмъ временемъ, письмо короля было прочитано новгородцами въ городѣ. На третій день послѣ первыхъ переговоровъ, сошлись на другіе.

«Изъ письма его величества—сказали русскіе—мы увидѣли имена городовъ, которыхъ вы желаете, именно: Орѣшка, Ладоги, Ямы, Копорья, Иванъ-города и Гдова. Это показалось всѣмъ намъ тяжело, и, можемъ сказать, что это будетъ намъ не помощь, а разореніе; мы уповаемъ, что король согласится на уступки посходнѣе для насъ, когда все это еще не находится въ его власти».

«Не удивляйтесь, добрые москвитяне, — сказалъ имъ Делагарди, — что король пожелалъ этихъ городовъ отъ васъ, когда многіе изъ нихъ уже и безъ того обѣщаны бывшимъ вашимъ государемъ Василіемъ Шуйскимъ. Сверхъ того, чины Московскаго государства дали намъ сами свободу выбирать по нашему желанію. Король нашъ вовсе не жаденъ; по вашему желанію, онъ послалъ свое войско черезъ моря и земли, содержалъ его на свой счетъ; оно перенесло столько битвъ, завоевало столько городовъ, столько бѣдъ приняло отъ болѣзней и мятежей, терпѣло столько отъ вашей вины; и теперь мы готовы идти въ отдаленныя страны, лишь бы довести дѣло до славнаго

конца. Нѣтъ тутъ ничего необыкновеннаго и страннаго; нѣкоторые изъ этихъ городовъ были строены королемъ шведскимъ Ладулеемъ и были въ шведской власти нѣкогда, и были уже отняты на войнѣ королемъ шведскимъ Іоанномъ у царя вашего Василія Васильевича. Совершенно справедливо, если нашъ, дружелюбный вамъ, король потребовалъ ихъ себѣ за то, что освободитъ вашу землю отъ хищныхъ враговъ, которые ее завоевали оружіемъ и овладѣли ею. До сихъ поръ вы не исполнили ничего по договору съ нами; не обошлось безъ вѣроломства! Если вы хотите съ нами по правдѣ, а не по хитрости поступать, то отдайте эти города въ знакъ вашей вѣрности: король поступаетъ съ вами по сущей справедливости и не требуетъ отъ васъ ничего выше вашихъ силъ, больше того, что можетъ снести цѣлость обоихъ государствъ. Этимъ вы дадите безсмертную славу королю, и обоимъ народамъ будетъ отъ того большая выгода, если Швеція съ Московіею соединится въ одинъ дружескій союзъ; въ одной будетъ управлять отецъ, въ другой сынъ, и когда такимъ святымъ союзомъ соединятся два государства—никакой врагъ намъ не страшенъ; чего будетъ недоставать имъ для величайшаго могущества?!»

Русскіе сказали: «Если суждено Московскому государству терпѣть разореніе и насильства отъ поляковъ, и въ послѣдней мѣрѣ имъ же и отдаться, такъ намъ не остается другаго спасенія, какъ отдаться въ защиту шведскому королю, потому что мы узнали его доброту: онъ помощь намъ оказалъ».

«Въ знакъ вашего постоянства и правды вашихъ словъ, отдайте намъ теперь хоть два города на двухъ концахъ Ладожскаго озера, Ладогу и Орѣшекъ—сказалъ Делагарди.—Тогда вамъ будетъ помощь отъ шведскаго короля».

«Мы поговоримъ объ этомъ съ своими братьями въ

Москвѣ—отвѣчали новгородцы; дайте намъ четырнадцать дней срока, а мы будемъ стараться, чтобы они скорѣе назначили отдать эти города, и мы, съ своей стороны, пошлемъ пословъ въ Москву».

Делагарди согласился. Между тѣмъ, условлено было, чтобы по Волхову невозбранно ходили суда съ запасами для шведскаго войска, чтобы позволено было новгородцамъ и жителямъ новгородскихъ селъ продавать шведамъ средства къ содержанію.

Такъ проходило время. Делагарди ожидалъ возвращенія посла своего изъ московскаго лагеря, а своего товарища, Ѳдуарда Горна, изъ Выборга—съ боевыми запасами. У Делагарди не было еще достаточно стѣнобитныхъ орудій и огненныхъ снарядовъ, онъ ожидалъ ихъ отъ Горна; онъ разсчитывалъ, что такъ-ли, иначе-ли, а придется побудить русскихъ страхомъ къ скорѣйшему соглашенію. Въ Новгородѣ, однако, не всѣ, какъ Бутурлинъ, были расположены отдаться шведамъ. Другіе не хотѣли добровольно признавать иноземца, кто бы онъ ни былъ. Товарищъ Бутурлина, Одоевскій, былъ противъ дружбы съ шведами и видѣлъ, съ ихъ стороны, одно коварство. Стрѣльцы изъявляли охоту лучше биться со шведами, чѣмъ кланяться имъ. Столкновенія съ ними русскихъ начались прежде, чѣмъ получено было рѣшительное посольство отъ Ляпунова. Какой-то крестьянинъ явился въ шведскій лагерь отъ новгородцевъ, жаловался, что шведы противъ договора захватили принадлежащія Московскому государству земли и города, и просилъ удалиться отъ окрестностей Новгорода. «Это значитъ — говорили тогда шведы — что русскіе хотятъ съ нами войны и пренебрегаютъ нашею дружбою и союзомъ». Они приписывали эту выходку счастливому для русскихъ обороту обстоятельствъ. До нихъ доходили извѣстія, что поляки стѣсне-

ны въ Кремлѣ и Китай-городѣ и пропадаютъ отъ голода. «Русскіе (какъ дѣлали свои догадки шведы) готовы признать нашу власть, когда имъ угрожаютъ поляки, а какъ только они понадѣятся избавиться отъ поляковъ, то будутъ стараться и отъ насъ отдѣлаться....»—Новгородцы стали поступать съ пришельцами по-непріятельски: шведы пасли лошадей; на нихъ нападали и прогоняли ихъ, жалуясь, что они травятъ поля; нѣкоторые изъ нихъ были схвачены и убиты, а другихъ увели въ городъ. Когда подходили шведы къ городу, по нимъ стрѣляли со стѣнъ.

Посланники отъ Ляпунова воротились и привезли отвѣтъ, повидимому — удовлетворительный. Бояре соглашались избрать сына шведскаго короля на престолъ Московскаго государства и отдать въ залогъ города Ладогу и Орѣшекъ; предоставляли подробнѣйшія условія воеводѣ Бутурлину, но умоляли шведовъ поспѣшить на помощь подъ Москву, пока Сапѣга еще не воротился и не привезъ осажденнымъ полякамъ продовольствія. Въ письмѣ къ Бутурлину, которое впослѣдствіи нашли шведы, Ляпуновъ сообщалъ, что главные бояре въ войскѣ, стоявшемъ подъ Москвою, дѣйствительно собирали думу, гдѣ порѣшили: избирать въ цари сына короля Карла IX. Соглашались на сдачу Ладоги и Орѣшка, но съ тѣмъ, чтобы содержаніе для шведскаго гарнизона собирали сами русскіе, а не шведы; Ляпуновъ предупредилъ Бутурлина съ товарищи ни въ какомъ случаѣ не отдавать Кольскаго острога и крѣпостей на сѣверѣ, чтобы оставить свободными торговые пути по Сѣверному морю.

Бутурлинъ сообщилъ шведскому военачальнику, что Ляпуновъ не велитъ отдавать шведамъ Орѣшка съ округомъ иначе, какъ только съ тѣмъ, чтобъ гарнизонъ въ немъ состоялъ на половину изъ шведовъ и изъ русскихъ и чтобы

Делагарди немедленно двинулся въ Московскую землю противъ поляковъ. Делагарди отвѣчалъ: «Дайте мнѣ заложниковъ и введите сто человѣкъ моихъ солдатъ въ Орѣшекъ; тогда я пойду, и когда дойду до Торжка, до границы между новгородскими и московскими землями, тогда вы должны вывести своихъ людей изъ Орѣшка и совсѣмъ передать его нашимъ людямъ, а мнѣ заплатить 1,500 рублей впередъ».—«У насъ нѣтъ столько денегъ въ наличности—отвѣчали новгородцы—а въ городъ не пустимъ шведовъ больше двадцати человѣкъ».—Делагарди разсердился.

По единогласному сказанію и шведскихъ, и русскихъ современныхъ извѣстій, Бутурлинъ хотѣлъ не только признать шведскаго королевича кандидатомъ на русскій престолъ, но и отдать Новгородъ въ руки шведовъ, надѣясь, что шведы послѣ того пойдутъ далѣе на помощь Московскому государству. Онъ обѣщалъ подробнѣе объ этомъ изложить въ посольствѣ, которое готовились снарядить къ королю Карлу IX. Но съ Одоевскимъ нельзя было ему сойтись. Одоевскій упорно твердилъ, что все равно—поляки или шведы—одинакіе враги русской земли. Видекиндъ говоритъ, что Бутурлинъ сталъ тогда переговариваться съ Делагарди тайкомъ отъ своего товарища и сказалъ шведскому военачальнику такъ: «Надобно вамъ отойти хоть нѣсколько верстъ по ямской и по копорьинской дорогѣ и показать видъ, будто вы идете за тѣмъ, чтобы эти мятежные города покорить Московскому государству; тогда народъ успокоится и большую часть его можно будетъ послать на помощь подъ Москву Ляпунову, а вы воротитесь. Въ городѣ тогда людей будетъ меньше, и я вамъ сдамъ тогда Новгородъ». Предложеніе Бутурлина не прельстило Делагарди; напротивъ, онъ заподозрилъ искренность совѣтчика. Въ совѣтѣ начальныхъ людей разсуждали объ этомъ такъ: «Какъ можно вѣрить дружелюбію преда-

теля! вѣрнѣе брать городъ силою, чѣмъ полагаться на измѣну. Прежде, чѣмъ русскіе не исполнятъ требованій и не заплатятъ жалованья, у насъ съ ними не можетъ быть взаимной дружбы и союза».—Войско, услышавши, что русскіе хотятъ спровадить шведовъ къ Ямѣ и Копорью, подняло ропотъ и кричало, что если такъ, то лучше пусть начальники откроютъ битву. Вспоминали, какъ новгородцы убивали шведовъ, которые пасли лошадей; что пролитая кровь товарищей требуетъ возмездія. Было рѣшено—не поддаваться увѣщаніямъ русскихъ, не ходить никуда отъ Новгорода, а прежде всего взять самый Новгородъ.

8-го іюля, Делагарди перешелъ черезъ Волховъ на Софійскую сторону, сталъ подъ Колмовымъ монастыремъ и отправилъ Рехенберга съ отрядомъ на лодкахъ по Волхову, на юго-восточную часть Торговой стороны, чтобы сдѣлать оттуда нападеніе на городъ, окопанный съ этой стороны валомъ. Новгородцы, какъ только увидали, что на городъ направляются шведы, зажгли посады и монастыри, сперва на Торговой сторонѣ, потомъ на Софійской; жители перебрались изъ нихъ въ осаду, въ городъ. Это было сдѣлано для того, чтобы не допустить иноземцевъ расположиться близко къ городу, въ жилищахъ. Съ Волховца начали стрѣлять по Торговой сторонѣ. Делагарди повелъ приступъ на Софійскую отъ Колмовскаго монастыря. Спѣшилъ къ нему Даніилъ Свезенъ, съ стѣнобитными орудіями. Поплеръ и Кобронъ заходили съ правой стороны копорьиской дороги: къ нимъ присоединился, съ тысячью конницы и пѣхоты, Эдуардъ Горнъ. Бой былъ сильный. Одни изъ новгородцевъ выскакивали на поле за валъ и тамъ бились со шведами; другіе стояли на валахъ и стрѣляли въ непріятеля изъ пушекъ и ружей. Женщины и дѣти вопили, бѣгая по Новгороду. Въ этотъ день новгородцы отбили приступъ.

На другой день, митрополитъ Исидоръ совершилъ крестный ходъ къ церкви Знаменія; взяли оттуда чудотворную знаменскую икону, некогда заступницу древняго Великаго-Новгорода, понесли ее по забралу. Цѣлый день до вечера молился народъ, въ виду непріятеля, о спасеніи Новгорода. Послѣ того, шведы не начинали приступа и стояли тихо подъ городомъ семь дней. Бутурлинъ продолжалъ сноситься съ Делагарди, думалъ быть большимъ политикомъ, но игралъ жалчайшую роль. Русскіе подозрѣвали его въ предательствѣ; Делагарди не довѣрялъ ему. Въ сущности, Бутурлинъ дѣйствовалъ сообразно съ волею Ляпунова. Ляпуновъ сильно ухватился за мысль объ избраніи королевича Филиппа и, вслѣдъ за письмомъ своимъ къ Бутурлину, отправилъ въ Новгородъ пословъ князя Ивана Ѳедоровича Троекурова, Бориса Степановича Собакина и дьяка Сыдавнаго-Васильева *), съ изъявленіемъ согласія имѣть Филиппа царемъ, лишь бы онъ принялъ греческую вѣру, и лишь бы это избраніе совершилось съ честью для русской земли. Ляпуновъ только, по-прежнему, условіемъ ставилъ, чтобъ Делагарди немедленно шелъ съ войскомъ на помощь къ русскимъ **). Заруцкій и его казацкая партія были сильно противъ этого; Заруцкій видѣлъ въ этомъ препятствіе своимъ замысламъ—возвести на престолъ сына Марины, и это, быть можетъ, ускорило трагическій конецъ Ляпунова; но тогда еще могучъ былъ Ляпуновъ и повелѣвалъ силами, изображавшими русскую землю подъ разоренною Москвою. Бутурлинъ, видя, что тамъ, гдѣ тогда было средоточіе власти, хотятъ дружбы со шведами, самъ старался дружелюбно уладить споры съ Делагарди, и отправилъ присланныхъ отъ Ляпунова съ согла-

---

*) Ник. 165.
**) Собр. Гос. Гр. II, 552.

сіемъ избрать шведскаго королевича—къ нему самому. Но Делагарди не прельщался обѣщаніями, не склонялся ни на какія просьбы и требовалъ сдачи Новгорода. 15-го іюня, Бутурлинъ послалъ къ шведскому военачальнику сказать, чтобъ онъ уходилъ отъ города, иначе придутъ войска и прогонятъ его. «Бутурлинъ меня обманываетъ, Бутурлинъ смѣетъ мнѣ угрожать! Пусть же онъ знаетъ, что я непремѣнно буду въ Новгородѣ». Такъ сказалъ Делагарди присланному дьяку Аѳанасію Голенищеву.

Семь дней молчанія, послѣ неудачнаго приступа, возгордили новгородцевъ. Они считали себя побѣдителями и, на радостяхъ, пьянствовали. «Не бойтесь, братцы, нѣмецкихъ нашествій!» кричали по новгородскимъ улицамъ гуляки-забіяки. «Не взять имъ нашего города; у насъ много людей!» Въ упоеніи отъ собственной силы, они взбѣгали на валы и съ хвастливымъ видомъ отпускали шведскому войску насмѣшки, приправленныя безстыдною бранью по домашнему обычаю. Люди степенные не одобряли такихъ выходокъ, напротивъ, наложили на себя постъ и надѣялись на чудотворную икону знаменской Богородицы. Делагарди нарочно не велѣлъ задирать русскихъ и вступать съ ними въ перебранки и пересмѣшки, чтобы они сдѣлались еще самонадѣяннѣе и оплошнѣе. Онъ замышлялъ внезапное нападеніе.

Попался къ нему въ плѣнъ Иванко Шваль, русскій родомъ, человѣкъ Ивана Лутохина, который разсудилъ, что это приключеніе ему въ пользу. Онъ зналъ входы и выходы въ новгородскихъ стѣнахъ и вызвался провесть ночью шведовъ въ городъ. Выбрана была ночь съ 16-го на 17-е іюля. Стража на валахъ была очень плоха и ни за чѣмъ не слѣдила. Шваль провелъ иноземцевъ въ городъ черезъ Чудинцовы ворота. Потомъ шведы петардами пробили сосѣднія съ Чудинцовыми, Прусскія ворота; туда посыпали

шведскіе солдаты и начали убивать жителей. Воевода Бутурлинъ, который передъ тѣмъ ограбилъ съ ратными людьми лавки съ товарами и богатые дворы на Торговой сторонѣ (вѣроятно, на жалованье войску), убѣжалъ изъ города къ Бронницамъ, не успѣвши захватить ни своего, ни награбленнаго. Всполошенный народъ бѣгалъ туда и сюда съ плачемъ и крикомъ. Многіе, не понимая, что̀ случилось и чего кричатъ другіе, бѣжали изъ города, сами не зная куда; иные, такимъ образомъ, въ безпамятствѣ попа̀дали въ воду. Явленіе шведовъ было тѣмъ неожиданнѣе и поразительнѣе, что оно произошло на такихъ мѣстахъ городскихъ укрѣпленій, которыя считались особенно неприступными. Небольшая толпа молодцовъ стала было давать отпоръ; тутъ были: стрѣлецкій голова Василій Голютинъ, дьякъ Анфиногенъ Голенищевъ, Василій Орловъ да казачій атаманъ Тимоѳей Шаровъ съ сорока казаками. — «Сдайтесь! вамъ ничего не будетъ», кричали имъ шведы.— «Не сдадимся, умремъ за православную вѣру» — кричали молодцы. Всѣ погибли въ сѣчѣ. Не уступилъ имъ въ мужествѣ софійскій протопопъ Аммосъ: заперся онъ во дворѣ у себя съ ближними своими и сталъ отстрѣливаться съ забора противъ иноземцевъ. Делагарди приказалъ не дѣлать убійствъ; шведы кричали ему, чтобы онъ не бился и сдался, но протопопъ Аммосъ рѣшился лучше умереть за вѣру, и продолжалъ, съ своими совѣтниками, стрѣлять на чужеземцевъ. Онъ былъ за что-то въ запрещеніи у митрополита. Отстрѣливаясь отъ шведовъ, увидѣлъ онъ на стѣнѣ Дѣтинца митрополита Исидора: владыка пѣлъ молебенъ съ софійскимъ причтомъ; Аммосъ, находясь подъ запрещеніемъ, не могъ быть вмѣстѣ съ нимъ на молитвѣ, и замѣнялъ церковный подвигъ воинскимъ. Ихъ глаза встрѣтились. Митрополитъ издали обратилъ благословляющія руки на дворъ Аммоса и тѣмъ разрѣшилъ его. Въ то время шведы, чтобы

не тратить времени и крови на драку съ упорнымъ протопопомъ, подложили огонь къ его двору. Протопопъ Аммосъ сгорѣлъ вмѣстѣ съ своими товарищами; живой никто изъ нихъ не достался побѣдителямъ. Солдаты бросились по дворамъ на Софійской сторонѣ, грабили, насиловали, убивали; вспыхнулъ пожаръ. На Торговой тогда еще не было ни одного шведа, но тамъ русскіе ратные люди, по примѣру своего воеводы Бутурлина, не хуже непріятеля ограбили имущества, и дворы, и лавки своихъ соотечественниковъ и убѣгали изъ Новгорода по московской дорогѣ. Въ Дѣтинецъ набѣжало множество народа и съ Торговой, и съ Софійской стороны. Въ Дѣтинцѣ такъ было мало военныхъ людей, что только и слышны были вопли да безсильныя молитвы. Делагарди скоро остановилъ безчинства своего войска, приказалъ протрубить сборъ и повелъ войско на осаду Дѣтинца. Съ востока, близъ Волхова, сталъ Поплеръ; съ запада, отъ Прусской улицы — Жакъ Бусе; самъ Делагарди установился между ними и приказалъ бить въ ворота.

Одоевскій съ Исидоромъ собралъ въ Дѣтинцѣ почетнѣйшихъ духовныхъ и свѣтскихъ на совѣтъ — что дѣлать? «Защищаться невозможно — рѣшили всѣ; остается намъ просить милости: пусть не до конца погибнетъ городъ. Мы отдадимся шведскому королю, пусть присылаетъ намъ своего сына, какъ было говорено». Послѣ этого совѣта, Одоевскій послалъ къ Делагарди сказать, что Великій-Новгородъ со всею землею желаетъ отдаться шведскому королю, съ тѣмъ, чтобы присланъ былъ на правленіе Новгородскаго государства королевичъ Филиппъ, и соглашался передать въ руки Делагарди какъ Дѣтинецъ, такъ и весь городъ. Делагарди былъ радъ этому предложенію, потому-что не легко было ему взять Дѣтинецъ съ его толстыми стѣнами, воротами, засыпанными землею, и глубокимъ рвомъ. Онъ отвѣчалъ, что согласенъ на все, и тотчасъ приказалъ своему

войску прекратить битву. Изъ Дѣтинца выѣхали переговорщики. Стали совѣщаться. Хотѣли было упереться на желаніе, объявленное Ляпуновымъ, но побѣдитель сразу далъ имъ почувствовать, что теперь иначе уже нельзя договариваться, какъ по волѣ той стороны, которая взяла верхъ въ битвѣ. Такимъ образомъ, написанъ былъ договоръ, съ одной стороны, по повелѣнію короля шведскаго отъ имени Делагарди, барона Экгольмскаго, владѣтеля въ Колкѣ и Рунзёё, слуги короля Карла IX, съ другой—по благословенію митрополита Исидора, отъ духовенства, отъ воеводы князя Одоевскаго и отъ людей всѣхъ сословій великаго Новгородскаго государства, какъ настоящихъ, такъ и ихъ потомковъ. Сказано и написано было, что договоръ этотъ заключается непринужденно и добровольно *).

Новгородцы отдавались подъ покровительство шведскаго короля и шведскаго королевича, и обязывались не принимать короля польскаго и его наслѣдниковъ мужескаго пола и вообще поляковъ и литовцевъ, и лишались права заключать миръ или союзъ безъ вѣдома шведскаго короля. Новгородцы избирали одного изъ сыновей короля Карла IX, какого отецъ пожелаетъ имъ дать, либо Густава-Адольфа, либо Карла-Филиппа, русскимъ наслѣдственнымъ государемъ въ мужескомъ колѣнѣ, надѣясь, что и государство Московское и Владимирское послѣдуетъ примѣру Новгородскаго государства; обѣщали послать просьбу объ этомъ въ Стокгольмъ. Ничего не сказано было, что̀ дѣлать тогда, когда не состоялась бы надежда на согласіе остальныхъ земель- поступить подобно Новгороду; и это молчаніе показывало, что шведы считали уже себя вправѣ смотрѣть на Новгородскую землю, какъ на отрѣзанную отъ Руси, пре-

*) Videk. 252.

данную пной судьбѣ, независимо отъ того, какъ устроится прочая Русь.

Признавши, такимъ образомъ, своимъ государемъ шведскаго принца, Новгородская земля не будетъ присоединена къ шведскому королевству, а будетъ особымъ государствомъ съ такими же границами, въ какихъ находилась прежде, исключая города Корелы или Кексгольма, съ его уѣздомъ, который долженъ отойти отъ Новгородской земли къ Швеціи за издержки, употребленныя на защиту русскаго государства при царѣ Василіѣ Шуйскомъ. Делагарди обѣщалъ, именемъ своего государя, не нарушать православнаго исповѣданія, не разрушать храмовъ, уважать духовенство, не трогать церковныхъ и монастырскихъ имѣній и доходовъ, не вывозить въ Швецію товаровъ иначе, какъ по взаимному соглашенію двухъ государствъ, сохранять всѣ права и обычаи, наблюдаемые русскими издревле, все древнее законодательство, а для дѣлъ, возникающихъ между шведами и русскими, устроить смѣсный судъ, въ которомъ должно быть одинакое количество какъ русскихъ, такъ и шведскихъ судей. Обезпечивалась неприкосновенность частныхъ имѣній въ Новгородской землѣ, но, съ согласія русскихъ бояръ, слѣдовало дать шведамъ за ихъ заслуги помѣстья въ русской землѣ. Вообще, въ отношеніяхъ между двумя народностями положено равенство; но такое равенство явно потянуло бы къ перевѣсу шведской народности. Шведы, получивъ позволеніе внѣдряться въ русской землѣ и владѣть тамъ имѣніями, конечно, очень скоро захватили бы господство. Обѣщались не дѣлать никакого насилія переводомъ жителей куда бы то ни было. До прибытія королевича, Делагарди принималъ на себя верховное управленіе Новгорода и Новгородской земли, а митрополитъ, воевода князь Одоевскій и другія власти должны были сообщать ему все, не скрывать ничего, заблаговре-

менно увѣдомлять обо всемъ, чтò услышатъ изъ Москвы и изъ другихъ русскихъ земель, не предпринимать ничего безъ его вѣдома, объявлять ему о всѣхъ доходахъ Новгородской земли, обо всѣхъ съѣстныхъ и военныхъ запасахъ, о денежной казнѣ, доставлять его войску все нужное, привести въ повиновеніе города Орѣшекъ, Ладогу и другіе; всѣ жители обязаны были доставлять деньги и припасы для войска, а за это Делагарди не позволитъ помѣщаться шведскому гарнизону въ городскихъ концахъ *).

Итакъ, сѣверная часть русской державы была силою отрѣзана отъ общей націи. Русскіе должны были убѣдиться, что искать царя между чужими принцами и просить помощи у чужихъ народовъ не слѣдуетъ. Отъ всѣхъ будетъ то же, чтò отъ поляковъ. Сосѣди станутъ порицать поступки поляковъ, соболѣзновать объ участіи русской державы, а когда имъ русскіе люди довѣрятся, то они будутъ съ ними дѣлать то же, чтò поляки. Пришла пора окончательно убѣдиться, что негдѣ искать Руси выхода и избавленія, кромѣ самой себя.

IX.

Новый воръ.

Послѣ того, какъ Новгородская земля подпала подъ власть шведовъ, въ Псковской землѣ опять завелось воровское гнѣздо, и Псковъ сталъ также, какъ и Новгородъ, безполезенъ для дѣла освобожденія Руси отъ поляковъ. Еще весною, когда Делагарди только покушался на Новгородъ, въ Иванъ-городѣ появился новый Димитрій—воръ Сидорка, какъ его называютъ русскія лѣтописи; по друго-

*) О взятіи Новгорода см. 3-й Новгор. Лѣт. 264—266.

му извѣстію *), это былъ московскій дьяконъ изъ церкви за Яузою, по имени Матвѣй. Онъ прибѣжалъ изъ Москвы сначала въ Новгородъ; тамъ онъ не могъ прельстить никого; на рынкѣ узнали, ктò онъ. Изъ Новгорода онъ убѣжалъ въ Иванъ-городъ, и тамъ 23-го марта, объявилъ, что онъ— спасенный Димитрій. Три дня поэтому звонили въ колокола и палили изъ пушекъ въ знакъ радости, а онъ разсказывалъ вымышленную исторію своего спасенія и свои чудесныя похожденія. Чтò было въ сосѣдствѣ и въ Псковской землѣ казацкаго,—все это обрадовалось возрожденію Димитрія и спѣшило къ нему. Воръ завелъ переговоры со шведскимъ комендантомъ Нарвы — Филиппомъ Шедингомъ. Король, когда ему донесъ объ этомъ нарвскій комендантъ, послалъ Петрея, знавшаго лично перваго Димитрія, узнать, чтò это за личность. Петрей удостовѣрился, что этотъ новый пройдоха не похожъ на прежнихъ. Тогда, по приказанію короля, Делагарди запретилъ Шедингу сноситься съ нимъ **).

Казачество, сбѣжавшись къ вору въ Иванъ-городъ, собиралось везти его во Псковъ. Тогда Псковъ съ своей землей страдалъ отъ нападеній Литвы. Шесть недѣль въ мартѣ и въ апрѣлѣ стоялъ подъ Печорами Ходкѣвичъ; отряды его разоряли земли. Послѣ семи приступовъ, Ходкѣвичъ отошелъ, чтобы везти припасы осажденнымъ въ Москвѣ соотечественникамъ. Но только что изъ Псковской земли ушло войско Ходкѣвича, какъ пришла туда шайка Лисовскаго и стала опустошать въ конецъ и безъ того уже разоренныя окрестности Пскова и Изборска. Псковскою областью правилъ дьякъ Луговскій, съ посадскими; воеводъ не было. Угрожаемые и отъ Литвы, и отъ шведовъ, и отъ своихъ русскихъ своевольныхъ людей подъ именемъ

*) Новый Лѣт. 142.

**) Videk. 232.

казаковъ, хотѣвшихъ ввести въ городъ новаго Димитрія, въ апрѣлѣ псковичи послали просить помощи и совѣта подъ Москву, къ воеводамъ русской земли. Челобитчики возвратились въ іюлѣ (4-го числа) съ граматами, которыхъ содержаніе вполнѣ неизвѣстно: но изъ нихъ было видно, что Москва не могла помочь отдаленной землѣ, когда сама нуждалась болѣе въ ея помощи, наравнѣ съ помощью отъ всѣхъ другихъ земель. 8-го іюля, явился подъ Псковомъ воръ съ своею шайкою и началъ забирать скотъ близъ города. Собирались къ нему новые охотники и цѣловали крестъ. Псковичи еще разъ послали къ главнымъ воеводамъ челобитье съ Никитою Вельяминовымъ; но воръ также послалъ подъ Москву атамана Герасима Попова и надѣялся найти себѣ подмогу въ казакахъ, готовыхъ признать всякаго обманщика подъ именемъ Димитрія. Воръ стоялъ подъ Псковомъ до 23-го августа *). Тутъ напали на Псковъ шведы съ покоренными уже ими новгородцами. Завладѣвши Новгородомъ, они объявляли притязаніе и на псковскую область, по прежней ея связи съ Новгородскою землею; притомъ, во Псковѣ была партія, приглашавшая шведовъ освободить ихъ отъ вора **). Испугавшись шведовъ, воръ ушелъ съ своею казацкою шайкою въ Гдовъ. Псковичи, освободившись отъ него, должны были защищаться теперь противъ новыхъ враговъ. Предводителемъ шведскаго отряда, въ 4,500 человѣкъ ***), былъ Эдуардъ Горнъ, вмѣсто Делагарди, который тогда поѣхалъ къ своему королю. Онъ предложилъ Пскову сдаться и принять шведскій гарнизонъ. Охотниковъ покориться чужеземцамъ было мало. Псковъ отвергъ предложеніе. Горнъ началъ приступъ ко Взвозной

---

*) Псков. Лѣтоп. 329.

**) Видекиндъ, 280.

***) Тамъ же, 300.

башнѣ, стоявшей тамъ, гдѣ рѣка Пскова входитъ въ городъ. Поставили петарды, начали сперва удачно, вышибли Взвозныя ворота; но потомъ французъ, зажигавшій петарду, закричалъ окружавшимъ «Отступитесь!» (Retirez vous!). Это приняли за тревогу; воины, не понимавшіе французской команды, пустились бѣжать. Страхъ сообщился цѣлому войску; все пришло въ безпорядокъ. Горнъ, впослѣдствіи, жаловался, что офицеры дурно исполняли его распоряженія и вообще мало показывали храбрости и заботливости. Наступили осенніе дожди, дорога до Новгорода испортилась, а нарвскій комендантъ, Филиппъ Шедвигъ, отъ зависти не оказывалъ Горну надлежащаго пособія. Это заставило Горна отступить прочь. Отошедши отъ Пскова, онъ пошелъ на вора и осадилъ его въ Гдовѣ. Сначала онъ писалъ къ нему мирное предложеніе, напоминалъ ему, что не считаетъ его настоящимъ царемъ, а такъ какъ его признаютъ уже многіе, то шведскій король даетъ ему удѣлъ; онъ же пусть откажется отъ своихъ притязаній въ пользу шведскаго принца, котораго русскіе желаютъ въ цари. Горъ, разыгрывая законнаго царя, съ презрѣніемъ отвергъ такую унизительную, для его царскаго достоинства, сдѣлку.

Казаки сдѣлали вылазку изъ Гдова, были отбиты, но чуть-чуть прорвались сквозь непріятеля назадъ съ своимъ царикомъ, а потомъ бѣжали изъ Гдова въ Иванъ-городъ. Воръ былъ раненъ. Но дѣла его поправилъ посланный подъ Москву Герасимъ Поповъ. Тамъ множество казаковъ провозгласило его царемъ, и двое изъ нихъ отправлены были во Псковъ: то были Иванъ Лазунъ Плещеевъ и Казаринъ Бѣгичевъ съ казацкимъ отрядомъ. Между тѣмъ, Псковской землѣ не было легче послѣ ухода шведовъ: Лисовскій, съ своею шайкою, опустошалъ Псковскую землю и доходилъ до Завеличья. Тогда псковичи готовы были уцѣпиться хоть за что нибудь. Въ Псковѣ образовалась сторона за вора;

нѣкоторые повѣрили въ тождество его съ первымъ, потому что перваго никогда не видали; но большая часть пристала къ нему оттого, что псковичамъ черезчуръ мерзкимъ казалось чужое господство, хоть польское, хоть шведское, и они готовы были на время признать лучше вѣдомаго вора, лишь бы не какого-нибудь иноземнаго королевича. Такое настроеніе всего понятнѣе во Псковѣ, гдѣ, по вѣковому преданію, не терпѣли вообще всѣхъ тѣхъ, кого называли общимъ именемъ нѣмцевъ. Дали знать вору въ Иванъ-городъ; онъ съ небольшимъ отрядомъ проскользнулъ, не попавшись въ руки шведовъ, и, 4-го декабря, явился въ Псковъ и былъ признанъ царемъ *).

X.

Месть казачества надъ земщиною.— Странствованіе Сапѣги за припасами.— Прибытіе его къ Москвѣ. — Отнятіе Водяныхъ воротъ у русскихъ.— Смерть Сапѣги.— Посольство къ королю. — Положеніе польскаго войска.

Смерть Ляпунова отразилась побѣдою стороны казацкой и пораженіемъ земской. Заруцкій сдѣлался главнымъ дѣятелемъ, отклонившп себя отъ явнаго участія въ гибели Ляпунова. Онъ хотѣлъ себя поставить такъ, какъ будто кровь Ляпунова не ложится на немъ; онъ былъ прежде начальникомъ выбраннымъ и остался имъ—не за что было смѣнять его. Слабый Трубецкой дѣлалъ, думалъ и говорилъ то, чему его научалъ Заруцкій, а, впослѣдствіи, оправдывалъ свои поступки тѣмъ, что онъ все дѣлалъ неволею; и то была правда: его неволя была въ слабости его собственной воли и ума.

Началось гоненіе на дворянъ и дѣтей боярскихъ; Заруц-

*) Псков. Лѣтоп. 330.

кій отрѣшалъ ихъ отъ начальствъ въ ополченіи, ставилъ на ихъ мѣсто своихъ угодниковъ — атамановъ казацкихъ, жаловалъ послѣднимъ цѣлые города и волости и не сдерживалъ никакого своевольства, лишь бы мирволить казацкой толпѣ и имѣть ее за собою. Но, избавивши поляковъ отъ Ляпунова, ни Заруцкій, ни его казаки, не пристали черезъ то къ полякамъ. Если казакамъ не хотѣлось порядка, какой желала водворить земщина, то не менѣе было имъ ненавистно панское могущество польскаго строя, который поляки и ихъ русскіе пособники хотѣли водворить въ Московскомъ государствѣ. Гонсѣвскій, узнавъ, что продѣлка съ Ляпуновымъ такъ счастливо удалась для него, думалъ было сначала, что теперь-то на его сторону перейдетъ часть казаковъ и отдѣлится отъ ополченія, надѣялся, что найдутся измѣнники: онъ воспользуется этимъ. Его подручники-поляки разсылались и въ казацкомъ ополченіи, и подговаривали казаковъ, чтобы они, какъ будутъ занимать башни Бѣлаго-города, покинули ихъ въ то самое время, когда поляки сдѣлаютъ вылазку, и, такимъ образомъ, Бѣлый-городъ достался бы снова во власть поляковъ. Гонсѣвскій разсчитывалъ и на раздоръ, который непремѣнно долженъ произойти въ русскомъ ополченіи, и ему удастся въ суматохѣ выгнать русскихъ изъ обоза. Но случилось, что одинъ изъ служившихъ въ польскомъ войскѣ чужеземцевъ, которымъ вообще все равно было — что поляки, что москвитяне, ушелъ къ казакамъ и разсказалъ ихъ атаманамъ, что̀ дѣлается у нихъ въ войскѣ. Лазутчиковъ, посланныхъ для возмущенія казаковъ, схватили, пытали и, вынудивъ признаніе, посадили на колъ [1]).

Заруцкій былъ казакъ душою; ненавидя все польское, какъ и все земское московское, онъ ревностно продолжалъ

---

1) Мархоц. 225.

начатое, какъ будто хотѣлъ доказать всей Руси, что со смертью Ляпунова дѣло народное не проиграло ничего, а, напротивъ, еще выиграло. Нѣсколько дней спустя послѣ убійства Ляпунова, принесли изъ Казани списокъ съ славной чудотвореніями казанской иконы Богородицы. Земскіе служилые люди пошли встрѣчать ее пѣшкомъ, казаки верхомъ. Тутъ казаки стали поносить земскихъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ; и всѣ — говоритъ лѣтопись [1] — ожидали тогда на себя убійства, какое постигло Ляпунова. Но на другой день Заруцкій приказалъ бить тревогу — не на бѣду земскимъ людямъ, какъ они ждали, а на приступъ къ Дѣвичьему монастырю, который оставался еще во власти поляковъ. Тамъ было болѣе 200 нѣмцевъ, служившихъ въ польскомъ войскѣ, и четыреста казаковъ. Заруцкій двинулъ туда сначала понизовую силу, только-что пришедшую изъ Нижняго-Новгорода, изъ Казани и изъ странъ Нижняго Поволжья. Бились день и ночь. Нѣмцы оборонялись храбро, выдержали восемь приступовъ. Заруцкій двинулъ туда еще новыя силы. У осажденныхъ въ монастырѣ не стало пороха. Гонсѣвскій успѣлъ прислать туда двадцать казаковъ; у нихъ у каждаго было по мѣшку пороха, но его скоро изстрѣляли. Нѣмцы послали Заруцкому предложеніе выпустить ихъ живыми. Заруцкій обѣщалъ. Но какъ только они вышли, казаки, неуважавшіе вообще никакихъ договоровъ, бросились на нихъ и начали убивать. Не всѣхъ, однако, перебили. Вѣрно, предводителю удалось-таки остановить ихъ своевольство. Оставшихся въ живыхъ разослали по тюрьмамъ въ города, а нѣкоторыхъ Заруцкій оставилъ у себя въ таборѣ [2]) на случай, когда можно будетъ обмѣнять ихъ на русскихъ плѣнниковъ. Всѣхъ черницъ изъ Дѣ-

---

1) Никон. 168.

2) Krajewski.

вичьяго монастыря отослали во Владиміръ. Многихъ изъ нихъ, прежде отсылки, изнасиловали и всѣхъ ободрали [1]). Въ числѣ черницъ были двѣ царскаго рода — королева ливонская, вдова Магнуса, дочь Владиміра Андреевича, и дочь Бориса Годунова, Ксенія, въ монашествѣ Ольга. «Казаки — говоритъ одна современная грамата — ободрали ихъ до-нага, хотя прежде на нихъ и смотрѣть не посмѣли бы» [2]).

Продолжалась месть казачества надъ побѣжденною земщиною. Тогда, по сказанію русскихъ лѣтописцевъ [3]), дворяне, стольники, дѣти боярскіе, и всѣ вообще, которые могли, по происхожденію и по прежнему своему положенію, быть названы людьми *честными,* терпѣли такія насилія и поруганія отъ казаковъ, что сами себѣ искали смерти. Заруцкій не давалъ земскимъ людямъ ни жалованья, ни корму; всѣ доходы, присылаемые изъ городовъ, обращались на однихъ казаковъ. Земскіе люди должны были содержать себя на свой счетъ; но Заруцкій лишалъ ихъ и такихъ средствъ: отбиралъ у нихъ помѣстья и отдавалъ атаманамъ. Такъ въ Ярополчѣ, Вязникахъ, помѣщены были дѣти боярскіе, которые пришли изъ Вяземскаго и Дорогобужскаго уѣздовъ, выгнанные оттуда поляками. Заруцкій приказалъ взять у нихъ помѣстья, изгнать оттуда ихъ семьи на голодную смерть, а земли ихъ роздалъ своимъ [4]). Отъ такихъ обидъ дворяне и дѣти боярскіе и вообще люди, принадлежавшіе земской сторонѣ, которой представителемъ былъ Ляпуновъ, бѣжали изъ табора и разносили по Руси ненависть и озлобленіе противъ казаковъ.

14-го августа, возвратился къ Москвѣ Сапѣга съ своею

1) Diar. Sapiehy.—Hist. Dm. fałsz. Рук. Им. П. Библ. № 33. Польск.
2) С. Г. Гр. II. 285.
3) Ник. 168.— Нов. Лѣт. 140.
4) Нов. Лѣт. 140.

шайкою. Онъ странствовалъ съ нею мѣсяцъ. Вышедши изъ столицы 14-го іюля, сапѣжинцы въ эту же ночь напали на Братошинскій острожекъ, взяли его и перебили всѣхъ русскихъ, кого только тамъ нашли. Самый острожекъ былъ обращенъ въ пепелъ. 16-го іюля, сапѣжинцы напали на Александровскую слободу; тамъ сидѣлъ, съ своею шайкою, Просовецкій; завидѣвши Сапѣгу, этотъ предводитель такой же своевольной шайки, какими были его тогдашніе непріятели, ушелъ скоро къ Переяславлю; онъ боялся — говорить дневникъ сапѣжинцевъ — чтобы Сапѣга не предупредилъ его и не занялъ Переяславля *). Въ Александровской слободѣ было мало людей, способныхъ къ битвѣ. Ее взяли. Толпа женщинъ и дѣтей убѣжала на колокольницу, но сапѣжинцы стали громоздить бревна до оконъ и подложили огонь; сидѣвшіе въ башнѣ сдались. Одна дѣвушка не хотѣла имъ сдаться: въ виду всѣхъ она перекрестилась, бросилась внизъ и убилась до смерти.

Изъ Александровской слободы сапѣжинцы пошли до Переяславля, 18-го іюля; Просовецкій заперся въ острогѣ. Переяславль не такъ легко можно было взять, какъ Александровскую слободу. Правда, сначала объявилось въ немъ много такихъ нехрабрыхъ, что поскорѣе сѣли въ лодки и дали тягу по озеру. Но Просовецкій съ казаками стойко отбилъ первое нападеніе. Сапѣжинцы заложили станъ подъ городомъ, бродили отрядами по околицѣ, и, въ началѣ августа, снялись и двинулись обратно въ Москву. Дѣло, за которымъ ходилъ Сапѣга, было сдѣлано: удальцы набрали запасовъ. Въ эти дни, думая навести страхъ и расположить къ повиновенію русскій народъ, они мучили и старыхъ и малыхъ, женщинъ и дѣтей, отрѣзывали носы, уши, отрубливали руки и ноги, жарили людей на угольяхъ, обсыпали

---

*) Польск. рук. И. П. Библ. IV, № 33.

порохомъ и зажигали жилища, куда приходили. Толпы измученныхъ проходили нагишомъ и приползали въ Троицкій монастырь умирать, оставляя братіямъ русскимъ завѣтъ мщенія и ненависти къ польскимъ и литовскимъ людямъ, мучителямъ русской земли.

Сапѣжинцы приблизились къ Москвѣ въ такую пору, когда въ таборѣ, вслѣдствіе убійства Ляпунова, было торжество казаччины, а земскіе люди терпѣли поруганія отъ казаковъ и бѣжали изъ стана. Они напали на передовые отряды, находившіеся за станомъ, и начали ихъ гнать въ таборъ. По крикамъ и стрѣльбѣ, польское войско, сидѣвшее въ осадѣ, догадалось, что пришелъ Сапѣга, и обрадовалось: но теперь предстояла ему трудность пробиться черезъ непріятельскій станъ и провезти осажденнымъ въ Китаи-городъ и Кремль возы съ запасами. Для этого нужно было, чтобы сидѣвшіе въ Москвѣ поляки сдѣлали, съ своей стороны, вылазку и напали на русскихъ въ то время, какъ Сапѣга, съ противоположной стороны, будетъ напирать на нихъ и пробиваться съ запасами.

Наступалъ праздникъ Успенія, торжествуемый поляками съ особенною честью. Шестнадцати хоругвямъ было назначено въ этотъ день сдѣлать вылазку изъ Китай-города. Надѣялись, что, въ то же время, сапѣжинцы будутъ поддерживать нападеніе съ поля. Два бернардина служили обѣдню, одинъ въ Кремлѣ, другой въ Китай-городѣ: оба говорили жолнѣрамъ утѣшительныя рѣчи и предрекали, что Божія Матерь ознаменуетъ день своего перехода изъ міра въ небесныя жилища оказаніемъ помощи католикамъ противъ отщепенцевъ.

Еще не кончилось богослуженіе, какъ стражи замѣтили, что Сапѣга удаляется съ своего мѣста, гдѣ стоялъ, противъ Тверскихъ воротъ, и двигается къ Дѣвичьему монастырю. Такъ какъ знали, что Сапѣга сегодня можетъ по-

ступить наперекоръ тому, что дѣлалъ вчера, то поляки сначала побаивались, не хочетъ ли онъ оставить своихъ и удалиться прочь, но, къ ихъ утѣшенію, оказалось не то. Сапѣга, оставивъ часть своего отряда въ 500 человѣкъ, съ остальною въ 3,000 человѣкъ послалъ Руцкаго мимо Дѣвичьяго монастыря. Они ударили на одни ворота Бѣлаго-города: не удалось; перешли къ другимъ — и тамъ отбили ихъ русскіе. Тогда сапѣжинцы, на пространствѣ между Дѣвичьимъ монастыремъ и городомъ, бросились вплавь черезъ Москву рѣку, проскочили на другой сторонѣ между острожками, которые на Замоскворѣчьи надѣлали себѣ русскіе; ратныхъ людей тамъ было мало, и тѣ не ждали нападенія; изъ перваго острожка они разбѣжались. Сапѣжинцы не стали удерживать за собою острожка, бросились ко рву, забросали его щебнемъ, хворостомъ, деревомъ, перешли черезъ него на лошадяхъ, а потомъ кинулись опять вплавь черезъ рѣку на прежнюю сторону. Они хотѣли прорваться въ Кремль. Въ Кремлѣ и Китай-городѣ ударили въ колокола на тревогу. Поляки высыпали оттуда въ Бѣлый-городъ и напали на Водяныя ворота, извнутри города, въ то время, какъ изъ войска Сапѣги Борковскій, съ восемьюдесятью нѣмцевъ и пахолковъ, напалъ на тѣ же ворота извнѣ. Стѣсненные съ двухъ сторонъ, русскіе, державшіе тамъ сторожу, убѣжали къ башнѣ съ пятью верхами, но и тамъ не устояли. Поляки, овладѣвши Водяными воротами и Пяти-угольною башнею, повернули на Чертольскія ворота, сбили русскихъ со стѣнъ, вломились въ Чертольскія ворота. Потомъ ободренные поляки изъ Кремля усилили вылазку, напали на Арбатскія ворота. Здѣсь не такъ легко имъ посчастливилось, какъ у Чертольскихъ. Часть караула убѣжала, но за-то восемьдесятъ молодцовъ засѣли въ башнѣ и поражали оттуда нападавшихъ; потерявъ нѣсколько товарищей, поляки оставили Арбатскія ворота и бросились на

Никитскія. Ихъ взяли сначала легко. Но потомъ русскіе нахлынули, отбили ворота; драка была сильная. Передъ солнечнымъ закатомъ поляки опять завладѣли Никитскими воротами. Наступила ночь. Не дождавшись отъ Гонсѣвскаго на смѣну другаго караула ко взятымъ воротамъ, поляки разложили на башнѣ и около стѣны огни, чтобы русскимъ показывалось, что ворота заняты, а сами всѣ ушли. Эта хитрось удалась. Русскіе не пытались больше отнять у поляковъ Никитскія ворота. За-то и русскіе, такимъ же образомъ, провели поляковъ, оставивши у Тверскихъ воротъ только двадцать человѣкъ, и поляки не смѣли напасть на нихъ, думая, что тамъ людей много.

Отнятіе воротъ дозволило Сапѣгѣ ввезти въ Кремль возы, нагруженные запасами. Тогда самолюбивый полководецъ достигъ самой высокой чести. Его послѣдній подвигъ считался героическимъ дѣломъ, которое, думали, увѣковѣчитъ его имя въ исторіи, но тѣмъ самымъ онъ дѣлался высокомѣрнѣе, а его войско своевольнѣе и требовательнѣе. Сапѣжинцы заволновались, домогались уплаты, а такъ какъ ее дать было невозможно, то составили коло и постановили ждать только до 15-го сентября, а потомъ идти въ Польшу. Сапѣга стоялъ обозомъ подъ Дѣвичьемъ монастыремъ; хоть онъ и дѣйствовалъ за-одно съ Гонсѣвскимъ, но не только ему,—никому въ свѣтѣ не хотѣлъ повиноваться, никого не считалъ выше себя, ничѣмъ не хотѣлъ быть связаннымъ, никакого долга не признавалъ—хотѣлъ быть вполнѣ вольнымъ человѣкомъ, самъ по себѣ. Поляки должны были благодарить его, превозносить, а, въ то же время, и побаивались: онъ могъ легко очутиться и союзникомъ Заруцкаго. При посредствѣ Валавскаго (вѣроятно, того, что былъ когда-то канцлеромъ тушинскаго вора), у Сапѣги завязались было переговоры съ Заруцкимъ. Самъ Сапѣга выѣзжалъ къ нему на разговоръ. Казаки предлагали ка-

кія-то статьи, которыхъ Сапѣга не принялъ; тѣмъ переговоры и кончились *). Въ концѣ августа, онъ заболѣлъ, и это заставило его пріѣхать въ Кремль для спокойствія и удобства. Болѣзнь оказалась не пустою. Съ 14 на 15 сентября въ 4 часа утра, скончался храбрый вождь, поручивъ передъ смертью свое войско пану Будзилу. О смерти его на Руси осталось такое преданіе: во время осады Троицы, Сапѣга, дѣлая походы по окрестностямъ, пріѣхалъ съ отрядомъ въ Борисоглѣбскій монастырь на рѣкѣ Устьѣ, гдѣ спасался тогда преподобный Иринархъ, отшельникъ, который даже при жизни славился святостью и духомъ прорицанія. Говорили, что, въ началѣ царствованія Шуйскаго, онъ предрекъ бѣду, постигшую послѣ него русскую землю. Сапѣга вошелъ къ нему, сказалъ: «Благослови батько!» Святой принялъ его ласково, благословилъ и далъ ему совѣтъ тотчасъ оставить воровскія дѣла и удалиться въ отечество; если же онъ будетъ оставаться и держать сторону враговъ Руси, то смерть его внезапно настигнетъ прежде окончанія дѣла, и онъ не увидитъ своей родины. Такъ теперь и сталось.

Со смертью Сапѣги, его войско, сдерживаемое прежде волею полководца, должно было сдѣлаться необузданнѣе. Была у поляковъ надежда на прибытіе гетмана Ходкѣвича, о которомъ писалъ король въ Москву еще 26 августа **), но Ходкѣвичъ медлилъ долго въ Шкловѣ ***), ожидая сбора полковъ, и потомъ шелъ медленно. У него было только тысячи три, и не прежде, какъ подъ Бѣлой, присталъ къ нему Станиславъ Конецпольскій съ 1,300 конныхъ изъ того войска, что̀ осаждало Смоленскъ; а тѣмъ временемъ, его

*) Życ. Sap. II, 193.
**) С. Г. Гр. II. 531.
***) Hist. Jana-Kar. Chodk. 251.

сторонники, между сидѣвшими въ кремлевской осадѣ, возбуждали войско противъ Гонсѣвскаго и твердили: «Ненадобно совершать ничего важнаго. Зачѣмъ давать славу Гонсѣвскому и отнимать ее у гетмана!» И, такимъ образомъ, распространилось непослушаніе къ Гонсѣвскому.

Между тѣмъ, припасовъ, привезенныхъ Сапѣгою, не достало бы на долгое время. Жолнѣрамъ не платили жалованья, а только обѣщали; король не присылалъ сына и какъ будто забылъ о подданныхъ, которые берегли для него столицу завоеваннаго государства. Отвсюду доходили до поляковъ, сидящихъ въ Кремлѣ, слухи, что Московскій народъ ожесточенъ до крайности и рѣшился, такъ или иначе, устроить свою судьбу, но полякамъ не поддаться. Даже тѣ русскіе, что сидѣли съ поляками въ осадѣ, не сдерживали своего ропота. Когда подъ Смоленскомъ посолъ отъ сидѣвшаго въ Москвѣ польскаго гарнизона просилъ у короля Сигизмунда уплаты жалованья, король далъ отвѣтъ, что предоставляетъ въ уплату этому войску казну русскихъ царей, пока ея станетъ. Но русская казна, уже безъ того обобранная, не могла своими остатками на долгое время поддерживать гарнизонъ. Въ послѣднее передъ тѣмъ время, денегъ уже не доставало; бояре выдавали полякамъ мѣха изъ царскихъ кладовыхъ; на нихъ трудно было полякамъ купить хлѣба, а щеголять въ соболяхъ голодному было не подстать. Притомъ же, не ладно шелъ дѣлежъ этого жалованья у жолнѣровъ. Выбраны были депутаты, которые должны были оцѣнивать мѣха и раздавать ихъ такъ, чтобы приходилось суммою въ 30 злотыхъ на каждаго коннаго товарища. Эти депутаты плутовали, обрѣзывали хвостики и удерживали ихъ себѣ, или продавали боярамъ, а мѣха безъ хвостиковъ цѣнили какъ бы съ хвостиками, когда послѣдніе считались цѣннѣе самыхъ спинокъ *).

*) Maskiew. Pamiętn. 64.

Въ такомъ положеніи войско отправило пословъ на сеймъ—требовать уплаты жалованья и скорѣйшаго окончанія дѣла. Оно заявило, что намѣрено терпѣть только до 6 января, а потомъ пусть себѣ король Сигизмундъ приготовляетъ другія военныя силы для удержанія покоренной столицы. Отправили особо съ ними пословъ къ королю и сапѣжинцы, просили себѣ въ назначенный срокъ уплаты четырехъ старыхъ и двухъ новыхъ четвертей; просили о покровительствѣ семейству умершаго своего предводителя.

Посламъ отъ войска, сидѣвшаго въ Кремлѣ, дали порученіе разослать по всѣмъ землямъ Рѣчи-Посполитой протестаціи, гдѣ описывалось печальное положеніе войска, державшаго Москву: неуплата жалованья, невозможность противостоять многочисленному непріятелю; заявлялось передъ польской націей, что безчестіе не должно падать на войско, въ случаѣ, если ему придется самовольно уйдти изъ столицы. Требованія сапѣжинцевъ для многихъ показались до крайности несправедливыми. Сапѣжинцы служили прежде не королю, какъ сидѣвшіе въ осадѣ, а вору и себѣ самимъ; притомъ же, въ Польшѣ знали, что у Сапѣги было сношеніе съ московскимъ ополченіемъ не въ пользу полькаго короля. Сапѣжинцы оправдывались и объясняли, что это сношеніе вели не они, а ихъ покойный предводитель, который ихъ увѣрялъ, будто ему далъ на то право самъ король. Сверхъ того, они лгали, увѣряя, будто не получали никакого жалованья, когда за нѣсколько недѣль подъ Москвою уже взяли одиннадцать четвертей.

Разомъ съ этимъ посольствомъ, отправились новые послы къ королю и отъ московскихъ бояръ. Это было сдѣлано по приказанію короля, не признававшаго послами прежнихъ. Но когда они съ послами польскаго гарнизона доѣхали до Вязьмы, то встрѣтили Ходкѣвича. Гетманъ хо-

тѣлъ воротить назадъ это посольство какъ отъ поляковъ, такъ и отъ московскихъ бояръ; онъ находилъ, что смыслъ этого посольства былъ неумѣстенъ и не приходился къ волѣ короля. Польскіе послы не послушались его, и потому, что они были поляки, а онъ гетманъ литовскій,—и потому еще, что поляки всегда считали себя вправѣ относиться къ высшему правительству мимо ихъ непосредственнаго начальства. Московскіе люди, напротивъ, привыкшіе къ повиновенію, почувствовали себя на этотъ разъ въ необходимости послушаться вельможнаго пана, когда онъ на нихъ прикрикнулъ, и вернулись въ Москву; но бояре въ Москвѣ рѣшили, что посольство снаряжено по волѣ короля, что нечего слушаться литовскаго гетмана, и опять отправили ихъ *). Отправленному въ это посольство Салтыкову, съ братіею, было кстати избѣжать неминуемой бѣды, которая постигла бы его въ Москвѣ, если бы русскіе выгнали оттуда поляковъ. Въ граматахъ, которыя это посольство повезло къ королю, къ Владиславу и сенаторамъ Рѣчи Посполитой, не посмѣли, какъ прежде, написать имени патріарха противъ его ясной воли, хоть и поставили имя всего освященнаго собора; первымъ членомъ собора назвали Арсенія, архангельскаго епископа; это былъ захожій грекъ, нѣкогда славный заведеніемъ школъ въ южной Руси. Онъ названъ въ граматахъ архангельскимъ оттого, что отправлялъ богослуженіе въ Архангельскомъ соборѣ. Давали видъ, будто граматы посылаются по совѣту всѣхъ думныхъ и всякихъ чиновъ людей Московскаго государства. Бояре не раздѣляли уже короля отъ его сына въ дѣлѣ царскаго избранія. Въ граматахъ къ королю былъ такой смыслъ, что они дали уполномочіе посламъ бить че-

*) Эти вторичные послы, снаряженные на сеймъ, были: Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, князь Юрій Никитичъ Трубецкой и думный дьякъ Яновъ, съ товарищи.

ломъ отъ государства не одному Владиславу, но его королевской милости и сыну его, а въ грамагахъ къ сенаторамъ просили, чтобы король, вмѣстѣ съ сыномъ, и самъ прибылъ въ Московское государство. Ясно показывалось, что бояре должны были писать и говорить то, что имъ поляки приказывали. Это посольство опоздало на сеймъ.

IX.

Шиши.—Казанское воззваніе. — Ходкѣвичъ подъ Москвою. — Стычки.—Отступленіе Ходкѣвича. — Конфедераты.—Битва съ шишами.— Бѣдствіе Руси.—Лихолѣтье.

Послѣ того, какъ поляки отняли у русскихъ часть Бѣлаго-города, нѣсколько времени съ русской стороны не было покушеній. Неурядица сильнѣе терзала русское войско: таборъ рѣдѣлъ; недовольные казацкимъ управленіемъ земскіе люди уходили толпами. Но какъ ни велико было у русскихъ разстройство, переходовъ на польскую сторону не было. Бѣглецы изъ табора составляли шайки, но нападали не на своихъ недруговъ русскихъ, а на поляковъ, шатавшихся по околицамъ, наскакивали на нихъ изъ лѣсовъ и овраговъ. Вѣсть о томъ, что скоро придетъ новая сила на помощь къ осажденнымъ въ Москвѣ, вызывала такой образъ войны: нужно было не допустить къ столицѣ и свѣжихъ силъ, и продовольствія. Такія шайки получили въ то время названіе шишей, конечно, насмѣшливое прозвище, но оно скоро стало повсемѣстнымъ и честнымъ. Люди всякаго званія, дворяне, дѣти боярскіе, не находившіе себѣ мѣста въ таборѣ подъ Москвою, посадскіе крестьяне, лишенные крова,—шли въ эти шайки и скитались по лѣсамъ, претерпѣвая всяческія лишенія и выжидая непріятеля.

Между тѣмъ, по близкимъ и далекимъ краямъ русскаго міра пронеслось извѣстіе о плачевной смерти Ляпунова,

опечалило всю земщину, вооружило противъ казаковъ, но не привело въ отчаяніе. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Казани, на Поволжьѣ укрѣплялись крестнымъ цѣлованіемъ на единодушную борьбу противъ поляковъ. Изъ Казани писали въ Пермь, что услышавъ, какъ казаки убили промышленника и поборателя по Христовой вѣрѣ, Прокопія Петровича Ляпунова, митрополитъ и всѣ люди казанскаго государства съ татарами, чувашами, черемисами, вотяками, въ согласіи съ Нижнимъ-Новгородомъ, съ поволжскими городами, постановили: стоять за Московское и Казанское государства, и другъ друга не грабить, не перемѣнять воеводъ, дьяковъ и приказныхъ людей, не принимать новыхъ, если имъ назначатъ, не впускать къ себѣ казаковъ, выбирать государя всею землею россійской державы и не признавать государемъ того, кого выберутъ одни казаки. Такимъ образомъ, казачество, хоть и уничтожило главнаго своего противника, но не въ силахъ было захватить господства на Руси; противъ него тотчасъ же становилась грудью вся сила русской земщины *).

Само казачество, какъ ни было враждебно къ земщинѣ, не переставало давать чувствовать свою вражду къ полякамъ. Послѣ того, какъ поляки отправили посольство къ королю, 23 сентября,—казаки, въ восточной сторонѣ Бѣлаго-города, пустили въ Китай-городъ гранаты; при сильномъ вѣтрѣ сдѣлался пожаръ и распространился съ такой быстротой, что не было возможности тушить его. Поляки поспѣшили перебраться въ Кремль. Многое изъ ихъ пожитковъ не могло быть спасено и перевезено, и сгорѣло, а между тѣмъ другъ у друга они похищали добро. Это событіе, если не передало Китай-города русскимъ, все-таки сильно стѣснило ихъ враговъ. Они не могли жить въ Китай-городѣ, хоть и владѣли еще пространствомъ его; но

*) Собр. Гос. Гр. II, 562.

кромѣ каменныхъ стѣнъ, да лавокъ, да церквей—все тамъ превратилось въ пепелъ. Въ Кремлѣ пришлось полякамъ жить въ большей тѣснотѣ; въ добавокъ, ихъ обезпокоило такое происшествіе: когда они размѣстились въ Кремлѣ,—за недостаткомъ жилищъ, нѣкоторые думали жить въ погребахъ, и человѣкъ восемнадцать заняли какой-то погребъ, а въ немъ прежде былъ порохъ и никто его не выметалъ съ тѣхъ поръ. Ротмистръ Рудницкій сталъ осматривать свое новое жилище, а слуга несъ свѣчу: искра упала, и погребъ подняло на воздухъ, и люди пропали. Послѣ того никто не осмѣливался жить въ погребахъ и разводить тамъ огонь.

Въ началѣ октября, Ходкѣвичъ, приближаясь къ Москвѣ, отправилъ впередъ Вонсовича съ 50-ю казаковъ извѣстить Гонсѣвскаго. Но всѣ окрестности столицы, верстъ на 50, были наполнены бродячими шайками шишей. Они напали на отрядъ Вонсовича, разсѣяли его, многихъ побили. Самъ Вонсовичъ чуть спасся. Однако, онъ извѣстилъ осажденныхъ земляковъ, что къ нимъ идетъ на выручку литовскій гетманъ. На встрѣчу ему послали ротмистра Маскѣвича съ отрядомъ. Шиши напали на него среди бѣла дня и разграбили. Маскѣвичъ разсказываетъ, что, оберегая свои драгоцѣнности, доставшіяся ему по дѣлежу изъ московской казны, онъ сложилъ богатыя персидскія ткани, собольи и лисьи мѣха, серебро, платье въ кошель для овса, и привязалъ его на спину коня, на которомъ сидѣлъ его пахолокъ и неотступно слѣдовалъ за своимъ паномъ. Шиши отняли этотъ кошель, да еще въ добавокъ увели у Маскѣвича четырнадцать лошадей; изъ нихъ однѣ были строевыя, а другія запрягались въ возы: за каждымъ шляхтичемъ въ походѣ всегда шло нѣсколько возовъ съ его пожитками, которые пробавлялись грабежемъ. «Все досталось шишамъ, и остался я—говоритъ Маскѣвичъ—съ рыжею кобылою да съ чалымъ мериномъ». Въ Кремлѣ, куда онъ

воротился, его ожидало новое горе. Его пахолокъ укралъ у него ларецъ, гдѣ сложена была другая половина его драгоцѣнностей, и ушелъ служить русскимъ. Такъ-то легко улетало отъ поляковъ добытое въ Московской опустошенной землѣ.

Ходкѣвичъ подошелъ къ Москвѣ 4 октября *) и сталъ у Андроньева монастыря станомъ. Радость, которую предощущалъ гарнизонъ, думавшій видѣть сильную помощь, внезапно пропала, когда поляки узнали, съ какими малыми силами пришелъ литовскій гетманъ. Возникли важныя неудовольствія. Ходкѣвичъ, какъ главный полководецъ, посланный королемъ, сталъ наказывать за проступки, учиненные военными людьми. Онъ объявилъ, что не хочетъ держать подъ своей булавой разныхъ негодяевъ, и прогонялъ ихъ изъ обоза. Это были, преимущественно, ливонскіе нѣмцы. Въ отмщеніе, они подстрекали противъ гетмана товарищей подъ самымъ чувствительнымъ предлогомъ: «Ходкѣвичъ, прежде, чѣмъ взыскивать и наказывать—кричали они — долженъ былъ бы привезти вамъ всѣмъ жалованье и запасы!» Въ добавокъ, полковникъ Струсь, родственникъ Якуба Потоцкаго, соперника Ходкѣвича, доказывалъ, что Ходкѣвичъ — литовскій гетманъ, а въ Москвѣ войско коронное, и потому онъ надъ нимъ не имѣетъ права распоряжаться. Отъ такихъ подущеній все войско заволновалось. Стали составлять конфедерацію. Ходкѣвичъ, чтобы занять войско, объявилъ, что идетъ на непріятеля. У поляковъ случалось, что между собой они не ладятъ, а какъ нужда имъ явится идти на непріятеля, то оставляютъ свои недоразумѣнія и идутъ на общаго всѣмъ имъ врага. И теперь они повиновались. 10 октября, Ходкѣвичъ поручилъ лѣвое крыло Радзивиллу, а правое

*) Krajewski

Станиславу Конецпольскому; самъ принялъ начальство надъ срединою, и двинулся на непріятеля. Въ задней сторонѣ у него были сапѣжинцы. Русскіе вышли противъ него, но побившись немного, ушли за развалины печей домовъ, и оттуда стали стрѣлять въ непріятеля. У Ходкѣвича войско было конное, негдѣ было развернуться лошадямъ; когда оно бросилось-было на русскихъ, тѣ выскакивали изъ-за печей, поражали поляковъ и литовцевъ выстрѣлами, а сами тотчасъ опять укрывались за развалинами *). Ходкѣвичъ отступилъ. Русскіе считали за собою побѣду. Гетманъ сталъ обозомъ тамъ, гдѣ стояли сапѣжинцы, на западной сторонѣ, между городомъ и Дѣвичьимъ монастыремъ.

Было еще нѣсколько незначительныхъ стычекъ, неудачныхъ для поляковъ. Наконецъ, перестали сходиться. Казаки въ своихъ таборахъ не тревожили Ходкѣвича, а Ходкѣвичъ не трогалъ казаковъ. Такъ прошелъ почти мѣсяцъ. Гетманъ стоялъ съ войскомъ своимъ лагеремъ у Краснаго села. У него шли переговоры съ гарнизономъ. Показавши сначала начальническую строгость, Ходкѣвичъ долженъ былъ сдѣлаться мягче. Жолнѣры начали требовать, чтобы ихъ перемѣнили. «Вотъ, пришло новое войско—представляли они — пусть же оно займетъ столицу, а насъ слѣдуетъ выпустить. Мы уже и такъ стоимъ въ чужой землѣ больше года, теряемъ жизнь и здоровье, терпимъ голодъ. Мѣшокъ ржи стоитъ дороже мѣшка перцу; голодныя лошади прогрызаютъ дерево, а искать травы для нихъ приходится за непріятельскимъ обозомъ, да притомъ теперь осень, и травы нигдѣ не найдешь! Москва хватаетъ у насъ безпрестанно челядь; а главное—не платятъ намъ жалованья; мы служимъ даромъ. Возьми, панъ

*) Krajewski.

гетманъ, Москву на себя, а насъ отпусти.» Ходкѣвичъ доказывалъ имъ, что честь воина, долгъ вѣрности своему государю и слава требуютъ, чтобы тѣ, которые начали дѣло, довели его до конца. Подождите, пока сеймъ въ Польшѣ окончится — говорилъ онъ — король съ королевичемъ скоро къ вамъ прибудутъ». Жолнѣры этимъ не успокоивались. Много дней прошло въ спорахъ. Гетманъ, наконецъ, порѣшилъ такъ: тѣ, которые не захотятъ оставаться въ стѣнахъ Москвы, за недостаткомъ припасовъ для многолюднаго гарнизона, пусть выступаютъ изъ столицы вмѣстѣ съ нимъ собирать запасы по Московскому государству, а тѣ, которые пожелаютъ остаться въ Москвѣ, получатъ за это, сверхъ жалованья обыкновеннаго, еще прибавочное, за стѣнную службу, товарищамъ по 20 злотыхъ, а пахолкамъ по 15 въ мѣсяцъ. Но это было только на словахъ: на самомъ дѣлѣ выплатить жалованье было не легко; для этого нужно было, по опредѣленію сейма, собрать въ польскомъ государствѣ деньги; а польское королевство не считало тогда законнымъ принимать на себя издержки по московскому дѣлу. Въ Польшѣ было тогда такое общее мнѣніе, что издержки для войска, занявшаго Москву, должны выплачиваться изъ московской казны, а не изъ польской; но изъ московской казны уже нельзя было вытянуть наличныхъ денегъ. Жолнѣрамъ ждать надоѣло, и они указывали на послѣднее средство, — на сокровища царскія. «У бояръ въ царской казнѣ — говорили поляки — много богатыхъ одеждъ, золотой и серебряной посуды, дорогіе столы и стулья, золотые обои, вышитые ковры, кучи жемчугу». Ихъ соблазняли и дорогіе ковчеги съ мощами. «Они — говоритъ одинъ изъ нихъ *) — хранятся подъ сводомъ длиною саженъ въ пять,

*) Pamiętn. Maskiew. 70.

и сложены въ шкапы, занимающіе три стѣны отъ пола до потолка, съ золотыми ящиками, а на концахъ подъ ними надписи: какія мощи положены; да еще есть особо такихъ же два шкафа съ золотыми ящиками». Этого добивались поляки. Но бояре упорно стояли не только за ящики со святынею, не хотѣли даже отдавать царскихъ одеждъ и утвари, говорили, что они не смѣютъ этого тронуть до пріѣзда королевича, что эти вещи необходимы для торжества царскаго вѣнчанія. Бояре согласились дать имъ коечто въ залогъ, съ обѣщаніемъ въ скоромъ времени выкупить, выплативъ деньгами, но и то опредѣлили на это такія вещи, которыя принадлежали царямъ, не оставившимъ воспоминанія о своей законности; то были двѣ царскія короны—одна Годунова, другая—названаго Димитрія; богатое, осыпанное дорогими каменьями гусарское сѣдло послѣдняго царя: царскій посохъ изъ единорога, осыпанный брилліантами, да еще два или три единорога. Это нѣсколько успокоило на время жолнѣровъ. Тысячи три ихъ осталось въ городѣ съ Гонсѣвскимъ. Лошадей своихъ они передали товарищамъ, которые предпочли ходить за продовольствіемъ по Московской землѣ. Приманкою для тѣхъ, которые рѣшились еще терпѣть тяжелую службу въ Москвѣ, была надежда — въ крайности расхватать царскія сокровища. Кромѣ товарищей, оставлено было въ городѣ челяди гораздо болѣе, чѣмъ самыхъ товарищей; да и тѣ, которые пошли на поиски, оставили слугъ въ Кремлѣ съ имуществами, а сами отправились налегкѣ, надѣясь скоро вернуться. Въ заключеніе, всѣ объявили гетману, что они соглашаются служить только до 6 января 1612 года *), и если король не перемѣнитъ ихъ свѣжимъ войскомъ, они будутъ считать себя уволенными и вправѣ уйдти въ отечество.

*) Hist. J. Kar. Chodkiew. IV, 12.

28-го октября, гетманъ попрощался съ оставшимися и двинулся къ Рогачеву. Путь его былъ не легокъ; сдѣлался падежъ на лошадей, осталось у него не болѣе 1,500 конныхъ, которые терпѣли отъ грязи, осенней мокроты, недостатка въ пищѣ, въ одеждѣ. Случалось, что обозовые должны были на грязной дорогѣ покидать возы съ имуществомъ, потому что нечѣмъ было вытаскивать ихъ изъ грязи. Если бы—говорили современники — непріятель догадался и напалъ на нихъ, то не только разбилъ, живьемъ бы всѣхъ забралъ *). Гдѣ было сто лошадей, тамъ остался какой-нибудь десятокъ. Сапѣжинцы особо пошли къ Волгѣ—собирать запасы и доставлять гетману, а тотъ долженъ былъ отправлять ихъ въ Москву. Польскій современникъ разсказываетъ, что когда поляки подошли къ Волгѣ, то русскіе бросали въ Волгу восковыя свѣчи, чтобы рѣка не замерзла; но поляки накидали соломы и полили водою: она затвердѣла, и они переправились. Но теперь уже нельзя было полякамъ разгуливать по Руси такъ, какъ прежде. Толпы шишей вездѣ провожали ихъ и встрѣчали, отнимали награбленное и не допускали до грабежа. Такъ, 19-го декабря, изъ отряда подошедшихъ къ Волгѣ, Каминскій хотѣлъ было напасть на Суздаль; шиши отбили его. Другой отрядъ, подъ начальствомъ Зезулинскаго, 22-го ноября былъ разбитъ на-голову подъ Ростовомъ; самъ предводитель попалъ въ плѣнъ. Отъ этого сборъ запасовъ не могъ идти скоро, а въ Кремлѣ, между тѣмъ, стала уже большая дороговизна: кусокъ конины, которою должны были, по необходимости, кормиться, стоилъ мѣсячнаго жалованья товарищей, 20 злотыхъ, солонины 30 злотыхъ, четверть ржи 40 злотыхъ, кварта польской водки 12 злотыхъ. По 15 грошей продавали сороку или ворону, а по

*) Krajewski.

10 грошей воробья. Уже были примѣры, что жолнѣры дѣтей ѣли. Гетманъ не могъ отправить имъ запасовъ ранѣе 18-го декабря. Отряду въ семь сотъ человѣкъ, который повезъ въ Москву эти запасы, на каждомъ шагу приходилось отбиваться отъ шишей, которые отнимали возы. Маскѣвичъ, бывшій въ этомъ отрядѣ, говоритъ, что онъ одинъ потерялъ пять возовъ. Въ добавокъ, настали жестокіе морозы. До 300 человѣкъ, а по другому извѣстію до 500 *), замерзли въ дорогѣ. Изъ нихъ были поляки и русскіе, служившіе полякамъ; многіе отморозили себѣ руки и ноги. Самъ предводитель приморозилъ себѣ пальцы на рукахъ и на ногахъ. «Бумаги не стало бы — говоритъ современный дневникъ польскій—если бы начать описывать бѣдствія, какія мы тогда перетерпѣли. Нельзя было разводить огня, нельзя было на минуту остановиться — тотчасъ откуда ни возьмутся шиши; какъ только роща, такъ и осыпятъ насъ они. Сильный морозъ не давалъ брать въ руки оружія. Шиши отнимали запасы и быстро исчезали. И вышло то, что, награбивши много, поляки привезли въ столицу очень мало».

Наступилъ срокъ, по который они обѣщались служить. Со стороны короля не видно было сильныхъ мѣръ къ окончанію дѣла. Жолнѣры подъ Рогачевымъ стали составлять конфедерацію. Въ военныхъ нравахъ того времени, это были узаконенные общимъ мнѣніемъ заговоры противъ правительства; недовольные неуплатой жалованья отрекались отъ повиновенія установленному начальству, сами выбирали другихъ начальниковъ, сами произвольно пріискивали средства вознаградить себя, нападали на королевскія имѣнія, расписывали и сбирали съ нихъ доходы, при этомъ дозволяли себѣ насилія надъ жителями, и, вообще,

*) Krajewski.

становились вооруженною силою противъ закона и государственнаго порядка. Подъ начальствомъ выбранныхъ по своему желанію предводителей, мятежные жолнѣры самовольно двинулись къ Москвѣ для соединенія и совѣщанія съ тѣми, которые сидѣли въ осадѣ. На пути, то-и-дѣло, что безпокоили ихъ шиши. Ходкѣвичъ шелъ за ними вслѣдъ. Они дошли до столицы. Здѣсь, 14 января, въ согласіи съ сидѣвшими въ Кремлѣ, составилось генеральное коло. Образовалась окончательно конфедерація. Выбрали маршаломъ ея Іосифа Цѣклинскаго. Стали сдавать покоренную столицу Ходкѣвичу. Литовскій гетманъ отрекался и доказывалъ, что у него недостаточно войска для того, чтобы удержать Москву. Онъ не надѣялся на скорую помощь отъ короля, хотя и манилъ ею другихъ. Онъ разсчитывалъ, что неблагоразумно принимать на свою шею чужія ошибки. У поляковъ вчастую такъ дѣлалось: заупрямятся, нашумятъ, надѣлаютъ предположеній, а потомъ поддадутся убѣжденіямъ и покорятся сильной волѣ. Такъ и теперь случилось. Ходкѣвичъ уговорилъ ихъ подождать до 14-го, по другимъ *) до 19-го марта; къ этому времени онъ обѣщалъ непремѣнно перемѣнить ихъ. Тѣмъ, которые согласились остаться въ столицѣ, Ходкѣвичъ обѣщалъ по 30 злотыхъ. Въ это время, сапѣжинцы подвезли запасовъ кремлевскому гарнизону. Это содѣйствовало успокоенію. Часть войска осталась въ Кремлѣ и Китай-городѣ; къ ней присталъ отрядъ сапѣжинцевъ подъ начальствомъ Стравинскаго и Будзила; другая пошла сбирать запасы по Московской землѣ. Струсь и князь Корыцкій ушли въ отечество.

Конфедерація не распустилась. Конфедераты въ своемъ новосоставленномъ порядкѣ пошли разомъ съ Ходкѣвичемъ

---

*) Krajewski.

сбирать запасы, но отдѣльно отъ него. Гетманъ сталъ въ селѣ Ѳедоровскомъ, недалеко отъ Волока-Ламскаго. Конфедераты стали отъ него верстахъ въ пятидесяти, между Старицею, Погорѣлымъ Городищемъ и Волокомъ: всѣ эти города находились во власти у русскихъ. Поляки за продовольствіемъ выходили изъ своихъ становъ отрядами и нападали на русскія селенія, но снѣга въ тотъ годъ были такъ велики, что люди съ лошадьми проваливались; полякамъ приходилось, идя конницею, впереди себя приказывать расчищать дорогу, а шиши то-и дѣло нападали на нихъ со всѣхъ сторонъ, отнимали возы и людямъ наносили удары, быстро исчезали, потомъ, когда нужно, опять появлялись. «Въ деревнѣ Роднѣ — говоритъ Маскѣвичъ, очевидецъ и участникъ событій—нашли мы у крестьянъ бѣлую, очень вкусную капусту, квашеную съ анисомъ и кишнецомъ. Эта деревня была дворцовая и обязана была доставлять ко двору капусту. Поляки принялись ѣсть капусту и забыли поставить сторожу: вдругъ набѣжали на деревню шиши,—одни верхомъ, другіе на лыжахъ. Поляки не успѣли ни осѣдлать лошадей, ни взять оружія, которое развѣсили по избамъ, и не только не удалось имъ полакомиться вдоволь капустою, но они покинули лошадей, оружіе и все свое имущество, и разбѣжались во всѣ стороны, спотыкаясь по сугробамъ. «Я—говоритъ Маскѣвичъ — тогда потерялъ всѣ свои сундуки и лошадей, и самъ едва успѣлъ убѣжать на клячѣ». Другой разъ, велъ ротмистръ Бобовскій въ станъ къ гетману отрядъ и уже былъ недалеко отъ стана; вдругъ окружили его шиши. Успѣли-было дать знать Ходкѣвичу, но гетманъ не могъ скоро подать имъ помощи за снѣгами: весь почти отрядъ Бобовскаго пропалъ, и самъ предводитель чуть улепетнулъ.

Такъ проводили поляки конецъ зимы. Наступало 14-е

марта. Ходкѣвичъ получилъ письмо отъ короля. Сигизмундъ извѣщалъ, что скоро прибудетъ съ сыномъ. Сообщили гетману, что на помощь его изнуренному войску прибылъ въ Смоленскъ тысячный отрядъ. Гетманъ передалъ эти утѣшительныя вѣсти конфедератамъ*). Но онѣ не удовлетворили конфедератовъ, которые все болѣе и болѣе терпѣли отъ шишей. Цѣклинскій послалъ съѣстныхъ припасовъ въ Москву подъ начальствомъ Косцюшкевича. Путь ихъ лежалъ мимо стана гетманскаго. Послали къ гетману депутацію съ требованіемъ, чтобы гетманъ, сообразно своему обѣщанію, въ назначенный срокъ перемѣнилъ московскій гарнизонъ, а имъ далъ людей до Москвы. Гетманъ просилъ обождать до тѣхъ поръ, пока не воротится челядь изъ-за Волги и не прибудетъ изъ Смоленска отрядъ, который долженъ перемѣнить стоящихъ въ Москвѣ. Конфедераты на это не согласились и рѣшились продолжать свой путь. Но только-что они двинулись далѣе, на нихъ со всѣхъ сторонъ посыпались шиши; съ поляками были русскіе: они тотчасъ передались своимъ землякамъ-шишамъ и загородили полякамъ путь ихъ же повозками, которыя везли. Дорога была узкая, снѣга глубокіе. Кто только рѣшался поворотить въ сторону, тотъ съ конемъ—въ снѣгъ. Шиши разорвали отрядъ конфедератовъ: одни изъ послѣднихъ воротились и пристали къ гетману, другіе бросились къ Можайску, третьи поворотили лошадей не къ русской столицѣ, а къ литовскимъ предѣламъ. Одна бѣжавшая толпа, страшась заблудиться, наняла въ проводники русскаго крестьянина: тотъ нарочно повелъ поляковъ на Волокъ, чтобы отдать въ руки землякамъ, которые сидѣли въ этомъ городѣ. На счастье ихъ, встрѣтился съ ними рот-

---

*) Hist. J. Kar. Chodk. VI. 14. — Письма Ходк. Рук. И. П. Б. Автогр. № 281.

мистръ Руцкій, проѣзжавшій къ гетману отъ московскаго гарнизона. Онъ разъяснилъ имъ ошибку, и крестьянину отрубили голову. Тѣ жолнѣры, которые воротились въ отечество, вознаграждали свои потери, понесенныя отъ московскихъ шишей, грабежемъ королевскихъ и духовныхъ имѣній, и оправдывали свои поступки тѣмъ, что они этимъ способомъ получали слѣдуемое имъ жалованье.

Гетманъ, простоявъ зиму въ селѣ Ѳедоровскомъ, весною перешелъ къ Можайску. Его войско должно было усилиться отрядомъ Струся, который снова возвращался на войну въ Московское государство, побуждаемый своимъ родственникомъ, Якубомъ Потоцкимъ, съ надеждою пріобрѣсти главное начальство надъ войскомъ. Струсь прибылъ въ Смоленскъ и сталъ выходить изъ него по дорогѣ къ Москвѣ, какъ на Днѣпрѣ со всѣхъ сторонъ посыпали на него шиши, отняли багажъ, много жолнѣровъ перебили и съ самого Струся сорвали ферезію. Онъ воротился въ Смоленскъ и тамъ оставался до времени. Эти событія показываютъ, какъ сильно возбужденъ былъ народъ.

Между тѣмъ, Московское государство, повидимому, все болѣе и болѣе разлагалось. На сѣверѣ, вслѣдъ за Новгородомъ, сдались шведамъ новгородскіе пригороды: Яма, Копорье, Ладога, Тихвинъ, Руса, Порховъ. Торопецъ прислалъ къ Делагарди дворянъ и купцовъ съ изъявленіемъ подданства отъ города и уѣзда. Устюгъ, съ уѣздомъ, отвѣчалъ на окружное посланіе Делагарди, что ожидаетъ прибытія обѣщаннаго шведскаго королевича и признаетъ его царемъ, когда онъ пріѣдетъ. Противодѣйствіе шведской власти прорывалось въ сѣверныхъ земляхъ, но отъ разбойничьихъ казацкихъ шаекъ, а не отъ земщины. Запорожскіе казаки съ туземными сорвиголовами, подъ предводительствомъ какого-то Алексѣя Михайловича, подъ Старою Русою разсѣяли шведскій отрядъ и взяли его въ плѣнъ. На

нихъ отправился Эдуардъ Горнъ, съ большою силою, и сначала разбилъ казацкій отрядъ Андрея Наливайка, потомъ напалъ на Алексѣя Михайловича и, послѣ кровопролитной схватки, взялъ въ плѣнъ его самого. Это пораженіе заставило казаковъ покинуть Новгородскую землю, покоренную шведами. Въ Псковѣ засѣлъ воръ, назвавшій себя Димитріемъ: сторона его возрастала. Казацкій атаманъ, Герасимъ Поповъ, посланный изъ Пскова подъ Москву, сдѣлалъ тамъ свое дѣло: казаки, стоявшіе подъ столицею, признали Димитріемъ псковскаго вора. Дворяне и дѣти боярскіе противились; дошло до кровавой свалки; дворяне и дѣти боярскіе, разбитые, бѣжали. Подмосковный станъ еще болѣе прежняго обезлюдѣлъ. Самъ Заруцкій присталъ къ волѣ казаковъ и вмѣстѣ съ ними провозгласилъ Димитрія царемъ. И князь Димитрій Тимофеевичъ, угождая казакамъ, также призналъ его, изъ желанія удержать вліяніе на дѣло, въ надеждѣ скораго поворота. Такъ неожиданно и сильно возрастало дѣло псковскаго Димитрія; но, въ то же время, ему явился соперникомъ другой Димитрій, провозглашенный въ Астрахани, и къ нему склонялось Нижнее-Поволжье. Вообще, украинные города и Сѣверская земля повиновались Заруцкому, и въ его ополченіе прибывали изъ Каширы, Тулы, Калуги и другихъ городовъ, а сѣверское ополченіе было подъ начальствомъ Беззубцова и также осенью шло на помощь къ Заруцкому. Но въ этихъ странахъ шатались шайки всякаго сброда и дрались между собою. Въ краѣ, прилежащемъ къ столицѣ, бродили польскія шайки; особенно свирѣпствовали сапѣжинцы. Злодѣйства ихъ были ужаснѣе зимою, чѣмъ лѣтомъ. Толпы народа изъ сожженныхъ жолнѣрами селъ и деревень замерзали по полямъ. Троицкіе монастырскіе приставы ѣздили по окрестностямъ, подбирали мертвецовъ и везли ихъ въ обитель. Тамъ, неутомимый Діонисій приказывалъ ихъ одѣвать и

хоронить прилично. «Я самъ — говоритъ очевидецъ, составитель Діонисіева житія — съ братомъ Симономъ погребли четыре тысячи мертвецовъ; кромѣ того, по Діонисіеву велѣнію, мы бродили по селеніямъ и деревнямъ и погребли по смѣтѣ болѣе трехъ тысячъ въ продолженіе тридцати недѣль; а въ монастырѣ весною не было ни одного дня, чтобы погребли одного, — а всегда пять, шесть, а иногда и по десять тѣлъ сваливали въ одну могилу».

Къ довершенію бѣдствій, тогда былъ неурожай, а за нимъ голодъ. «И было тогда — говоритъ *) современное сказаніе — такое лютое время божія гнѣва, что люди не чаяли впредь спасенія себѣ; чуть не вся земля Русская опустѣла; и прозвали старики наши это лютое время — *лихолѣтье*, потому что тогда была на Русскую землю такая бѣда, какой не бывало отъ начала міра: великій гнѣвъ божій на людяхъ, глады, трусы, моры, зябели на всякій плодъ земной; звѣри поѣдали живыхъ людей, и люди людей ѣли; и плѣненіе было великое людямъ! Жигимонтъ польскій король велѣлъ все Московское государство предать огню и мечу и ниспровергнуть всю красоту благолѣнія земли Русской, за то, что мы не хотѣли признать царемъ на Москвѣ некрещенаго сына его, Владислава.... Но Господь — говоритъ то же сказаніе — услышалъ молитву людей своихъ, возопившихъ къ нему великимъ гласомъ о еже избавитися имъ отъ лютыхъ скорбей, и послалъ къ нимъ ангела своего, да умиритъ всю землю и соиметъ тягость со всѣхъ людей своихъ»....

*) Рукоп., доставлен. г. Рыбниковымъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«Когда начнетъ блѣднѣть и смѣлый въ брани,
И роковой пробьетъ отчизнѣ часъ—
Возьмешь мою ты орифламму въ длани,
И мощь враговъ сорвешь, какъ жница класъ;
Поставишь ихъ надменной власти грани,
Преобратишь во плачъ побѣдный гласъ,
Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ и силу трону,
И Карла въ Реймсъ введешь принять корону».
(Орл. Дѣва. Полн. Собр. соч. Жук. 3, стр. 97).

I.

Видѣнія.—Постъ.—Троицкая грамата въ Нижнемъ.—Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ.—Избраніе Пожарскаго въ предводители.—Образованіе ополченія и походъ въ Ярославль. — Грамата о присылкѣ выборныхъ для выбора царя.

Поднятая Гермогеномъ и Ляпуновымъ народная сила во имя вѣры не истощалась отъ неудачъ и неурядицы. Надежда на высшее содѣйствіе не покидала русской земли. Въ московскомъ ополченіи сталъ ходить по рукамъ свитокъ; о немъ говорили, что онъ неизвѣстно откуда взялся, подобно тѣмъ древнимъ свиткамъ, которые—какъ гласили преданія—спадали съ неба. Въ этомъ свиткѣ было написано: «Въ Нижнемъ-Новгородѣ мужу, по имени Григорію, было видѣніе въ полунощи: снялся верхъ избы его въ полунощи, просіялъ на него свѣтъ чудесный, и въ свѣтѣ томъ явилось два мужа: одинъ сѣлъ у груди Григорія, другой сталъ у него въ головахъ. И тотъ, который стоялъ, сказалъ сидя-

щему: Господи, что сидишь и не повѣдаешь ему! — Тогда сидящій сказалъ: Если люди по всей русской земли покаются и станутъ поститься три дня и три нощи, не только старые и молодые, но и младенцы, тогда Московское государство очистится.—На это стоящій сказалъ: Господи, если очистится Московское государство, какъ имъ дать царя? — Сидящій отвѣчалъ: Пусть поставятъ новый храмъ Троицы на рву и положатъ харатью на престолѣ, а въ той харатьѣ будетъ написано, кому быть царемъ у нихъ. — Стоящій спросилъ: Господи, а если не покаются, что̀ надъ ними будетъ?—Сидящій отвѣчалъ: Если не покаются и не станутъ поститься, то всѣ погибнутъ и царство разорится. — Потомъ видѣніе исчезло; верхъ избы покрылся снова». Легенда эта возникла не въ Нижнемъ; напротивъ, тамъ долго не знали о ней, когда она ходила по русской землѣ; а когда узнали нижегородцы, то никакъ не могли отыскать, кто бы могъ быть этотъ Григорій, и всѣ удивлялись, откуда взялись такіе слухи. Межъ тѣмъ, разсказъ о Григорьевомъ видѣніи пошелъ изъ города въ городъ, изъ области въ область; одинъ городъ писалъ объ этомъ въ другой; всенародно читались граматы объ этомъ видѣніи; стали являться въ разныхъ мѣстахъ другія подобныя видѣнія. Такъ, носился слухъ, что было какое-то важное видѣніе во Владимірѣ, 24-го августа.

Духовные поддерживали эти разсказы. Къ концу года, осенью 1611 года, послѣ взаимныхъ отписокъ, въ разныхъ среднихъ и поволжскихъ городахъ, по приговору всей земли русской, опредѣлили: поститься три дня въ недѣлю, — въ понедѣльникъ, вторникъ и среду ничего ни ѣсть, ни пить, а въ четвергъ и пятницу сухо ѣсть. Этотъ обрядъ, совершаемый повсюду съ единою для всѣхъ цѣлію, укрѣплялъ общія побужденія русскаго народа. Только въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, вѣрили

этому откровенію, — всенароднаго сокрушенія не было, а между тѣмъ, изъ этого-то Нижняго-Новгорода исходило дѣйствительное спасеніе русской земли.

Гермогенъ не могъ уже писать свободнымъ словомъ къ русскому народу. За то свободнѣе и горячѣе произносили свою проповѣдь къ Руси троицкій архимандритъ и его келарь Авраамій Палицынъ. Не даромъ послѣдній хитро выбрался отъ поляковъ. теперь онъ пригодился для русскаго дѣла и былъ гораздо полезнѣе въ русской землѣ, чѣмъ могъ быть въ плѣну. Они сносились со всѣми областями, и, черезъ проходившихъ къ Троицѣ людей, отправляли свои воззванія.

Въ октябрѣ 1611 г., такая грамата троицкихъ властей прибыла въ Нижній. Тотчасъ собрались нижегородскія власти на воеводскій дворъ. Тутъ были оба нижегородскіе воеводы, Алябьевъ и Рѣпнинъ, дьякъ Семейка съ приказными людьми, печерскій архимандритъ Ѳеодосій, Спасскаго собора протопопъ Савва съ клиромъ, стряпчіе Биркинъ и Юдинъ, дворяне и дѣти боярскіе, головы и старосты; въ числѣ старостъ былъ Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ; ремесломъ онъ былъ «говядарь» (быть можетъ, мясникъ, но скорѣе—торговецъ скотиною), но ратное дѣло ему было не чуждо: прежде онъ служилъ въ ополченіи Алябьева и Рѣпнина.

Мининъ сказалъ: «Прикажите прочитать грамату властей животворящей Троицы въ соборѣ, а тамъ какъ Богъ дастъ. Мнѣ было видѣніе: явился св. Сергій во снѣ и повелѣлъ разбудить спящихъ»

Тутъ стряпчій Биркинъ, недоброхотъ Минину, сказалъ: «Ну, не было тебѣ никакого видѣнія!»

Этотъ Биркинъ былъ человѣкъ двусмысленнаго поведенія и служилъ прежде тушинскому вору. За нимъ водились грѣхи; Мининъ зналъ про нихъ, могъ обличить его, и сказалъ

ему теперь тихо: «Молчи,—а не то я тебя выявлю передъ православными!» Биркинъ принужденъ былъ прикусить языкъ. Видѣніе Минина пошло за правду. Тогда была пора видѣній: доведенный до отчаянія народъ только въ нихъ и искалъ надежды и утѣшенія.

На другой день, у св. Спаса зазвонили въ большой колоколъ. Былъ день будній. Народъ понялъ, что звонятъ затѣмъ, чтобы сообщить что нибудь новое. Идучи къ церкви, одни говорили: «Авось, наши не осилили ли польскихъ людей, не думаютъ ли служить ради того благодарнаго молебна». Другіе говорили: «Нѣтъ, намъ уже не будетъ избавленія: чаять намъ бо́льшей гибели!» Сошлись толпы у св. Спаса. Тамъ отслужили обѣдню. Протопопъ Савва сказалъ всенародно:

— Православные христіане! Господа братія! Горе намъ! Пришли дни конечной гибели нашей. Погибаетъ наше Московское государство; гибнетъ и православная вѣра. Горе намъ, горе великое, лютое обстояніе! Польскіе и литовскіе люди, въ нечестивомъ совѣтѣ своемъ, умыслили Московское государство разорить и обратить истинную вѣру Христову въ латинскую многопрелестную ересь. Кто не восплачется, кто не испуститъ источники слезъ! Ради грѣховъ нашихъ, Господь попустилъ врагамъ нашимъ возноситься. Горе нашимъ женамъ и дѣтямъ! Еретики разорили до основанія богохранимый градъ Москву и предали всеядному мечу дѣтей ея. Что намъ творить? Не утвердиться ли намъ на единеніе и не постоять ли за чистую и непорочную Христову вѣру и за св. соборную церковь Богородицы ея честнаго Успенія, и за многоцѣлебныя мощи московскихъ чудотворцевъ! А се грамата властей живоначальныя Троицы монастыря Сергіева....

Грамата была прочитана. Въ ней такимъ образомъ возбуждались чувства русскаго народа:

«Вы сами видите близкую конечную гибель всѣхъ христіанъ: гдѣ завладѣли литовскіе люди, какое тамъ разореніе Московскому государству! Гдѣ святыя церкви? Гдѣ божіи образа? Гдѣ иноки, цвѣтущіе многолѣтними сѣдинами, инокини, украшенныя добродѣтелями? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Гдѣ безчисленное множество христіанскихъ чадъ въ городахъ и селахъ? Не всѣ ли лютыми и горькими смертьми скончались, безъ милости пострадали и въ плѣнъ разведены? Не пощадили престарѣлыхъ возрастомъ, не сжалились надъ незлобивыми ссущими млеко младенцами. Не всѣ ли испили чашу ярости и гнѣва божія? Помяните и смилуйтесь надъ видимою нашею смертною погибелью, чтобъ и васъ самихъ не постигла та же лютая смерть. Бога ради, положите подвигъ своего страданія, чтобы вамъ, всему общему народу, молить служилыхъ людей, чтобы всѣмъ православнымъ христіанамъ быть въ соединеніи, и служилые люди одноличпо, безъ всякаго мѣшканія, поспѣшили бы къ Москвѣ на сходъ ко всѣмъ боярамъ и воеводамъ и ко всему множеству народа всего православнаго христіанства. Сами знаете, что ко всякому дѣлу едино время належитъ; безвременное же начинаніе всякому дѣлу суетно и бездѣльно бываетъ. Хоть и будутъ и есть близко въ вашихъ предѣлахъ какіе недоволы, Бога ради отложите то на время, что бы вамъ всѣмъ съ нами о единомъ положити подвигъ свой и страдать для избавленія православной христіанской вѣры».

Народъ пришелъ въ умиленіе. Слышались голоса: «Горе намъ! Погибъ царствующій градъ! Гибнетъ и все Московское государство!»

Много народа столпилось около собора. Тутъ Козьма Мининъ вышелъ изъ храма и сказалъ громкимъ голосомъ: «Православные люди! Если намъ похотѣть помочь Московскому государству, не пожалѣемъ животовъ нашихъ, да

не токма животовъ.... дворы свои продадимъ, женъ и дѣтей заложимъ, и будемъ бить челомъ, чтобы кто нибудь вступился за истинную православную вѣру и былъ бы у насъ начальникомъ. Дѣло великое! Мы совершимъ его, если Богъ поможетъ. И какая хвала будетъ намъ отъ всей земли, что отъ такого малаго города произойдетъ такое великое дѣло. Я знаю: только мы на это поднимемся, многіе города къ намъ пристанутъ, и мы избавимся отъ чужеземцевъ». Нижегородцамъ любы показались такія слова. У многихъ слезу прошибло.

И еще послѣ того сходились нижегородцы; Мининъ еще говорилъ имъ возбудительныя рѣчи, и міръ обратился къ Минину. Ему говорили: «Ты будь намъ старшій человѣкъ; отдаемъ себя во всемъ на твою волю!»

Стали думать: кого бы изъ бояръ выбрать себѣ въ предводители такого, чтобы и въ ратномъ дѣлѣ былъ искусенъ, и въ измѣнѣ не объявился. Всѣ остановились на князѣ Димитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ: за прежнія времена не лежало на немъ неправды; въ смутные годы онъ не былъ въ воровскихъ таборахъ и у польскаго короля милостей не просилъ. Онъ уже съ Ляпуновымъ подвизался противъ враговъ и теперь едва оправился отъ ранъ, что̀ ему нанесли поляки подъ Введеніемъ-на-Лубянкѣ.

Пожарскій былъ въ это время за сто двадцать верстъ отъ Нижняго, въ своей вотчинѣ Ландехѣ. Туда къ нему прибылъ посланный отъ нижегородцевъ печерскій архимандритъ Ѳеодосій да дворянинъ Жданъ Болтинъ, а съ ними нижегородскіе посадскіе люди, и повѣдали ему желаніе своей братьи нижегородцевъ. Князь отвѣчалъ: «Скажите пославшимъ васъ, что я радъ за православную вѣру страдать до смерти, а вы изберите изъ посадскихъ людей такого человѣка, чтобы могъ быть со мною у великаго дѣла, вѣдалъ бы казну на жалованье ратнымъ людямъ».

Выборные стали было думать, кто бы на это дѣло годился, но Пожарскій не далъ имъ долго ломать головы и сказалъ: «Есть у васъ въ городѣ человѣкъ—Козьма Мининъ-Сухорукъ; онъ бывалый человѣкъ; ему такое дѣло за обычай».

Посланцы, возвратившись въ Нижній, сказали объ этомъ всему міру. Нижегородцы обратились къ Козьмѣ. Этотъ человѣкъ былъ остороженъ. Чтобы себѣ вытребовать власть полную, необходимую для успѣха самаго дѣла, онъ сталъ отказываться; но чѣмъ онъ упрямѣе отказывался, тѣмъ настойчивѣе его просили. Наконецъ, онъ, какъ будто нехотя, лишь бы исполнить мірскую волю, принялъ предлагаемую должность и сказалъ:

— Когда такъ, я прошу, поставьте приговоръ, приложите руки на томъ, чтобы слушаться меня и князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, ни въ чемъ не противиться, давать деньги, нужныя на жалованье ратнымъ людямъ, а если денегъ не будетъ, то силою брать у васъ животы, даже женъ и дѣтей въ кабалу отдавать, чтобы ратнымъ людямъ скудости не было.

Приговоръ былъ составленъ; если кто и не хотѣлъ бы прикладывать къ нему руки, то долженъ былъ: нельзя было отказываться. Написанный приговоръ былъ отданъ въ руки Козьмѣ, а Козьма нарочно послалъ этотъ приговоръ изъ Нижняго поскорѣе, чтобы нижегородцы не одумались и не сдѣлали перемѣны, когда имъ станетъ трудно. Въ самомъ дѣлѣ, имъ было не легко. Мининъ учредилъ оцѣнщиковъ всѣхъ имуществъ, и съ цѣны ихъ бралъ пятую деньгу, то-есть пятую часть на земское дѣло; не допускалось ни льготъ, ни отсрочекъ. Были такіе, что давали охотно и больше. Осталась въ хронографахъ память объ одной вдовѣ, которая принесла къ сборщикамъ десять тысячъ и сказала: «Я осталась послѣ господина своего безчадна; было

у меня двѣнадцать тысячъ, отдаю десять, а себѣ оставляю двѣ *)». Этимъ—говоритъ сказаніе — она многихъ людей въ страхъ вложила. Кто скупился, у тѣхъ отнимали силою, а неимущихъ отдавали въ кабалу тѣмъ, кто за нихъ платилъ; не спускали ни попамъ, ни монастырямъ **).

Еще не успѣлъ прибыть въ Нижній избранный воевода, а ужъ ополченіе собиралось. Пришли въ Нижній смольняне изъ Арзамаса. Это были прежніе помѣщики Смоленской земли; выгнанные врагами, они пришли подъ Москву и просили у начальниковъ подмосковскаго ополченія — крова и хлѣба. Ихъ отправили въ Арзамасъ поселиться въ тамошнихъ дворцовыхъ волостяхъ. Но когда они пришли въ Арзамасъ и стали во Въѣздной слободѣ, дворцовые люди не хотѣли слушать граматъ Заруцкаго и Трубецкаго и служить новоприбывшимъ дворянамъ. Съ ними за одно стали арзамасскіе стрѣльцы и не давали пришлымъ дворянамъ дѣлить между собою мужиковъ. Происходили драки. Наконецъ, дворяне увидали, что не осилятъ мужиковъ, и ушли въ Нижній-Новгородъ. Нижегородцы приняли скитальцевъ; они составляли первое ядро будущей рати. Изъ нихъ люди отправились къ Пожарскому и просили, чтобы онъ прибылъ скорѣе. Пожарскій, выступивши изъ своей вотчины, на дорогѣ встрѣтилъ дорогобужанъ и вязьмичей— дѣтей боярскихъ. Заруцкій отправилъ ихъ селиться въ Ерополчемъ (нынѣшніе Вязники), но тамъ имъ не давали помѣстьевъ, и они шли къ Нижнему. Они пристали къ Пожарскому. Когда прибылъ Пожарскій въ Нижній, тогда послали стряпчаго Ивана Биркина въ Казань, къ тамошнимъ властямъ, просить совѣта о Московскомъ государствѣ. Вслѣдъ затѣмъ, во всѣ стороны покатили изъ Ниж-

---

*) Арх. Калач. VI. 3. 36.

**) Подробности—изъ Хронографа, напечатаннаго г. Мельниковымъ въ Отеч. Зап. 1850 г.

няго гонцы съ возбудительными граматами, написанными отъ имени главнаго предводителя, Пожарскаго, дворянъ, дѣтей боярскихъ, служилыхъ и посадскихъ людей Нижняго-Новгорода, и отъ всѣхъ, пришедшихъ къ ратному дѣлу въ Нижній, дорогобужанъ, вязьмичей и смольнянъ. Въ этихъ граматахъ описывалось несчастное положеніе Московскаго государства; извѣщалось, что ратные люди, дворяне и дѣти боярскіе, стоявшіе подъ Москвою въ ополченіи, разъѣхались для временной сладости, грабежей и хищничества; казаки покушаются посадить на престолъ Марину съ ея законопреступнымъ сыномъ; литовскіе люди грабятъ замосковные города, чтобы набрать и привезти въ Москву своимъ людямъ запасы. Верховые города просятъ прислать къ нимъ ратныхъ людей для обороны. Нижегородцы извѣщали, что они порѣшили общимъ совѣтомъ, собравшись съ ратными людьми, идти всѣми своими головами на помощь Московскому государству: приговорили раздѣлить животы свои и домы и дать жалованье ратнымъ людямъ; приглашали города, куда посылались граматы, собирать ратныхъ людей и быть съ ними въ одномъ совѣтѣ. «Какъ мы будемъ съ вами въ сходѣ (говорилось въ граматахъ) *), то учнемъ надъ польскими и литовскими людьми промышлять вмѣстѣ за одинъ, сколько милосердый Богъ помощи подастъ; о всякомъ земскомъ дѣлѣ учинимъ крѣпкій совѣтъ, не дадимъ учинить никакого дурна людямъ, которые подъ Москвою или въ иныхъ городахъ похотятъ Маринкою и ея сыномъ новую кровь всчинать; а мы, всякіе люди Нижняго-Новгорода, утвердились на томъ, и къ Москвѣ и боярамъ и ко всей землѣ писали, что Маринку съ сыномъ и того вора, который стоитъ подъ Псковомъ, до смерти своей въ государи на Московское государство не хотѣть, также что и литовскаго короля».

*) А. Э. П. № 201.

Эта грамата повсюду читалась на всенародныхъ собраніяхъ въ городахъ, куда сзывались для того лучшіе люди, постановлялись приговоры, собирались деньги на жалованье ратнымъ людямъ и отсылались нижегородцамъ, а потомъ отправлялись къ Нижнему и ополченія. Городъ городу вѣсть давалъ; одинъ городъ убѣждалъ другаго спѣшить на выручку православной вѣры и Московскаго государства. Пришло въ Нижній ополченіе изъ Рязани; пришли коломенцы, изгнанники изъ роднаго города, бывшаго тогда въ рукахъ Марины. Изъ Казани, изъ Свіяжска, изъ Чебоксаръ и другихъ понизовыхъ городовъ писали, что всѣ идутъ своими головами. Нижній сталъ наполняться воинами. Мининъ распоряжался казною, раздавалъ денежное жалованье и кормы; Пожарскій отъ себя учреждалъ для нихъ кормы.

Въ Москвѣ, откуда, въ январѣ 1612 года, бояре писали въ Кострому и Ярославль похвальную грамату за вѣрность Владиславу, узнали о возстаніи въ Нижнемъ въ февралѣ того же года. Гонсѣвскій приступилъ къ заключенному Гермогену и требовалъ, чтобы онъ написалъ къ нижегородцамъ увѣщаніе распустить ополченіе и оставаться въ вѣрности Владиславу. Патріархъ, доведенный до крайняго огорченія, рѣзко и твердо отвѣчалъ: «Да будетъ надъ ними милость отъ Бога и отъ нашего смиренія благословеніе, а на измѣнниковъ да изліется отъ Бога гнѣвъ, а отъ нашего смиренія да будутъ прокляты въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ». За эти слова его еще тѣснѣе заперли въ Чудовомъ монастырѣ, стали морить голодомъ, и онъ умеръ февр. 17, какъ говорили современники, голодною смертію. Его погребли въ Чудовомъ монастырѣ.

Услышалъ о нижегородскомъ возстаніи и Заруцкій, и понялъ, что это на него собирается новая земская туча. Онъ послалъ отъ имени Марины посла въ Персію, чтобы найдти себѣ тамъ союзъ; но письмо перехвачено было въ

Казани. Съ другой стороны, Заруцкій заботился, чтобы нижегородское ополченіе не захватило верховыхъ городовъ Поволжья, и отправилъ въ Ярославль Андрея Просовецкаго мѣшать ярославцамъ соединиться съ нижегородскимъ ополченіемъ. Но ярославцы провѣдали объ этомъ заранѣе и дали знать Пожарскому. Предводитель ополченія немедленно послалъ передовой отрядъ, подъ начальствомъ князя Димитрія Петровича Пожарскаго-Лопаты и дьяка Самсонова, занять Ярославль. Они вошли въ этотъ городъ прежде, чѣмъ дошелъ до него Просовецкій, и посадили въ тюрьму присланныхъ Просовецкимъ казаковъ. Просовецкій, узнавши, что Ярославль перехваченъ, не пошелъ туда.

Ярославцы ожидали нижегородцевъ, но ополченіе медлило выходомъ изъ Нижняго, оттого что ждало помощи изъ Казани. Посланный туда стряпчій Биркинъ стакнулся съ тамошнимъ дьякомъ Никифоромъ Шульгинымъ. Они соображали, что успѣхъ ополченія сомнителенъ, и государству Московскому суждено разложиться: не лучше ли имъ воспользоваться случаемъ и утвердить за собою власть въ отдаленной Казани? Они, по этой причинѣ, медлили выслать ополченіе къ Нижнему. Князь Пожарскій и Мининъ, подождавши казанцевъ, догадались, что въ Казани недоброе, и рѣшились не ожидать оттуда помощи; «положили— говоритъ лѣтописецъ — упованіе на Бога, и утѣшали себя воспоминаніями, какъ издревле Богъ поражалъ малыми людьми множество сильныхъ».

Они выступили изъ Нижняго и достигли Балахны; тамъ къ нимъ пристали балахонцы и толпа дворянъ и дѣтей боярскихъ, разогнанныхъ изъ-подъ Москвы, подъ начальствомъ Матвѣя Плещеева. Въ Балахнѣ дали ополченію казны въ подмогу.

Изъ Балахны—усиленное свѣжими силами ополченіе выступило въ Юрьевецъ. И здѣсь дали имъ казны въ под-

могу. Къ ополченію пристали юрьевскіе татары; имъ дали жалованье.

Изъ Юрьевца ополченіе перешло въ Рѣшму. Здѣсь ихъ встрѣтили посланцы изъ Владимира, отъ воеводы Артемія Измайлова. Онъ былъ давній другъ Димитрію Михайловичу Пожарскому: теперь онъ извѣщалъ, что Заруцкій и Трубецкой съ казачьимъ полчищемъ, стоящимъ подъ Москвою, цѣловали крестъ вору, который во Псковѣ назвался царемъ Димитріемъ. Вслѣдъ за ними явились *) посланцы отъ самыхъ подмосковныхъ предводителей, Трубецкаго и Заруцкаго. «Мы прельстились—писали предводители—мы цѣловали крестъ вору, что̀ явился во Псковѣ, но потомъ узнали вражью прелесть и цѣловали крестъ на томъ, чтобы всѣмъ православнымъ христіанамъ быть въ единогласіи. Идите подъ Москву, не опасайтесь». Эту грамату Пожарскій велѣлъ прочитать всему своему ополченію, и посланнымъ былъ данъ такой отвѣтъ: «Мы никакого развращенія и опасенія не имѣемъ; идемъ подъ Москву вамъ въ помощь, на очищеніе Московскаго государства».

Изъ Рѣшмы ополченіе пришло въ Кинешму,—и тамъ приняли его съ радостью и дали казны въ подмогу.

Изъ Кинешмы дошли они до Костромы. Здѣсь ихъ ожидалъ иной пріемъ. Тамъ былъ воеводою Иванъ Шереметьевъ. Его считали однимъ изъ виновниковъ гибели Ляпунова. Теперь онъ былъ поставленъ на воеводство московскими боярами, хотѣлъ слѣдовать увѣщательнымъ боярскимъ граматамъ, убѣждавшимъ оставаться въ повиновеніи Владиславу, не пускалъ къ городу ополченія и намѣревался отбиваться отъ него силою. Но у костромичей мало было охоты стоять за польское дѣло. Въ противность воеводѣ, многіе вышли на встрѣчу къ Пожарскому и Мини-

*) Новый Лѣтоп. 147.

ну, просили прибыть въ городъ и обѣщали стать съ ними за одно. Пожарскій подвинулъ свое войско къ костромскимъ посадамъ. Тогда костромичи, что оставались въ городѣ, раздѣлились: одни держались приказаній своего воеводы, другіе кричали, что онъ измѣнникъ, и переходили къ Пожарскому. Послѣднихъ стало больше. Они бросились на воеводскій дворъ, низложили Шереметьева и чуть не убили его. Князь Пожарскій и Мининъ вошли въ Кострому, взяли съ костромичей казны въ подмогу и назначили имъ инаго воеводу вмѣсто Шереметьева—князя Романа Гагарина съ дьякомъ Андреемъ Подлѣсовымъ. Тутъ пришли къ Пожарскому посланцы отъ суздальцевъ; просили суздальцы удѣлить имъ ратныхъ людей на помощь, затѣмъ что около ихъ города бродилъ Просовецкій съ своею шайкою.

Пожарскій разрознилъ свое войско и отрядилъ къ Суздалю своего родственника, князя Романа Петровича Пожарскаго съ нижегородскими и балахонскими стрѣльцами: они и отогнали Просовецкаго отъ Суздаля. Самъ Пожарскій повелъ ополченіе въ Ярославль. Ярославцы вышли къ нему на встрѣчу съ образами и предложили все, какое у нихъ есть, имущество въ его распоряженіе. Сверхъ того, въ знакъ радости и благодарности, они подносили Пожарскому и Минину подарки; но тѣ не приняли ничего.

Это было въ началѣ апрѣля. Необходимымъ показалось обождать, пока соберутся ополченія изъ тѣхъ городовъ, куда отправлены воззванія. Притомъ Пожарскій и Мининъ соображали, что имъ приходится биться, можетъ быть, разомъ и съ поляками, и съ казаками; нужно было осмотрѣться, на сколько появленіе новаго Димитрія соблазнило московскихъ людей; нужно было провѣдать, какія силы можетъ употребить Польша противъ новаго возстанія, обозначить отношенія, въ какихъ придется стать къ шведамъ;

наконецъ, нужно было собрать денегъ для войны. За этимъ пособіемъ обращались въ сѣверные города, меньше другихъ пострадавшіе отъ смутъ. Такъ въ Соль-Вычегодскую писалось: «Присылайте къ намъ въ Ярославль денежную казну, что̀ есть у васъ въ Соли-Вычегодской въ сборѣ, ратнымъ людямъ на жалованье. Поревновать бы вамъ, гостямъ и посадскимъ людямъ, чтобъ вамъ промежъ себя обложить, что̀ кому съ себя дать подмогу ратнымъ людямъ. Тѣмъ бы вамъ ко всей землѣ совершенную правду и радѣніе показать, и собравъ съ себя тѣ деньги, прислать къ намъ въ Ярославль тотчасъ».

Тогда созналась необходимость, чтобы предводители, идущіе въ Москву, имѣли законное значеніе, освященное волею всей земли, и могли бы смѣло говорить, что подняли не произвольный мятежъ, а идутъ по совѣту всего народа Московскаго государства. Уже теперь, по отношенію къ польской сторонѣ, было не то, что при Ляпуновѣ, когда считали возможнымъ поладить съ Сигизмундомъ, лишь бы онъ прислалъ Владислава на царство. Теперь о Владиславѣ не могло быть рѣчи. Его ужъ никакъ не приняло бы Московское государство.

Были посланы граматы въ разные города. Въ этихъ граматахъ излагались прошлыя и настоящія бѣдствія Московской земли и ея народа, и приглашались выборные на общій совѣтъ. «Вамъ бы, господа (было написано въ этихъ граматахъ), пожаловать, помня Бога и свою православную христіанскую вѣру, совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разоренье быть не безгосударнымъ, чтобы намъ, по совѣту всего государства, выбрать общимъ совѣтомъ государя, кого намъ милосердный Богъ, по праведному своему человѣколюбію, дастъ, чтобы во многое время отъ такихъ находящихъ бѣдъ Московское государство въ конецъ бы не разорилося. Са-

ми, господа, вѣдаете, какъ намъ стоять безъ государя противъ общихъ враговъ, польскихъ и литовскихъ и нѣмецкихъ людей и русскихъ воровъ, которые новую кровь всчинаютъ. Какъ намъ безъ государя о великихъ государственныхъ и земскихъ дѣлахъ съ окрестными государствами ссылаться. И по всемірному совѣту пожаловать бы вамъ—прислать къ намъ Ярославль изъ всякихъ чиновъ людей человѣкъ по два и съ ними совѣтъ свой отписать за своими руками» *).

Такимъ образомъ, Пожарскій хотѣлъ окружить себя земскимъ соборомъ, правильно выбраннымъ, который бы имѣлъ право рѣшать судьбу всей земли.

Граматы были разосланы, а въ Ярославль одинъ за другимъ пріѣзжали стольники, стряпчіе, дворяне, дѣти боярскіе и люди всякихъ чиновъ, и вступали въ ополченіе. Уже седьмого апрѣля, какъ видно изъ надписей на граматѣ, были въ Ярославлѣ бояре: Василій Петровичъ Морозовъ, Владимиръ Тимоѳеевичъ Долгорукій, окольничій Семенъ Головинъ, князья Иванъ Никитичъ Одоевскій, Петръ Пронскій, Петръ Барятинскій и другіе. Мининъ значился между ними выборнымъ человѣкомъ всей земли; за его безграмотствомъ подписывался Пожарскій.

Въ Казани Биркинъ съ Шульгинымъ не успѣли произвести того, чтобы Казань не послала вовсе людей: казанцы хотѣли идти, и Биркинъ самъ повелъ ихъ, но въ дорогѣ настраивалъ ихъ противъ Пожарскаго и Минина. Шедшій съ нимъ татарскій голова Лукьянъ Мясной не потакалъ Биркину, и оба они были во взаимной враждѣ. Казанцы пришли въ Ярославль. Биркинъ, какъ начальникъ одного изъ собравшихся въ Ярославлѣ ополченій, сталъ добиваться участія въ совѣтѣ, а Мининъ, какъ личный его врагъ,

*) А. Э. II. 256.

вооружалъ противъ него бояръ и дворянъ; его не хотѣли допустить въ совѣтъ; тогда Биркинъ ушелъ назадъ; за нимъ пошли казанцы; остался только Лукьянъ Мясной и съ нимъ немного людей.

II.

Дѣятельность троицкихъ властей.—Медленность Пожарскаго.—Сношенія съ Новгородомъ.—Безпорядки въ ополченіи.—Скудость средствъ.—Гибель псковскаго вора.—Покушеніе на жизнь Пожарскаго.—Бѣгство изъ-подъ Москвы Заруцкаго.—Походъ Пожарскаго изъ Ярославля.—Пожарскій у Троицы.

Троицкія власти безпрестанно сносились съ Пожарскимъ, сообщали ему извѣстія о томъ, что дѣлается на Руси, оживляли добрыми вѣстями, извѣщали, что города: Серпуховъ, Калуга, Тула, Рязань, Торжокъ, Старица, Ржевъ, Погорѣлое Городище и Тверь не захотѣли признавать новаго вора. Ихъ желаніе было соединить Трубецкаго съ Пожарскимъ, и они въ своихъ граматахъ къ Пожарскому увѣряли, что Трубецкой цѣловалъ вору крестъ только неволею, а теперь готовъ соединиться и вмѣстѣ промышлять надъ врагами. По желанія троицкихъ властей были противъ намѣренія собрать изъ городовъ выборныхъ, которые прежде всего избрали бы новаго царя. Они находили, что прежде всего лучше освободить Москву, прогнать чужеземцевъ, искоренить внутреннихъ враговъ, а потомъ уже избирать государя. Они убѣждали не медлить, идти скорѣе подъ Москву, пока поляки не привели туда новыхъ силъ.

Но Пожарскій, по выраженію лѣтописца *), многомолебное писаніе отъ обители въ презрѣніе положилъ; онъ не

*) Ин. ск. о Самозв. 123.

считалъ возможнымъ отважиться идти подъ Москву съ малыми силами, оставался въ Ярославлѣ, ждалъ денегъ, ждалъ ратныхъ и выборныхъ людей, а между тѣмъ отправлялъ отряды въ окрестные города противъ казацкихъ шаекъ, которыя тамъ безчинствовали. Одинъ отрядъ прогналъ ихъ изъ-подъ Антоньева-Бѣжицкаго монастыря, другой — изъ Пошехонья. Очистили отъ казаковъ Угличъ и Переяславль.

Въ то же время Пожарскій сносился съ Великимъ Новгородомъ, и такъ какъ этотъ городъ со своею землею, какъ бы то ни было, составлялъ часть русской державы, то Пожарскій въ началѣ мая послалъ туда Степана Лазаревича Татищева пригласить и оттуда выборныхъ, какъ изъ прочихъ земель; онъ просилъ сообщить ему обстоятельно: на чемъ состоялся договоръ со шведами? Новгородскій владыка прислалъ ему списокъ съ договорной граматы. Пожарскій велѣлъ этотъ списокъ переписать и разослалъ по городамъ для земскаго обсужденія. Въ іюлѣ, Новгородъ отправилъ не выборными для совѣта, а послами — Геннадія, вяжищенскаго игумена, и князя Ѳедора Оболенскаго. Они извѣщали, что шведскій король Карлъ умеръ и завѣщалъ шведское королевство Густаву-Адольфу, а новгородское — королевичу Филиппу, который скоро прибудетъ въ Выборгъ. Они приглашали Пожарскаго быть съ Новгородомъ въ общей любви и совѣтѣ, и также похотѣть на всѣ государства россійскаго царствія королевича Филиппа.

«При прежнихъ великихъ государяхъ — отвѣчалъ Пожарскій — приходили послы отъ другихъ государствъ; нынѣ пришли вы, послы отъ Великаго Новагорода; а Великій Новгородъ искони, какъ начались государи на россійскомъ государствѣ, отъ россійскаго государства отлученъ не былъ; и теперь надобно, чтобы Новгородъ былъ по прежнему съ россійскимъ государствомъ. Мы уже искуси-

лись: не учинилось бы снова такъ, какъ съ польскимъ и литовскимъ королемъ. Польскій король Жигимонтъ хотѣлъ дать на россійское государство сына своего королевича, и не далъ: а чего надѣлали польскіе и литовскіе люди — вамъ самимъ извѣстно! И шведскій король Карлусъ, хоть и хотѣлъ отпустить на новгородское государство сына, однако, вотъ ужъ близко года прошло, а королевичъ въ Новгородъ не бывалъ».

Ѳедоръ Оболенскій увѣрялъ, что «шведскій королевичъ Карло-Филиппъ Карловичъ отпущенъ въ Новгородъ изъ Свѣи вскорѣ послѣ договора съ новгородскими людьми, по ему въ дорогѣ учинилась вѣсть, что короля, его отца, не стало, такъ онъ воротился съ дороги и мѣшкалъ по своей вѣрѣ для погребенія; а тутъ, когда учинился королемъ братъ его Густавъ-Адольфъ, такъ датскій король войну всчалъ, и королевичъ Карло-Филиппъ за тѣмъ позамѣшкалъ, что вмѣстѣ съ братомъ своимъ Густавомъ промышлялъ противъ датскаго короля, и многихъ людей датскихъ побилъ, а теперь, какъ они учинились съ датскимъ королемъ въ миру, такъ королева свѣйская мать и король Густавъ-Адольфъ отпустили королевича Карла-Филиппа, и онъ вѣрно пришелъ на Ивановъ день въ Выборгъ, и ужъ навѣрное на Петровъ день тамъ будетъ. Отъ свѣйскаго королевства не чаемъ того, что учинилъ надъ Московскимъ государствомъ литовскій король».

Пожарскій сказалъ: «Мы всѣ у милосердаго Бога милости просимъ и хотимъ, чтобы намъ всѣмъ, людямъ Московскаго государства, быть въ соединеніи и брать на Московское государство въ цари государскаго сына, только бы онъ былъ въ греческой православной вѣрѣ, а не въ иной какой-нибудь, которая вѣра съ нашею православною не состоится. Когда шведскій королевичъ будетъ въ нашей православной вѣрѣ, тогда мы тотчасъ выберемъ отъ всего

россійскаго государства честныхъ людей, которые будутъ годны къ такому великому дѣлу, и дадимъ имъ полный наказъ о государственныхъ и о земскихъ добрыхъ дѣлахъ говорить и становить, какъ государствамъ быть въ соединеньи, а теперь пословъ въ Свѣю объ этомъ посылать намъ нельзя; были посланы какіе люди къ польскому королю, бояринъ князь Василій Васильичъ Голицынъ съ товарищи: вотъ держатъ ихъ въ неволѣ, и они погибаютъ въ чужой землѣ отъ нужи и безчестья!»

Новгородскіе послы сказали: «А что же себѣ за пользу тѣмъ учинилъ польскій король? Вы развѣ не стоите противъ него въ собраньи?»

Пожарскій сказалъ: «Былъ бы у насъ такой столпъ, какъ Василій Васильевичъ Голицынъ — всѣ бы его держались; а я къ такому великому дѣлу мимо его не принялся: меня нынѣ къ этому дѣлу сильно приневолили бояре и вся земля. Видя, что учинилось съ литовской стороны, намъ не посылать пословъ въ Свѣю, и мы не захотимъ на наше государство государя не нашей православной вѣры греческаго закона». — «И мы — отвѣчали новгородцы — не отпали отъ истинной вѣры; если королевичъ не захочетъ быть въ православной вѣрѣ греческаго закона, то мы съ вами хотимъ помереть за нашу истинную вѣру и не примемъ ни за что государя не нашей вѣры; и не токмо съ вами, бояре и воеводы и со всѣмъ Московскимъ государствомъ вмѣстѣ, — хоть вы насъ подадите, такъ мы одни, за нашу истинную православную христіанскую вѣру хотимъ померсть» *).

Такъ покончились сношенія съ Новгородомъ. Пожарскій еще разъ отправилъ гонца съ увѣреніями, что изберутъ на царство королевича, если онъ приметъ греческую вѣру; но

*) А. Э. II, 370.

это дѣлалось только для того — говоритъ лѣтопись *) — чтобы шведы не помѣшали ополченію идти подъ Москву.

Сносясь съ Новгородомъ, Пожарскій въ Ярославлѣ случайно завелъ сношенія съ посломъ нѣмецкаго императора Юзефомъ, возвращавшимся изъ Персіи черезъ Московское государство. Посолъ замѣтилъ, что было бы недурно московскимъ людямъ просить себѣ царя изъ цесарскаго дома. Пожарскій зналъ, что этого нельзя, что надобно будетъ, во всякомъ случаѣ, выбирать царя изъ своихъ, а не изъ чужихъ, но изъявилъ послу одобреніе такой мысли, потому что считалъ императора сильнымъ монархомъ и полагалъ, что его доброе расположеніе къ Московскому государству можетъ быть полезно. Съ этою цѣлью, онъ отправилъ къ императору гонцовъ Іеремію Ватермана, и въ своей граматѣ просилъ императора оказать денежную помощь и запретить польскому королю проливать кровь христіанскую. Впослѣдствіи, на Пожарскаго брошена была тѣнь подозрѣнія, будто онъ хотѣлъ государя изъ австрійскаго дома, но Пожарскій былъ виноватъ только за свое простодушіе, съ которымъ въ крайней нуждѣ обратился къ сильному государю, думая найти въ немъ заступничество, и не остерегался корыстныхъ видовъ, безъ которыхъ, разумѣется, никто бы и не подалъ помощи Московскому государству.

Время проходило. Въ іюнѣ, у Троицы узнали, что Ходкѣвичъ двинулся отъ Можайска къ Москвѣ. Медленность воеводъ въ Ярославлѣ возбуждала негодованіе троицкихъ властей. Они послали въ Ярославль соборнаго старца Серапіона Воейкова съ другимъ старцемъ Аѳанасіемъ Ощеринымъ. Эти повезли увѣщаніе, украшенное приличными выраженіями, выписками изъ св. книгъ и благочестивымъ мудрословіемъ. Смыслъ его былъ таковъ: «Вы начали до-

---

*) Дипл. Снош. II, стр. 1,405—1,431.

брое дѣло, и теперь о немъ не радѣете; знайте, что если Ходкѣвичъ придетъ съ большимъ войскомъ и съ запасами подъ Москву, то вашъ трудъ будетъ всуе, и собраніе ваше напрасно» *). Но Пожарскій — говоритъ лѣтописецъ — и послѣ этого посланія промышлялъ о шествіи косно и медленно.

Пожарскій ожидалъ ратныхъ, ожидалъ выборныхъ, ждалъ денегъ, и между тѣмъ держалъ у себя въ рукахъ управленіе, называясь: «по избранію всѣхъ чиновъ людей Московскаго государства, многочисленнаго войска у ратныхъ и земскихъ дѣлъ» **), давалъ именемъ своимъ судъ всей землѣ русской, раздавалъ помѣстья, распоряжался постройкою городовъ, требовалъ денежныхъ пособій, подтверждалъ монастырямъ тарханы, назначалъ обычныя наказанія и вообще совмѣщалъ въ себѣ верховную власть надъ русскою землею. Но Пожарскій не имѣлъ такихъ качествъ, которыя внушали бы къ нему всеобщее повиновеніе; онъ самъ чувствовалъ, что поставленъ на свое мѣсто болѣе за безупречное поведеніе, чѣмъ за способности; боялся приступить къ чему-нибудь рѣшительному, боялся сдѣлать что-нибудь такое, что̀ послѣ оказалось бы неугоднымъ народу, повѣрившему ему власть. Его мало слушались; въ ярославскомъ ополченіи то и дѣло, что было соревнованіе, козни, драки, полная рознь. Это тѣмъ болѣе удерживало Пожарскаго идти далѣе и принуждало стоять въ Ярославлѣ. Не въ силахъ былъ онъ самъ никакъ установить ладъ въ своемъ ополченіи, и пригласилъ жившаго у Троицы на покоѣ бывшаго ростовскаго митрополита Кирилла. Тотъ послушался, прибылъ въ Ярославль и сталъ тамъ въ качествѣ третейскаго судьи. Когда начинались

---

*) Ин. сказ. о Самозв. 123.

**) А. Э. II, 362.

споры, къ нему должны были обращаться враждующія стороны. Но мало оказалъ благотворнаго вліянія этотъ примиритель. Дни проходили. Троицкія власти теряли терпѣніе. Поѣхалъ въ Ярославль, наконецъ, келарь Авраамій Палицынъ, и увидѣлъ тамъ — какъ онъ самъ выражается — мятежниковъ, ласкателей и трапезолюбцевъ, воздвизавшихъ гнѣвъ и свары между воеводами и во всемъ воинствѣ. Онъ требовалъ одного, чтобы ополченіе не теряло напрасно времени, чтобы шло подъ Москву, пока еще не пришли новыя польскія силы. Но воеводы медлили. Важнѣйшею причиною медленности былъ, безъ сомнѣнія, недостатокъ денегъ. Еще въ апрѣльской граматѣ въ Соль-Вычегодскую было писано, что всѣ деньги, какія собраны были въ Нижнемъ, розданы дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и всякимъ ратнымъ людямъ, что безпрестанно пріѣзжаютъ стряпчіе, стольники, дворяне, дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди на службу, бьютъ челомъ о денежномъ жалованьи, а давать имъ нечего *). Средина государства была разорена; пріостановилась всякая производительность, народъ обнищалъ. Другіе города, напр. украинные, еще держались Димитрія, и нужно было писать къ нимъ граматы и уговаривать: такъ, напр., была послана грамата въ Путивль, гдѣ уговаривали путивлянъ отстать отъ вора и наравнѣ съ вѣрными городами прислать выборныхъ въ Ярославль. Но пока эти граматы могли произвести свое дѣйствіе, — помощи изъ украинныхъ мѣстъ, сильно истощенныхъ и разоренныхъ, ожидать нельзя было. Новгородъ съ его землею былъ въ иноземныхъ рукахъ. Оставалась надежда на сѣверовосточные края, куда и прежде обращались преимущественно за пособіями и Скопинъ, и Ляпуновъ. Пожарскій писалъ граматы въ Пермь, Верхотурье, Устюгъ, Тобольскъ, и пр. и

*) А. Э. II, 356.

пр., и требовалъ оттуда доставки денежныхъ и хлѣбныхъ запасовъ; оттуда везли въ Ярославль, кромѣ сборныхъ денегъ, муку, овесъ, толокно, сухари, крупу, полти свинаго мяса; но все это, конечно, не могло доставиться скоро: нужно было время, нужно было ждать. Притомъ же, отдаленные края, не испытавшіе отъ поляковъ того горя, какое постигло середину государства, были по-прежнему недостаточно усердны. Въ граматѣ въ Верхотурье, 26 мая, приказывалось хватать торговыхъ людей, ѣдущихъ съ товарами изъ тѣхъ городовъ, которые лѣнились взносить деньги и запасы, и отнимать у нихъ товары силою *). Очевидно, скудость побуждала прибѣгать къ такимъ суровымъ мѣрамъ. Отсюда-то и несогласія, и ссоры, и неурядица въ Ярославлѣ.

Трубецкой совсѣмъ отпалъ отъ казацкаго атамана и ждалъ Пожарскаго, чтобы съ нимъ быть за-одно. Псковскаго самозванца уже не стало. Тотъ самый Плещеевъ, который осенью первый въ московскомъ станѣ провозгласилъ его имя, весною отправился во Псковъ и сталъ увѣрять псковичей, что онъ не царь, а воръ, обманщикъ. Неизвѣстно, заговорила ли въ Плещеевѣ совѣсть, или онъ не поладилъ съ воромъ и по личной враждѣ захотѣлъ его погубить. Псковичамъ и безъ того уже опротивѣлъ этотъ царикъ: какъ только онъ добрался до власти, тотчасъ сталъ дѣлать тяжелые поборы и велъ себя распутно. Воръ смекнулъ, что ему можетъ быть худо, и 18-го мая бѣжалъ изъ города ночью, не успѣвши осѣдлать коня и даже надѣть шапки. За нимъ бросились въ погоню, поймали и 20 мая привезли, прикованши цѣпями къ лошади. Во Псковѣ его посадили въ тюрьму за стражею, и тамъ онъ просидѣлъ до іюля. 1 числа этого мѣсяца, вора повезли къ Мо-

*) С. Г. Гр. II, 593.

сквѣ *). На дорогѣ напалъ на провожавшій его отрядъ Лисовскій, и тутъ пришелъ конецъ вору. Лисовскій, хотѣвшій освободить его, одолѣвалъ; казаки, провожавшіе царика, бѣжали и тащили за собою связаннаго вора на конѣ, вдругъ онъ упалъ съ лошади; тогда кто-то изъ казаковъ прокололъ его копьемъ; потомъ ему накинули на шею веревку и привязали къ лошади. Такъ разсказываетъ шведскій историкъ **). По русскимъ извѣстіямъ, его успѣли провезти къ Москвѣ и тамъ казнили. Шведское извѣстіе, кажется, вѣроятнѣе, иначе — появленіе его подъ Москвою не обошлось бы безъ волненій. Какъ бы то ни было, когда Пожарскій шелъ къ Москвѣ, соперника этого уже не было.

Заруцкій стоялъ только за сына Марины. По этимъ именемъ нельзя было соединять всѣхъ. Было опасеніе, что какъ только Пожарскій явится, многіе казаки пристанутъ къ нему. Заруцкій рѣшилъ избавиться отъ Пожарскаго и подослалъ къ нему двухъ убійцъ — казаковъ Обрѣзку и Стеньку. Затесавшись въ ополченіе, они успѣли пріобрѣсти сообщниковъ между людьми, близкими къ предводителю. Вошли съ ними въ заговоръ человѣкъ семь; изъ нихъ одинъ жилъ во дворѣ князя; Пожарскій кормилъ его и одѣвалъ. Стали они выбирать случай убить князя. И вотъ одинъ разъ Пожарскій былъ въ съѣзжей избѣ, вышелъ, сталъ у разрядныхъ дверей и разсматривалъ пушки, какія изъ нихъ взять съ собою подъ Москву, какія покинуть. Около него была большая тѣснота. Какой-то казакъ Романъ схватилъ князя за руку: должно думать, онъ былъ соучастникъ убійцъ и хотѣлъ попридержать убиваемаго. Тогда изъ толпы, расталкивая людей, бросился на Димитрія Михайловича Стенька, направилъ свой ножъ въ животъ

*) Псковск. Лѣт. 330.

**) Videk. 353.

князю, но промахнулся и перерѣзалъ ногу казаку Роману. Казакъ упалъ и вопилъ отъ боли; князь Пожарскій сначала было думалъ, что казака нечаянно ранили въ толпѣ, но тутъ народъ закричалъ: «тебя хотятъ убить, господинъ!» Ратные и посадскіе схватили Степьку и стали мучить. Онъ во всемъ сознался, указалъ и на сообщниковъ. Народъ хотѣлъ всѣхъ перемучить, но князь Пожарскій не велѣлъ этого дѣлать: однихъ послалъ въ темницы по городамъ, другихъ приказалъ везти подъ Москву для обличенія Заруцкаго. Между тѣмъ, Заруцкій, подсылая тайно убійцъ, явно, вмѣстѣ съ Трубецкимъ, отправилъ къ Пожарскому посланцевъ съ извѣстіемъ, что Ходкѣвичъ приближается на помощь своимъ, и надобно Пожарскому съ ополченіемъ спѣшить къ Москвѣ.

И послѣ этого приглашенія Пожарскій оставался нѣсколько времени въ Ярославлѣ, пока не пришли къ нему новые посланцы изъ-подъ Москвы. Они были отъ ополченія украинныхъ городовъ; тамъ какъ узнали, что на Волгѣ собирались новыя ратныя силы, и какъ получили призывныя граматы отъ Пожарскаго, то выступили въ походъ, пришли подъ Москву и стали у Никитскихъ воротъ отдѣльно отъ казаковъ, которые за это начали дѣлать имъ пакости. Эти новопришлые послали къ Пожарскому отъ себя Ивана Кондырева и Ивана Бегичева: они разсказывали съ плачемъ объ оскорбленіяхъ, какія дѣлаютъ имъ казаки, говорили, что имъ не даютъ жалованья, и просили, чтобы Пожарскій шелъ скорѣе. Пожарскій далъ имъ жалованье деньгами и суквами, отпустилъ подъ Москву и велѣлъ сказать всѣмъ ратнымъ людямъ, что онъ съ ополченіемъ выходитъ тотчасъ и прибудетъ скоро.

Вслѣдъ за этимъ, Пожарскій выступилъ изъ Ярославля.

Отошедши семь верстъ, Пожарскій поручилъ свое войско князю Ивану Андреевичу Хованскому и Козьмѣ Мини-

ну и приказалъ вести его въ Ростовъ, а между тѣмъ въ сосѣдніе города побѣжали гонцы, понуждая людей этихъ городовъ и уѣздовъ спѣшить въ Ростовъ на сходъ. Самъ Пожарскій отправился поклониться гробамъ своихъ прародителей въ Спасскій Суздальскій монастырь, гдѣ впослѣдствіи довелось лежать и ему самому. То былъ благочестивый обычай, наблюдаемый въ княжескихъ родахъ предъ начатіемъ важныхъ дѣлъ. Въ то же время Пожарскій отправилъ воеводою Григорія Образцова на Бѣлоозеро—беречь тамошній край отъ шведовъ, если бы послѣдовало отъ нихъ нападеніе, а Михайло Самсоновича Дмитріева съ отрядомъ отправилъ подъ Москву и велѣлъ стать у Петровскихъ воротъ, но отдѣльно отъ казаковъ и не входить въ ихъ таборы. Окончивъ свой благочестивый подвигъ, Пожарскій прибылъ къ ополченію въ Ростовъ, посѣтилъ, въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ на Устьѣ, затворника Иринарха, предсказавшаго смерть Сапѣгѣ. Прозорливый на этотъ разъ предсказалъ Пожарскому успѣхъ и тѣмъ, конечно, ободрилъ его духъ. Когда Пожарскій готовился выступать изъ Ростова, явился къ нему новый посланецъ отъ подмосковнаго войска, атаманъ Кручина Внуковъ. Трубецкой черезъ него извѣщалъ, что Заруцкаго уже нѣтъ подъ Москвою.

Вотъ какъ это случилось.

Когда Кондыревъ и Бегичевъ воротились въ подмосковный таборъ и стали склонять казаковъ на сторону Пожарскаго, Заруцкій велѣлъ ихъ убить; но они спаслись въ станѣ Михайла Самсоновича Дмитріева, присланнаго недавно Пожарскимъ. Земское ополченіе по частямъ начало прибывать; въ казацкомъ таборѣ возникла рознь: многіе стали отпадать отъ Заруцкаго. На Трубецкаго не было уже надежды: онъ готовъ былъ тотчасъ перейти къ Пожарскому, какъ только послѣдній явится. Не дожидаясь прибытія этого опаснаго соперника, Заруцкій, 17-го іюля, ушелъ

ночью въ Коломну; за нимъ последовала часть табора; остальные казаки остались подъ Москвою, подъ начальствомъ Трубецкаго. Поляки поясняютъ это дѣло такъ: Ходкѣвичъ разсчиталъ, что Заруцкаго можно склонить куда угодно, и подослалъ къ нему какого-то товарища Бориславскаго. Тотъ прибѣжалъ въ подмосковный лагерь, объявилъ, что недоволенъ гетманомъ и хочетъ служить русскому дѣлу. Его приняли казаки. Тогда онъ вручилъ тайно Заруцкому письмо Ходкѣвича. Въ войскѣ казацкомъ было нѣсколько поляковъ: они были въ соумышленіи съ Бориславскимъ. Но одинъ изъ нихъ, Хмѣлевскій, донесъ объ этомъ Трубецкому. Поляковъ перехватали, пытали и замучили. Бориславскаго сожгли живьемъ. Заруцкому нельзя было оставаться, и онъ убѣжалъ *). Заруцкій не долго былъ въ Коломнѣ, гдѣ жила Марина, ограбилъ городъ и убѣжалъ вмѣстѣ съ Мариною и ея ребенкомъ въ Михайловъ.

Вслѣдъ за бѣгствомъ Заруцкаго, пришелъ подъ Москву еще одинъ отрядъ князя Пожарскаго-Лопаты и сталъ особымъ станомъ между Тверскими и Никитскими воротами. Между тѣмъ главное ополченіе изъ Ростова прибыло въ Переяславль-Залѣсскій. Всѣ годные къ битвѣ переяславцы пристали къ нему. Оттуда Пожарскій шелъ къ Троицѣ принять благословеніе отъ чудотворца Сергія, считавшагося издревле хранителемъ русской земли отъ иноплеменныхъ. 14 августа, ополченіе стояло между монастыремъ и Клементьевскою слободою. Тутъ къ нему пришли дворяне и казаки изъ-подъ Москвы и просили идти скорѣе, затѣмъ что Ходкѣвичъ приближается къ столицѣ. Пожарскій немедленно отправилъ подъ Москву еще одинъ отрядъ подъ начальствомъ князя Василія Туренина и велѣлъ ему стать

---

*) Hist. Chodk. II.—Niemc. III. 22.—Krajewski, 44, 49.

у Чертольскихъ воротъ. Другой отрядъ отправили тогда же въ отдаленный Архангельскъ *), чтобы оттуда моремъ не сдѣлано было нападенія отъ какихъ бы то ни было иноземцевъ. Тогда уже русскіе поняли, что надобно спасать свою землю исключительно своими собственными силами, а всякая иноземная помощь скорѣе можетъ приносить вредъ, чѣмъ пособіе. Отрядъ иноземныхъ воиновъ—сбродъ изъ разныхъ странъ—хотѣлъ вступить въ службу Московскаго государства (Андріанъ Фрейгеръ, Артуръ Эстонъ, Яковъ Гиль) и биться вмѣстѣ съ русскими противъ польскихъ и литовскихъ людей. Извѣстили Пожарскаго, что они прибудутъ осенью въ Архангельскъ, и просили заключить съ ними договоръ. Пожарскій отвѣчалъ, что «бояре и воеводы великихъ государствъ россійскаго царствія благодарятъ ихъ и похваляютъ за желаніе, но теперь наемные люди не надобны Московскому государству; были польскіе и литовскіе люди сильны Московскому государству до тѣхъ поръ, пока само Московское государство было въ розни, а теперь московскіе люди стали за-одно; тѣ, которые были въ воровствѣ, отстали отъ воровства; изъ доходовъ, какіе собираются, дается жалованье ратнымъ людямъ, стрѣльцамъ и казакамъ, а бояре, окольничьи, стольники, дворяне и дѣти боярскіе служатъ и бьются за вѣру и за свое отечество безъ жалованья». При этомъ Пожарскій замѣтилъ, что русскимъ людямъ удивительно то, что иноземцы, хотѣвшіе вступить на службу Московскому государству—въ совѣтѣ съ французомъ, Яковомъ Маржеретомъ. «Мы его знаемъ достаточно — писалъ Пожарскій— онъ при Борисѣ выѣхалъ изъ цесарской земли съ дьякомъ Власьевымъ, былъ пожалованъ помѣстьемъ и жалованьемъ; при Шуйскомъ отправился во французскую землю, а по-

---

*) С. Г. Гр. II. 606.

томъ снова пришелъ въ Московское государство, присталъ подъ Москвою къ вору, который назвался вновь Димитріемъ Углицкимъ, проливалъ христіанскую кровь, потомъ присталъ къ полякамъ, приходилъ съ Жолкѣвскимъ подъ Москву, остался съ Гонсѣвскимъ въ Москвѣ, и когда поляки жгли Москву и рубили людей, онъ проливалъ христіанскую кровь злѣе польскихъ людей, и потомъ ушелъ вмѣстѣ съ измѣнникомъ Михайломъ Салтыковымъ, награбивши московской казны. И теперь ему бы намъ противъ польскихъ людей помогать? Мы удивляемся этому. Намъ кажется, Яковъ хочетъ войти въ Московское государство, по умышленію польскаго короля и польскихъ и литовскихъ людей, чтобы учинить Московскому государству какое-нибудь зло».

Стоя близъ Троицы, Пожарскій принималъ отъ Діонисія благословеніе войску. Ополченіе было поставлено въ порядкѣ на горѣ Волкушѣ. Со звономъ вынесли изъ монастыря икону Живоначальной Троицы, иконы мѣстныхъ чудотворцевъ Сергія и Никона. Діонисій совершилъ водоосвященіе и окропилъ имъ войско. Разсказываютъ, будто въ то время сильный вѣтеръ дулъ прямо въ лицо войску, обращенному на путь къ Москвѣ. Но какъ только совершилось водоосвященіе, вѣтеръ сталъ дуть ополченію въ тылъ. Это сочтено добрымъ предзнаменованіемъ. Московскіе люди утѣшались мыслью, что Богъ побораетъ по нихъ и благословляетъ ихъ на благое начинаніе.

III.

Струсь замѣняетъ Гонсѣвскаго въ Кремлѣ. — Движеніе Ходкѣвича.— Прибытіе Пожарскаго къ Москвѣ. — Битва на Дѣвичьемъ-Полѣ. — Битва на Замоскворѣчьи. — Отбитіе возовъ съ запасами. — Потери Ходкѣвича.—Его отступленіе отъ Москвы.

Въ теченіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ, когда Пожарскій стоялъ въ Ярославлѣ, положеніе поляковъ въ Кремлѣ было таково, что ихъ выжить оттуда было легче, чѣмъ послѣ; оттого-то власти троицкія такъ торопили Пожарскаго. Ходкѣвичъ стоялъ въ Можайскѣ и ожидалъ свѣжихъ силъ. Смоленскій воевода, Якубъ Потоцкій, извѣстилъ его, наконецъ, что высылаетъ племянника своего, Николая Струся, съ тремя тысячами, на смѣну тѣмъ, которые сидѣли въ Кремлѣ. Но Потоцкій, соперникъ Ходкѣвича, хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ удалить литовскаго гетмана отъ участія и настроилъ своего племянника въ такомъ же духѣ. Ходкѣвичъ выступилъ изъ Можайска и сталъ за пятьдесятъ верстъ отъ Москвы. Здѣсь онъ ожидалъ Струся цѣлыхъ четыре недѣли. Изъ его стана доставляли кремлевскому гарнизону продовольствіе; свободно проходили въ Кремль запасы. Жолнѣры требовали жалованья, а Ходкѣвичъ успокоивалъ ихъ письменнымъ ручательствомъ, увѣрялъ, что король пріѣдетъ ко дню св. Матвѣя, 12 сентября, и уговаривалъ подождать до этого времени. Съ своей стороны, онъ писалъ къ королю, упрашивалъ его идти поскорѣе подъ Москву съ Владиславомъ и собрать плату для войска. Послѣ четырехъ недѣль стоянки, Ходкѣвичъ двинулся къ Москвѣ. Струсь шелъ вслѣдъ за нимъ. Въ первыхъ числахъ іюня, Ходкѣвичъ перешелъ Москву рѣку и сталъ на Дѣвичьемъ-Полѣ; и Струсь пришелъ подъ Москву и сталъ особымъ обозомъ. Тутъ начались переговоры и споры.

Струсь требовалъ, чтобы Гонсѣвскій сложилъ съ себя званіе начальника Москвы и уступилъ ему. Ходкѣвичъ сталъ защищать Гонсѣвскаго и считалъ требованіе Струся оскорбленіемъ заслугамъ Гонсѣвскаго. Но самъ Гонсѣвскій разсудилъ, что честь не велика оставаться въ столицѣ и благоразумнѣе будетъ уступить ее сопернику, который безразсудно домогался этой чести. Онъ мало надѣялся успѣха при медленности Сигизмунда, при всеобщемъ ожесточеніи русскихъ противъ польской власти, при деморализаціи войска. Онъ видѣлъ впереди плачевный исходъ всего московскаго дѣла—и охотно сложилъ съ себя начальство. Струсь съ своимъ отрядомъ вошелъ въ Кремль. Тогда сторонники Гонсѣвскаго нашли въ этомъ предлогъ оставить Москву. Они раздражались тѣмъ, что любимый полководецъ оставилъ свое мѣсто, и сами не хотѣли повиноваться его сопернику. Такимъ образомъ, Струсь своимъ приходомъ скорѣе ослабилъ польскую власть въ Московской землѣ, чѣмъ усилилъ. Изъ прежнихъ воиновъ, занимавшихъ Кремль, со Струсемъ осталась только часть сапѣжинцевъ подъ командою Будзила *). Остальные примкнули къ войску Ходкѣвича, но требовали уплаты за тѣ вещи, которыя имъ были заложены. Заплатить имъ было нечѣмъ. Тогда четыре тысячи сапѣжинцевъ составили новую конфедерацію и ушли съ своими залогами въ Польшу—взыскивать самовольно слѣдуемое имъ за службу жалованье съ королевскихъ имѣній. Ходкѣвичъ разсчиталъ, что ему незачѣмъ стоять подъ столицею, и опять отправился сбирать продовольствіе кремлевскому гарнизону. Самъ онъ сталъ подъ Кранцарёвымъ **), а его жолнѣры ходили отрядами собирать запасы, и такъ

*) Надъ его пѣхотою поставленъ былъ Харлинскій, надъ конницею—Хоцимирскій.

**) Рук: Им. П. Б. 221.

какъ вблизи повсюду край былъ ограбленъ, то они пустились въ глубину Новгородской земли, и тамъ были разбиты шведами *). Вся забота Ходкѣвича была та, чтобы какъ нибудь продовольствовать гарнизонъ до зимы, когда надѣялся прибытія короля до окончанія сейма. Тутъ-то самое удобное время было ярославскому ополченію явиться подъ Москвою. Но Ходкѣвичу, вѣроятно, было извѣстно, какъ не ладили русскіе въ ополченіи, и оттого-то онъ самъ не спѣшилъ. Уже въ августѣ поймали русскаго плѣнника, и тотъ сказалъ, что Пожарскій, наконецъ идетъ къ Москвѣ. Тогда Ходкѣвичъ двинулся къ столицѣ, посиѣшая придти туда раньше Пожарскаго.

Пожарскій предупредилъ Ходкѣвича и 20-го августа подходилъ къ разоренной столицѣ. Прежде всего онъ отправилъ передовой отрядъ высмотрѣть удобное мѣсто для стана. Посланные нашли такое мѣсто противъ Арбатскихъ воротъ.

Тутъ пришли и допущены были къ Пожарскому и Минину посланцы отъ Трубецкаго. Они приглашали ихъ съ ополченіемъ стать въ одномъ таборѣ съ казаками, но у земскихъ людей были живы воспоминанія временъ Ляпунова и оставалась сердечная непріязнь къ казачеству. Пожарскій и Мининъ отвѣчали: «Мы не можемъ стоять въ одномъ таборѣ съ казаками: они начнутъ враждовать съ нашими людьми».

Отпустивши посланцевъ, предводитель двинулъ ополченіе къ Москвѣ, и когда оно приближалось къ ея обширнымъ развалинамъ, Трубецкой самъ выѣхалъ на-встрѣчу Пожарскому. Трубецкой былъ бояринъ, пожалованный въ это званіе тушинскимъ воромъ. Пожарскій—только стольникъ. Трубецкой тогда на время ставилъ ни во что свое боярство и оказывалъ честь народному ополченію. Онъ просилъ стать

*) Videk. 362.

вмѣстѣ; но Пожарскій и Мининъ отвѣчали, что не будутъ стоять съ казаками. Трубецкой воротился огорченный.

Земское ополченіе стало станомъ, обогнувши (считая пришедшіе прежде отряды) часть Бѣлогородской стѣны отъ Петровскихъ воротъ до Алексѣевской башни на Москвѣ рѣкѣ. Главное ядро его было у Арбатскихъ воротъ; тамъ стояли Пожарскій и Мининъ. Ратные люди, заложивши станъ, стали копать около него ровъ и спѣшили работать, потому что безпрестанно выглядывали Ходкѣвича. Казаки занимали восточную сторону Бѣлаго-города и Замоскворѣчье. Въ послѣднемъ мѣстѣ имъ приходилось выдержать первый натискъ непріятеля. Все Замоскворѣчье было хорошо укрѣплено: прорыты были рвы, во рвахъ должна была сидѣть казацкая пѣхота.

Черезъ день, послѣ прибытія Пожарскаго, увидали ратные люди на западѣ идущее войско. Съ Ходкѣвичемъ, кромѣ стараго войска, были новыя силы *). За ними ѣхали огромные ряды въ нѣсколько сотъ возовъ съ набранными запасами. Ему нужно было привезти ихъ въ Кремль и въ Китай-городъ — осажденнымъ. Въ этомъ состояла вся задача его прибытія. Ходкѣвичъ сталъ переходить Москву рѣку у Дѣвичьяго-Поля. Трубецкой съ главною силою стоялъ у Крымскаго двора, въ тылу переправы. Онъ послалъ къ Пожарскому просить нѣсколько сотенъ въ подкрѣпленіе. Пожарскій послалъ ему.

Часть литовскаго войска успѣла переправиться черезъ рѣку и сбила московскую конницу, которая не допускала

---

*) Отрядъ литовцевъ, пятнадцать хоругвей, присланныхъ вновь изъ Польши, нѣсколько сотъ конныхъ и сто пѣшихъ привелъ къ нему князь Корецкій изъ Смоленска; полковникъ Невяровскій пришелъ къ нему съ восемью стами пѣхоты; отряды Граевскаго (въ 400 человѣкъ) и Млоцкаго (въ 200), восемь тысячъ украинскихъ казаковъ и неопредѣленное число вольныхъ охотниковъ явились подъ начальствомъ ротмистра Величинскаго.

переправляться. Московскіе люди покинули лошадей, стали биться пѣшіе: поляки погнали ихъ съ поля. Въ это время выскочили осажденные изъ Кремля къ Чертольскимъ воротамъ: у Ходкѣвича было намѣреніе черезъ эти ворота провезти запасы до Кремля. Московскіе стрѣльцы отбили польскій гарнизонъ съ урономъ. «Хорошо было—говоритъ участникъ дѣла—Москвѣ биться съ нами, наѣвшись хлѣба, а наши съ мая мѣсяца терпѣли недостатокъ; прежде, когда хлѣба вдоволь было,—и Москва намъ страшна не была; а теперь не то что руки, и ноги не слушали, чтобъ убѣгать» *). Ходкѣвичевы воины погнали московскихъ людей до Тверскихъ воротъ; но изъ-за печей и церквей разрушеннаго Землянаго города начали ихъ сильно поражать московскіе люди выстрѣлами со всѣхъ сторонъ.

Трубецкой долго только смотрѣлъ на битву. Казаки не хотѣли помогать земскимъ людямъ и еще подсмѣивались надъ ними: «богаты пришли изъ Ярославля! отсидятся отъ гетмана сами!» Только тѣ сотни, что были присланы Пожарскимъ, побѣжали въ бой, а за ними пошли четыре казацкихъ атамана со своими отрядами.

Въ слѣдующую ночь, московскій измѣнникъ, Григорій Орловъ, провелъ шесть сотъ гайдуковъ вдоль Москвы рѣки. Они напали на московскій острожекъ у церкви Егорія-на-Яндовѣ и овладѣли имъ. Самъ Орловъ вошелъ въ городъ и далъ знать осажденнымъ о положеніи и намѣреніяхъ Ходкѣвича.

Слѣдующій день, 23 августа, прошелъ безъ боя.

24 августа, на разсвѣтѣ, Ходкѣвичъ собралъ все войско, рѣшился идти на проломъ, во что бы то ни стало, и доставить осажденнымъ запасы. Пожарскій сталъ у Ильи Обыденнаго, Трубецкой у Лужниковъ. Гетманъ двинулся

*) Рукоп. Имп. Публ. Библ. Hist. Pol. IV, № 33.

къ Донскому монастырю; лѣвой стороною командовалъ онъ самъ, направо былъ Конецпольскій и четыре тысячи украинскихъ казаковъ, подъ начальствомъ атамана Ширая.

Посланные противъ него стрѣльцы были сбиты. Поляки пошли по Замоскворѣчью; конные спѣшились: невозможно было ѣхать верхомъ черезъ груды развалинъ; только на возахъ медленно везли запасы, расчищая путь. Казаки Ходкѣвича выбили казаковъ московской стороны, засѣвшихъ во рвахъ. Такимъ образомъ, воины Ходкѣвича достигли до Пятницкой улицы и напали на русскій острожекъ, поставленный близь церкви св. Климента, папы римскаго. Казаки, защищавшіе острожекъ, не выдержали. Литовцы захватили острожекъ, ввезли туда часть запасовъ и поставили свое знамя на стѣнахъ острожка въ знакъ побѣды. Но казаки тотчасъ же поправились; къ нимъ подоспѣли ихъ братья, бросились снова на острожекъ такъ внезапно, что литовцы не ожидали этого. Острожекъ достался казакамъ со ввезенными туда запасами. Но тутъ распространился между казаками ропотъ. Они кричали: «Что жь это? Дворяне только стоятъ да смотрятъ, а намъ не помогаютъ. Они богатятся имѣніями, а мы босы и наги, и голодны: не станемъ биться за нихъ».

Объ этомъ волненіи донесли Пожарскому. Тогда, по извѣстію, переданному келаремъ Авраааміемъ Палицынымъ, онъ обратился къ нему; Авраамій въ то время совершалъ богослуженіе у Ильи Обыденнаго. Келарь взялъ съ собою нѣсколькихъ дворянъ, перешелъ на Замоскворѣчье, достигъ острожка и, увидѣвъ толпу казаковъ, которая стояла надъ трупами литовцевъ, сталъ расточать имъ похвалы... «Отъ васъ, казаки — говорилъ онъ — началось доброе дѣло; вамъ слава и честь; вы первые возстали за христіанскую вѣру, претерпѣли и раны, и голодъ, и наготу; слава о вашей храбрости и мужествѣ гремитъ въ отдаленныхъ госу-

день со дня своей погибели, а крѣпитесь потому, что Николай Струсь и московскіе измѣнники Ѳедька Андроновъ съ товарищи упрашиваютъ васъ, ради живота своего, и хотя Струсь учинился у васъ гетманомъ, но не можетъ васъ спасти. Сами видѣли, какъ гетманъ приходилъ и какъ отъ васъ ушелъ со срамомъ и со страхомъ, а мы еще были тогда не со всѣми силами. Объявляемъ вамъ, что черкасы, которые были съ паномъ-гетманомъ, ушли отъ него разными дорогами; дворяне и дѣти боярскіе, ржевичи, старичане и прочихъ ближнихъ городовъ взяли въ плѣнъ живьемъ пять сотъ человѣкъ, а самъ гетманъ съ своимъ полкомъ, съ пѣхотою и съ служилыми людьми ушелъ въ Смоленскъ, 13 сентября, и въ Смоленскѣ нѣтъ ни души: всѣ воротились съ Потоцкимъ на помощь гетману Жолкѣвскому, котораго турки разбили. Королю вашему Жигимонту приходится теперь о себѣ самомъ помышлять, кто бы его отъ турокъ избавилъ. Жолнѣры Сапѣги и Зборовскаго въ Польшѣ разоренія чинятъ. Такъ вы не надѣйтесь, чтобы къ вамъ кто пришелъ на помощь. Все горе стало отъ неправды короля вашего Жигимонта и польскихъ и литовскихъ людей, нарушившихъ крестное цѣлованіе. И вамъ бы въ той неправдѣ душъ своихъ не губить и нужды такой и голоду за нихъ не терпѣть. Присылайте къ намъ, не мѣшкайте; сохраните свои головы, а я беру васъ на свою душу и всѣхъ ратныхъ людей своихъ упрошу: кто изъ васъ захочетъ въ свою землю идти, тѣхъ отпустимъ безъ всякой зацѣпки, а которые сами похотятъ Московскому государству служить, тѣхъ пожалуемъ по достоинству; а кому изъ вашихъ людей не на чѣмъ будетъ ѣхать, или идти не въ силахъ будетъ отъ голода, мы подмогу дадимъ, и какъ вы изъ города выйдете, мы прикажемъ противу вамъ выйти».

На это великодушное предложеніе польскіе предводите-

ли написали гордый отвѣтъ, превозносили вѣрность долгу и мужество поляковъ, съ омерзѣніемъ отвергали предложеніе сдаться, какъ измѣну, укоряли московскихъ людей въ вѣроломствѣ своимъ государямъ. «Не новость — писали они — для васъ, лгать въ своихъ писаніяхъ; у васъ нѣтъ стыда въ глазахъ; присмотрѣлись мы на храбрость и мужество ваше. Московскій народъ самый подлѣйшій въ свѣтѣ и по храбрости подобенъ osламъ или суркамъ, которые только тѣмъ и обороняютъ себя, что въ ямы прячутся. Видѣли мы своими глазами, какъ литовскій гетманъ далъ вамъ себя знать съ малыми силами. Мы, ожидая счастливаго прибытія государя нашего, короля, съ сыномъ Владиславомъ, не умремъ съ голоду, а дождемся его и возложимъ царю Владиславу на главу вѣнецъ вмѣстѣ съ вѣрными его подданными, сохранившими данную ему присягу, а вамъ Господь Богъ за кровопролитіе и разореніе Московскаго государства возложитъ кару на головы, и каждый старшій изъ васъ пусть ожидаетъ великой кары Божіей надъ собою. Не пишите къ намъ вашихъ московскихъ глупостей: не удастся вамъ ничего отъ насъ вылгать: мы вамъ стѣнъ не закрываемъ, добывайте ихъ, если онѣ вамъ нужны, а царской земли шишами и блинниками не опустошайте: пусть хлопъ идетъ къ сохѣ, попъ — къ церкви, купецъ — на свой торгъ: здоровѣе будетъ царству. Не пиши намъ сказокъ, Пожарскій; мы лучше тебя знаемъ, что польскій король усовѣтовалъ съ сенатомъ, какъ довести до конца московское дѣло и укротить тебя, архимятежника. Не былъ намъ турокъ страшенъ, и не будетъ; и не только со своими негодяями и шишами, что у тебя теперь — но если бы къ тебѣ пристало гораздо больше бунтовщиковъ такихъ, какъ ты, то и тогда не одолѣешь ты насъ, при помощи Божіей».

Осажденные надѣялись, что вернется гетманъ. Прохо-

дпли недѣли, гетмана не было. Русскіе палили па нихъ съ своихъ туръ, направляя выстрѣлы больше всего на башни; крѣпкимъ стѣнамъ ничего нельзя было сдѣлать, въ средину опасно было пускать ядра, чтобы не повредить церквей. На Замоскворѣчьи по всей линіи стояли казаки. Не смотря на то, что гарнизонъ былъ такимъ образомъ окруженъ русскими, оставалась возможность сношеній. 6 октября, жолнѣры могли еще высылать двухъ товарищей съ извѣстіемъ, что они не могутъ ждать болѣе недѣли и должны будутъ помереть отъ голода. Отвѣта не было. Некому было дать его. Гетманъ былъ далеко. Осажденные оставлены были на погибель.

Черезъ недѣлю послѣ того, голодъ достигъ ужасающихъ размѣровъ. «Въ исторіи нѣтъ подобнаго примѣра — говоритъ современный дневникъ — писать трудно, что дѣлалось. Осажденные переѣли лошадей, собакъ, кошекъ, мышей, грызли разваренную кожу съ обуви — и этого не стало; грызли землю, въ бѣшенствѣ объѣдали себѣ руки, выкапывали изъ могилъ гніющіе трупы, и съѣдено было, такимъ образомъ, до восьми сотъ труповъ, и отъ такого рода пищи и отъ голода смертность увеличивалась*)». При съѣденіи умершихъ соблюдался строевой порядокъ. За слѣдуемаго ко съѣденію товарища велись процессы, шло разбирательство, кто имѣетъ право его съѣсть. Въ одной шеренгѣ гайдуки съѣли умершаго товарища; тогда родственники умершаго жаловались ротмистру, что они по праву родства имѣли право его съѣсть, а гайдуки доказывали, что товарищи по службѣ имѣютъ на это болѣе права, находясь съ нимъ въ одномъ десяткѣ. Ротмистръ не зналъ, какъ разсудить ихъ, и опасаясь, чтобы раздраженные декретомъ не съѣли судью, бѣжалъ отъ нихъ. Стали и жи-

*) Lubienicki, Poloneutychia, 195.

вые бросаться на живыхъ, сначала на русскихъ, потомъ уже, не разбирая, пожирали другъ друга. Панъ не могъ довѣриться слугѣ, слуга пану — говоритъ въ письмѣ своемъ Будзило. Сильный зарѣзывалъ и съѣдалъ слабаго; одинъ съѣлъ сына, другой слугу, третій мать. Иные перескакивали черезъ кремлевскія стѣны и убивались, или счастливо спускались и отдавались русскимъ. Добродушные кормили ихъ и потомъ посылали къ стѣнамъ уговаривать товарищей сдаться. Казаки такихъ перебѣжчиковъ не миловали, мучили ихъ, ругались надъ ними и изрубливали въ куски.

Русскіе, скучая осадой, хотѣли кончить скорѣе, и стали рыть подкопъ, по направленію подъ Китай-городъ, но не искусно. Какъ ни истощены были поляки, но умѣли найти и уничтожить его, залили водою и поймали подкопщика.

Но это не помогло полякамъ удержать Китай-городъ. 22 октября, Трубецкой, стоявшій станомъ на восточной сторонѣ Китай-города, ударилъ на приступъ. Голодные не могли защищать и ушли въ Кремль. Русскіе вошли въ Китай-городъ, и первое, что они тамъ увидѣли, были чаны, наполненные человѣчиною.

Въ Китай-городъ внесли съ торжествомъ икону Казанской Богородицы и, во имя ея, русскіе дали обѣтъ построить церковь, которая и была впослѣдствіи построена, и до сихъ поръ она служитъ памятникомъ этого входа, подъ именемъ Казанской, находясь на Кремлевской площади, противъ кремлевскихъ Никольскихъ воротъ. Тогда, чтобы избавить себя отъ многолюдства, поляки выпустили изъ Кремля женщинъ и дѣтей: то были жены и дѣти боярскія; ихъ мужья и отцы боялись казаковъ и обратились къ Пожарскому съ просьбою о защитѣ. Пожарскій выѣхалъ ихъ встрѣчать. Казаки зашумѣли и кричали, что слѣдуетъ ограбить боярынь, которыя выходили изъ осады съ имуществами. Пожарскій, Мининъ и земскіе люди выѣхали воо-

руженные вперед — встрѣчать боярынь и приняли ихъ благополучно въ свой станъ. Казаки разъярились за то, что имъ не дали ограбить боярынь, и похвалялись убить самого Пожарскаго.

Между тѣмъ, выпустивши женщинъ, голодные стали совѣтоваться между собою, что̀ дѣлать. Ѳедоръ Андроновъ и другіе, подобные ему, противились сдачѣ; имъ лучше было померечь съ голода: они знали и надѣялись, что съ ними хуже голодной смерти будетъ, когда свои братья заберутъ ихъ въ руки. Но весь гарнизонъ зашумѣлъ и порывался отворять ворота, хоть бы на смерть. Самъ Струсь, мужъ великой храбрости и многаго разсужденія, какъ называетъ его русское сказаніе *), перестал уже храбриться. Послали къ русскимъ предводителямъ пословъ. Просили пощады, объявили себя военноплѣнными и выговорили одно только условіе. чтобы сдавшимся оставили жизнь. Предводители сперва посовѣтовались между собою, потомъ дали обѣщаніе, что ни одинъ плѣнникъ не погибнетъ отъ меча. Поляки, знавшіе свирѣпство казаковъ, уговаривались, чтобы начальствующія лица сдались только Пожарскому, а не хотѣли ни за что сдаться Трубецкому, но этого нельзя было сдѣлать. Трубецкой увѣрялъ, что онъ употребитъ все вліяніе, чтобы казаки не обижали плѣнныхъ.

24 октября, поляки отворили ворота на Неглинную (Троицкія) и стали выпускать бояръ и русскихъ людей. Впередъ всѣхъ вышелъ Мстиславскій, за нимъ бояре, составлявшіе совѣтъ, дворяне и купцы, сидѣвшіе въ осадѣ. Ихъ видъ возбуждалъ состраданіе. Пожарскій и Мининъ выѣхали встрѣчать ихъ со своимъ войскомъ. Казаки опять поднялись и кричали: «Надобно побить этихъ измѣнниковъ, а ихъ животы подѣлить въ войскѣ». Земское ополченіе ста-

*) Рук. Филар. 62.

ло въ боевой порядокъ. Русскіе вышли изъ воротъ и стали на каменномъ мосту въ нерѣшительности, и ожидали, какъ ихъ соотечественники начнутъ за нихъ бой между собою. Казаки показывали намѣреніе броситься на земское войско. Но до этого не дошло. Казаки покричали, пошумѣли и ушли въ свои таборы. Пожарскій и Мининъ съ честью проводили своихъ въ свой земскій станъ.

На другой день, 25 октября, отворились всѣ ворота Кремля. Русскіе хотѣли ознаменовать вступленіе въ свою столицу религіозною торжественностью. Земское войско собралось близъ Іоанна Милостиваго на Арбатѣ; войско Трубецкаго—за Покровскими воротами. И оттуда, и отсюда пошли архимандриты, игумены, священники въ облаченіи, съ крестами и иконами, въ Китай-городъ; за ними двигалось войско. Оба шествія сошлись въ Китай-городѣ на Лобномъ мѣстѣ. Здѣсь запѣли молебенъ. На челѣ духовенства стоялъ тогда доблестный Діонисій, нарочно прибывшій изъ своей обители. Тогда изъ Фроловскихъ (Спасскихъ) воротъ вышли къ нимъ на встрѣчу архіепископъ гласунскій Арсеній съ кремлевскимъ духовенствомъ. Самъ Арсеній держалъ въ рукахъ Владимирскую икону Богородицы. Показавши себя сторонникомъ Владислава, этотъ духовный чужеземецъ старался передъ русскими загладить свое уклоненіе. Онъ разсказывалъ, что передъ тѣмъ, какъ русскіе овладѣли Китай-городомъ, ему являлся св. Сергій и предрекъ побѣду своихъ соотечественниковъ. Соединившись, духовенство вошло въ Кремль къ Успенскому собору и тамъ совершило литургію и благодарственный молебенъ.

И въ Кремлѣ, какъ въ Китай-городѣ, русскіе увидѣли чаны съ человѣчьимъ мясомъ, слышали стоны и проклятія умиравшихъ въ мукахъ голода. Горько тронуло русскихъ опустошеніе церковныхъ и царскихъ сокровищъ. Поляки побросали оружіе и ожидали своей судьбы. Ихъ погнали

въ таборы. Струся заперли въ Чудовомъ монастырѣ; остатокъ его полка отдали казакамъ. Будзила взялъ Пожарскій къ себѣ съ остатками его сапѣжинцевъ. Все имущество плѣнныхъ было сдано въ казну; Мининъ распоряжался отборомъ, и все это отдали казакамъ въ награду.

Тѣ плѣнники, которые достались Пожарскому и земскимъ людямъ, уцѣлѣли; ихъ отправили въ разные города. Но казаки не вытерпѣли и, въ противность крестному цѣлованію, перебили чуть не всѣхъ. Изъ пѣхоты не осталось ни одного въ живыхъ. По русскимъ городамъ народъ былъ ожесточенъ за раззореніе Москвы и опустошеніе Московскаго государства; въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда посланъ былъ Будзило съ товарищами, плѣнныхъ чуть не разорвали; народъ озлобился даже на воеводъ, которые ихъ стали оборонять, и едва-едва мать Пожарскаго спасла ихъ отъ позорной смерти.

Плѣнныхъ позапирали въ темной и сырой тюрьмѣ. Другіе сосланы были въ Ярославль, въ Галичъ, на Бѣлоозеро, въ Вологду. Будзило изъ тюрьмы писалъ къ королю, описывалъ крайность, которая заставила ихъ сдаться, и умолялъ обратить на плѣнныхъ вниманіе и избавить ихъ отъ тяжелой неволи. Впослѣдствіи, однако, новоизбранный государь приказалъ ихъ содержать не какъ узниковъ, а, по выраженію посла, дававшаго объ нихъ объясненія нѣмецкому императору *), какъ учтивыхъ людей; велѣлъ давать имъ кормы довольные и на платья. Черезъ посредство Струся, пересылавшаго нужное женѣ своей въ Польшу, онъ отправлялъ своему плѣнному отцу деньги. Вообще уже при Михаилѣ Θеодоровичѣ, до размѣна плѣнныхъ, съ ними обходились такъ хорошо, что они позволяли себѣ даже буянить.

---

*) Пам. Дипл. Снош. II, 1221.

V.

Прибытіе короля Сигизмунда съ Владиславомъ въ Московское государство. — Станъ подъ Волокомъ-Ламскимъ. — Неудачное посольство въ Москву.—Сигизмундъ уходитъ домой.—Избраніе въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова.

Освобожденіе Москвы не избавило еще русскихъ отъ новыхъ опасностей. Когда кремлевскій гарнизонъ доведенъ былъ голодомъ до сдачи, король Сигизмундъ былъ уже въ Московскомъ государствѣ. Долго Жолкѣвскій, Ходкѣвичъ и другіе паны уговаривали его выступить съ сыномъ, чтобы спасти свое дѣло: все было напрасно. Король медлилъ. Наконецъ, только лѣтомъ 1612 года, онъ прибылъ въ Вильну съ королевою, съ сыномъ Владиславомъ и цѣлымъ дворомъ. Были разосланы универсалы къ войску, которое расположилось въ южныхъ провинціяхъ и безчинствовало. Оно не послушалось короля, не двигалось съ мѣста, не надѣялось на уплату жалованья и предпочитало пользоваться грабежемъ въ своемъ отечествѣ, чѣмъ идти искать счастія въ чужой землѣ. Только пришли въ Вильну, въ концѣ августа, два пѣшихъ полка подъ начальствомъ Теодора Денгофа и Урзенберга. Съ ними отправился король въ Оршу, а между тѣмъ, 25-го сентября, послалъ въ Москву Ивана Салтыкова съ граматою, гдѣ извинялся передъ боярами тѣмъ, будто Владиславъ былъ нездоровъ, и это помѣшало его прибытію на царство въ надлежащее время *). Только теперь король убѣдился, что съ Москвою иначе сладить нельзя, какъ показать ей Владислава. Прождавши въ Оршѣ напрасно нѣсколько времени новыхъ силъ, король въ октябрѣ двинулся далѣе и прибылъ въ Смо-

*) Собр. Госуд. Гр. II, 607.

ленскъ. Здѣсь стояла на квартирахъ еще часть войска, но оно не хотѣло слѣдовать за Сигизмундомъ; не склонили рыцарства его просьбы и обѣщанія; только тысяча двѣсти конныхъ, уговоренные королемъ, рѣшилась идти за нимъ. Съ этими ничтожными силами король выѣхалъ изъ Смоленска, съ нимъ ѣхалъ Владиславъ. Отецъ везъ его теперь на показъ московскимъ людямъ, какъ избраннаго ими царя. Дурное предзнаменованіе огорчило его, когда онъ съ сыномъ выѣзжалъ изъ воротъ, называемыхъ Княжими. Оборвалась цѣпь, на которой висѣлъ опускной воротный щитъ; король и Владиславъ должны были повернуть назадъ и выѣхать изъ Смоленска другими воротами. «Не будетъ успѣха предпріятію!» говорили послѣ этого. Король прибылъ въ Вязьму. Туда примкнулъ и Ходкѣвичъ съ своимъ, отбитымъ отъ столицы, войскомъ. Еще не знали ни король, ни Ходкѣвичъ о томъ, что сдѣлалось съ московскимъ гарнизономъ; они спѣшили его выручать. Выступивши изъ Вязьмы, король прибылъ въ село Ѳедоровское: тутъ принесли ему вѣсть, что поляки въ Кремлѣ погибли отъ голоду, остальные сдались и столица въ рукахъ Пожарскаго. Никто не приходилъ на поклонъ ни къ Сигизмунду, ни къ Владиславу. Кругомъ бродили шиши, хватали и замучивали польскихъ воиновъ, когда они отправлялись за продовольствіемъ.

Но подъ Москвою вѣсть о пріѣздѣ короля надѣлала всполоху. Воеводы, покончивши поляковъ, стали-было по-прежнему ссориться между собою, и казаки по прежнему завраждовали съ земскими, какъ вдругъ отъ пойманнаго посланнаго въ Москву гонцомъ сына боярскаго, Енгильдѣева, узнали, что Сигизмундъ съ Владиславомъ въ Вязьмѣ. Вѣсть эта принесена была не точно. Енгильдѣева пытали, но онъ не сказалъ, сколько у короля войска; московскіе люди могли ожидать большихъ силъ, но болѣе опаснымъ, чѣмъ вся-

кое войско, казалось появленіе Владислава. Боялись, что русскіе, какъ только узнаютъ, что Владиславъ, давно ожидаемый царь, наконецъ, пріѣхалъ, — вспомнятъ свою присягу, скажутъ, что стало быть Сигизмундъ ихъ не обманывалъ, и примутъ Владислава на царство. Тогда стоявшимъ подъ Москвою и выгнавшимъ польскій гарнизонъ было бы худо. Прибытіе Владислава замедлило выборъ новаго государя, который иначе долженъ былъ начаться тотчасъ по изгнаніи поляковъ изъ Кремля. Король изъ Ѳедоровскаго шелъ на Погорѣлое-Городище. Сидѣвшій тамъ воеводою князь Шаховской сталъ обороняться, но въ то же время послалъ къ Сигизмунду сказать такъ: «Иди, король, подъ Москву; будетъ Москва за тобой, и мы всѣ будемъ».

Король нашелъ этотъ отвѣтъ справедливымъ, оставилъ Городище и подошелъ подъ Волокъ-Ламскій. Время текло. Кончался ноябрь; начиналась зимняя стужа. Король заложилъ станъ подъ Волокомъ и отправилъ въ Москву двухъ бывшихъ въ посольствѣ съ Филаретомъ: князя Данила Мезецкаго и дьяка Грамотина — уговаривать московское войско признать Владислава; съ ними поѣхали Самуилъ Зборовскій, Андрей Млоцкій съ отрядомъ въ тысячу человѣкъ. Воеводы, узнавши о такихъ гостяхъ, не только рѣшились не входить съ ними ни въ какіе переговоры и толки о Владиславѣ, а еще выслали противъ нихъ рать, чтобы прогнать отъ города и не допустить ихъ, ставши вблизи, подъ предлогомъ переговоровъ, разсѣевать смуту въ русскомъ таборѣ.

Поляки взяли въ плѣнъ одного смольнянина, по имени Ивана Философова, и стали допытываться у него: много ли подъ Москвою войска, есть ли запасы и есть ли желающіе видѣть королевича на царствѣ? Философовъ отвѣчалъ: «Москва людна и хлѣбна; всѣ обѣщались не брать королевича на царство и умирать за православную вѣру!» Съ этимъ отвѣтомъ поляки и Грамотинъ воротились подъ Волокъ. Князь

Мезецкій съ обратнаго пути убѣжалъ къ своимъ подъ Москву. Между тѣмъ самый Волокъ не думалъ отдаваться Сигизмунду. Засѣвшіе тамъ казаки отбивали приступы. Сигизмундъ видѣлъ образчикъ, какъ будутъ встрѣчать московскіе люди царя, котораго теперь не въ пору имъ навязывали. Морозы становились все суровѣе. Продовольствіе истощалось. Подвозъ изъ Смоленска былъ затруднителенъ, а собирать запасы въ Московскомъ государствѣ мѣшали бродившія по пути шайки шишей *).

Кругомъ край былъ опустошенъ, а посылать подальше

*) Въ одной изъ граматъ царя Михаила Ѳеодоровича, 1619 г., говорится о крестьянинѣ Иванѣ Сусанинѣ, котораго польскіе и литовскіе люди, пришедши въ Костромской уѣздъ, около этого времени, пытали немѣрными муками и допрашивали: гдѣ находился тогда Михаилъ; но Сусанинъ, зная, гдѣ онъ находился, не сказалъ имъ, и они его замучили до смерти. Въ статьѣ: «Иванъ Сусанинъ», напечатанной въ первомъ томѣ «Историческихъ Монографій и Изслѣдованій», показана несостоятельность позднѣйшихъ подробностей объ этой личности и, именно, несообразность съ обстоятельствами извѣстія о приходѣ польскихъ и литовскихъ людей въ Костромской уѣздъ, а равно и невозможность, если бы они, въ самомъ дѣлѣ, туда приходили, ограничиться спросомъ и пытками одного только лица. Правдоподобно было бы допустить, что это происшествіе случилось не въ Костромскомъ уѣздѣ, а гдѣ нибудь поближе къ Волоку, гдѣ стояли тогда польскіе и литовскіе люди. Они должны были знать о желаніи русскаго народа избрать Романова, и очень естественно было дать какому-нибудь разъѣзду, который отправлялся за продовольствіемъ, порученіе развѣдать, гдѣ находился Михаилъ Романовъ. Отправленные въ разъѣздъ могли схватить крестьянина изъ вотчины Михаила и допрашивать его, а другихъ русскихъ, которые могли быть при этомъ, не трогать, если они были изъ другихъ мѣстностей, не принадлежали Романовымъ и, слѣдовательно, не возбуждали подозрѣнія, что они знаютъ о мѣстопребываніи Михаила. Эти послѣдніе и могли принести объ этомъ событіи вѣсть въ Кострому. Зять Сусанина, просившій черезъ семь лѣтъ себѣ вознагражденія за смерть тестя, могъ не знать въ точности, гдѣ убійство совершилось, а подъячіе, не всегда наблюдая точность выраженій въ граматахъ, могли поставить извѣстіе о приходѣ польскихъ и литовскихъ людей въ Костромской уѣздъ въ томъ смыслѣ, что они еще намѣревались идти въ Костромской уѣздъ. Впрочемъ, это только предположеніе.

собирать запасы нельзя было: силъ было мало. Ничего не оставалось Сигизмунду съ Владиславомъ, какъ уйти назадъ, и онъ ушелъ со срамомъ въ Смоленскъ, а изъ Смоленска — въ Польшу.

Московскіе воеводы оповѣстили граматою, отъ 21-го декабря, по всей землѣ объ избавленіи Москвы, и приказали повсюду пѣть молебны, звонить въ колокола—на радости, что Москва освободилась отъ польскихъ и литовскихъ людей. Тогда оставалось выбрать царя. Еще изъ Ярославля Пожарскій писалъ во всѣ города, чтобы отовсюду присылали выборныхъ людей для этого важнаго дѣла. Но, вѣроятно, число присланныхъ оказалось недостаточнымъ, или, быть можетъ, несостоятельнымъ, притомъ же бояре и вообще сановники, бывшіе прежде съ поляками въ Кремлѣ, избѣгая народнаго мщенія, разъѣхались изъ Москвы. Нужно было ихъ собрать. На совѣтѣ, который воеводы держали съ людьми всякихъ чиновъ, бывшими тогда въ столицѣ, порѣшили послать и послали еще новую грамату во всѣ города, чтобы вездѣ выбирали лучшихъ и разумныхъ людей для избранія государя на государства Владимирское, Московское, Новгородское, и на царства Казанское, Астраханское и Сибирское, и на всѣ русскія государства, кого Богъ дастъ *). «Пусть—говорили тогда—избраніе сіе совершится отъ Бога, а не отъ человѣкъ»**).

Но пока состоялось желанное избраніе, станъ подъ Москвою представлялъ величайшую неурядицу. Знатные воеводы и бояре ссорились между собою; у многихъ были подобранныя партіи: люди служилые, поддѣлавшись къ тому или другому изъ бояръ, соблазняли ихъ тѣмъ, что обѣщали для нихъ изъ себя готовую силу противъ соперниковъ.

---

*) Kobierz. Hist. Vlad. VII. 451—455.
**) С. Г. Г. III, 2.

Некоторые изъ бояръ думали получить царскій вѣнецъ, но кто именно этого тогда домогался — не сохранилось извѣстій. Между тѣмъ, у казаковъ съ земскими продолжались раздоры. Казаки страшно безчинствовали. Ихъ отряды бѣгали изъ-подъ Москвы по разнымъ краямъ, грабили и мучили жителей. По извѣстіямъ хронографовъ, въ первые мѣсяцы послѣ изгнанія поляковъ изъ Москвы, казаки такъ дурно вели себя, что русская земля страдала отъ нихъ тогда еще хуже, чѣмъ прежде. Все, что успѣвали казаки награбить по окрестностямъ, подъ Москвою пропивалось и проигрывалось въ карты и кости. Бѣшеное военное разгулье кипѣло въ казацкомъ таборѣ, состоявшемъ въ значительномъ числѣ изъ малоруссовъ: день и ночь гремѣли бандуры, сурьмы, цимбалы, кобзы, гусли; разливались веселыя пѣсни, пилось вино, плясали веселыя женщины, ломались, съ своими непристойными дѣйствами, схоморохи. Благочестивые люди страшились, чтобы Господь не навелъ опять какого нибудь горя на землю русскую, ужъ и такъ запустѣвшую «отъ беззаконныхъ люторовъ и мерзкихъ отступниковъ латинъ, варваровъ татаръ и разбойниковъ черкасъ»; и троицкія власти написали велерѣчивое посланіе, убѣждали воеводъ прекратить ссоры, напоминали имъ о любви Христовой, а паппаче убѣждали воздерживаться отъ разгула: «Облекитесь въ Господа Іисуса Христа и не творите въ похотяхъ попеченія плоти; вы, сущіе во власти, нынѣ беззаконно и богопротивно пируете, съ гуслями, съ сурмами и цимбалами и всяческими смѣхотвореніями, обливаючи себя скверпословіемъ и буесловіемъ» *).

Но при попойкахъ и забавахъ шли работы: обновляли церкви, строили жилья. Москва начинала принимать видъ города.

*) А. А. Э. II, 373.

Изъ одного письма Гонсѣвскаго *) видно, что выборные для избранія царя съѣзжались въ Москву два раза. Гонсѣвскій въ то время, когда король предпринялъ свой походъ, ходилъ съ отрядомъ подъ Осташковъ и, ничего надъ нимъ не сдѣлавши, воротился; тогда онъ поймалъ торопецкихъ выборныхъ людей, которые, по ихъ показанію, ѣздили въ столицу для избранія царя, но не сошлись и уѣзжали назадъ. Пойманные дѣти боярскіе говорили, что избраніе послѣдуетъ 23 марта. По всѣмъ соображеніямъ этотъ первый съѣздъ происходилъ въ декабрѣ 1612 г. Мы, къ несчастію, не знаемъ никакихъ подробностей объ этомъ важномъ событіи. Второй съѣздъ начался ранѣе того срока, какой показывали Гонсѣвскому плѣнные наши, съѣзжавшіеся въ февралѣ.

Когда съѣхалось въ Москву достаточное число выборныхъ людей, опредѣлили триднeвный строжайшій постъ; мужчины, женщины и малыя дѣти не должны были ничего отвѣдывать въ эти дни. Межъ тѣмъ все служили молебны, просили Бога вразумить выборныхъ и руководить ихъ важнымъ дѣломъ. Хотѣли, чтобы избраніе было указано свыше, чтобы совѣсть избирателей была спокойна, чтобы народъ потомъ зналъ и вѣрилъ, что онъ повинуется божьему персту, а не человѣческому измышленію.

По совершеніи поста, начался выборъ. Прежде всего единодушно всѣ объявили, что отнюдь не выбирать никакого иноземца, ни законопреступнаго сына Марины. Изъ Новгорода прибылъ на соборъ Богданъ Дубровскій, въ качествѣ посланника отъ Делагарди, и объявилъ, что королевичъ

*) Хранится въ рукописяхъ Радзивиловскаго архива въ Несвижѣ: тамъ говорится: ztamtąd (отъ Осташкова) do zwego kosza wracaiąc się natrafil na posłow toropeckich ktòrzy do stolicy na obieranie cara posyłani byli, ale sis nań nie zgodziwszy nazad nię z czym odjachali, stych kilkanastu synow boiarskich żywcem poimano: powiadaią że electia nzowu miała być pro 23 Marza и проч.

уже идетъ въ Новгородъ, напоминая, что изъ Ярославля ссылались объ этомъ. Ему велѣли передать Делагарди такой отвѣтъ воеводъ и выборныхъ людей: «У насъ и на умѣ того нѣтъ, чтобъ намъ взять иноземца на Московское государство; а что мы съ вами ссылались изъ Ярославля, такъ это мы дѣлали для того, чтобы вы намъ въ тѣ поры не помѣшали и не пошли на наши морскіе города: теперь же Богъ Московское государство очистилъ, и мы рады съ помощію Божіею идти биться за очищеніе и Новгородскаго государства». Никто, еслибъ внутренно и хотѣлъ, не посмѣлъ тогда заикнуться объ избраніи какого бы то ни было иноземца. Всѣ согласились на то, чтобъ выбрать достойнаго царя изъ своихъ.

Казалось, нечего было даже разсуждать. Заранѣе можно было предвидѣть, что выборъ падетъ на Михаила, сына Филаретова. Еще въ 1610 году, Жолкѣвскій видѣлъ, что тѣ изъ московскихъ людей, которые не желаютъ имѣть царемъ иноземца, желаютъ—одни Голицына, другіе Михаила Романова. Теперь Голицына не было. Михаилу никто не мѣшалъ. Никакой другой родъ въ Московскомъ государствѣ не пользовался такою любовью, и никто не заслужилъ ея болѣе, какъ родъ Романовыхъ. Въ народномъ чувствѣ не изглаживалась память добродѣтельной Анастасіи; помнили любимаго въ свое время народомъ Никиту Романовича; не только никто на него не могъ сказать, чтобы онъ былъ причастенъ къ мучительствамъ царя Ивана Грознаго, но о немъ сохранились преданія, что онъ постоянно заступался за мучениковъ, хоть и самому ему за то грозилъ гнѣвъ царскій. Свѣжи были въ народномъ воспоминаніи страданія его дѣтей при Борисѣ, печальная смерть трехъ братьевъ въ изгнаніи, заточеніе Θеодора и его супруги. Народъ въ то время ужасно выстрадалъ; у него и сочувствіе обращалось къ такому роду, который

также выпилъ горькую чашу, да еще безвинно. У русскаго народа съ Романовыми, поэтому, стала сердечная, крѣпкая связь взаимныхъ страданій. Наконецъ, послѣдній подвигъ Филарета, его твердость въ дѣлѣ посольства, его плѣнъ во вражеской землѣ, все давало ему въ народномъ воображеніи значеніе мученика за святую вѣру, за русскую землю, за правое дѣло. Все это должно было склонять всѣ сердца, усиливать всѣ побужденія въ пользу Михаила. Не обошлось, однако, безъ волненій и козней, пока еще не съѣхались всѣ на соборъ и не приступали къ рѣшительному выбору. Домогались нѣкоторые изъ бояръ получить вѣнецъ, подкупали голоса, подсылали своихъ пособниковъ къ выборнымъ: это производило волненіе. Есть извѣстіе, что были голоса въ пользу Василія Голицына, который находился въ Польшѣ въ плѣну; но его положеніе не давало хода такимъ заявленіямъ; тоже не кстати вспоминали о возвращеніи короны Шуйскому; было мнѣніе въ пользу Воротынскаго, но противъ этого возразили тотчасъ, что онъ уже старъ. Ѳедоръ Шереметьевъ, родственникъ Романовыхъ, склонялъ думныхъ людей въ пользу Михаила Ѳедоровича, и указывалъ, что народъ весь его одного хочетъ *).

Начались письменныя извѣщенія дворянъ, что они желаютъ царемъ Романова, а потомъ послѣдовало такое же заявленіе и отъ казаковъ о томъ, что ближе всѣхъ къ преж-

---

*) Извѣстный нашъ даровитый писатель П. И. Мельниковъ, занимавшійся нѣкогда самъ смутною эпохою, много видѣвшій въ разныхъ мѣстахъ старыхъ актовъ, относящихся къ этимъ временамъ, сообщилъ мнѣ, что знаетъ о существованіи письма Ѳедора Шереметьева къ Голицыну, находившемуся тогда въ плѣну, гдѣ было сказано: «Выберемъ Мишу Романова, онъ молодъ и еще глупъ». Смыслъ этого письма таковъ, что бояре склонились къ выбору Романова, между прочимъ, потому, что, при его молодости и неопытности, думали править сами и поступать по своей волѣ.

нему царскому роду — Романовы. Толпа изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и казацкихъ атамановъ пришла къ Авраамію Палицыну, который жилъ тогда въ Богоявленскомъ монастырѣ на „Троицкомъ подворьи. Принесли ему челобитную, подписанную многими, объ избраніи Романова, кланялись и просили, чтобъ Авраамій представилъ эту челобитную освященному собору, боярамъ и всѣмъ земскимъ людямъ. Палицынъ похвалилъ ихъ за то и представилъ это мнѣніе. Въ это время прибылъ изъ Калуги гость Смирной, съ челобитной отъ Калуги и отъ всѣхъ Сѣверскихъ городовъ: и въ ней было показано, что во всѣхъ городахъ не хотятъ никого видѣть царемъ, кромѣ Михаила Ѳеодоровича Романова. Время дотянули, однако, до 21 февраля, когда была первая недѣля великаго поста. Не было въ Москвѣ ещё боярина князя Мстиславскаго, не было и нѣкоторыхъ выборныхъ. Между тѣмъ казаки, составлявшіе главную военную силу, громко кричали, что не допустятъ иного царя, кромѣ Михаила Ѳеодоровича. Въ этомъ желаніи и у земскихъ, и у казаковъ не было розни. Прибылъ наконецъ, Мстиславскій, собрались всѣ выборные. Тянуть дѣла нельзя было долѣе.

Въ недѣлю православія собрали всѣхъ выборныхъ на Красную площадь. Набралась туда громада всякаго званія народа обоего пола и вооруженныя толпы казаковъ, готовыя поднять оружіе, еслибъ не сдѣлалось по ихъ волѣ. Рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, Авраамій Палицынъ, архимандритъ Новоспасскаго монастыря Іосифъ, бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ — всѣ сторонники Михаила— взошли на Лобное мѣсто. Но имъ не пришлось ни говорить, ни спрашивать. Прежде чѣмъ одинъ изъ нихъ успѣлъ сказать слово, все сборище въ одинъ голосъ закричало: «Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ будетъ царь-государь Московскому государству и всей русской державѣ!»—«Се бысть

по усмотрѣнію всесильнаго Бога»—сказалъ Авраамій. Послѣ этого единодушнаго избранія, не оставалось мѣста боярскимъ козням. Надобно было повиноваться голосу народа. Намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстны тѣ пружины, которыя употребляли въ дѣло противники Михаила, но ясно, что, между прочимъ, скорое безпрепятственное избраніе Михаила зависѣло отъ того, что казацкая громада, вмѣсто того, чтобъ противодѣйствовать земщинѣ, какъ это дѣлалось во многихъ случаяхъ прежде, провозгласила его царемъ разомъ съ земскими людьми. Это подало поводъ полякамъ говорить, что Михаила выбрали не бояре, а взбунтованное казачество. Послѣ избранія, въ Успенскомъ соборѣ пѣли молебны съ колокольнымъ звономъ и на ектеніи провозгласили новонареченнаго царя Михаила Ѳедоровича. Молились Богу о томъ, чтобы греческая вѣра въ Россійскомъ государствѣ сіяла на всю вселенную, а пресвѣтлое царское имя передъ всѣми великими государями было славно и страшно, къ очищенію, расширенію и къ прибавленію великихъ государствъ *). Вслѣдъ за тѣмъ совершилась присяга новому царю по чинамъ, начиная отъ бояръ до казаковъ и стрѣльцовъ.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни, земскій соборъ снарядилъ посольство для приглашенія новаго царя. Выбраны были отъ освященнаго собора, то есть, отъ духовенства, тѣ же, что въ недѣлю православія выходили спрашивать народъ: архіепископъ рязанскій Ѳеодоритъ, троицко-сергіевскій келарь Авраамій Палицынъ, два архимандрита, новоспасскій и симоновскій, и протопопы изъ соборовъ. Отъ свѣтскихъ чиновъ должны были ѣхать двое бояръ: Ѳедоръ Ивановичъ Шереметьевъ и князь Владиміръ Ивановичъ Бахтеяровъ-Ростовскій, окольничій Ѳедоръ Васильевичъ Головинъ,

*) Дворц. Разр. I, 16.

дьякъ Иванъ Болотниковъ, а съ ними служилые люди изъ разныхъ чиновъ по спискамъ, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, дьяки, жильцы, дворяне и дѣти боярскіе изъ городовъ, головы стрѣлецкіе, гости атаманы, казаки стрѣльцы и другихъ чиновъ люди; посланнымъ дали письменный наказъ, по которому они должны были пригласить новонареченнаго государя. Отправивши это посольство, земскій соборъ послалъ гонцовъ въ разные города съ граматами. Соборъ выборныхъ людей извѣщалъ всю русскую землю, ихъ пославшую, объ избраніи новаго царя. Приглашались города пѣть молебны со звономъ, благодарить Бога съ молитвою о царскомъ здоровьѣ и о тишинѣ и успокоеніи государства, и пребывать подъ однимъ кровомъ и державою, подъ высокою рукою христіанскаго государя *).

Соборъ потомъ отправилъ грамату къ польскому королю, исчислилъ въ ней всѣ неправды, коварства и насилія поляковъ, не говорилъ объ избраніи Михаила, но извѣщалъ, что Московское государство никакими мѣрами не желаетъ болѣе имѣть Владислава царемъ, изъявлялъ желаніе заключить съ Польшей миръ, просилъ возвратить задержанныхъ пословъ и всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ, съ своей стороны былъ готовъ отпустить Струся и всѣхъ взятыхъ въ Кремлѣ поляковъ; въ граматѣ было замѣчено, что плѣнные содержатся не въ нуждѣ, а въ довольствѣ.

VI.

Посольство къ Михаилу въ Кострому. — Его прибытіе въ Москву и вступленіе на царство.

Молодой, нареченный соборомъ царь проживалъ тогда въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, лежащемъ

*) Дворц. Разр. I, 52.

близъ самой Костромы, на углу, образуемомъ рѣками Волгою и Костромою и укрѣпленномъ твердыми каменными стѣнами. Былъ онъ построенъ въ XIV вѣкѣ мурзою Четомъ, предкомъ Годуновыхъ, и, кажется, составлялъ ихъ родовой монастырь. Борисъ Годуновъ въ свое царствованіе украшалъ его и надѣлялъ вкладами. Вѣроятно, Димитрій подарилъ его Романовымъ, какъ бы въ вознагражденіе за тѣ страданія, которыя потерпѣлъ этотъ родъ отъ рода Годуновыхъ. Туда уѣхала старица Марѳа, бывшая Ксенія Ивановна Романова, съ шестнадцатилѣтнимъ сыномъ, послѣ того какъ ей, вмѣстѣ съ боярами и боярынями, пришлось освободиться изъ кремлевской осады. Посольство явилось въ Ипатьевскомъ монастырѣ 13 марта, во время вечерни; Марѳа назначила ему пріѣхать на другой день. Послы, для большей важности, пригласили костромскихъ воеводъ, всѣхъ служилыхъ и толпу жилецкихъ людей обоего пола изъ костромскаго посада и окольныхъ селъ; матери несли и вели маленькихъ дѣтей. 14 марта, послѣ обѣдни, двинулось изъ Костромы народное шествіе при колокольномъ звонѣ: несли хоругви и иконы, въ томъ числѣ иконы московскихъ чудотворцевъ, заступниковъ царственнаго града, и чудотворную Ѳедоровскую икону Богородицы. Преданіе гласило объ этой иконѣ, что въ древности она была въ Городцѣ, а послѣ разоренія этого города татарами, св. икона была перенесена въ Кострому св. Ѳедоромъ Стратилатомъ и была найдена внукомъ Александра Невскаго, костромскимъ княземъ Василіемъ. О многихъ чудесахъ, совершившихся отъ этой иконы, разсказывалось въ народѣ. Марѳа съ сыномъ вышли на встрѣчу за ворота монастыря, приложились къ иконамъ и показали нежеланіе принимать того, что имъ пріѣхали предлагать; они не хотѣли идти за образами въ соборную церковь. Едва упросили ихъ, чтобъ они пошли. Послѣ молебна, въ соборной церкви, послы

вручили Михаилу грамату, прочитали по наказу длинную рѣчь, извѣщали объ избраніи на царство, совершившемся въ Москвѣ, и просили ѣхать въ царствующій градъ.

Послѣдовалъ отказъ. Михаилъ и мать его отговаривались тѣмъ, что избранный еще въ несовершенныхъ лѣтахъ; Московскаго государства всякихъ чиновъ люди измалодушествовались, не прямили прежнимъ государямъ своимъ; вспомянута была измѣна Θедору Борисовичу и его убійство; вспоминали, какъ многіе не стыдились служить тушинскому вору, вспоминали низложеніе и насильное постриженіе Шуйскаго. Говорили: «Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей и черезъ непостоянство русскихъ людей разорено до конца; литовскіе люди вывезли царскія сокровища; дворцовыя села и черныя волости и пригородки и посады розданы въ помѣстья дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и запустошены; всякіе служилые люди бѣдны: чѣмъ миловать ихъ, чѣмъ полнить государевы обиходы? чѣмъ стоять противъ недруга польскаго и литовскаго короля и иныхъ пограничныхъ государствъ? Мнѣ—прибавила Марθа—благословить сына на государство развѣ на одно погубленіе, для того, что отецъ его Филаретъ митрополитъ у короля въ Литвѣ въ великомъ утѣсненіи; свѣдаетъ король, что, по прошенію и по челобитью всего Московскаго государства, сынъ учинится царемъ, велитъ надъ отцомъ его, Филаретомъ, какое-нибудь зло сдѣлать». На это послы объясняли, что съ Годуновыми такъ сталось оттого, что Богъ мстилъ за кровь праведнаго и безпорочнаго Димитрія, а Василія Шуйскаго выбрали немногіе люди и по волѣ божіей города не хотѣли ему служить, и была въ Московскомъ государствѣ рознь и междоусобіе, а теперь уже всѣ люди въ Московскомъ государствѣ пришли въ соединеніе, и Михаила Θедоровича выбрали всею землею и крестъ ему цѣловали, служить и прямить хотятъ и

головы за него класть и кровь свою лить до смерти. А чтобы король не учинилъ какого-нибудь зла отцу государеву, то изъ Москвы послали уже посланниковъ и даютъ королю въ обмѣнъ за государева отца многихъ польскихъ людей. Старица Марѳа и сынъ ея нѣсколько времени отказывались: оно, во всякомъ случаѣ, такъ слѣдовало бы и изъ приличія; но для Михаила и на самомъ дѣлѣ было мало привлекательнаго — принимать царство въ такое время. Употребленъ былъ такой же оборотъ, какъ при избраніи Бориса: объявлено, что если мать и сынъ откажутся, то Московское государство будетъ въ конечномъ разореніи, святыя церкви и иконы и многоцѣлебныя мощи будутъ въ поруганіи, а все это взыщется на инокинѣ Марѳѣ и ея сынѣ. Послѣ этого, какъ бы испугавшись божія гнѣва, Марѳа Ивановна объявила, что благословляетъ сына на Владимирское и Московское государство и на всѣ государства Россійскаго царствія; а Михаилъ Ѳедоровичъ объявилъ, что, по многому моленью и челобитью, учиняется на царскомъ нареченьи, и принялъ изъ рукъ Ѳеодорита привезенный имъ царскій посохъ, какъ знакъ власти. Прежній посохъ, съ которымъ онъ ходилъ (сообразно обычаю времени, по которому всѣ знатные люди ходили всегда съ посохомъ), онъ оставилъ въ монастырѣ на память грядущимъ вѣкамъ. Запѣли многолѣтіе новому царю; потомъ, всѣ прибывшіе подходили къ царской рукѣ.

Послѣ того новый царь, съ матерью и въ сопровожденіи всего посольства, отправился въ Ярославль и, прибывъ туда 21 марта, помѣстился въ Спасскомъ монастырѣ. Онъ не рѣшался ѣхать въ Москву, которая еще была въ развалинахъ; въ самыхъ царскихъ покояхъ не было ни оконъ, ни кровли. Тутъ молодой царь скоро испыталъ, какъ тяжело бремя, которое на него возложила земля русская въ такое ужасное время. Какъ узнали служилые люди, что, нако-

нецъ, есть на Руси царь, такъ и обступили его въ Ярославлѣ и закидали челобитьями о помѣстьяхъ.

Въ прошлые смутные годы, многіе, какъ мы видѣли, присвоивали себѣ право давать помѣстья; на иное помѣстье было по нѣскольку граматъ отъ разныхъ лицъ разнымъ помѣщикамъ: тѣ владѣли, получивши грамату отъ Ляпунова, другіе отъ Сигизмунда; въ послѣднее время верстали вновь служилыхъ людей Трубецкой и Пожарскій. Теперь являлись челобитчики къ царю съ жалобами на воеводъ, обвиняли ихъ, что они раздаютъ и отнимаютъ помѣстья безъ сыску; жаловались стольники, дворяне и дѣти боярскіе, что воеводы отнимаютъ у нихъ дворцовыя села, которыя до того времени были за ними. Явились къ царю съ челобитными казаки и стрѣльцы, и просили денежнаго и хлѣбнаго жалованья, трогательно писали, что имъ ѣсть нечего, что мерзнутъ безъ одежды, умираютъ безъ помощи отъ ранъ.

Къ царю неслись отовсюду печальныя вѣсти, что вездѣ на Руси казаки и разные воры ходятъ шайками, грабятъ и мучатъ людей. Царь не въ силахъ былъ отвѣчать на все это, не только показать свою управу,—и написалъ въ Москву земскому собору, а самъ остался въ Ярославлѣ. Земскій соборъ просилъ царя идти скорѣе въ Москву, но извѣщалъ его, что во дворцѣ нѣтъ запасовъ; за сборами ихъ отправились сборщики; денегъ нѣтъ ни въ одномъ приказѣ; все Московское государство разорено въ конецъ; иные уѣзды и города запустѣли. Въ украинныхъ городахъ и Сѣверской землѣ шла борьба съ литовскими людьми и черкасами, въ Рязанской землѣ — съ Заруцкимъ; на Псковъ покушались овладѣвшіе Новгородомъ шведы. Нѣкоторые изъ восточныхъ русскихъ земель тотчасъ же крестъ цѣловали новому царю, въ томъ числѣ Нижній-Новгородъ и другіе: но юго-восточный край терпѣлъ отъ набѣговъ но-

гайцевъ, а въ Казани и понизовыхъ городахъ мутилъ Никаноръ Шульгинъ и поджигалъ людей—не цѣловать крестъ Михаилу; во многихъ городахъ и деревняхъ служилые люди, дворяне и дѣти боярскіе не слушали указовъ земскаго собора и не выходили на службу въ Москву, откуда разъѣхались на житье; но ужаснѣе всего было то, что, казалось, не унималась распущенность безгосударнаго времени. Михаилъ Ѳедоровичъ былъ въ тревогѣ и медлилъ; и не ранѣе 13-го апрѣля переѣхалъ изъ Ярославля въ Ростовъ.

Отсюда онъ отписалъ въ Москву, что долженъ идти мѣшкотно: подводъ нѣтъ; провожавшіе его служилые люди должны были идти пѣшкомъ. Видно было, что для царя, что ни шагъ, то новая тревога, новое раздумье. Были, правда, вѣсти и одобрительныя; пришло извѣстіе, что Казань покорилась и строптивый Никаноръ Шульгинъ цѣловалъ крестъ избранному всею землею царю, но Заруцкій не думалъ покориться, разбойничьи шайки не уменьшались.

Изъ Ростова прибылъ царь къ Троицѣ. 23-го апрѣля на дорогѣ, на стану въ селѣ Сватковѣ явились къ государю на глаза израненные и до нага ограбленные дворяне и дѣти боярскіе; они извѣщали, что, недалеко отъ Москвы, въ Мытищахъ и на Клязьмѣ, на нихъ напали казаки, изранили, держали у себя подъ стражею на станахъ и хотѣли перебить, но они развязались и ушли; сверхъ того, пришло извѣстіе, что воры-казаки напали на городъ Дмитровъ, совершили тамъ безчинства, и дмитровцы разбѣгаются; по селамъ и деревнямъ вездѣ происходили убійства и мучительства. Эти происшествія очень поразили молодаго царя и мать его: 26 апрѣля, они говорили митрополиту казанскому Ефрему и бывшимъ съ ними особамъ, духовнымъ и свѣтскимъ, что когда царю били челомъ о царствѣ, тогда

увѣряли, что все Московское государство въ единомысліи и воровства нѣтъ, а теперь оказывается, что это была ложь, и царь не хочетъ идти въ Москву на свой царскій престолъ. Насилу упросили его, и Михаилъ отослалъ въ Москву митрополиту ростовскому Кириллу, бывшему главнымъ въ освященномъ соборѣ за неимѣніемъ патріарха, и всему земскому совѣту грамату, гдѣ понуждалъ, чтобъ употреблены были мѣры къ прекращенію разбоевъ, тѣмъ болѣе, что въ Москвѣ нѣтъ никакой торговли, и жители, которые въ московское разоренье разбѣжались, не могутъ теперь возвратиться и заселить столицу. Земскій соборъ, получивъ эту грамату, велѣлъ прочитать ее въ Успенскомъ соборѣ передъ казацкими атаманами и казаками, а тѣ сказали, что они души свои на томъ даютъ и крестъ цѣлуютъ, и хотятъ великаго государя слушать, и будутъ сыскивать воровъ и класть имъ наказанье. Тогда, по всей Москвѣ и въ подгородныхъ слободахъ устроили объѣзжихъ головъ, которые должны были наблюдать, чтобы не было безчинствъ, и атаманы обязывались устроить между собою такъ, чтобы черезъ день двое атамановъ у третьяго осматривали его станицу въ подмосковныхъ таборахъ, и какъ только провѣдаютъ про какое нибудь воровство — не потаятъ его, а выдадутъ преступниковъ. По близкимъ околицамъ разосланы были отряды для преслѣдованія воровъ и доставки ихъ въ Москву; но это было возможно только близъ Москвы: въ даль посылать было нельзя отрядовъ; притомъ, дворяне и дѣти боярскіе самовольно разъѣхались. Съ отпискою такого содержанія земскій совѣтъ послалъ къ царю суздальскаго архіепископа Гермогена и князя Ивана Воротынскаго, Василія Петровича Морозова и окольничаго князя Данила Ивановича Мезецкаго съ людьми всякихъ чиновъ. Они увѣряли, что земскій совѣтъ учинитъ заказъ крѣпкій, чтобы воровства не было, и просили умилосер-

диться надъ православными христіанами, идти не мѣшкая къ Москвѣ, чтобы учинить радостными всѣхъ людей Московскаго государства.

Было еще и другое недоумѣніе. Царь приказывалъ устроить и изготовить себѣ, къ своему приходу, Золотую палату, которая служила нѣкогда для царицы Ирины, съ проходными сѣньми, и палату Мастерскую съ сѣньми — все до церкви Рождества Богородицы, а для своей матери деревянныя хоромы царицы, жены царя Ивана Васильевича. Земскій совѣтъ отписалъ, что изготовитъ ему палату Золотую, что отъ Благовѣщенья къ Красному крыльцу съ сѣньми, переднюю палату и двѣ комнаты, гдѣ жилъ царь Иванъ, которыя назывались: чердакъ царицы Анастасіи Романовны, да грановитую палату, да мыльню, а для матери — тѣ хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ жила царица Мароа Өедоровна; но царь не считалъ годными для матери хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ, можетъ быть, по непріятнымъ воспоминаніямъ о судьбѣ Мароы, уже тогда умершей, и требовалъ для матери непремѣнно тѣхъ хоромъ, на которыя указалъ прежде. Теперь новые послы объявили, что нѣтъ возможности скоро сдѣлать поправокъ: палаты всѣ худы, не покрыты, половъ нѣтъ, ни лавокъ, ни окончинъ, ни дверей, и хоть бояре велѣли ихъ дѣлать, но скоро нельзя.... Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовала челобитная отъ Митьки Трубецкого и Митьки Пожарскаго, чтобы царь дозволилъ видѣть свои ясныя очи на встрѣчѣ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, приказнымъ людямъ, жильцамъ, атаманамъ, казакамъ и всѣмъ служилымъ людямъ, которые подъ Москвою терпѣли голодъ и великую нужу, не щадя головъ своихъ бились съ разорителями христіанской вѣры и приводили другихъ не уходить изъ-подъ Москвы, не увидя милости божіей.

Новые послы застали царя и мать его въ Братошинѣ

1 мая, въ субботу. На ихъ просьбы и увѣренія царь и мать его сказали, что, услышавъ, какъ въ Москвѣ и по дорогамъ совершаются бѣды, грабежи и кровопролитія, они не хотѣли-было идти въ Москву но по прошенію Ефрема, митрополита казанскаго, Ѳеодорита, архіепископа рязанскаго, и по челобитью бояръ и всякихъ чиновъ Московскаго государства, помиловали ихъ, идутъ въ Москву и будутъ въ тотъ же день въ Тайнинскомъ, а на другой день, въ воскресенье 2 мая, прибудутъ въ столицу. Вечеромъ прибылъ царь въ Тайнинское, гдѣ былъ ему послѣдній станъ, и гдѣ изготовлено было восемь шатровъ и палатокъ. На другой день утромъ, въ недѣлю Женъ-Мироносицъ, новый царь въѣхалъ въ возраждавшуюся изъ пепла столицу. Духовенство съ иконами, всякихъ званій люди, отъ мала до велика, встрѣчали его. Царь съ матерью прибылъ прежде въ Благовѣщенскій соборъ; тамъ отслужили молебенъ; царь принялъ благословеніе отъ духовныхъ, а потомъ стали подходить къ рукѣ его всѣхъ чиновъ люди и здравствовали его на великихъ государствахъ Россійскаго царствія. «Дай Богъ — говорили царю — чтобы ты многолѣтенъ и счастливъ былъ, въ несчетныя лѣта; цѣлуемъ тебѣ всѣ крестъ служить и прямить до конца живота своего!»

11 іюля, Михаилъ Ѳедоровичъ вѣнчался на царство. Дмитрій Михайловичъ Пожарскій былъ пожалованъ бояриномъ; Мининъ получилъ званіе думнаго дворянина. Но болѣе ихъ и болѣе всѣхъ былъ награжденъ Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, бояринъ тушинскаго вора, сподвижникъ Заруцкаго. Онъ не только остался при законномъ царѣ съ саномъ, пожалованнымъ ему воромъ, но еще получилъ во время безгосударное отъ великаго земскаго собора вотчину Вагу, богатую область, которая была нѣкогда у Годунова и Шуйскихъ. И государь, еще не твердый въ своей власти,

утвердилъ ее за нимъ въ награду за его великіе подвиги и пользу, оказанную землѣ русской *).

VII.

Судьба Заруцкаго и Марины съ ея сыномъ, нареченнымъ Иваномъ Дмитріевичемъ.—Конецъ смутнаго времени, и значеніе этой эпохи въ русской исторіи.

Когда Москва праздновала возвращеніе къ порядку и, послѣ ряда похитителей, увидѣла, наконецъ, на престолѣ царя, дѣйствительно избраннаго землею и, слѣдовательно, вполнѣ законнаго, на югѣ государства подымалась опять воровская смута. Заруцкій и Марина провозглашали наслѣдникомъ престола трехъ-лѣтняго Ивана Димитріевича и накликали къ себѣ вольницу. Казаки великорусскіе въ большинствѣ уже обращались къ новоизбранному царю, надѣясь, что этотъ царь, избранный съ ихъ участіемъ, будетъ царемъ желаннымъ и для нихъ; но по московской Руси бродило множество черкасъ (малоруссовъ); они были чужіе Московскому государству и по сердцу, и по преданіямъ, и готовились терзать его. Они стеклись къ Заруцкому. Еще съ дороги въ Москву царь назначилъ противъ Заруцкаго главнымъ воеводой князя Ивана Никитича Одоевскаго. Велѣно помогать ему воеводамъ украинныхъ городовъ Михайлова, Зарайска, Ельца, Брянска, а также Суздаля и Владиміра. Послали сборщиковъ собирать пѣтчиковъ, дѣтей боярскихъ, въ Рязань, Тарусу, Алексинъ, Тулу и другіе города. Одоевскій съ собранными силами двинулся къ Лебедяни, гдѣ былъ Заруцкій съ своими черкасами. Онъ ушелъ

*) А. Ѳ. Бычковъ сообщилъ намъ въ разговорѣ, что онъ видѣлъ приписку къ одной рукописи, изъ которой видно, что Трубецкаго даже избирали въ цари на земскомъ соборѣ, передъ избраніемъ Михаила.

къ Воронежу. Одоевскій погнался за нимъ, и подъ Воронежемъ, въ концѣ мая, произошелъ между ними упорный бой. Бились цѣлыхъ два дня. Заруцкій былъ разбитъ. Взяли у него обозъ, кони, знамена. Заруцкій убѣжалъ за Донъ, къ Медвѣдицѣ. Одоевскій воротился въ Тулу. Повидимому, дѣло было покончено съ нимъ. Кажется, послѣ того, на Заруцкаго мало обращали вниманія до весны слѣдующаго года. Но Заруцкій очутился въ Астрахани и тамъ себѣ нашелъ притонъ. Осенью онъ утвердился въ этомъ городѣ *).

У Заруцкаго были тогда широкія затѣи; онъ задумалъ накликать на Русь силы персидскаго шаха Аббаса, втянуть въ дѣло и Турцію, поднять юртовскихъ татаръ, ногаевъ, волжскихъ казаковъ, стянуть къ себѣ всѣ бродячія шайки черкасъ и воровъ Московскаго государства, и со всѣми идти вверхъ по Волгѣ, покорять своей власти города. Дѣло его, казалось, могло пойти успѣшно, при крайнемъ недостаткѣ средствъ, необходимыхъ для защиты, при общемъ обнищаніи государства. Заруцкій захватилъ рыбные учуги и ловли и обратилъ ихъ доходы въ свою пользу, лишивъ, такимъ образомъ, Московское государство этого источника. Астраханскій воевода Иванъ Хворостининъ воспротивился было заводимой смутѣ. Заруцкій убилъ его, перебилъ съ нимъ вмѣстѣ многихъ лучшихъ людей. Овладѣвши Астраханью, онъ освободилъ содержавшагося въ тюрьмѣ ногайскаго князя Джанъ-Арслана, врага начальствовавшаго

---

*) Есть подозрѣніе, что онъ называлъ себя царемъ Димитріемъ. Повидимому, ему подъ этимъ именемъ писались и подавались челобитныя, хотя, конечно, всѣ должны были бы знать, что онъ Заруцкій, лицо черезчуръ извѣстное по всей Руси. Челобитныя эти (А. И. II, 430) писались не на одно его имя, но рядомъ съ нимъ обращались къ государынѣ царицѣ и великой княгини Маринѣ Юрьевнѣ, и государю царевичу и великому князю Ивану Димитріевичу. Но, быть можетъ, эти челобитныя писаны еще прежде къ тому вору, который прежде прибытія въ Астрахань Заруцкаго назывался Димитріемъ и котораго судьба неизвѣстна.

надъ юртовскими татарами Иштерека. Послѣдній призналъ уже избраннаго Русью царя и отправилъ своего мурзу бить ему челомъ, какъ вдругъ Заруцкій послалъ противъ него татаръ джанъ-арслановыхъ и воровъ своихъ, и они сказали ему: «Весь христіанскій міръ провозгласилъ государемъ сына царя Димитрія. Служи и ты, дай подписку, дай сына своего аманатомъ, да смотри не хитри, не веди съ нами пестрыхъ рѣчей, не то—мы подвинемъ на тебя Джанъ-Арслана съ семиродцами, твоими врагами, и пойдемъ сами на тебя». Передъ татарами Заруцкій не называлъ себя Димитріемъ, какъ его называли въ астраханскихъ челобитныхъ. Иштерекъ долженъ былъ исполнить требованіе; его татары волновались; онъ не зналъ, кто въ самомъ дѣлѣ крѣпче: тотъ ли царь, котораго выбрали въ Москвѣ, или тотъ, котораго признавали въ Астрахани. Заруцкій взялъ у него, вмѣсто одного сына, двухъ, обманомъ—какъ выражался отецъ въ своемъ письмѣ [1]. Иштерекъ съ своими мурзами шертовалъ Заруцкому на томъ, что весною поможетъ идти вверхъ по Волгѣ подъ Самару и подъ Казань. Подобно Иштереку, шертовали Заруцкому другіе татарскіе князья—Тильмаметъ и Каракелмаметъ: одинъ далъ ему въ аманаты сына, другой брата [2]. Заруцкій надѣялся на татаръ и ласкалъ ихъ; они съ утра до вечера ѣли и пили у него; иногда онъ съ мурзами и сыновьями Иштерека ѣздилъ гулять верстъ за пять и за шесть отъ Астрахани; отрядъ татаръ, человѣкъ въ пятьсотъ или шестьсотъ, провожалъ его при этомъ [3]. Изъ нихъ онъ посылалъ отрядъ въ Темниковскія и Алатырскія мѣста [4] и подъѣзды—провѣдывать калмыковъ. Татары болѣе всего удерживали

1) А. И. III, 444.
2) А. И. III, 421.
3) А. И. III, 412.
4) А. И. III, 424.

его власть въ Астрахани [1]). Собственно астраханцевъ было тысячи три, и они были мало расположены къ нему; но у Заруцкаго было до тысячи воровскихъ казаковъ, кромѣ татаръ, стоявшихъ подъ городомъ ордою: съ этими средствами онъ принуждалъ повиноваться астраханцевъ. Передъ зимнимъ Николинымъ днемъ Заруцкій, постоянно находившійся въ Каменномъ городѣ, послалъ на посадъ казака Тимоѳея Чулкова съ граматою, и велѣлъ всякихъ чиновъ людямъ прикладывать руки, но никому не дозволилъ посмотрѣть въ грамату; астраханскіе попы и дьяконы подписывались, а за ними прикладывали руки безграмотные міряне, и никто не зналъ, къ чему пристаютъ они всѣ. Тѣхъ, которые противились или послѣ показывали свое нерасположеніе къ Заруцкому, хватали ночью, мучили огнемъ и бросали въ воду. Каждый день кого нибудь казнили; кровь лилась. За то каждый день Марина думала о возможности внезапнаго возстанія. Она не велѣла звонить рано къ заутрени, какъ будто для того, что ея сынъ полошится отъ звона. Это у ней дѣлалось оттого — какъ пояснилъ одинъ изъ убѣжавшихъ астраханцевъ — что она боялась «приходу» [2]). Заруцкій отправилъ посольство къ шаху [3]) и отдавалъ Персіи въ подданство Астрахань: этимъ онъ думалъ втянуть Персію съ Московскимъ государствомъ въ войну. Посланы были «прелестныя» письма къ волжскимъ казакамъ и къ донскимъ. Донскіе рѣшились оставаться въ вѣрности избранному, по желанію казаковъ наравнѣ съ земскими людьми, московскому царю, но между волжскими, состоявшими изъ сброда разныхъ бѣглецовъ, жившихъ станицами по берегамъ Волги, ниже истребленнаго тогда Са-

[1]) А. И. III, 412.

[2]) А. И. III. 412.

[3]) Посланы: Иванъ Хохловъ, Яковъ Гладковъ, Богданъ Некрачѣевъ Караганъ. Ibid.

ратова, и по волжскимъ притокамъ, произошло раздѣленіе: люди молодые увлеклись «прелестію» и готовились весною идти вверхъ по Волгѣ до Самары. «Намъ—говорили они—куда ни идти, лишь бы гдѣ было зипуны наживать». Двое волжскихъ атамановъ, Неупокой Карга и Караулко, находились въ Астрахани у Заруцкаго, и оттуда волновали своихъ собратій на Волгѣ. Но были изъ волжскихъ атамановъ и такіе, что не хотѣли идти съ Заруцкимъ, но обманывали его: надѣялись выманить у вора жалованье и дожидались прихода персидскихъ судовъ, которыя должны были, какъ распространяли пособники Заруцкаго, придти на помощь, для принятія Астрахани подъ руку персидскаго шаха. Они надѣялись ихъ ограбить. Всю зиму Заруцкій накупалъ татарскихъ лошадей, часть держалъ въ городѣ, въ стойлахъ, гораздо бо́льшую отправлялъ кормиться на отары къ татарамъ [1]), изготавливалъ струги и перетаскивалъ на другой берегъ [2]), готовился къ весеннему походу, разсылалъ казаковъ по Руси собирать охотниковъ до воровства, и больше всего обнадеживалъ своихъ воровъ скорымъ приходомъ помощи изъ Персіи. Носились въ Астрахани слухи, будто шахъ писалъ въ Астрахань: «Что вамъ надобно, пишите ко мнѣ, и будьте надежны [3])». Но бывшій въ Астрахани персидскій купецъ, по имени Муртаза, говорилъ добрымъ людямъ въ Астрахани: «Шахъ Астрахани не возьметъ, и людей волжскимъ ворамъ въ Астрахань не пришлетъ, и казны имъ не дастъ, и не захочетъ ссориться съ Московскимъ государствомъ [4])». Надежда Заруцкаго на татаръ также не могла быть очень прочною. Они отстали бы отъ него, какъ только придетъ московское войско и

1) А. И. III, 224.
2) А. И. III, 412.
3) А. И. III, 412.
4) А. И. III, 423.

имъ станетъ очевидно, что Московское государство въ силахъ одолѣть и уничтожить астраханское воровство. Заруцкій безпрестанно открывалъ между астраханцами себѣ враговъ, безпрестанно казнилъ ихъ и мучилъ, и безпрестанно убѣгали изъ Астрахани его противники, спасая жизнь.

Зима приходила къ концу. Въ Московскомъ государствѣ принимались мѣры къ подавленію воровства. Царь поручилъ очищеніе Астрахани боярину князю Ивану Никитичу Одоевскому; товарищемъ ему данъ былъ окольничій Семенъ Васильевичъ Головинъ, нѣкогда шуринъ и сподвижникъ Скопина; дьякомъ у нихъ былъ Юдинъ. Въ мартѣ они отправились въ Казань собирать войско.

Въ то же время посланы были къ Заруцкому граматы отъ царя и отъ освященнаго собора духовенства. Въ царской граматѣ было, между прочимъ, сказано къ Заруцкому: «Чтобъ ты, вспомня Бога и душу свою и нашу православную крестьянскую вѣру, и видя на насъ, великомъ государѣ, и на всемъ нашемъ великомъ государствѣ Божію милость , и надъ врагами нашими побѣду и одолѣніе, отъ такихъ непригожихъ дѣлъ отсталъ, и снова кроворазлитія въ нашихъ государствахъ не вчиналъ, тѣмъ души своей и тѣла не губилъ, во всемъ великому государю добилъ челомъ и вину свою принесъ, — а мы, великій государь, по своему царскому милостивому праву тебя пожалуемъ: вины твои тебѣ отдадимъ и поправимъ вины твои нашимъ царскимъ милосердіемъ, и впредь тѣ твои вины воспомяновены не будутъ, а се тебѣ наша царская грамата опасная *)». Освященный соборъ, въ своей граматѣ, подробнѣе исчислилъ вины Заруцкаго, и извѣщалъ, что, по преданію св. отецъ, повелѣно духовнымъ о заблудшихъ овцахъ пещись и приводить на истину, и потому они уговариваютъ Заруц-

*) А. А. Э. III, 64—65.

каго принести повинную государю и обнадеживают его царскою милостію, а сами ручаются за истину царскаго слова. «И ты бы — писано было — той царской граматѣ вѣрилъ: инако государево слово не будетъ». За непослушаніе грозили Заруцкому царскимъ гнѣвомъ и божіимъ взысканіемъ въ день страшнаго суда. Такимъ образомъ, власть употребила прежде всѣ кроткія мѣры, чтобы дать возможность этимъ остаткамъ смутной эпохи получить прощеніе и забвеніе наравнѣ со всѣмъ, что̀ въ прошедшіе годы наносило русской землѣ тягости и разоренія, чтобы потомъ, когда никакихъ увѣщаній не послушаютъ, можно было достойно и праведно наказать ихъ. Были, безъ сомнѣнія, увѣрены, что увѣщанія не послужатъ къ пользѣ, и въ одно и то же время, когда писали Заруцкому, обращались граматами къ жителямъ Астрахани и увѣщевали ихъ отстать отъ Заруцкаго и Маринкина злого душепагубнаго заводу и умышленья, и принести вины свои государю, а государь обѣщалъ всѣмъ прощеніе и забвеніе прошлаго. Писаны были тогда, въ одно и то же время, отъ царя, освященнаго собора и отъ бояръ граматы къ донскимъ и волжскимъ казакамъ; извѣщали ихъ, что съ княземъ Одоевскимъ отправлено къ нимъ жалованье — деньги, сукна, селитра, вино. Побуждали ихъ не вѣрить ни въ чемъ злодѣйской прелести Ивашка Заруцкаго и Сендомирскаго дочери, быть въ соединеніи неотступаемомъ со всѣмъ великимъ Россійскимъ государствомъ, и идти на государеву службу на спѣхъ за православную вѣру и за разоренье великихъ Россійскихъ государствъ, и за свою христіанскую природу и за отечество. Въ этихъ граматахъ исчислялись подробно отъ начала совершенныя злодѣянія и вины противъ Московскаго государства Ивашка Заруцкаго и некрещеной еретицы польки Маринки, которая, по ссылкѣ съ Жигимонтомъ королемъ и съ папою римскимъ, хотѣла въ Россій-

скомъ государствѣ попрать истинную православную христіанскую вѣру и учинить римскую и люторскую и иныя отъ святыхъ отецъ проклятыя и богомерзкія вѣры.

Одоевскій съ товарищи, прибывши въ Казань, отправилъ гонцовъ по сосѣднимъ городамъ съ граматами, гдѣ требовалось доставить на плавную службу подъ Астрахань указанное въ граматахъ для каждаго города число ратныхъ людей съ оружіемъ: изъ иныхъ городовъ съ пищалями и рогатинами, на которыхъ должны быть непремѣнно прапоры; изъ другихъ — только съ лучнымъ боемъ и съ рогатинами *).

Между тѣмъ, въ апрѣлѣ, съ сѣвера, изъ-за Онеги, изъ-за Бѣлоозера стали стягиваться и подвигаться къ югу шайки черкасъ и съ ними разныхъ воровъ. Они зимовали на сѣверныхъ предѣлахъ Московскаго государства, вѣроятно, зашедши туда съ цѣлью грабить края, менѣе опустошенные и болѣе укрытые отъ ужасовъ смутнаго времени, чѣмъ срединныя области государства. До нихъ дошли призывы Заруцкаго; они почуяли, что снова поднимается воровство, и поспѣшали на помощь къ зачинщику воровства.

*) Вятка должна была доставить триста человѣкъ, Нижній — шестьсотъ, Алатырь — сто, Арзамасъ — сто, Свіяжскъ — двадцать три, Ядринскъ — семьдесятъ пять, Малмыжъ — двадцать пять, Кузьмодемьянскъ — сто двадцать; изъ Чебоксаръ слѣдовало прислать двадцать пять, изъ Курмыша — сто пятьдесятъ, изъ Царевосанчурска — сто, изъ Балахны — пятьдесятъ, изъ Лаишева — семдесятъ, изъ Яренска — сто человѣкъ. Нижній былъ исправнѣе всѣхъ. Во многихъ изъ прочихъ городовъ возникало замедленіе. Въ Вяткѣ, Курмышѣ, Кузьмодемьянскѣ, Ядринскѣ не могли найти струговъ. Въ Ядринскѣ даже брали ихъ насильно у жителей. Въ Чебоксарахъ, Курмышѣ, Ядринскѣ и отчасти, въ другихъ, не могли собрать дѣтей боярскихъ, а въ Лаишевѣ —«бусурманъ». Воевода долженъ былъ уже въ маѣ посылать нарочныхъ на счетъ неисправныхъ городовъ. Въ Царевосанчурскѣ не было никакого оружія; въ другихъ городахъ оказывались также скудость оружія. Это показываетъ истощеніе силъ того края, когда и такое малое число людей трудно было доставить въ надлежащемъ видѣ и въ свое время.

Ихъ шайки появились въ Пошехонскомъ уѣздѣ, гдѣ, по своему обычаю, начали мучить и жечь огнемъ крестьянъ: послѣдніе бѣжали и принесли вѣсти о движеніи воровъ. Другіе шли черезъ Вологодскій уѣздъ, на соединеніе съ своею братіею въ Пошехоньѣ. Въ Городецкомъ уѣздѣ, при селѣ Бѣлыхъ, угличане разбили на-голову ихъ отрядъ. Сзади тѣхъ, которые были въ Пошехоньѣ, собирались еще шайки въ Череповцѣ. Воры дѣлали себѣ струги, хотѣли опуститься по Шекснѣ, потомъ плыть внизъ по Волгѣ до Астрахани *); между тѣмъ отдѣльными шайками дѣлали на окрестности набѣги. 9 мая, напали на Любимъ **); другія около того же времени опустошили уѣзды Романовскій и Ярославскій. Дошли объ этомъ вѣсти до Одоевскаго, и онъ сдѣлалъ распоряженіе — отрядить и поставить на разныхъ мѣстахъ по берегу Волги караулы, чтобы не пропускать воровскихъ шаекъ. Эти караулы, изъ отрядовъ стрѣльцовъ, по нѣскольку сотъ, поставлены были на Ирыховомъ островѣ, за десять верстъ отъ Свіяжска на устьѣ Казанки, на Услонѣ, въ Тетюшахъ и на рѣкѣ Усѣ. Эти караулы прекратили всякое торговое и промышленное сообщеніе, и по письмамъ самарскаго воеводы Димитрія Петровича Пожарскаго къ Одоевскому выходило, что прежде, чѣмъ явятся тѣ воры, которыхъ боятся, самарскіе жители, получавшіе съѣстное съ верху, могли помереть съ голода ***). Въ половинѣ мая, самъ Одоевскій спустился и сталъ въ Самарѣ. Къ счастію, всѣ эти предостереженія оказались лишними противъ Заруцкаго.

На вербной недѣлѣ къ Заруцкому въ Астрахань пришли на помощь пять сотъ шестьдесятъ воровскихъ волжскихъ

*) А. И. III, 14.

**) Ibid 15.

***) А. И. III, 421. Ibid. 426. — Ненапечатанные акты о Заруцкомъ, хранящіеся въ Арх. Коммиссіи.

казаковъ изъ станицъ. Тогда между астраханцами распространился слухъ, будто Заруцкій, въ совѣтѣ съ новыми и прежними своими соумышленниками, хочетъ семь сотъ астраханцевъ послать на море, какъ будто для охраненія персидскихъ бусъ, а триста человѣкъ въ Карабузу, и затѣмъ всѣхъ остальныхъ астраханцевъ побить во время заутреня свѣтлаго воскресенья, чтобы овладѣть ихъ имуществами. Непріязненныя отношенія, возникшія уже давно передъ тѣмъ между Заруцкимъ и астраханцами, придавала этому вѣроятіе. Въ среду на страстной недѣлѣ астраханцы, предупреждая ожидаемую опасность, поднялись сами на Заруцкаго; началась драка. Заруцкій съ пришедшими казаками и прежними товарищами заперся въ Каменномъ городѣ; ихъ было у него до восьми сотъ. Астраханцы укрѣпились въ острогъ; ихъ было тысячъ до трехъ *).Юртовскіе татары, какъ только узнали, что астраханцы отпали отъ воровства, да къ тому же услыхали, что съ верху подъ Астрахань идетъ царская рать, и сами отпали отъ Заруцкаго и изрубили присланныхъ имъ трехъ человѣкъ. Изъ Астрахани, въ первый день усобицы, убѣжалъ стрѣлецъ Никита Коробинъ съ восемнадцатью товарищами въ Самару, и далъ знать Одоевскому. Воевода тотчасъ отправилъ подъ Астрахань на судахъ отрядъ стрѣльцовъ, приказавъ имъ идти днемъ и ночью, а самъ намѣревался выступить за ними **).Но пока они поспѣли, узнали въ Теркѣ о томъ, что происходитъ въ Астрахани. Теркъ присталъ-было къ ворамъ; но когда Заруцкій потребовалъ къ себѣ тамошняго воеводу Петра Головина, вѣроятно, не хотѣвшаго пристать къ ворамъ, жители Терка не дали его и отвѣчали: «Развѣ съ Головинымъ хотите сдѣлать то, что уже сдѣлали съ

---

*) А. И, III, 436.
**) А. И. III, 431. 433.

Хворостининымъ? Не быть намъ съ вами въ воровскомъ совѣтѣ. Не отстать намъ отъ московскихъ чудотворцевъ *)!» Головинъ, вслѣдъ за тѣмъ, услышавши о возстаніи въ Астрахани и о сборѣ противъ Заруцкаго московской рати съ верху, отправилъ на помощь астраханцамъ отрядъ стрѣльцовъ подъ начальствомъ Василія Хохлова. Заруцкій, узнавъ объ этомъ, сообразилъ, что онъ неизбѣжно пропалъ, если со всѣхъ сторонъ на него придетъ рать, и, собравши своихъ воровъ, прежде прибытія Хохлова, 12-го мая, въ ночь съ четверга на пятницу, прорвался изъ Каменнаго города, сѣлъ на струги и убѣжалъ вверхъ изъ Астрахани на Балду: внизъ ему бѣжать было трудно, чтобы не встрѣтиться съ Хохловымъ. На другой день, 13 числа, Хохловъ прибылъ въ Астрахань. Тотчасъ въ соборной церкви отслужили благодарственное молебствіе, звонили на радости въ колокола, цѣловали крестъ царю Михаилу. Заруцкій рано въ субботу вознамѣрился проскользнуть на стругахъ мимо Астрахани и убѣжать на море, но астраханцы увидали; Хохловъ съ своими стрѣльцами и астраханцами бросился къ стругамъ, и противъ Астрахани на Волгѣ началась битва. Многіе изъ воровскихъ казаковъ причаливали къ берегу, разбѣгались или прятались въ камышахъ, многіе въ торопяхъ попадали въ воду и топились. Взяли въ плѣнъ нѣсколько атамановъ и казаковъ, взяли также польку Варвару Казановскую, подругу Марины **). Но Заруцкаго и Марины не успѣли схватить. Они съ немногими стругами убѣжали впередъ. Вѣроятно, они воспользовались извилистыми руслами Волги, и стрѣльцы не могли скоро отгадать, куда они уѣхали, а разбиваться на мелкіе отряды было опасно.

Въ концѣ мая, прибыли въ Астрахань посланные Одоев-

---

*) А. И. III, 421.
**) А. И. III, 441.

скимъ стрѣльцы: за медленность они получили выговоръ; ибо, вмѣсто того, чтобы спѣшить, они на Саратовскомъ городищѣ искали какихъ-то поклажъ *)

Засимъ вскорѣ прибылъ, 1 іюля, въ Астрахань и Одоевскій съ своими товарищами. Хохловъ, по его приказанію, приготовилъ ему церемоніальную встрѣчу. Часть служилыхъ людей встрѣчала его верстъ за двадцать отъ Астрахани; другіе должны были стоять съ оружіемъ на берегу Волги. Одоевскій въѣхалъ въ городъ съ иконою казанской Богородицы. Духовенство должно было въ облаченіи встрѣтить его у соборной церкви, и весь астраханскій народъ, мужчины и женщины, даже со ссущими младенцы, должны были встрѣчать его. Хохловъ очистилъ для него съ товарищами дворы. Одоевскій вступалъ какъ побѣдитель, хотя не онъ прогналъ Заруцкаго; впрочемъ, безъ сомнѣнія, страхъ его прибытія много помогъ бѣгству Заруцкаго **).

Долго не знали, гдѣ Заруцкій и что съ нимъ. Но 29 мая, еще до прихода Одоевскаго, явился къ Хохлову стрѣлецъ Григорій Елизарьевъ съ рыбнаго учуга Колуберей. Онъ разсказалъ: «Переѣзжалъ я черезъ притоку Теребердѣеву и мой весельщикъ увидалъ: плывутъ лодки; я сталъ въ камышахъ и вижу: гребутъ два струга, а меня не видятъ. Я сталъ спускаться внизъ, для того, что верхъ нельзя было плыть, чтобы на нихъ не наткнуться, и слышу большой шумъ, и увидѣлъ я изъ камышей: плыветъ Ивашка Заруцкій съ Мариною и съ ними воры-казаки и дворяне, и поплыли по притоку Арычану» ***). По этимъ вѣстямъ, Хохловъ отправилъ погоню для розыска слѣдовъ Заруцкаго и Марины. Думая, что воры ушли на открытое море, ихъ стерегли на Терекѣ, но они на морѣ не объявились, и

*) А. И. III, 441.
**) А. И. III, 18. 445,
***) А. И. III, 15.—А. И. III, 447.

объ этомъ извѣстилъ Одоевскій, отправивши Хохлова съ вѣстью въ Москву. Узнали или догадались, что Заруцкій и Марина отправились на Яикъ. 7-го іюня, Одоевскій выслалъ отрядъ подъ начальствомъ стрѣлецкихъ головъ Гордѣя Пальчикова и Севастьяна Онучина на Яикъ, разсматривать станы и соймы, куда пошли воры и гдѣ ихъ найдутъ, промышлять надъ ними [1]). Пальчиковъ и Онучинъ прибыли на Яикъ 11-го іюня и напали на слѣды мѣста, гдѣ стояли воры [2]). Плывя вверхъ, черезъ два дня, 13 іюня, они напали на другой слѣдъ на Баксаковомъ верховьѣ; было видно, гдѣ воры останавливались, разводили огни, ловили рыбу, стрѣляли звѣря. На другой день снова напали на станъ и нашли тамъ драное воровское письмо [3]). По этимъ примѣтамъ отрядъ подымался все выше и выше по Яику, мало тогда извѣстному русскимъ, кромѣ казаковъ. Ихъ вели вожи. Такъ они плыли между лѣсистыми берегами Яика до 24 іюня, и въ этотъ день нашли воровской таборъ на Медвѣжьемъ острову. Воры сдѣлали острогъ. Пойманные около Астрахани ногайцы объяснили, что казаки стали на Медвѣжьемъ острову, съ тѣмъ, чтобы оттуда, промысливши лошадей, переволочься на Самару. Было воровъ человѣкъ до шести сотъ; многіе изъ нихъ были ранены. Всѣмъ заправлялъ атаманъ Треня Усъ съ товарищами. Заруцкому и Маринѣ ни въ чемъ не было воли [4]). Даже сына Марины держалъ у себя Усъ. По этимъ вѣстямъ Одоевскій отправилъ на подмогу на Яикъ еще одинъ отрядъ.

Стрѣльцы осадили воровъ: казаки никакъ не ожидали гостей, не приготовились ихъ встрѣтить, и, увидя себѣ

1) А. И. III, 448.
2) А. И. III, 32.
3) А. И. III, 23.
4) А. И. III, 24—26.

тѣсноту, на другой же день связали Заруцкаго и Маринку съ сыномъ и какимъ-то чернецомъ Николаемъ, отдали ихъ стрѣлецкимъ головамъ, а сами объявили, что бьютъ челомъ и цѣлуютъ крестъ царю Михаилу Өедоровичу *). Взяли также захваченныхъ Заруцкимъ и находившихся у него въ аманатахъ дѣтей ногайскаго князя Иштерека и мурзу Джанъ-Арслана. Только атаманы, Тренка Усъ да Верзига, ушли какъ-то и нѣсколько времени занимались разбоями, но уже не во имя воровскихъ властей!

6 іюля, плѣнниковъ привезли въ Астрахань. Казаки, бывшіе въ воровскомъ дѣлѣ, цѣловали крестъ. Держать Заруцкаго и Марину оказалось опаснымъ въ Астрахани, чтобы не произошло смуты. 13 іюля, Одоевскій отправилъ ихъ въ Казань. Заруцкаго провожалъ стрѣлецкій голова Баимъ Голчинъ. Съ нимъ для береженья было сто тридцать стрѣльцовъ и сто астраханцевъ. Маринку съ сыномъ провожалъ другой стрѣлецкій голова, Михайло Соловцовъ: съ нимъ было пятьсотъ человѣкъ стрѣльцовъ самарскихъ. Въ наказѣ, данномъ имъ, было сказано такъ:

«Михаилу и Баиму везти Марину съ сыномъ и Ивашка Заруцкаго съ великимъ береженьемъ, скованныхъ, и станомъ ставиться осторожливо, чтобы на нихъ воровскіе люди безвѣстно не пришли. А будетъ на нихъ прійдутъ откуда воровскіе люди, а имъ будетъ они въ силу, и Михаилу и Баиму—Марину съ в........ и Ивашка Заруцкаго побити до смерти, чтобъ ихъ воры живыхъ не отбили **).»

Въ такомъ видѣ ихъ привезли въ Казань, а оттуда, по царскому указу, въ такомъ, конечно, видѣ, прибыла Марина и въ ту самую Москву, куда съ такимъ великолѣпіемъ въѣзжала когда-то въ первый разъ въ жизни, надѣясь тамъ царствовать и принимать поклоненія.

---

*) А. И. III, 32.
**) А. И. III, 31.

Скоро послѣ того, за Серпуховскими воротами народъ видѣлъ послѣднюю сцену своей многолѣтней трагедіи.

Заруцкаго посадили на колъ.

Четырехлѣтняго сына Марины повѣсили.

Разомъ въ то же время повѣсили и Ѳедьку Андронова. Неизвѣстно, зачѣмъ такъ долго держали его въ живыхъ.

О судьбѣ Марины говорятъ различно. Польскіе историки утверждаютъ, что ее умертвили. Русскіе, напротивъ, сообщали полякамъ, при размѣнѣ плѣнныхъ, что Маринка умерла въ Москвѣ въ тюрьмѣ отъ болѣзни и съ тоски по своей волѣ. «Намъ и надобно было, чтобъ она была жива, для обличенія неправдъ вашихъ» — говорилъ полякамъ, въ концѣ 1614 г., Желябужскій.

Послѣ расправы съ Заруцкимъ, еще нѣсколько времени продолжали свирѣпствовать черкасы по разнымъ концамъ государства. Въ числѣ ихъ атамановъ былъ нѣкто Захаръ Заруцкій, можетъ быть, братъ или родственникъ Ивана [1]). Его разбилъ и уничтожилъ бояринъ Лыковъ подъ Балахною, 4 января 1615 г. [2]). Черкасы, по извѣстію царской граматы [3]), церкви Божія обдирали и православныхъ мучили разными муками, «какихъ по ся мѣсто во всѣхъ земляхъ не бывало мукъ». Они — говоритъ лѣтопись— [4]) людей кололи на дрова, въ ротъ насыпали пороху и зажигали, женщинамъ прорѣзывали груди, продѣвали веревки и вѣшали, инымъ насыпали снизу пороху и зажигали. Изъ атамановъ прославился противъ другихъ звѣрствомъ какой-то по прозвищу Баловень. Долго возились съ нимъ, а равно и съ Лисовскимъ, который совался по всей московской Руси, преслѣдуемый воеводами, пока, наконецъ, въ Сѣверской землѣ не сломилъ себѣ головы въ день, посвя-

---

1) А. И. III, 93.
2) Арх. Мин. ин. дѣлъ. Дѣл. Польск. № 30.
3) Ibid. 25.
4) Никон. 214.

щенный памяти св. Сергія, въ знаменіе кары за троицкую осаду, какъ говорили современники.

Неурядицы продолжались и послѣ, въ царствованіе Михаила Θедоровича, какъ послѣдствіе «смутнаго времени»; но эти неурядицы уже не имѣли тѣхъ опредѣленныхъ стремленій — ниспровергнуть порядокъ государства и поднять съ этою цѣлью знамя какихъ-нибудь воровскихъ царей; а таковъ именно былъ, въ началѣ XVII вѣка, характеръ самой эпохи смутнаго времени, не представляющей ничего себѣ подобнаго въ такихъ же эпохахъ, какія случались и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Чаще всего, за потрясеніями этого рода слѣдовали важныя измѣненія въ политическомъ, общественномъ и нравственномъ строѣ той страны, которая ихъ испытала—наша смутная эпоха ничего не измѣнила, ничего не внесла новаго въ государственный механизмъ, въ строй понятій, въ бытъ общественной жизни, въ нравы и стремленія, ничего такого, что, истекая изъ ея явленій, двинуло бы теченіе русской жизни на новый путь, въ благопріятномъ или неблагопріятномъ для нея смыслѣ. Страшная встряска перебуровала все вверхъ дномъ, нанесла народу несчетныя бѣдствія; не такъ скоро можно было поправиться послѣ того Руси,—и до сихъ поръ, послѣ четверти тысячелѣтія, не читающій своихъ лѣтописей народъ говоритъ, что «давно-де было литейное раззоренье — Литва находила на Русь и такая бѣда была наслана, что малость людей въ живыхъ осталась, и то отъ того, что Господь на Литву слѣпоту наводилъ». Но въ строѣ жизни нашей нѣтъ слѣдовъ этой страшной кары божіей. Если въ Руси XVII вѣка, во время, послѣдующее за смутной эпохой, мы замѣчаемъ различія отъ Руси XVI вѣка, то эти различія произошли не изъ событій этой эпохи, а явились вслѣдствіе причинъ, существовавшихъ до нея, или

возникшихъ послѣ нея. Русская исторія, вообще, идетъ чрезвычайно послѣдовательно: но ея разумный ходъ какъ будто перескакиваетъ черезъ смутное время и далѣе продолжаетъ свое теченіе тѣмъ же путемъ, тѣмъ же способомъ, съ тѣми же пріемами, какъ прежде. Въ тяжелый періодъ смуты были явленія новыя и чуждыя порядку вещей, господствовавшему въ предшествовавшемъ періодѣ; однако, они не повторялись впослѣдствіи, и то, что, казалось, въ это время сѣялось, не возрастало послѣ. Такъ, напримѣръ: мы видимъ два избранія государей съ условіями, ограничивающими самодержавную власть — избраніе В. Шуйскаго и Владислава, — но послѣ смутнаго времени не было ничего подобнаго, и самодержавіе стало столь же крѣпко, какъ прежде. Самъ Михаилъ Ѳедоровичъ выбранъ былъ безъ всякихъ ограниченій власти; противное свидѣтельство русскаго эмигранта XVII вѣка, Котошихина, не подтверждается еще ничѣмъ положительнымъ; да еслибъ было что нибудь въ этомъ родѣ для насъ неизвѣстное, все-таки, впослѣдствіи, мы видимъ полное самодержавіе въ Россіи на тѣхъ же началахъ, которыя стали развиваться гораздо ранѣе смутной эпохи. Нѣкоторые признаки участія выборныхъ, какъ будто признаваемаго нужнымъ для государственныхъ и земскихъ дѣлъ, въ первые годы царствованія Михаила были слѣдствіями еще не установившагося порядка, молодости и неопытности государя, а никакъ не признакомъ сознательнаго права. Съ возвращеніемъ Филарета все уже пошло неуклонно полнымъ самодержавнымъ путемъ. Въ смутное время обстоятельства выдвинули на историческую сцену земскій соборъ; это собраніе возъимѣло тогда значеніе верховной власти; оно управляло дѣлами всей Руси, налагало поборы, жаловало землями, назначало начальниковъ, вооружало страну, считало себя вправѣ вести войну, заключать союзы и избирать царя. И послѣ смут-

наго времени мы встрѣчаемъ нѣсколько соборовъ: но ихъ нельзя считать послѣдствіемъ тѣхъ, какіе были въ смутное время. Такія собранія существовали и въ XVI вѣкѣ до смутъ; и тогда, какъ въ XVII вѣкѣ при Романовыхъ, они отнюдь не имѣли верховной власти, собирались по волѣ царей не въ опредѣленное время, а когда царямъ угодно, или въ междуцарствіе (какъ было предъ избраніемъ Бориса); ихъ легко было не собирать и вычеркнуть изъ русской жизни, какъ и сдѣлалось, когда самодержавіе не признало ихъ умѣстными; тогда мы не встрѣчаемъ никакого заявленія со стороны народа о ихъ необходимости; слѣдовательно, въ народѣ, послѣ смутнаго времени, отнюдь не образовалось понятія о томъ, чтобъ царская власть была раздѣлена или съ волею земскаго собора, или съ волею бояръ: примѣры смутнаго времени прошли безслѣдно. Въ смутное время показывается стремленіе князей и бояръ возвратить свое родовое независимое положеніе, подчиненное служебному московскому началу; но послѣ смутнаго времени, еще болѣе чѣмъ прежде, они были слугами единовластія, и родовыя ихъ преимущества больше, чѣмъ прежде, зависѣли отъ службы. Ѳедоръ и Петръ вели дѣло Ивановъ, а не смутнаго времени. Въ смутное время, народная громада искала освобожденія отъ тягла, закрѣпощенія и вообще отъ всякой неволи; но, по миновеніи бурь, она не только не пріобрѣла никакихъ льготъ, а подверглась вообще бо́льшимъ тягостямъ, прогрессивно по отношенію къ прежнимъ временамъ. Народная громада завершила дѣло спасенія Руси; когда сильные земли русской склонялись предъ внѣшнею силою, искали у нея милостей или упадали духомъ и смирялись,—народная громада, почуявши и увѣрившись, что ей будетъ худо подъ иноземцами, одушевленная именемъ угрожаемой вѣры, не покорилась судьбѣ и показала исторіи, что въ ней-то именно и хранится живущая сила Руси, что въ этой Ру-

ся есть душа, народное сердце, народный смыслъ. Но и эта громада, послѣ того, погрузилась въ безгласіе и ничтожество глубже, чѣмъ была до переворота. Только казачество послѣ того развилось и усилилось; но скоро, оттѣсненное къ окраинамъ государства, гдѣ оно существовало и до смутъ, казачество продолжало, по прежнему, впитывать въ себя все, что было недовольнаго текущимъ порядкомъ государственной жизни и заявляло свое противоборство не стремленіемъ къ достиженію какихъ нибудь правъ народу, не сознательными требованіями положительныхъ измѣненій въ общественномъ строѣ, а неопредѣленною и неосмысленною враждою ко всему, что могло тяготѣть надъ русскимъ человѣкомъ во имя государственнаго долга и обязанностей; а потому казачество не развило въ себѣ никакого идеала гражданскаго общества, ограничиваясь черезчуръ общимъ, первоначальнымъ и неяснымъ чутьемъ равности и свободы; казачество Стеньки Разина, хотѣвшаго, чтобъ на Руси не было ни бояръ, ни воеводъ, ни приказныхъ людей, ни дѣлопроизводства, и чтобъ всякъ всякому былъ равенъ, не подвинулось въ своихъ понятіяхъ далеко отъ временъ Болотникова. Шумны и кровавы были его вспышки, тряски удары, которые оно наносило иногда государству; но, въ заключеніе, оно всегда, по причинамъ собственнаго нравственнаго безсилія, отдавалось на произволъ государственной власти. До извѣстной степени важное въ значеніи оплота окраинъ, казачество, при всякомъ своемъ самодѣятельномъ движеніи къ государству, оказывалось неразумно и потому мѣшало успѣху развитія русской общественной жизни; а въ той степени, въ какой развило его смутное время, и казачество прошло безслѣдно для будущаго. Замѣтимъ, наконецъ, что въ смутное время Русь болѣе, чѣмъ когда нибудь прежде, столкнулась съ западною Европою, по близкимъ соотношеніямъ съ поляками и шведами; но

тутъ также не послѣдовало для нея въ будущемъ ничего важнаго. Послѣ смутнаго времени, сношенія съ иноземцами шли такимъ же путемъ, какъ и прежде, подвергаясь измѣненіямъ, зависѣвшимъ отъ иныхъ обстоятельствъ, а не отъ посѣщенія Руси поляками и шведами. Русскіе отъ разноплеменныхъ ратей Рожинскаго, Жолкѣвскаго и Делагарди ничего не переняли, не усвоили, да и не развратились отъ ихъ вліянія на грядущія времена. Эпоха Петра Великаго не имѣетъ источника въ разореніяхъ, нанесенныхъ русской землѣ этими врагами, и ужъ, конечно, преобразователь Россіи въ своихъ предпріятіяхъ не бралъ себѣ за образецъ попытокъ Димитрія, какъ бы съ перваго взгляда ни представлялись наружно схожими виды того и другаго. Западное вліяніе подготовляло Россію къ будущему перевороту исподволь, путемъ дипломатическихъ сношеній, торговли, призыва иностранцевъ на службу; эпоха смутъ, когда западные иноземцы выказали себя столь враждебно къ русскимъ, менѣе всего была благопріятнымъ временемъ для плодотворности этого вліянія. Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ разныя стороны русской жизни, мы приходимъ къ заключенію, что смутная эпоха не произвела кореннаго переворота во внутреннемъ мірѣ исторической жизни русскаго народа и Русской земли. Кромѣ временныхъ ранъ, конечно, очень чувствительныхъ, но все-таки временныхъ, она не нанесла Московскому государству и такого роковаго удара, который повелъ бы его къ упадку. Опрокинутая внезапнымъ толчкомъ, московская Русь встала и пошла по прежней дорогѣ. Многознаменательныя явленія, ожидавшія ее впереди, расширеніе ея предѣловъ, дальнѣйшее внутреннее сплоченіе, и самое важнѣйшее—ея умственное, общественное и политическое движеніе по европейскому пути, все это не истекаетъ изъ смутнаго времени: да и успѣхи Россіи въ этихъ отношеніяхъ замедлило оно

мало и не на долго. Территоріальныя потери, которыя понесло Московское государство, едва ли много значатъ для ея внутренней исторіи; отнятое поляками было возвращено черезъ полвѣка и опять по другимъ причинамъ, не вытекавшимъ непосредственно изъ смутнаго времени; отнятіе шведами балтійскаго прибрежья по Столбовскому договору произвело, повидимому, впослѣдствіи Сѣверную войну; но, присмотрѣвшись поближе, мы найдемъ, что, собственно, для внутренней русской жизни эта потеря не была очень важна; торговля русская уже и прежде избрала путь черезъ Архангельскъ, а выгодами, какія представляло Балтійское море, для заведенія флота и сношенія съ Европой, русскіе, и владѣя этимъ краемъ, пользовались мало; самая Сѣверная война едва ли была бы избѣгнута, еслибъ даже мѣсто нынѣшняго Петербурга оставалось при Петрѣ въ русскихъ рукахъ: все равно, движеніе Россіи къ Европѣ чрезъ этотъ путь непремѣнно встрѣтило бы сопротивленіе со стороны Швеціи и возникли бы недоумѣнія, какъ они много разъ уже возникали и прежде. Такимъ образомъ, и по отношенію къ Сѣверной войнѣ, то, что было непосредственнымъ послѣдствіемъ смутнаго времени для этой войны, послужило болѣе ближайшимъ поводомъ, чѣмъ дѣйствительною причиною.

Такая безслѣдность смутной эпохи для внутренняго строя московской Руси въ послѣдующія времена зависитъ отъ того, что причинъ появленія этого переворота слѣдуетъ искать не внутри, а внѣ Россіи. Едва ли, безъ натяжки, можно указать на что-нибудь такое, что бы условливало неизбѣжность смутъ и потрясеній въ началѣ XVII в. въ самомъ Московскомъ государствѣ: мы можемъ только указать на то, что способствовало въ немъ удобству нанесенія внѣшнихъ ударовъ и ихъ тягости, но не видимъ причинъ, чтобы въ немъ должна была произойти смута во вся-

комъ случаѣ, такъ или иначе повернулись бы обстоятельства. Источникъ этого потрясенія—на западѣ, а не въ Москвѣ. Источникъ этотъ восходитъ къ очень отдаленнымъ временамъ; онъ, прежде всего, въ папской власти, которая, съ самаго раздѣленія церквей, много вѣковъ стремилась подчинить отдѣлившуюся восточную церковь римско-католическому единству, и по этому пути шла неуклонно. Какъ на папскомъ престолѣ ни мѣнялись лица, а главная задача не измѣнялась: она была все одна и та же; одно и то же стремленіе то усиливалось, то ослабѣвало, смотря по обстоятельствамъ, но не прекращалось никогда. Но за то никогда обстоятельства не располагали римскій первосвященническій престолъ обратить дѣятельность свою на восточную церковь въ Россіи, какъ въ это время, когда въ его распоряженіи было превосходное войско іезуитовъ, производившихъ чудесные успѣхи въ Польшѣ; когда только-что передъ тѣмъ русская церковь въ земляхъ Рѣчи Посполитой въ лицѣ своихъ іерарховъ уже признала главенство папы и единство съ римскою церковью. Половина работы надъ русскою церковью казалась уже совершонною; какъ не желать, какъ не стремиться докончить ее! Было бы совершенно невозможно представить, чтобъ въ это именно время не было сильныхъ попытокъ присоединить и церковь Московскаго государства къ папѣ. Отъ этого-то, какъ мы видѣли, римскій дворъ такъ пристально слѣдилъ за московскими дѣлами, и римско-католическая пропаганда только и высматривала лазейку, чтобы войти туда. Какой бы путь ни представился—сколько-нибудь удобный—покушеніе дѣлалось неизбѣжнымъ и иначе не могло совершиться, какъ чрезъ посредство польской Рѣчи Посполитой, потому это была самая ближайшая къ Московскому государству католическая страна, гдѣ были готовые дѣятели и удобное мѣсто отправленія для дѣйствія и гдѣ, притомъ, уже по-

ложено начало дѣлу съ русскою церковью. Самое желанное, самое надежное для католичества положеніе дѣлъ было бы тогда, когда бы возможно было Польшѣ покорить Московское государство вовсе. Во вторыхъ, въ самой Польшѣ, какъ уже о томъ говорено, была историческая необходимость двигаться и распространяться на счетъ Руси и подчинять русскую стихію польской,—призваніе, усвоенное ею со времени соединенія съ Литвою. Мы знаемъ, какъ поляки передъ тѣмъ нѣсколько разъ пытались возложить вѣнецъ польскій на русскаго государя. Примѣръ Литвы долженъ былъ ободрять ихъ надеждою, что въ такомъ союзѣ господство останется опять за польскою національностью и католическою вѣрою. Попытка идти этимъ путемъ не удавалась; представилось соображеніе инаго рода—посадить на Московскомъ престолѣ такого государя, который былъ бы подручникомъ Польшѣ, или, что̀ еще лучше—просто присоединить Московское государство къ Рѣчи Посполитой—что̀ удастся! Виды Польши и стремленія, освященныя преданіями, какъ нельзя лучше сходились съ видами Рима. Вступивши уже на путь исключительнаго католичества, Польша могла надѣяться удержать за собой русскія земли прочно только съ распространеніемъ въ нихъ римско-католической вѣры: таково и было тогда господствовавшее понятіе. Понятно, что съ усиленіемъ католической ревности къ обращенію схизматиковъ въ лоно римско-католической церкви, у Сигизмунда и окружающей его партіи сдѣлалась ходячею мысль о наложеніи рукъ на Московію. Въ это-то время, когда и въ Римѣ и въ Польшѣ крѣпко думали о Московіи, явился названный Димитрій.

До сихъ поръ исторія не можетъ рѣшить, кто былъ этотъ загадочный человѣкъ. Есть въ немъ черты, которыя и теперь располагаютъ изслѣдователя склонится къ признанію его дѣйствительнымъ сыномъ Ивана Грознаго: его

постоянная смѣлая увѣренность, съ которою онъ высказывался, нигдѣ не измѣняя себѣ, съ самаго начала своего поприща до трагическаго конца; потомъ, признаніе матерью, прощеніе Шуйскаго, характеръ чуждый подозрителльности и до крайности довѣрчивый, несовмѣстимый съ званіемъ сознательнаго обманщика. Но съ другой стороны—допустивъ даже, что всѣ сказанія объ углицкомъ убійствѣ, противорѣчащія его спасенію, лживы, останется много такого, что мѣшаетъ исторической критикѣ окончательно признать это. Въ своей граматѣ, въ которой онъ извѣщаетъ о себѣ, онъ ограничивается общими словами; не описываются подробности о его спасеніи: это внушаетъ сильное подозрѣніе. Если мы и здѣсь допустимъ, что въ этой граматѣ, писанной еще при жизни Годуновыхъ, онъ могъ скрывать имена тѣхъ, которыхъ враги его могли погубить прежде, чѣмъ онъ достигнетъ престола; если мы предположимъ, что могли существовать другіе документы, гдѣ описывались эти подробности, но они были истреблены его врагами,—остается все-таки очень страннымъ и сомнительнымъ, чтобы тѣ, которые спасли маленькаго Димитрія, оставили его воспитываться у какого-то сына боярскаго (который даже не названъ), скитаться по монастырямъ и потомъ уйти въ Польшу и искать службы и хлѣба по панскимъ дворамъ. Тѣмъ, которые, такимъ образомъ, сохранили бы жизнь царственнаго отрока, прямая выгода была отвезти его въ какую угодно сосѣднюю землю, а ближе всего въ ту же Польшу, гдѣ Димитрій потомъ объявилъ о себѣ, и отдать на воспитаніе самому Сигизмунду, который, имѣя въ своихъ рукахъ такой важный залогъ, конечно наградилъ бы достойно спасителей. Наконецъ, еслибы допустить, что ихъ отъ этого поступка удерживалъ страхъ и опасеніе, чтобъ Сигизмундъ, по просьбѣ отъ имени Ѳеодора, не выдалъ его, почему же не объявили объ немъ

тогда, когда избирали Бориса и нѣсколько недѣль продолжалось междуцарствіе? Тогда стоило только заявить о Димитріѣ, и Борису, конечно, не видать бы вѣнца. Несообразность характера названнаго Димитрія съ званіемъ обманщика побудила С. М. Соловьева прибѣгнуть къ предположенію, что, не будучи Димитріемъ, онъ былъ обманутъ, а обманутый и самъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе, въ которомъ увѣрили его подготовившіе его бояре—враги Годуновыхъ. Это предположеніе имѣло бы за собою большое вѣроятіе, еслибы названному Димитрію внушили, что его спасли въ такихъ нѣжныхъ лѣтахъ, когда онъ самъ себя еще не помнилъ. Но изъ современныхъ свидѣтельствъ и, между прочимъ, изъ писемъ самого Сигизмунда видно, что онъ разсказывалъ, будто его спасли въ Угличѣ тогда, когда пришли убійцы его умертвить,—тогда, когда Димитрію было уже восемь лѣтъ; каждый изъ насъ помнитъ ясно себя въ такомъ возрастѣ при такихъ же дѣлахъ. Едва ли возможно кого-нибудь увѣрить, что онъ въ восемь лѣтъ былъ обставленъ такими обстоятельствами и лицами, какихъ онъ не помнитъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выбить изъ его памяти впечатлѣнія, которыя у него остаются отъ дѣтскихъ лѣтъ. Если названный Димитрій не былъ дѣйствительнымъ Димитріемъ и разсказывалъ то, чего съ нимъ не было, то, слѣдовательно, хорошо сознавалъ, что онъ не Димитрій.

Онъ никакъ не былъ монахъ Гришка Отрепьевъ, — личность, за которую ухватились съ перваго раза, когда необходимо было какъ можно скорѣе увѣрить народъ, что назвавшій себя въ Польшѣ Димитріемъ—не тотъ, за кого себя выдаетъ. Мы представили уже доводы, обличающіе несостоятельность признанія Гришкою Отрепьевымъ лица, царствовавшаго подъ именемъ Димитрія. Едва ли не самый вѣрнѣйшій доводъ есть то, что названный царь Димитрій,

по своему характеру, понятіямъ, воспитанію и пріемамъ, никакъ не могъ быть діаконъ Чудова монастыря. Послѣ его смерти, для удержанія себя на престолѣ, Шуйскому необходимо было, чтобы низверженный имъ царь объявленъ былъ предъ народомъ не Димитріемъ, а какимъ-нибудь инымъ лицомъ. Въ неизвѣстности оставить его личность нельзя было. И такимъ образомъ, признаніе названнаго Димитрія Гришкою Отрепьевымъ переходило изъ поколѣнія въ поколѣніе и усвоялось за предѣлами Московскаго государства. Но уже въ то время, когда правительство старалось распространять въ народѣ, что онъ былъ Гришка, ходили толки о томъ, что, хотя низверженный царь и не былъ настоящій Димитрій, однако не былъ и Отрепьевъ. Многіе знатные поляки (сообщается въ хроникѣ Буссова) говорили, что онъ долженъ быть побочный сынъ Стефана Баторія. У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ повѣрить это извѣстіе. Нѣкоторые заявляли мысль, что этотъ человѣкъ былъ заранѣе подготовленъ іезуитами. Но въ пользу этого предположенія нѣтъ никакихъ данныхъ, кромѣ обычно признаваемаго за іезуитами коварства, побуждающаго считать ихъ способными на подобную продѣлку: черты же личности, о которой идетъ дѣло, вовсе не говорятъ въ пользу такого предположенія: что іезуиты были очень довольны его появленіемъ и спѣшили имъ воспользоваться—это вѣрно, но это не даетъ повода признавать, что они же его и произвели. Также точно нѣтъ никакихъ данныхъ въ пользу того предположенія, чтобы онъ былъ подготовленъ въ Москвѣ противными Борису боярами. Намъ кажется, еслибъ такъ было, это не утаилось бы; продѣлка хотя бы удалась, а все-таки она не укрылась бы впослѣдствіи отъ исторіи: бояре московскіе не жили между собою такъ согласно, душа въ душу, чтобъ, устроивъ подобную затѣйливую крамолу, не выдать ся. Для появленія тогда Димитрія нѣтъ

нужды подозрѣвать заранѣе устроенную интригу. Слухъ, расходившійся при Борисѣ по Московскому государству о томъ, что Димитрій живъ, могъ быть вовсе не пущенъ съ разсчетомъ, могъ возникнуть такъ, какъ и въ наше время появлялись подобные слухи, напр., о томъ, что живъ императоръ Павелъ или великій князь Константинъ; такіе слухи на нашей памяти ходили въ народѣ, а за ними появлялись и самозванцы, только они исчезли безслѣдно для исторіи, потому-что дальнѣйшему ихъ успѣху не было благопріятствующихъ обстоятельствъ. Но во времена Бориса, царь, своими преслѣдованіями и стараніями открыть виновниковъ этого слуха, вооружилъ противъ себя народъ и тѣмъ способствовалъ успѣху того, кому суждено было оправдать этотъ слухъ. Мы уже говорили, что этотъ слухъ не могъ не проникнуть въ Украину, гдѣ вольница привыкла собираться подъ знаменами самозванцевъ; онъ долженъ былъ проникнуть и въ Польшу и въ Римъ, гдѣ слѣдили за всѣмъ, что дѣлается въ Москвѣ, и готовы были ухватиться за все, что только могло дать поводъ покуситься на независимость церкви и державы Московскаго государства. Прежде, чѣмъ названный Димитрій явился, тамъ уже должны были желать, чтобы случилось что нибудь въ такомъ родѣ. Всего правдоподобнѣе предположить, что тотъ, кто назвался именемъ Димитрія, былъ по происхожденію изъ сыновей одного изъ тѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые въ значительномъ количествѣ убѣгали, въ царствованіе Ивана Грознаго, во владѣнія Рѣчи Посполитой и получали тамъ помѣстья. На это предположеніе наводитъ характеръ его и пріемы, которые онъ оказывалъ. Онъ хорошо говорилъ по-русски и вообще его не признавали нерусскимъ, а между тѣмъ на немъ были глубокіе признаки не-русскаго воспитанія и польскихъ пріемовъ жизни, усвоенныхъ съ дѣтства и, такъ сказать, приросшихъ къ его есте-

ству въ такой степени, въ какой трудно было усвоить ихъ перебѣжчику изъ Московскаго государства. Когда онъ пріѣхалъ въ Москву и прикладывался къ иконамъ, благочестивые люди тогда уже замѣтили, что онъ дѣлаетъ это и знаменовался неистово, не такъ какъ слѣдовало бы. Русскій того времени не могъ сдѣлать такой ошибки; народные пріемы благочестія до-того сроднились съ его существомъ, что скорѣе выдали бы его, еслибъ онъ вздумалъ утаить ихъ, чѣмъ онъ измѣнилъ бы имъ. Въ поступкахъ названаго Димитрія въ Москвѣ видно недостаточное знакомство съ тѣмъ кругомъ, гдѣ онъ находился. А между тѣмъ, никто — и враги его и друзья не считали его поэтому за не-русскаго; такимъ только и могъ быть человѣкъ русскій по происхожденію, научившійся по-русски съ дѣтства отъ русскихъ, но живя въ чужой землѣ. Судя по его веселому и отважному нраву, самое принятіе на себя имени Димитрія было, вѣроятно, скорѣе дѣломъ минутнаго увлеченія, чѣмъ обдуманнаго плана. Пылкое юношеское воображеніе раздражено было носившимися слухами и толками и при удобномъ случаѣ увлекло его за границы благоразумія, а стоило только произнести слово, — и возврата уже не было. Полякамъ Димитрія нужно было. Очень можетъ быть, что сказаніе хроники Буссова о томъ, какимъ образомъ этотъ молодой человѣкъ впервые назвался Димитріемъ, вѣрнѣе всѣхъ другихъ. Человѣкъ нрава чрезвычайно живого и вспыльчиваго, получивъ оскорбленіе отъ Вишневецкаго, въ порывѣ негодованія и мести могъ сказать, что онъ Димитрій; онъ тотчасъ же былъ отомщенъ, когда легковѣрный князь, надѣлившій его пощечиною, сталъ просить у него прощенія и оказывать ему почести, подобающія царственной особѣ. Разъ назвавшись Димитріемъ, отступать было невозможно: сознаться въ обманѣ опасно; и притомъ было заманчиво и соблазнительно стать царевичемъ,

и онъ долженъ былъ играть принятую роль; такимъ путемъ можетъ объясниться, какимъ образомъ человѣкъ съ открытымъ, прямымъ, довѣрчивымъ, добродушнымъ характеромъ могъ быть сознательнымъ обманщикомъ. Впослѣдствіи, князь Адамъ Вишневецкій, чтобъ скрыть оскорбленіе, нанесенное имъ царевичу, могъ выдумать и сообщить королю и другимъ исторію о его болѣзни и признаніи передъ священникомъ. Впрочемъ, находя въ настоящее время это, по сказанію Буссова, предположеніе правдоподобнымъ, мы не считаемъ и не имѣемъ за нимъ несомнительныхъ доводовъ, и вопросъ о личности названаго царя Димитрія остается до сихъ поръ (а, можетъ быть, навсегда останется) неразрѣшимымъ; наличныя данныя недостаточны, и только какой нибудь случай, счастливая находка новаго свидѣтельства, неизвѣстнаго намъ, могутъ пролить неожиданно свѣтъ на то, что̀ должно пока представляться намъ тайной. Замѣчательно одно, что уже въ эпоху смутнаго времени въ Польшѣ, въ сенатѣ на сеймѣ, 1611 года, говорили, что «источникъ этого дѣла, изъ котораго потекли послѣдующіе ручьи, по правдѣ, заключается *въ тайныхъ умышленіяхъ*, старательно скрываемыхъ, и *не слѣдуетъ дѣлать извѣстнымъ* того, что̀ можетъ на будущее время предостеречь непріятеля» *). Въ Польшѣ, слѣдовательно, знали *что-то*, но держали въ тайнѣ; мы можемъ заключить изъ этого одно, что именно въ польскихъ источникахъ должно открыться когда нибудь неожиданное для объясненія тайны всего этого дѣла.

Остается несомнѣннымъ только то, что, сдѣлавшись царемъ Московскаго государства, Димитрій открылъ для этого государства дорогу къ потрясеніямъ и переворотамъ. Если бы легкомысленное обращеніе съ своею безопасностью

*) Рукоп. Библ. Красинск. В. I. 8.

и не погубило его такъ рано, — его смѣлыя предпріятія и затѣи, съ которыми онъ разомъ вооружилъ противъ себя и Турцію съ Крымомъ, и Швецію, и самого Сигизмунда съ его партіей въ Польшѣ, были не по силамъ тогдашней Россіи и вѣроятнѣе всего погубили бы его и потомъ надѣлали бы бѣды государству. Беззаконное убійство не избавило этого государства отъ потрясеній. Названный царь палъ, открывши за собою бездну. Выступили на свѣтъ таившіяся до времени побужденія; тогда казалось, что государство во многомъ еще не было достроено; московское единодержавіе еще не совсѣмъ успѣло истребить элементы прежняго строя удѣльновѣчевой Руси. Давно сдавленные единодержавствомъ, эти элементы уже ослабѣли; едва ли когда нибудь они могли проснуться и заиграть сами собою и, конечно, должны были совершенно растаять подъ давящей силой; но когда эта давящая сила пошатнулась, они еще разъ показались въ исторіи. И вотъ, мы видимъ, князья и бояре стали думать объ ограниченіи самодержавія боярскою думою. Видимъ — народная громада ищетъ вольности. Въ прошедшія времена, когда усиливалось единодержавіе и усложнялись формы государственнаго механизма, оппозиція противъ государства существовала въ народѣ, но только, по причинѣ слишкомъ большаго географическаго пространства, она выражалась бѣгствомъ, удаленіемъ отъ тягостей, которыя налагала на народъ государственная связь, а не дѣятельнымъ противодѣйствіемъ, не борьбою, гдѣ могли бы изъ ряда столкновеній и обоюдныхъ уступокъ вырабатываться такія государственныя основы, которыя соглашали бы сознательныя противорѣчивыя заявленія власти и народа. Русскій человѣкъ, когда чувствовалъ, что ему дурно, бѣжалъ на окраины — въ украинныя земли или въ казачество, и тамъ накоплялись и прозябали эти враждебныя государству стихіи. Теперь внѣшняя сила, ударившая

на государство, вызвала ихъ вмѣстѣ съ собою къ оппозиціи дѣятельной, вмѣсто страдательной. Недовольство тягостями, неизбѣжными съ государствомъ, таилось и въ тѣхъ, которые не бѣжали, а терпѣливо ихъ несли. Русскій народъ сталъ искать, желать и ожидать льготъ, а это, при неясныхъ тогдашнихъ понятіяхъ, значило вообще какъ можно меньше подчиняться государственному порядку. Народъ сталъ желать, если возможно, жить безъ государства. И кто ему обѣщаетъ больше льготъ, то есть, кто указываетъ ему надежду не чувствовать на себѣ тягости государства, тотъ (если только обѣщающій силенъ) — ему другъ и властитель. Когда порядокъ въ государствѣ не потрясенъ и есть крѣпкая власть, народъ не поддается такимъ льстивымъ обѣщаніямъ, потому что онъ не вѣритъ и боится; но въ такую эпоху, когда не стало единой сильной власти, — обѣщанія, чуть-чуть сопровождаемыя признаками силы, тотчасъ привлекаютъ толпу. И потому-то въ смутное время, пока народъ не испыталъ, что онъ обманывается, — кто ему льготъ ни обѣщаетъ, тотъ ему и царь. Жалобы современниковъ на всеобщее развращеніе и «малодушество» русскихъ—понятны, когда мы представимъ себѣ, что всѣ русскіе люди почувствовали разомъ надежду освободиться отъ разныхъ тягостей единодержавнаго государства, которыя у нихъ лежали на плечахъ: князья и бояре—отъ царской грозы и опалы; дворяне, дѣти боярскіе и вообще служилые—отъ маловознаграждаемыхъ службъ; народъ посадскій и крестьянскій—отъ тягла, поборовъ, посохъ, работъ, мытъ, кабалъ и вообще всякой неволи. И оттого начали русскіе люди перебѣгать то къ тушинскому Димитрію, то къ Шуйскому, а другіе толпились около иныхъ названныхъ царевичей—все ища себѣ льготы, то есть, безсознательно ища разрушенія государства. Чувства законности не могли ихъ сдерживать, когда не было такого, кто

законно могъ бы назваться царемъ. Сначала, какъ извѣстно, сторона Тушинскаго вора брала верхъ; народъ склонялся къ нему, но тутъ же народъ очень скоро ошибся въ разсчетѣ и надеждахъ; насилія и своевольства польскихъ и русскихъ ратныхъ бродягъ показались народу хуже всякихъ государственныхъ тягостей—и дѣло Шуйскаго поправлялось. Неспособность и ошибки Шуйскаго довели его до паденія и открыли дорогу полякамъ въ Москву. Князья, бояре и дворяне поспѣшили подъ знамя Владислава, потому-что увидали возможность пріобрѣсть льготы и права́ для себя. Народъ покорялся съ перваго раза съ недовѣрчивостью; онъ зналъ поляковъ уже и ненавидѣлъ ихъ: онъ готовъ былъ лучше стать подъ власть вора Димитрія, чѣмъ отдаваться полякамъ; извѣстно, что расположеніе, возникшее тогда въ московскомъ черномъ народѣ къ вору, побудило бояръ пригласить польское войско помѣститься въ Москвѣ. Народъ былъ правъ по-своему. Съ польскимъ вліяніемъ—высшимъ классамъ было бы хорошо; многіе (какъ видно по легкой присягѣ самому Сигизмунду) полагали, что для нихъ даже было бы лучше, еслибъ не Владиславъ сдѣлался царемъ, а самъ король польскій, и Московское государство присоединилось бы къ Польшѣ. Пользоваться правомъ и значеніемъ польскихъ пановъ въ своей землѣ было очень заманчиво для тѣхъ, которымъ всего дороже были личныя выгоды; но за-то народной громадѣ подъ польскимъ владычествомъ предстояло такое тягло, какого она еще и не испытывала; вѣдь и въ договорѣ съ Владиславомъ о народѣ мало заботились, а, напротивъ, закрѣпощеніе землевладѣльцамъ ставилось условіемъ. Украинныя земли, населенныя издавна бѣглецами отъ тягла, болѣе другихъ ненавидѣвшія государственныя тягости и неволю, первыя упорствовали противъ признанія Владислава. Казаки—тѣмъ болѣе. Поляки очень скоро привели

къ тому, что и вся земля русская на всѣхъ концахъ своихъ заговорила противъ нихъ въ одинъ голосъ.

Государство Московское какъ ни долго составлялось, но въ эти печальные годы стало показывать признаки разложенія; земли, имъ соединенныя, начинали проявлять сознаніе самобытности. Сѣверовостокъ Руси лѣниво и неохотно помогалъ спасенію Москвы. Украинные города и Сѣверская земля постоянно шли въ разрѣзъ съ столицей; инородцы на востокѣ волновались и хотѣли сбросить съ себя русскую власть. Въ Казани и Астрахани видиѣются попытки оторваться; Псковъ, съ своею землею, явно припомнилъ себѣ былую независимость, показывалъ мало участія къ общему дѣлу и вращался въ своей особой сферѣ. Новгородъ хотя заявлялъ о своей нераздѣльности съ Москвою, но уже считалъ себя государствомъ, имѣющимъ право заключать договоры и распоряжаться своею судьбою—связь его съ Москвою сама собой переходила изъ строго-государственной въ древнюю федеративную. Понятно, что еще при нѣсколькихъ годахъ разстройства, такое распаденіе пошло бы прогрессивно, и Русь скоро очутилась бы опять съ удѣльными землями.

Но въ Руси крѣпче государства была другая соединяющая связь — вѣра. Псковичъ, новгородецъ, русскій казанецъ, сибирякъ, казакъ,— всѣ чувствовали одинаково, что они—православные, всѣ люди одной русской вѣры, принадлежатъ одной церкви. Даже казаки малорусскіе, вообще чуждые Московскому государству, на этомъ вопросѣ чувствовали свое съ нимъ соединеніе и становились въ ряды его защитниковъ. Русскій народъ не былъ искусенъ въ религіозной догматикѣ; самые духовные, при тогдашнемъ малознаніи, были, большею частью, плохіе богословы; но за-то въ народѣ было безпредѣльное уваженіе къ внѣшнимъ признакамъ православнаго благочестія: храмы, св. мощи,

иконы, церковные обряды и уставы были для него предметами духовнаго утѣшенія, высочайшею надеждою и опорою въ жизни; въ житейскихъ бѣдахъ, не находя ни средствъ, ни способовъ избавиться, русскій человѣкъ видѣлъ единственную отраду въ упованіи будущей жизни, а къ ея достиженію вела церковь, — понятно, что народъ охранялъ въ ней то, что было дороже всего, что оставалось въ утѣшеніе тогда, когда все отнималось; понятно, поэтому, что чѣмъ угнетеннѣе его положеніе, тѣмъ онъ живѣе ощущаетъ важность церкви; тутъ всѣ одинаково чувствовали, одинаково мыслили и всѣ одинаково поднимались противъ поляковъ, когда убѣдились, что поляки, овладѣвъ Москвою, посягнутъ на эту святыню. Нельзя сказать, что̀ больше поднимало русскій народъ — страхъ ли польскихъ насилій надъ своими тѣлами и «животами», или страхъ за вѣру—и то и другое соединилось вмѣстѣ, тѣмъ болѣе, что тѣ, которые неуважали вѣры, по народному понятію, само собою не могли быть справедливы и милостивы къ православнымъ. Духовенство съ самаго начала болѣе другихъ званій стояло за старый государственный порядокъ. Во первыхъ—церковь всегда охранительна по своему принципу и всегда склоняется къ миру, а не къ переворотамъ, слѣдовательно—къ старинѣ, за которою—порядокъ, а не къ новизнамъ, неизбѣжнымъ съ безпорядками. Во вторыхъ, духовенство и для церкви, и для своего сословія не могло ничего хорошаго ждать отъ польскаго владычества: духовные слышали, что̀ дѣлалось съ православіемъ во владѣніяхъ Сигизмунда; они понимали и гласно вопіяли, что вся эта буря затѣмъ и поднялась на русскую землю, чтобы ввести латинство. Они понимали, что по Руси разсыпятся іезуиты и всевозможнѣйшихъ видовъ латинскіе монахи, и прежде всѣхъ подвергнется гоненіямъ—православное русское духовенство. Въ видахъ самосохра-

ненія, духовные прежде всего должны были стоять и возбуждать народъ противъ поляковъ.

Послѣ духовенства, за старый государственный строй стояли болѣе другихъ люди торговые и промышленные; для нихъ, поставившихъ себѣ цѣлію обогащеніе посредствомъ промысловъ и разсчета, естественно, прежде всего, необходимъ порядокъ и миръ. Ихъ можно соблазнить обѣщаніями льготъ тогда только, когда они видятъ какое-нибудь ручательство прочности: привыкши къ соображеніямъ, они дальновиднѣе другихъ; каковы бы ни были тягости, возлагаемыя на нихъ государственными властями — все же онѣ легче безпорядка въ странѣ, грабежей, разбоевъ, игры разнузданныхъ страстей. Правда, жившіе въ отдаленныхъ краяхъ, куда не достигали польскія шайки, лѣниво принимались за дѣло возстановленія государства, пока у нихъ были свои источники и пути обогащенія; но торговые города, которыхъ промыслы и операціи были въ органической связи съ Москвою и срединною Руси, какъ напр.: богатая Вологда, Ярославль, Нижній, прежде и живѣе чувствовали необходимость государственнаго порядка. Отъ этого и послѣднее возстаніе русскаго народа въ Нижнемъ, городѣ, гдѣ находилось тогда нѣсколько зажиточныхъ капиталистовъ и промышленниковъ, благоразумно сообразившихъ, что лучше пожертвовать всѣмъ достояніемъ, чтобы имѣть средства опять нажить потерянное, чѣмъ отдать его на разграбленіе иноземцамъ и разбойникамъ, и не видѣть послѣ того возможности вознаградить себя. Служилые люди и народъ скорѣе увлекались надеждами на новизну, чѣмъ купцы и зажиточные промышленники. Служилые надѣялись отъ новыхъ властей милостей и правъ, народъ — льготъ отъ тягла; и тѣхъ и другихъ соблазняла видимая возможность скоро пользоваться обѣщаннымъ, тогда какъ, напротивъ, торговый и промышленный чело-

вѣкъ не можетъ пользоваться самыми заманчивыми правами иначе, какъ съ теченіемъ времени, для котораго необходимъ порядокъ, а коль скоро онъ не видитъ гражданскаго порядка и безопасности, то не даетъ никакой цѣны надеждамъ, ожиданіямъ и предложеніямъ. Служилому даютъ жалованье и помѣстье; онъ пользуется жалованьемъ, ѣдетъ въ помѣстье и беретъ съ этого помѣстья, что взять возможно; его, такимъ образомъ, можно соблазнить скоростью полученія; онъ живетъ службою и, при несложности управленія хозяйствомъ, не привыкъ смотрѣть на будущія времена; живетъ — какъ Богъ посылаетъ. Крестьянина освобождаютъ отъ тягостей,—онъ доволенъ, потому-что не даетъ того, что иначе давалъ бы; онъ уже чувствуетъ пріобрѣтенія, его нужды несложны, плановъ впереди у него мало. Но купцу и промышленнику пусть дадутъ права, свободу отъ пошлинъ и поборовъ - все это для него ничего не значитъ; ему нужно благоустройство и спокойствіе въ краѣ, чтобы онъ могъ пользоваться дарованными правами. Эти обстоятельства, по нашему мнѣнію, были, между прочимъ, причиною того, что въ смутное время торговый и промышленный зажиточный классъ, послѣ духовенства, больше другихъ склонялся къ поддержанію старины и возстановленію расшатавшагося государства въ прежнемъ видѣ; онъ не могъ сочувствовать полякамъ, такъ какъ поляки его только грабили и производили въ краѣ безпорядокъ, а ему нуженъ былъ порядокъ и миръ. Служилые и черные становились во-едино за возстановленіе прежняго государства, когда увидѣли суетность всѣхъ надеждъ на милости, льготы и права.

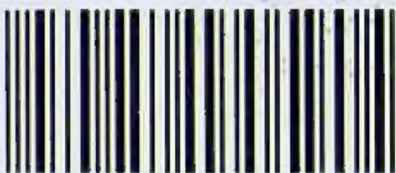
Безразсудство поляковъ также не мало помогло русскому дѣлу. Поляки сдѣлали все, чтобы раздражить, озлобить и довести до отчаянія русскій народъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все, чтобъ облегчить ему успѣхъ и побѣду надъ со-

бою. У нихъ, по отношенію къ московскому дѣлу, господствовало противорѣчіе побужденій, видовъ, соображеній, намѣреній, и они не знали, за что̀ имъ въ пору схватиться, куда обратиться, какъ поступить; считали легкимъ, что̀, въ самомъ дѣлѣ, было для нихъ трудно, и труднымъ, что̀ могло быть легко; король оставался подъ Смоленскомъ, когда ему слѣдовало идти въ Москву; Жолкѣвскій подъ Москвою уступалъ, когда надо было упорствовать; Сапѣга подъ Смоленскомъ упорствовалъ, когда уже надобно было уступать; поляки показывали свою грозу подъ Смоленскомъ, гдѣ слѣдовало дѣйствовать мирно; вступали въ мирныя сдѣлки съ шайкою врага, когда на нее надобно было дѣйствовать грозою; обманывали московскихъ людей, когда ихъ нельзя было обмануть; и не давали королю денегъ и войска для окончанія начатаго дѣла; но въ то же время позволяли они своимъ бродягамъ разорять Московское государство и тѣмъ возбуждать и усиливать противъ себя ненависть въ русскомъ народѣ; въ концѣ концовъ, они довели дѣло до того, что эти бродяги обратились въ свое отечество и начали терзать его также, какъ терзали передъ тѣмъ чужую землю, а упущенное изъ-подъ рукъ Московское государство, возвративши себѣ независимость, воспитало въ себѣ завѣтъ мщенія Польшѣ за смутное время. Если эта эпоха для Московскаго государства нанесла величайшія, но временныя и поправимыя бѣдствія, то для будущаго Польши она же оказалась съ важными и роковыми послѣдствіями. Вслѣдъ за освобожденіемъ Москвы отъ поляковъ нѣкоторые дальновидные паны, и въ томъ числѣ Ходкѣвичъ, понимали, что между Польшею и Москвою существуетъ такая историческая необходимость, что либо Москву—Польша, либо Польшу—Москва покорить должна; они предрекали, что коль скоро упущенное и этотъ разъ Московское государство оправится и окрѣпнетъ, то при-

помнитъ Польшѣ старые годы и совершитъ надъ Польшею то, чего Польша не успѣла совершить надъ Москвою. Поляки хотѣли было исправить дѣло, но уже поздно. Въ 1618 году, Владиславъ былъ подъ Москвою и отошелъ отъ нея; по Деулинскому договору Польша сдѣлала пріобрѣтеніе—удержала за собою Смоленскъ, часть Сѣверщины, но должна была признать царя Михаила на престолѣ того государства, которое было у нея уже въ рукахъ: для Польши была потеря, а не пріобрѣтеніе. Обѣ стороны чувствовали непрочность и неудовлетворительность положенія и заключали только перемиріе. Но съ этихъ поръ, въ борьбѣ Руси съ Польшею — дѣятельною, наступательною стороною дѣлается Русь, а страдательною Польша — не такъ, какъ было прежде. Московскому государству приходилось расширяться и рости, а Польшѣ терять и падать. Не прошло пятидесяти лѣтъ—какъ Польша, недавно чуть не покорившая московскую Русь, должна была бороться противъ попытокъ къ освобожденію той части Руси, которая уже давно была у ней во власти. Московское государство вмѣшивается въ эту борьбу — и Польша чуть не погибла: только неблагоразумію тогдашней московской политики она обязана была тѣмъ, что могла, послѣ испытаннаго потрясенія, влачить еще цѣлое столѣтіе съ небольшимъ болѣзненное существованіе, постепенно хирѣя и согнивая, пока не насталъ для нея неизбѣжный часъ разложенія. Московская война начала XVII вѣка была послѣднимъ фактомъ ея расширительнаго стремленія, и вмѣстѣ — послѣднимъ событіемъ, которое заключаетъ цвѣтущій періодъ польской исторіи и начинаетъ періодъ ея упадка. Конечно, причины этого упадка могутъ отыскаться во времена предшествовавшія смутной эпохѣ, — но съ этихъ поръ паденіе Польши стало выражаться послѣдовательнымъ рядомъ взаимозависимыхъ фактовъ. Такимъ образомъ, смутная эпоха Московскаго государства была событіемъ чрезвычайно бо-

гатымъ, по непосредственнымъ послѣдствіямъ, во вредъ Польшѣ. Никогда еще съ такою рѣзкостью и такъ не кстати не заявлена была боязнь усиленія королевской власти въ ущербъ шляхетской свободѣ; во всемъ разгулѣ разъигрывалась польская вольница: наша смутная эпоха была школою своевольства, несогласія, безначалія, политическаго неразумія, двоедушія, обмана, легкомыслія, распущенности, мелкаго эгоизма, не цѣнящаго общихъ нуждъ, — словомъ, всего того, что̀ впослѣдствіи впилось въ плоть и кровь польскаго общества и повело его къ разложенію.

Но то самое обстоятельство, что страшное потрясеніе, испытанное и тяжко прочувствованное государствомъ Московскимъ, оказало на него только временное вліяніе и осталось безъ важныхъ послѣдствій для его внутренняго организма, — очень знаменательно въ русской исторіи. Не смотря на множество разрушительныхъ элементовъ, которые всѣ вышли тогда съ самаго дна жизни, государства это заключало въ себѣ столько здоровыхъ и живительныхъ началъ существованія и дальнѣйшаго саморазвитія, что устояло противъ внѣшняго напора, удержалось на той самой степени развитія, до какой успѣло прежде того дойти, скоро оправилось отъ ударовъ и пошло, какъ ни въ чемъ не бывало, своею прежнею историческою дорогою, зарубивши, такъ сказать, себѣ на память былое для будущаго разсчета. Основной матеріалъ этого государства, не смотря на слабость связей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, оказался до того крѣпокъ, что Польша, наперши на него съ размаха, скорѣе сама больно зашиблась объ него своимъ, уже нездоровымъ тѣломъ, и усилила тѣмъ свою болѣзнь, но не одолѣла сломить его и раздробить; а потому смутное время останется чрезвычайно знаменательною эпохою въ русской исторіи, какъ свидѣтельство крѣпости внутренней жизни народа—важный задатокъ для ея будущаго.

2007042956